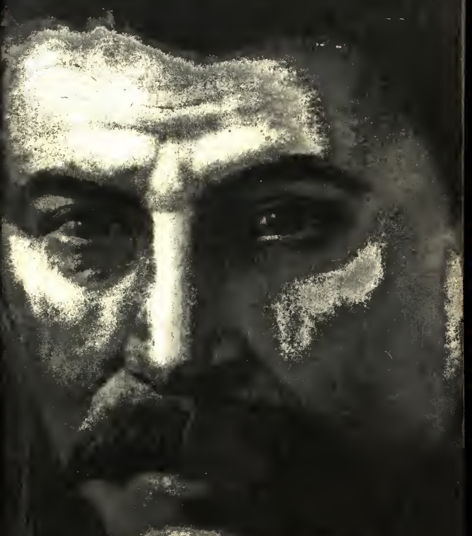
Дмитрий Волкогонов

триумф и трагедия

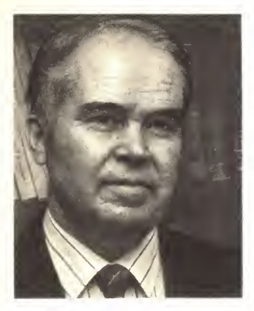
И.В.Сталин

политический портрет

книга I часть 1

триумф и трагедия

КНИГА
I
часть 1

Д. А. ВОЛКОГОНОВ родился в Забайкалье в 1928 г. Окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Доктор философских наук, профессор. Его перу принадлежат более 20 книг по вопросам философии, истории и политики, несколько сот научных и публицистических статей. Материалы для политического портрета И. В. Сталина автор собирал много лет. Но сама книга написана им менее чем за полтора года. Сейчас Д. А. Волкогонов работает над книгой о Л. Д. Троцком.

Дмитрий Волкогонов

Триумф и трагедия

Политический портрет

И.В. Сталина

В 2-х книгах

КНИГА I

часть 1

Издательство Агентства печати Новости
Москва, 1989

ББК 66.61(2)8
В67

Автор выражает сердечную признательность товарищам, оказавшим ему бескорыстную помощь в подготовке книги, особенно *Балашову А.П., Бобкову Ф.Д., Волкогоновой Г.А., Выродову И.Я., Ефимову Н.Н., Зуеву М.Н., Калининой И.П., Кораблеву Ю.И., Каптелову Б.И., Фокиной Н.Г., Чернобровкину Г.Г.*

Рецензент
доктор исторических наук, профессор
Ю.И. Кораблев

Заведующий редакцией *К.Г. Ликутов*
Редакторы *В.В. Григорьев, Е.Р.Кузнецова*
Художники *В.В. Анохин, В.И. Пантелеев*

Книга издана в авторской концепции

В книге использованы фотографии из Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР, Центрального музея революции СССР, Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина, архива АПН и Издательства АПН, личных архивов, фото А. Вологодского, Д. Дебабова, П. Симонова и Я. Халипа.

Фарисеи буржуазии любят изречение: de mortuis aut bene aut nihil (о мертвых либо молчать, либо говорить хорошее). Пролетариату нужна правда и о живых политических деятелях и о мертвых, ибо те, кто действительно заслуживает имя политического деятеля, не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть[1].

В.И. Ленин.

Вместо введения

Феномен Сталина

Сталин умирал. Лежа на полу столовой на даче в Кунцево, он уже не пытался встать, а лишь изредка поднимал левую руку, словно прося у людей помощи. Полуприкрытые веки вождя не могли скрыть отчаяния взгляда, обращенного к входной двери. Губы немого рта беззвучно и слабо шевелились. Уже прошло несколько часов после удара. Но никого рядом со Сталиным не было. Наконец обеспокоенные долгим отсутствием признаков жизни за окнами особняка в столовую несмело вошли его телохранители. Однако они не имели права немедленно вызвать врачей. Один из самых могущественных людей за всю человеческую историю не мог на это рассчитывать. Нужно было личное распоряжение Берии. Его долго ночью искали. Но тот посчитал, что Сталин просто крепко спит после плотного ночного ужина. Лишь через десять — двенадцать часов перепуганные медики были привезены к умирающему вождю.

Сам факт такой смерти глубоко символичен. Ирония судьбы оказалась жестокой. Агонизировавший уже несколько десятков часов вождь в нужную минуту не смог получить помощь. И это он, почти земной бог, способный несколькими словами переместить миллионы людей с одного края страны на другой! Бюрократический "порядок", созданный им, сделал и самого вождя своим заложником. Медленно угасавшее сознание Сталина еще могло оценить по достоинству степень косности существующей системы, которую он так долго создавал.

Невидимую черту, отделяющую бытие от небытия, можно перешагнуть только в одном направлении. Даже вожди вернуться обратно не в состоянии. Едва ли Сталин знал, что ему предстоит не только смерть физическая, но и смерть политическая. Его кончина казалась для современников глубокой трагедией. Они не думали тогда, что именно этот человек относился к гибели миллионов людей лишь как к казенной сфере закрытой статистики. После своей смерти Сталин оставил в наследство потомкам не просто долгое занятие — разбираться, что он создал, но и ожесточенные споры о "загадке" его судьбы. Даже часть ленинской фразы, приведенной автором в качестве эпиграфа к введению: "кто действительно заслуживает имя политического деятеля", многие считают неприменимой к Сталину. Смерть не стала его оправданием. Все свершения, деяния и преступления Сталина отданы на суд истории. Мифы рушатся. Но окончательно их развеять можно только правдой.

Все о себе знал только он сам. Сталин не любил полутонов: или белое, или черное. Несомненно, он заботился о том, чтобы в его биографии для потомков господствовали светлые тона. Не знаю, подозревал ли Сталин о существовании в Древнем Риме "Закона об осуждении памяти", согласно которому все, что не устраивало очередного императора, предписывалось предавать забвению. Однако этот закон, мы знаем, лишь подчеркнул тщетность попыток регламентировать человеческую память. Она, память, живет (или умирает) совсем по другим, своим законам. История "делается" всегда сразу, набело. Черновиков у нее не бывает. Прожитое, былое, минувшее можно "прокрутить" назад, как киноленту, только в сознании, мысленно. Это Сталин понимал, поэтому очень заботился о том, чтобы в этой "хронике" не было ненужных кадров. Люди знали о нем лишь то, что хотел он сам.

К сожалению, многие детали, факты, явления с течением времени становятся безвозвратно утраченными. А забвение — это пропасть истории. Вдумайтесь: на земле до нас жили 70—80 миллиардов людей. При всем желании в памяти человечества невозможно восстановить даже имена (не судьбы!) большей части этих призрачных миллиардов теней. Пропасть истории бездонна. Однако сквозь ячеи гигантской сети памяти, натянутой над бездной забвения, "проваливаются" не все. Такие люди, как Сталин, независимо от характера отношения к нему ныне живущих, имеют шанс остаться в анналах цивилизации, покуда она будет существовать. В этом смысле время — лучший биограф. Оно всегда дает оценку более однозначно.

Сейчас, в 80-е годы, когда проснулся невиданный интерес к подлинным страницам отечественной истории, общество оказалось буквально расколотым по вопросу оценки роли Сталина. Но если вдуматься, то не Сталин сейчас находится в фокусе исторического интереса. Просто Сталин символизирует все то, что уценено историей. В центре интереса — наши судьбы, наша боль, горестное недоумение: как могло появиться и существовать то, что мы называем сегодня сталинизмом. И если бы понадобилось выразить отношение людей к этой личности с помощью эпитафии, то, думаю, их было бы множество. На одном полюсе можно было бы выбить примерно такую: "Ошибки твои известны. Заслуги твои бесспорны". На диаметрально противоположном: "Преступлениям твоим нет прощения. Тяжек груз твоего "наследия". По мере высвечивания истиной сложнейшей диалектики прожитых лет, получения возможности без шор взглянуть в глаза прошлому, нынешняя "расколотость" общественного мнения будет постепенно исчезать. Нет, не в направлении формирования некоей "средней" позиции, а в русле максимального постижения истины. Истина не должна быть роскошью. Когда она станет нашей интеллектуальной сутью, то не останется места дуализму и во взглядах на феномен Сталина.

История многократно доказала, что попытки людей еще при жизни сооружать себе памятники бесплодны, эфемерны, призрачны. Право истории на то, в "каком свете" сохранить память о той или иной личности, — абсолютно. Еще Г.В. Плеханов в своей блестящей работе "К вопросу о роли личности в истории" убедительно показал диалектическую зависимость исторической оценки человека от его реального вклада в общественное развитие. Но из этого, конечно, не следует, что лишь исторические личности оставляют свои следы на пыльных ступенях пирамиды прогресса. История — не просто чередование эпох и времен. Это и бесконечная галерея исторических портретов людей, прошедших по земле. Не все они равноценны, равнозначны, но каждый из них занимает свое место. Правда, не всем и не всегда они видны для обозрения. Об этом особо следует сказать и потому, что на протяжении целых десятилетий наша отечественная история выглядела "обезлюдевшей", как полуночная улица. Многие исторические персонажи, события, факты, процессы как бы подпадали под действие древнего "Закона об осуждении памяти". Но такое умолчание рано или поздно напоминает о себе громким, а то и яростным криком.

Нас всех не может не радовать, что сейчас идет активный

процесс не только обновления настоящего, но и "реставрации", восстановления прошлого. И, пожалуй, интеллектуальным и эмоциональным эпицентром общественного интереса к прошлому стала фигура Сталина. В нашей исторической литературе, пожалуй, не было более противоречивой личности. И хвалы и хулы на долю Сталина выпало столько, что хватило бы на целый легион исторических деятелей.

"Путешествие" в будущее — трудно, зыбко. Путешествие в прошлое — не легче. Это всегда, как метко заметил Л. Фейербах, — "укол в сердце", тревожащий, волнующий. Всматриваясь в расплывающиеся образы прошлого, мы видим, что Сталин — одна из самых сложных личностей в истории. Такие люди, хотим мы того или нет, принадлежат не только прошлому, но и настоящему и будущему. Их судьба — вечная мировоззренческая "пища" для размышлений о бытии, времени и совести. Один из выводов, напрашивающихся уже в начале исследования о Сталине, заключается в том, что жизнь этого человека, как в фокусе, высвечивает сложнейшую диалектику своего времени. История не бывает без "зигзагов". Появление такого человека, как Сталин, во главе партии, а фактически и народа, стало именно таким трагическим "зигзагом", социальной "гримасой", подчеркнувшей незрелость рождавшегося общества.

Партия, потеряв Ленина в критический момент исторического выбора путей и методов социалистического строительства, попала в полосу ожесточенной междоусобной борьбы. "Ленинская гвардия" на каком-то этапе оказалась не на высоте, не разглядев в Сталине человека, опасного для партии, для еще неокрепшего народовластия. А это привело к тому, что диктатура пролетариата все больше оборачивалась не созидательной стороной, а карательной. Сегодня мы знаем, что Сталин не был бы тем Сталиным, портрет которого автор попытается написать, если бы он не использовал насилие как важнейший инструмент для достижения политических целей. Насилие фактически стало одним из решающих средств реализации социально-экономических планов и программ. Такой поворот в политическом курсе, начатый еще в конце 20-х годов и особенно рельефно проявившийся после XVII съезда партии, повлек за собой полосу горьких лет, когда только великий социальный заряд Октября, приверженность партии ленинизму не позволили народу усомниться в ценностях социализма и прекратить начатое Лениным беспрецедентное переустройство мира. Не случайно поэтому оценки личности Сталина претерпели карди-

нальные изменения по мере высвечивания истиной исторической правды. Приведу для начала две выдержки.

Вот пространная цитата из Приветствия ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР в связи с 70-летием со дня рождения Сталина (1949 г.). "Вместе с Лениным ты, товарищ Сталин, был вдохновителем и вождем Великой Октябрьской социалистической революции, основателем первого в мире Советского социалистического государства рабочих и крестьян. В годы гражданской войны и иностранной интервенции твой организаторский и полководческий гений привел советский народ и его героическую Красную Армию к победе над врагами Родины. Под твоим, товарищ Сталин, непосредственным руководством была проведена огромная работа по созданию национальных советских республик, по объединению их в одно союзное государство — СССР... В каждое преобразование, большое или малое, поднимающее нашу Родину все выше и выше, ты вложил свою мудрость, неукротимую энергию, железную волю. Наше счастье, счастье нашего народа, что Великий Сталин, являясь руководителем партии и государства, направляет и вдохновляет творческий созидательный труд советского народа на процветание нашей славной Родины. Под твоим водительством, товарищ Сталин, Советский Союз превратился в великую и непобедимую силу... Все честные люди на земле, все грядущие поколения будут славить Советский Союз, твое имя, товарищ Сталин, как спасителя мировой цивилизации от фашистских погромщиков... Имя Сталина — самое дорогое для нашего народа, для простых людей во всем мире"[2].

А вот другая оценка. В знаменитом драматическом докладе Н.С. Хрущева, сделанном им в ночь с 24 на 25 февраля 1956 года, "О культе личности и его последствиях" говорилось: "Сталин создал концепцию "врага народа". Этот термин автоматически исключал необходимость доказательства идеологических ошибок, совершенных отдельным человеком или же группой лиц. Эта концепция сделала возможным применение жесточайших репрессий, нарушающих все нормы революционной законности, против любого, кто не соглашался со Сталиным по безразлично какому вопросу, против тех, кто только лишь подозревался в намерении совершить враждебные действия, а также против тех, у кого была плохая репутация. Концепция "враг народа", сама по себе, практически исключала возможность возникновения какого-либо рода идеологической борьбы или же возможность выражения собственного мнения по тому или иному вопросу даже в том случае, если этот вопрос носил не

теоретический, а практический характер. Главным и на практике единственным доказательством вины, что противоречит всем положениям научной юриспруденции, было "признание" самого обвиняемого в совершении тех преступлений, в которых он обвиняется. Последующая проверка показала, что такие "признания" добывались при помощи применения к обвиняемому методов физического насилия.

Это привело к неслыханному нарушению революционной законности, в результате чего пострадало много абсолютно ни в чем не виновных людей, которые в прошлом защищали проводимую партией линию".

Всего несколько лет разделяют эти выводы и оценки, сделанные фактически одними и теми же людьми. В первом случае — безудержная апологетика восхваления. Думаю, что у авторов поздравления просто не было в запасе больше слов превосходной степени, чтобы увенчать ими земного бога... Во втором — акцент сделан на том ущербе, который нанес нашему народу, партии, гуманистическим идеалам культ личности Сталина. Его деяния характеризуются по сути преступными. И это говорится о человеке, более тридцати лет возглавлявшем партию, страну, народ! Правда, скажем сразу, вопрос об ответственности за содеянное значительно сложнее. Разве не повинно ближайшее окружение Сталина? Разве государственные и общественные институты страны оказались на высоте в деле социальной защиты своих граждан от беззакония? А в широком плане: все ли сделали те, кто так или иначе влиял на судьбы других людей? Разве все верили, что отец, сын, брат, жена, сосед, коллега вдруг оказались "врагами народа"? Мудрость истории нам напоминает: у истинной совести всегда есть шанс.

Начавшееся после XX и XXII съездов партии общественное прозрение в оценке деятельности Сталина, других исторических лиц затем, к сожалению, замедлилось, и, более того, стали предприниматься шаги для реанимации Сталина как политического деятеля. Без полной правды и философского осмысления всего, что сопутствовало культу личности, сегодня невозможен успешный анализ и других периодов нашей истории — и более ранней, и более поздней. История не только врачует, но и причиняет боль в процессе горьких откровений. Суд совести всегда очищает. В самые трагические моменты советский народ действовал подвижнически и самоотверженно. Каждое поколение внесло свой вклад в создание наших великих материальных и духовных ценностей, утверждение и сохранение наших идеалов и надежд.

При упоминании имени Сталина в памяти у многих людей сегодня прежде всего всплывает трагический 1937 год, репрессии, попрание человечности. Хотя, если быть точным, 1937 год начался, пожалуй, 1 декабря 1934 года, в день убийства С.М. Кирова, а может быть, его контуры забрезжили еще в конце 20-х годов? С ведома Сталина начал быстро зреть чудовищный нарыв беззакония. Да, все это было. Виновным за эти преступления нет прощения. Но мы помним, что в эти же годы взметнулся Днепрогэс, Магнитка, трудились Папанин, Ангелина, Стаханов, Бусыгин... Именно на эти годы приходится взлет патриотизма советских людей, достигший своего апогея в годы Великой Отечественной войны. Поэтому ошибочно, видимо, с политической и гносеологической точек зрения, нечестно в моральном отношении, осуждая Сталина за преступления, отрицать реальные достижения социализма, его принципиальные возможности. Все это удалось реализовать на практике не благодаря, а вопреки сталинской методологии мышления и действия. В условиях демократии достижения могли быть более весомыми. Разумеется, мы не должны, оценивая Сталина или лиц из его ближайшего окружения, механически переносить эти оценки на миллионы простых людей, вера которых в истинность революционных идеалов не была поколеблена никакими испытаниями.

Неверно оценивать прошлое с арифметических позиций: чего больше было у Сталина — заслуг или преступлений. Сама постановка такого вопроса безнравственна, ибо никакие заслуги не оправдывают бесчеловечности. И о каких "заслугах" может идти речь, если по вине этого человека погибли миллионы людей? Сегодня ясно, что это был жестокий деспот, который с помощью насилия добился отчуждения народа от власти, породил симбиоз устойчивой бюрократии и догматизма. Вопрос значительно сложнее: в постижении истоков, причин деформации механизма власти. Как могло случиться, что великое "сожительствовало" с низким, зло камуфлировалось под добро? Почему произошло социальное перерождение многих людей? Была ли неизбежной трагедия? Эти и многие другие вопросы часто поднимаются на страницах нашей печати, отражая процесс резкого повышения политической и исторической культуры советских людей, который мы отмечаем в последние годы. В ряде случаев, особенно у молодых людей, схематично знающих свою историю, от полярно противоречивых суждений, субъективистских оценок рождается интеллектуальное смятение, способное породить социальный нигилизм и неуважение к

социалистическим ценностям. Лучшим средством утоления жажды познания является постижение истины. Какой бы горькой она ни была. Ведь, как писал В.И. Ленин, особо "страшны иллюзии и самообманы, губительна боязнь истины"[3].

Марксистско-ленинская методология анализа соотношения народных масс и личности в истории, их роли в общественном прогрессе и народовластии — исходная позиция в создании философского, политического портрета Сталина. В книге внимательно и бережно будут проанализированы бесценные ленинские документы, известные как "Завещание". Сталин всю жизнь помнил не только то, что В.И. Ленин в своих записках к съезду в декабре 1922 года назвал его и Троцкого "выдающимися вождями", но и обжигающую в своей откровенности и глубине оценку всей его сложной натуры, особенностей тяжелого характера. Он не мог забыть и о том, что Ленин назвал Бухарина "любимцем партии". Внимательное изучение сталинских выступлений показывает, что генсек неоднократно, но предельно осторожно, витиевато, иносказательно оспаривал эти ленинские оценки. Например, мысленно полемизируя с Лениным, он однажды сказал в своей речи, что Бухарина мы любим, но истину, но партию, но Коминтерн любим еще больше. В этой фразе едва ли не весь Сталин: преданный делу (как он его понимал!), но хитрый и изощренный. Ленинский вывод о том, что "Сталин слишком груб", генсек истолковал, что он "груб лишь для врагов"... Обращаясь к Ленину при анализе феномена Сталина, я еще и еще раз убеждался, что зарница ленинских мыслей, как и раньше, впереди нас. Это свойство не просто мудрых, глубоких истин, но и истин пророческих.

В последние годы у нас написаны и изданы политические биографии многих исторических деятелей — Цезаря, Наполеона, Черчилля, де Голля, Мао Цзэдуна, других лиц, навсегда оставшихся в истории. Выпущена книга даже о Гитлере. Но политической биографии И.В. Сталина нет. Хотя за рубежом ему посвящены десятки книг. Пробел восполняют многочисленные художественные и исторические публикации об отдельных гранях, сторонах деятельности этого человека. Их появление схоже с эффектом теплого дождя после долгой засухи. Несомненно, появятся серьезные исследования историков о Сталине, как и о Хрущеве, Брежневе, других деятелях партии и государства. Я же взял на себя смелость сделать, возможно, лишь философский эскиз политического портрета этой исторической личности. Подчеркиваю: не биографии, а портрета. Это дает возможность и право, широко опираясь на документы и свиде-

тельства, изложить свои взгляды и выводы как о "тайниках" духовного мира Сталина, так и о тех обстоятельствах, которые определяли деяния "вождя". Убежден, что феномен Сталина — не просто случайность. В генезисе его появления находятся социально-политические, экономические и духовные причины.

О личности Сталина не утихают жаркие споры. Одна из причин такого интереса — в том, что жизнь Сталина, по историческим меркам, оборвалась недавно, около четырех десятилетий назад, а значит, его судьба близко сопричастна с судьбами ныне живущих, их близких предшественников. Многие из нас, в известном смысле, из "сталинской" эпохи. Ведь каждый из живущих навсегда прикован к галере своего времени. Незаживающая рана нашей истории еще долго будет напоминать о себе своей чудовищностью, трудной объяснимостью.

Другая причина неослабевающего интереса к страницам жизни Сталина — в новом осмыслении социальных и общечеловеческих ценностей: социализма, гуманизма, справедливости, исторической правды, нравственных идеалов. Годы сталинщины еще раз показали, что догматизм мышления способен создать иллюзорный философский храм, в котором все должно играть роль "вечного". А вечного-то, кроме перемен, пожалуй, и нет ничего. Догматическая слепота опасна, она может идеологию превращать в религию. Догматизм все радости земные переносит в "завтра", а завтра — в "послезавтра". Революционное обновление нашего общества коснулось прежде всего общественного сознания. Не случайно, что главными объектами критики и отрицания стали догматизм и бюрократия, которые мы в значительной мере связываем с годами автократического руководства Сталина.

Наконец, существует еще одна причина (конечно, причин больше) устойчивого интереса к жизни человека, стоявшего более тридцати лет на вершине пирамиды власти. Не рядом с людьми, не среди них, как Ленин, а стоявшего над ними. Советские люди, несмотря на бесчисленное количество хвалебных статей о нем, его портретов, статуй, трудов, фактически ничего не знали о Сталине. "Краткая биография", вышедшая после войны, не имеет авторов, а лишь, как говорится на титуле, составителей: Александров Г.Ф., Митин М.Б., Поспелов П.Н. и другие. Биография, которая редактировалась самим Сталиным, излагает схему героических деяний человека, но сам человек в ней отсутствует.

Правда, были попытки написать политический портрет Сталина некоторыми его современниками. В 1936 году вышла

книга Анри Барбюса "Сталин". О том, что это за книга, можно судить по любому, даже небольшому фрагменту. Такому, например: "История его жизни — это непрерывный ряд побед над непрерывным рядом чудовищных трудностей. Не было такого года, начиная с 1917, когда он не совершил бы таких деяний, которые любого прославили бы навсегда. Это — железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин — сталь"[4]. Академик Е.М. Ярославский в 1939 году выпустил книгу "О товарище Сталине", в которой справедливо отметил, что писать о Сталине — это значит рассказывать о всех перипетиях борьбы партии в процессе построения социализма в нашей стране. Но в основе книжки — не просто беспредельная гипертрофия, но и чудовищное кощунство. Об этом свидетельствует, например, следующая цитата: "Товарища Сталина в песнях народов певцы сравнивают с заботливым садовником, который любит свой сад, а этот сад — человечество. Самое драгоценное, что есть у нас, — это люди, это кадры. Заботу о людях, заботу о кадрах, о живом человеке — вот что ценит народ в Сталине, вот чему мы должны учиться у товарища Сталина"[5]. Карл Радек в книге "Портреты и памфлеты" (1934 г.) посвятил Сталину большую статью, написанную в ключе безудержного восхваления Мессии. Унизительное для Радека славословие в адрес "вождя", между прочим, не спасло автора "портретов" от печальной участи. Научная ценность подобных трудов, как и сборников сусальных "воспоминаний" о Сталине, невелика. Они в своем большинстве подчеркивают уродливый характер отношений верноподданничества и лести, насаждавшихся Сталиным и его окружением, особенно после XVII съезда партии.

Человеческая жизнь отгорает быстро, как северное лето. Она, пожалуй, схожа и с костром: искра, легкие веселые язычки огня, сильный пламень, спокойный жар, слабое мерцание, тлеющие угли, холодный пепел... Человека, великого и невеликого, рано или поздно ждет небытие. А это — ночь, вечная ночь, которая когда-то наступает, и это день, которого уже больше никогда не будет. Эта истина одинаково безжалостна ко всем людям. Сталин это тоже понимал. И он сделал очень многое для того, чтобы потомки после его смерти думали о нем так, как он хотел. К сожалению, не без участия Сталина и помощи его соратников в нашей истории не только много "белых" пятен, но и много мест, где страницы в летописи искажены, а то и просто вырваны. Это одна трудность, подстерегавшая автора в его исследовании.

Другая — более общего порядка. Дело в том, что сознание

каждого конкретного человека — это целый микрокосм, огромный загадочный мир, который исчезает вместе с его смертью. Мы никогда не узнаем всего о каждом ушедшем в миры иные, но и возможности этого познания — безграничны. О мыслях, размышлениях Сталина говорят не столько его сочинения, письма, записи, резолюции, сколько дела, материализованные в социальной практике, свершения, деяния и, к горечи нашей, преступления. Тайны сознания в этом смысле не столь уж и "таинственны", если видеть, чем они "питаются", выражаются и вдохновляются. Окружающий нас многоцветный, многострунный, многострадальный мир человеческого бытия — главный ключ к разгадке тайн сознания человека, в том числе и такого, как Сталин. Хотя порой логика научного анализа поступков Сталина ведет в тупик при объяснении некоторых его действий.

Сталину, например, было известно теплое отношение Ленина к Бухарину. Сталин сам на протяжении многих лет поддерживал с ним и его семьей личные дружеские отношения. Бухарин сыграл немаловажную роль, оказывая помощь Сталину в борьбе с Троцким и троцкизмом. Не мог не видеть Сталин, что совершенно смехотворными выглядели обвинения Бухарина, допустим, в шпионаже, заговорах и т.д. Бухарин, при его высокой интеллектуальной культуре, умел уважать аргументы. И когда он убедился, что его программа, отрицающая форсированное развитие социализма, плохо сопрягается с реалиями быстро меняющейся международной обстановки, поскольку история не отвела нашей стране времени на "раскачку", он признал необходимость разумного ускорения. Не просто признал, а активно включился в реализацию партийных установок. Это не помешало, однако, Сталину фактически санкционировать расправу с популярнейшим деятелем партии, близким партийным товарищем... Как можно такое объяснить и понять?! Точнее, объяснить можно, а понять трудно. Таким был Сталин...

Готовясь написать философско-биографический очерк об И.В. Сталине, я как-то незаметно для себя стал интересоваться литературой об Александре Македонском, Юлии Цезаре, Оливере Кромвеле, Иване Грозном, Петре Первом... Меня заинтересовала психология вождей, диктаторов, владык, других правителей абсолютистского типа. И хотя я понимаю, что любые исторические аналогии здесь рискованны, а может быть, и просто ненаучны, одно предварительное суждение хотел бы высказать. Для людей с неограниченной властью, вне демократического контроля, обычны, привычны чувства непогрешимости,

личного превосходства, вседозволенности, переоценки собственных способностей и возможностей. Как правило, эти люди, живя среди людей, бесконечно одиноки. Хотя Сталин, как удалось установить, чрезвычайно редко беседовал с кем-нибудь один на один (с ним обычно были Молотов или Каганович, Ворошилов, Маленков, Берия и т.д.), он в душе был всегда одинок. Ему было не с кем соотнести себя; не с кем по-настоящему дискутировать, некому доказывать, не перед кем оправдываться... Одиночество на вершине, леденящая в своей реальности неограниченная власть иссушает чувства, превращает интеллект в холодную счетную машину. Каждый шаг, сразу же становясь "историческим", "судьбоносным", "решающим", исподволь убивает человеческое в человеке...

Одну из своих слабостей он всю жизнь пытался (и не без успеха!) превратить в показатель силы. Еще во время революции, когда нужно было идти на завод, в полк, на уличный митинг — в толпу, у Сталина возникало чувство внутренней неуверенности и тревоги, которое он со временем научился скрывать. Сталин не любил, да, пожалуй, и не умел хорошо выступать перед людьми. Его речь была простой, ясной, но без полета мысли, афористичности и трибунной патетики. Сильный акцент, скованность и монотонность делали его выступления невыразительными. Не случайно Сталин меньше, чем кто-либо другой из ленинского окружения, выступал на митингах, встречах, манифестациях. Он предпочитал готовить директивы, указания, писать статьи, заметки, давать газетные реплики по поводу тех или иных политических событий. Посредственный публицист, он был довольно последователен и неизменно категоричен в своих выводах. В его газетных материалах или свет, или тень. Третьего он не признавал. Латинская ясность была привлекательной чертой его бесхитростных, простеньких статей.

Позже Сталин привыкнет к трибунам съездов и конференций. Но положение его тогда будет уже другим; его негромкий спокойный голос люди будут слушать в звенящей тишине, готовой расколоться, взорваться шквалом аплодисментов, переходящих в овацию. Но те речи уже больше будут похожи на культовые обряды всесильного жреца. Сталин свое сдержанное отношение к прямым контактам с массами сделал правилом: он не бывал, за редким исключением, ни на заводах, ни в колхозах, ни в республиках, ни на фронте. Голос "вождя" изредка раздавался на самой вершине пирамиды. У ее подножия со священным трепетом ему внимали миллионы. Свою необщи-

тельность и замкнутость "вождь" превратил в атрибут культа и исключительности. Для понимания Сталина следует постоянно иметь в виду: он был великим Мастером выдавать ошибки, просчеты, преступления, зловещие черты своего характера за достижения, успехи, дальновидность, мудрость, постоянную заботу о людях...

В основе моего анализа и выводов лежат ленинские работы, партийные документы, материалы многих архивов: Центрального партийного архива, Верховного суда СССР, Центрального государственного архива Советской Армии, Государственного архива Министерства обороны СССР, Архива Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, архивов ряда музеев и другие. Например, касаясь военной стороны деятельности Сталина, я познакомился со многими интересными, оригинальными, никогда не публиковавшимися документами из архива Министерства обороны СССР. Даже первое знакомство с резолюциями Сталина на военных документах и с воспоминаниями его современников говорит о том, что он отнюдь не всегда верил в то, что провозглашал. Вот пример. Сталин читает проект приговора военной коллегии Верховного суда СССР по делу генералов Д.Г. Павлова, В.Е. Климовских, А.Т. Григорьева, А.А. Коробкова, обвиняемых в "антисоветском заговоре и умышленном развале управления Западного фронта...". "Вождь" не стал читать дальше, а лишь бросил:

— Не городите чепуху...

Тут же зачеркнули "антисоветский заговор", "заговорщицкие цели", "вражескую работу", а написали: "проявили трусость, бездействие власти, нераспорядительность, допустили развал управления войсками...". Хотя обвинение было по-прежнему несправедливым, а приговор, вынесенный 22 июля 1941 года, предельно жестоким, но "вождь" перед лицом смертельной угрозы стране и ему, Сталину, не захотел больше "играть" в старые игры "заговорщиков".

Вглядываясь в хорошо сохранившиеся строки резолюций Сталина, налагаемых, как правило, красным или синим карандашом, размашисто, разборчиво, думаешь: где глубинные причины иррациональности, жестокости и коварства этого человека? Может быть, в религиозной догматической пище, обильно принятой им на заре жизни? А может быть, в щемящем ощущении своей интеллектуальной недостаточности, которую он чувствовал, слушая на партсъездах в Лондоне, Стокгольме блестящие речи Ленина, Плеханова, Аксельрода, Дана, Мартова? Или истоки этой иррациональности в его ожесточенности, родив-

шейся еще до Октября? Ведь вся его дооктябрьская биография умещается между семью арестами и пятью побегами. С девятнадцати лет он только и делал, что скрывался, выполнял поручения партийных комитетов, арестовывался, менял фамилии, доставал фальшивые паспорта, переезжал с места на место... В тюрьмах долго не задерживался, бежал и снова скрывался. Однако мысль уехать за границу ему не приходила в голову никогда.

Большую помощь в работе над книгой оказали материалы "Правды" за тридцать с лишним лет, журналов "Большевик", "Политработник", других периодических изданий, многие из которых выходили лишь в 20-е годы. Известно, что за рубежом существует целая литература о Сталине. Часть ее — например, работы Джузеппе Боффа, Луи Арагона, Анны Луизы Стронг — написана в основном с близких к объективности позиций. Издаются и переиздаются десятки книг и иного характера, имеющих целью с "помощью Сталина" дискредитировать саму идею социализма. Едва ли понимал это сам Сталин, но его собственная практика дискредитации социализма была неизмеримо опаснее, нежели сочинения Исаака Дейчера, Роберта Такера, Леонарда Шапиро, Роберта Конквиста и других советологов. Представляют определенный интерес свидетельства зарубежных государственных деятелей, встречавшихся со Сталиным, — Франклина Рузвельта, Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Мао Цзэдуна, Энвера Ходжи, а также и некоторые книжки Светланы Аллилуевой, изданные ею в эмиграции.

Я ознакомился с работами политических и идеологических оппонентов Сталина внутри страны — Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, Томского и других. Все они были и соратниками, и учениками Ленина. Никто из них не считал себя "выдвиженцем" Сталина, как это не скрывали позже Каганович, Молотов, Ворошилов, Маленков, Жданов и иные, новые деятели, занявшие их место. В данном случае Сталин действовал в соответствии с древним законом диктаторов: люди, выдвинутые им самим, отличаются большей преданностью и не претендуют на первые роли.

Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, да и ряд других, в начале 20-х годов были более известны партии, чем Сталин. Фигуры Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина в годы революции и гражданской войны были, например, просто несопоставимы по популярности в партии и народе. Тот же Троцкий вошел в историю как один из признанных вождей Октября, создателей Красной Армии, известный теоретик (к 1927 г. им был опубли-

кован 21 том сочинений!). Этот энергичный политик, не обделенный талантом беллетриста, готовя свои труды, нередко кокетничал перед зеркалом истории, пытаясь оправдать свои притязания на лидерство в партии. Пожалуй, он больше любил себя в революции, чем саму революцию. Знакомясь с томами его переписки, я поражался, как Троцкий заботился уже в годы гражданской войны о том, что должно остаться о нем для истории. Апологетические письма Троцкому, записки, поступающие во время его многочисленных выступлений, списки дипломатов, добивающихся у него аудиенции, отзывы в печати о его шагах и действиях — все тщательно подшивалось и сохранялось. Троцкий был уверен, и не без оснований, что после смерти Ленина лидерство в партии может перейти к нему.

Прямой или косвенной мишенью критических стрел Троцкого чаще других был Сталин. Правда, главная антисталинская литература была создана им после его изгнания из СССР. Известна характеристика Троцким Сталина как "наиболее выдающейся посредственности нашей партии". Впрочем, Троцкий, почти не скрывавший мнения о себе как об интеллектуальном гении (здесь вспоминается фраза Муссолини, "осевшая" в истории: "Удивительное дело, я еще ни разу не встречал человека, который был бы умнее меня!"), часто прибегал к подобным выражениям, стремясь унизить своих оппонентов. Так он говорил, например, о Зиновьеве в 1924 году, как о "назойливой посредственности"; называл Вандервельде* "блестящей посредственностью", а Церетели** — "даровитой и честной посредственностью" и т.д. После изгнания из СССР у Троцкого осталась одна вечная, маниакальная страсть — ненависть к Сталину. До конца жизни. Особенно это проявилось в его последней незаконченной книге "Сталин". Правда, Троцкий утверждал, что личные мотивы в этой книге не играли роли. "Наши дороги так давно и так далеко разошлись, и он в моих глазах является в такой мере орудием чуждых мне и враждебных исторических сил, что мои личные чувства по отношению к нему мало отличаются от чувств к Гитлеру или японскому микадо. Что было личного, давно перегорело"[6]. Так или иначе, никто в мире не на-

---

* Эмиль Вандервельде (1866 — 1938) — бельгийский правый социалист, один из лидеров II Интернационала. (Здесь и далее *примечания редакции.*)

** И.Г. Церетели (1881 — 1959) — один из лидеров меньшевизма.

писал так много едкого, злого, карикатурного и унизительного о Сталине, как Троцкий. Но никто и не сделал так много для разоблачения Сталина.

Естественно, Сталин отвечал Троцкому такой же ненавистью, которая рельефно проявилась впервые еще во время их стычки в период боев за Царицын в гражданской войне. Когда наступил трагический день 21 января 1924 года, Сталин отправил на юг телеграмму следующего содержания: "Передать тов. Троцкому. 21 января в 6 час. 50 мин. скоропостижно скончался тов. Ленин. Смерть последовала от паралича дыхательного центра. Похороны субботу 26 января. *Сталин*"[7]. Подписывая депешу, Сталин наверняка думал: именно теперь ему предстоит жестокая и беспощадная борьба с Троцким за лидерство. Но знал ли Сталин, что когда он одолеет Троцкого, то так и не "расстанется" с ним, не подозревая об этом? Методы командно-бюрократического стиля, насилия, "закручивания гаек", апологетом которых был именно Троцкий, будут взяты на вооружение Сталиным. Не здесь ли кроется один из истоков грядущей трагедии? До убийства Троцкого в августе 1940 года его политическая борьба со Сталиным наложила рельефные штрихи на портрет генсека. Чтобы глубже понять внутренний духовный мир Сталина, я изучил коллизии борьбы двух бывших "выдающихся вождей", ибо генсек всегда считал Троцкого своим главным личным врагом.

Мне удалось получить свидетельства многих лиц, встречавшихся со Сталиным или в той или иной степени попавших в водоворот событий, вызванных решениями Сталина или его окружения.

Многое дали мне беседы с некоторыми лицами из окружения Сталина, бывшими работниками ЦК ВКП(б), ряда наркоматов, НКВД, крупными советскими военачальниками, политическими и общественными деятелями, теми, кого судьба сталкивала в разной обстановке лицом к лицу с генсеком, чья жизнь нередко менялась самым трагическим образом от решений или действий "вождя". После публикации статей о Сталине в "Литературной газете" и "Правде" мной было получено около трех тысяч писем, многие из которых отправлены людьми самой причудливой, часто тяжелейшей судьбы. Все эти годы, работая в архивах, собирая документы о жизни Сталина, я встречался со множеством людей, с теми, кто хотя бы каким-то образом мог пролить свет на новые факты, биографические данные. (Даже отдельный звук из общего хора истории важен.) Благодаря им можно глубже почувствовать историческую рет-

роспективу, услышать голоса давно ушедших людей, понять мотивы борения страстей...

Отголоски истории... Они живут в нас, в наших судьбах, памяти, а иногда — в новых скупых сведениях из ушедшего, отгоревшего, потаенного. Это, как весточки из прошлого, которое не хочет навсегда уходить в безвестность, теряться в далях бесконечного. Можно, пожалуй, говорить даже о незаконченном прошлом. Иначе говоря, о той данности, феномене времени, на которые пока нет достоверного, полного ответа. Незаконченное прошлое может быть как для отдельного человека, так и для целого народа, не знающего до конца подлинной истории своих триумфов и трагедий.

Так назвал я книгу, пытаясь показать, как **в истории триумф одного человека обернулся трагедией для целого народа**. Н.С. Хрущев, выступая с докладом на XX съезде партии, акценты расставил своеобразно. "Мы не можем сказать, — отметил он, — что его поступки были поступками безумного деспота. Он считал, что так нужно было поступать в интересах партии, трудящихся масс, во имя защиты революционных завоеваний. В этом-то и заключается трагедия!" Думаю, что акценты не совсем точны. Такая оценка Хрущева оправдывает Сталина. "Вождь" любил больше всего на свете личную власть. Во имя безграничной власти Сталин пошел на чудовищные репрессии, но не видел в этом трагедии.

Сталин быстро привык к насилию как обязательному атрибуту неограниченной власти. Скорее всего, но это уже из области логических предположений, карательная машина, пущенная им в конце 30-х годов на полный ход, захватила воображение не только функционеров нижнего звена, но и его самого. Возможно, эволюция сползания к насилию как универсальному средству прошла ряд этапов. Вначале — борьба против реальных врагов, а они, вероятно, были; затем — ликвидация личных противников; дальше уже действовала страшная инерция насилия; наконец, насилие стало рассматриваться как показатель преданности "вождю". Тень угрозы извне создавала атмосферу "духовного окружения". Это специфическое состояние общественного сознания, апогей которого был в 1937 году, прямой результат примата силы над правом, подмены подлинного народовластия его культовыми суррогатами.

Сталин смотрел на общество как на человеческий аквариум; все в его власти... "Вредительство", шпиономания, борьба с ветряными мельницами "двурушничества" стали постыдными атрибутами ортодоксальности, слепой веры и преданности

"вождю". Разве, например, можно было даже мысленно допустить, что из семи членов Политбюро, избранных в мае 1924 года на XIII съезде РКП(б), первом съезде после смерти Ленина, шестеро (все, кроме самого Сталина!) окажутся "врагами"?! Даже во времена средневековой инквизиции едва ли кто претендовал на такую исключительную "чистоту", требующую для своего подтверждения таких безумных жертв. Сталин уничтожал "врагов", а волны шли дальше и дальше... Это был трагический триумф злой силы. Иногда трудно объяснить, зачем понадобилось ему, устранившему всех своих соперников, продолжать "вырубать" лучших людей партии и государства в канун грозных испытаний? К слову сказать, в самих органах НКВД некоторые большевики раньше других рассмотрели опасность мистерии всеобщей подозрительности и репрессий. Только в их среде более 23 тысяч честных людей пали жертвами вакханалии беззакония.

Однако никакие самые страшные гримасы истории не смогли, в конечном счете, помешать народу создать в своей стране нечто такое, что, несмотря на трагедию, приблизило его к осуществлению высоких идеалов. Даже самые трагические годы не погасили у миллионов советских людей веры в гуманистические ценности. В самой диалектике триумфа и трагедии кроется бесконечная сложность бытия, в котором при решающей роли народных масс (в конце концов!) от исторических личностей зависит так много. Говоря словами Гегеля, судьба человека не является лишь его личной; в ней представлена всеобщая нравственная трагическая судьба[8]. А трагизм ее как раз и заключался в том, что на определенном этапе Сталин воспринимался миллионами людей не как человек во плоти, а как символ социализма, его живое олицетворение. Ведь ложь, повторенная много раз, может выглядеть истиной. Обожествление "вождя" получало высший смысл, оправдывало в глазах людей любые негативные явления за счет происков "врагов" и, наоборот, приписывало все успехи уму и воле одного человека. Тем более что Сталин умел пропагандировать грандиозные замыслы. Принимая и оглашая те или иные крупные решения, особенно на больших форумах, Сталин всегда любил ссылаться на классиков. Здесь он проявлял общечеловеческую слабость. Люди любят покровительство. Даже такой могущественный человек, как Сталин, любил укрыться в тени идеологических штампов, авторитета теории, непреходящих идей своего великого предшественника. Но нередко это было не больше чем идейным камуфляжем. Триумф "вождя" и трагедия народа находили свое

выражение в догматизме и бюрократизме системы и одновременно в высоком патриотизме, интернационализме советских людей, во всевластии аппарата и манипулировании сознанием миллионов и в подлинной гражданственности и подвижничестве народа.

Многое дали мне книги-воспоминания прославленных советских военачальников И.Х. Баграмяна, А.М. Василевского, А.Г. Головко, А.И. Еременко, Г.К. Жукова, И.С. Конева, Н.Г. Кузнецова, К.А. Мерецкова, К.С. Москаленко, К.К. Рокоссовского, С.М. Штеменко и других. Конечно, я учитывал, что свидетельства этих заслуженных людей писались в то время, когда многое о Сталине еще не было известно и когда вскоре после XX и XXII съездов партии тема культа личности фактически была закрыта для полного и откровенного анализа. Военные, особенно из верхних эшелонов командования, в полной мере испытали на себе беспощадную и несправедливую руку Сталина. Но кроме А.В. Горбатова и еще нескольких военачальников, успевших написать в своих книгах о пережитом, другим не пришлось в полный голос сказать о том, что́ они знали. Тема репрессий, ошибок и просчетов Сталина фактически стала запретной. Есть еще одна сторона этой проблемы. С началом войны Сталин не по своей воле был вынужден сократить насилие внутри страны. Полководцы и военачальники в своих мемуарах касались главным образом военной стороны деятельности Сталина, который смог проявить политическую волю в борьбе с фашизмом. Видимо, этим объясняется раскрытие облика Сталина многими военными лишь с положительной стороны. Многое из трагического в личных судьбах, связанных с беззаконием, как бы осталось "за кадром". Ведь те несколько десятков тысяч военных, попавших накануне войны в кровавую мясорубку чистки, за редким исключением, погибли и ничего не смогли сказать потомкам. Сегодня мы знаем, что и в начале войны Сталин неоднократно прибегал к жестоким расправам над многими военными, пытаясь переложить на них ответственность за крупные неудачи.

Оглядываясь на прошлое с высот сегодняшнего дня, удивляешься, поражаешься и изумляешься долготерпению советского народа, прежде всего русского. Где истоки этого святого терпения? В 250-летнем господстве безжалостных всадников Золотой Орды? В бесконечной череде войн за свою независимость и свободу? В необходимости всегда вести борьбу с холодом и необозримыми пространствами? Может быть. Думаю, что в долготерпении — мудрость исторического опыта, вера в свою пра-

воту, приверженность историческим традициям. А главное — убежденность в верности пути, избранного в 1917 году. Но народ не могли не унижать, хотя он понял это позже, навязанные почти религиозные ритуалы славословия человеку, правившему страной. И одним из таких поразительных памятников человеческого унижения могла бы быть "антология" коллективно принимавшихся хвалебных, нелепых од-приветствий, писем Сталину со словами: "отец", "солнце", "мудрый вождь", "бессмертный гений", "великий кормчий", "несгибаемый полководец"... Бюрократическая мысль изощрялась в изобретении эпитетов, не считаясь с тем, что они — прямое оскорбление народного достоинства.

Легче всего сказать, что каждый век имеет свое "средневековье". Я глубоко убежден, что, если бы не образовался дефицит народовластия после смерти Ленина, социалистическое развитие общества могло бы обойтись без тех глубоких извращений, которые возникли по вине Сталина и его окружения в 30-е, 40-е и в начале 50-х годов. Трагическое не было неизбежным. Конечно, сегодня проще говорить о возможной альтернативе, нежели делать выбор в те, далекие теперь уже годы. Обстоятельства легче анализировать. Справиться с ними бывает сложнее. "Историк всегда вправе противопоставлять гипотезы свершившейся судьбе, — писал Жан Жорес. — Он вправе говорить: "Вот ошибки людей, вот ошибки партии", и воображать, что, не будь этих ошибок, события приняли бы другой оборот"[9]. Исторические альтернативы были.

С высоты настоящего представляется, что после смерти Ленина, перед которым преклонялись даже оппозиционеры, реальный шанс возглавить партию имели Троцкий и Бухарин. Думаю, что Зиновьев и Каменев имели значительно меньшие шансы. Возможно, что, если бы Троцкий стал у руля партии, ее также ждали бы тяжкие испытания: он был апологетом социального насилия. Тем более что у него не было ясной научной программы построения социализма в СССР. А у Бухарина такая программа, свое видение общепартийных целей были. Однако Бухарин при всей его привлекательности как личности, высоком интеллекте, мягкости, человечности долго не понимал исторической необходимости ускорения в наращивании экономической мощи. А без этого была реальной угроза выживанию СССР в условиях империалистического окружения, в котором ни на минуту не угасала мысль покончить с Советами. Но Бухарин возражал против сталинских методов этого ускорения.

Были, конечно, еще Рудзутак, Фрунзе, Рыков... После смер-

ти Ленина, до начала 30-х годов, среди вождей революции Сталин имел репутацию одного из наиболее жестких и волевых защитников курса на укрепление первого в мире социалистического государства. Другое дело, каким его Сталин себе представлял. Да, Сталин не имел данных заменить Ленина. Но их не имел никто. У Сталина, конечно, не было гениальной духовной мощи Ленина, теоретической глубины Плеханова, культуры Луначарского. В интеллектуальном, нравственном отношении он уступал многим, а может быть, и большинству вождей революции. Но во время борьбы за лидерство большое значение имели целеустремленность, политическая воля, хитрость и коварство Сталина. Говоря словами шекспировского Гамлета, он "при бремени своих несовершенств" имел и нечто такое, чего не оказалось у других. Не последнюю роль здесь сыграла способность Сталина максимально использовать партийный аппарат для достижения своих целей. Он увидел в этом механизме идеальный инструмент власти. А о ленинском предостережении в отношении Сталина знали далеко не все большевики.

Свои негативные личные качества, после того как делегаты XIII съезда партии были ознакомлены с ленинской оценкой, генсек временно "сблокировал", что во многом обеспечило ему поддержку большинства партии. В этих условиях шансы других лидеров были не высоки. Многие из высшего партийного руководства вначале просто недооценили Сталина — его хитрость, целеустремленность и коварство. Когда это поняли — было уже поздно.

При всем том Сталин был великим Актером. Он исключительно искусно играл множество ролей: скромного руководителя, борца за чистоту партийных идеалов, а затем и "вождя", "отца народа", великого полководца, теоретика, ценителя искусств, провидца. Но особенно старательно Сталин стремился играть роль верного ученика и соратника великого Ленина. Все это постепенно создавало Сталину популярность в народе и партии.

Но дело, в конце концов, не в личностях, а прежде всего в том, что демократический потенциал, который начал создавать Ленин, не был сохранен. Спустя десятилетия, мы пытаемся найти человека, который в исторической ретроспективе мог бы быть альтернативой Сталину. Наиболее вероятной, действенной альтернативой должна была стать **группа ленинцев**, руководящее ядро партии, которое было обязано выполнить волю Ленина. Однако коллективная мысль и коллективная воля "ленинской гвардии" проявили необъяснимую растерянность и

близорукость. Если бы демократические "предохранители" социальной защиты были созданы, в частности, в виде подлинно коллективного руководства, то не имело бы решающего значения, является лидер выдающимся или нет. Например, если бы партийным уставом были оговорены и выдерживались точные сроки пребывания генсека, других выборных лиц на постах, то культовых уродств можно было бы избежать. В противном случае судьба страны находится в слишком большой зависимости от исторического выбора: кто станет у руля власти.

Сталин, немало сделавший для утверждения социализма в нашей стране (но который ему виделся совсем другим, чем нам сегодня), формально не "вильнувший" к каким-либо оппозициям, не выдержал испытания властью и фактически отошел от ленинской концепции социализма. Уместно вспомнить здесь рассуждения Плутарха о том, что "судьба, вознося низменный характер делами большой важности, раскрывает его несостоятельность..."[10]. Это выразилось в таком социальном явлении, которое часто называют "сталинизмом". Можно спорить о правомерности этого понятия, но никуда нельзя уйти от бесспорного факта, что за ним стоит определенный социальный феномен. Он возник благодаря деформации демократических начал народовластия, без которых социализм теряет не только свою эффективность, но и привлекательность.

Сталинизм, по моему мнению, является синонимом извращения теории и практики научного социализма. Главные проявления этого извращения выражаются в отчуждении людей труда от власти, насаждении многоликой бюрократии, утверждении в общественном сознании догматических штампов. Подмена народовластия единовластием привела к появлению специфического типа отчуждения, порождающего в конце концов социальную апатию людей, ослабление реальной значимости социалистических ценностей, угасание динамизма движения. Огромная, но больная тень Сталина легла на все сферы нашего бытия. Полностью освободиться от бюрократического и догматического "затмения" оказалось весьма не просто.

На фоне свершений народа особо "несостоятельной" личность Сталина выглядит с точки зрения его отношения к общечеловеческим моральным ценностям. Сталин был не просто беспощаден к политическим противникам. По его мнению, любая другая точка зрения, отличная от его, сталинской, оппортунистична. Кто был не с ним, расценивался только как враг. У Сталина идея долга, понимаемая как выражение безусловной исполнительности, всегда превалировала над идеей

права человека. Тщетно было ждать, чтобы сирены истории или само провидение предупредили партию о грозящей опасности. Это должны были сделать соответствующие институты и прежде всего люди, окружавшие Сталина.

Но увы! — этого не было сделано. Прежде всего потому, что наросты бюрократии, которые культивировал Сталин, развивались быстрее, чем демократические ценности. Главным творением Сталина явилось формирование им всеобъемлющей бюрократической прослойки, главной опоры его методов, шагов, намерений. Пока была жива (и пока будет жива!) бюрократическая методология мышления и действия, были и будут поклонники Сталина и его "твердой руки". Сталин — не просто история. Это в известном смысле и способ миросозерцания, пути определения ценностных приоритетов и пути их достижения. Конечно, сегодня просто все грехи, ошибки и недостатки списывать на Сталина и его наследие. Это легче всего. Однако если вдуматься, то главные болезни общества — бюрократизм, догматизм и авторитарность — были "приобретены" в годы единовластия Сталина.

Пережить свое время дано немногим. Один среди них — Сталин. Еще долго не затихнут споры о его роли в нашей истории, сопровождаемые эпитетами, окрашенными и ненавистью, и почитанием, и горечью, и вечным недоумением. Так или иначе, на судьбе Сталина мы еще раз убеждаемся, что, в конечном счете, власть великих идей сильнее власти людей. Какими бы титанами они ни казались. Даже фараоны не устояли перед временем. Их мумии — свидетельство полного поражения "вечных". Власть времени — власть абсолютная. Время течет то бесшумно, то в грохоте войн и революций, то в потоке речей и социальных конвульсий. Самые великие памятники в честь выдающихся людей, героев, пионеров цивилизации, омываясь потоком реки времени, размываются и рушатся. Неизмеримо более прочны философские памятники, "монументы" культуры. "Илиада", сонеты Петрарки, максимы Канта, "Слово о полку Игореве" стоят незыблемо. Идеи социальной справедливости и гуманизма, наиболее полно выраженные основоположниками научного социализма, — в ряду непреходящих ценностей. Трагическая одиссея сталинских злоупотреблений не смогла полностью лишить привлекательности социалистические идеалы.

Попытка написать портрет И.В. Сталина — не просто экскурс в недалекое прошлое. Нельзя забывать, что рассматриваемые процессы истории, все более отдаляемые от нас временно́й дистанцией, продолжают влиять и будут долго оказывать свое

воздействие как на настоящее, так и на будущее. А оно часто находится гораздо ближе, чем некоторые предполагают. В своей работе над портретом я руководствовался только одним желанием: рассказать правду об этом человеке.

Суд людей может быть призрачным. Суд истории вечен.

глава 1

Октябрьское зарево

Революция возможна лишь там, где есть совесть.

Ж. Жорес.

К началу 1917 года Иосифу Виссарионовичу Сталину (Джугашвили) было тридцать семь лет. Стылая Курейка, что в Туруханском крае у самого Полярного круга, была его обиталищем уже несколько лет. Времени и пищи для размышлений было много. Под бесконечный вой пурги, занесшей избушку до крыши, мысль то и дело возвращалась к наиболее памятным событиям. Декабрь 1905 года: первая встреча с В.И. Лениным на партийной конференции в Таммерфорсе. Шумные споры на заседаниях, а в перерывах — дружеские разговоры... Это всегда удивляло Сталина. Партийные съезды в Стокгольме и Лондоне, где он впервые, по существу, приобщился к искусству политической борьбы, поиска компромиссов, проявлению принципиальной неуступчивости...

Все его немногочисленные поездки за границы России оставили в душе какой-то трудно объяснимый, беспокойный осадок. Он часто ощущал себя чужим, лишним среди остроумных собеседников. Сталин не мог фехтовать словами так быстро и ловко, как это делали Плеханов, Аксельрод, Мартов. Ощущение внутренней раздраженности и интеллектуальной ущемленности не покидало кавказца, пока он находился рядом с этими людьми. Уже с тех пор где-то подспудно родилась устойчивая неприязнь к эмиграции, чужбине, интеллигенции: бесконечные споры в дешевых кафе, прокуренные номера захудалых гостиниц, рассуждения о философских школах, экономических учениях...

Дооктябрьская биография Сталина вся умещалась между семью арестами и пятью побегами из царских тюрем и ссылок. Но об этом периоде будущий "вождь" не любил публично вспоминать. Он никогда позже не рассказывал о своем участии в вооруженных экспроприациях для партийной кассы, о том, что, будучи в Баку, одно время стоял на позиции "объединения во что бы то ни стало с меньшевиками", о своих первых беспомощных литературных опытах. Однажды, когда вьюга сотрясала избушку, Сталину вспомнилось одно из его ранних стихо-

творений, которое нравилось ему и даже удостоилось публикации в газете "Иверия". Тогда семинаристу было лет шестнадцать-семнадцать. Строки о его стране гор усилили тоску и вызвали какую-то смутную надежду. У Сталина была великолепная память, и вполголоса, почти шепотом он неторопливо проговорил:

Когда луна своим сияньем
Вдруг озаряет мир земной,
И свет ее над дальней гранью
Играет бледной синевой,
Когда над рощею в лазури
Рокочут трели соловья
*И нежный голос саламури**
Звучит свободно, не таясь,
Когда утихнув на мгновенье
Вновь зазвенят в горах ключи
И ветра нежным дуновеньем
Разбужен темный лес в ночи,
Когда беглец, врагом гонимый,
Вновь попадет в свой скорбный край,
Когда кромешной тьмой томимый
Увидит солнце невзначай, —
Тогда гнетущей душу тучи
Развеян сумрачный покров,
Надежда голосом могучим
Мне сердце пробуждает вновь,
Стремится ввысь душа поэта;
И сердце бьется неспроста:
Я знаю, что надежда эта
Благословенна и чиста!

Пока он неожиданно для самого себя шептал, словно молитву, стихи своей юности, хозяйка убогого домишки раза два заглядывала в проем, удивленно посматривая на угрюмого постояльца. А тот сидел с открытой книгой подле мигающей свечи и смотрел в слепое, обледеневшее оконце. В далекой юности Сталин навсегда оставил не только свои наивные стихи, но и многое из того, что интеллигенты называют сентиментальностью. Даже матери Сталин писал крайне редко. Суровое детство, жизнь подпольщика — вечного беглеца сделали его холодным, черствым, подозрительным.

Сталин умел отгонять мысли, воспоминания, которые тревожили. Однако прошло вот уже почти десять лет со дня смер-

* Саламури — разновидность свирели.

ти его жены Като, а образ женщины, искаженный тифом, витал где-то рядом... Вспомнил, как их тайно обвенчал одноклассник по семинарии Христофор Тхинволели в церкви святого Давида в июне 1906 года. Като (Екатерина Сванидзе) была очень красивая девушка, влюбленно и преданно глядевшая своими большими глазами на мужа, который то появлялся, то надолго исчезал. Семейная жизнь была короткой. Беспощадный тиф отнял у Сталина единственное существо, которое, возможно, он по-настоящему любил. На фотографии, запечатлевшей похороны, Сталин, с копной нечесаных волос, невысокий и худой, стоит у изголовья гроба с выражением неподдельной скорби.

Но семена черствости и жестокости, посеянные еще в детстве, прорастали все глубже. Подполье ожесточило его; с девятнадцати лет он только и делал, что скрывался, выполнял поручения партийных комитетов, арестовывался, менял адреса и фамилии, доставал фальшивые паспорта. В тюрьмах долго не задерживался, бежал и снова скрывался.

Жизнь многому научила Сталина, и не в последнюю очередь — хитрости и расчетливости, умению выжидать. Печать замкнутости и внутренней холодности, которая была заметна еще в молодые годы, превратилась со временем в холодную бесчувственность и беспощадность. Но позже Сталин научится носить маску спокойного, на людях даже приветливого человека с проницательными глазами.

Почему Иосиф Джугашвили стал революционером? Может быть, потому, что рано приобщился к крупицам интеллектуальной пищи в Горийском духовном училище и Тифлисской духовной семинарии, в которых учился? Кто знает, не попади в его руки томики Руссо, Ницше, Локка, задумался бы семинарист над тем, почему его отец-сапожник латает башмаки только для бедняков? Или неудовлетворенность теологическим затворничеством привела его к людям с бунтарским характером? А может быть, его заставила шире открыть глаза на мир попавшая в руки зачитанная тоненькая брошюра "Азы марксизма"? Никто на это не ответит достоверно. Не произойди, однако, в нем тогда, на пороге века, решительная смена религиозных ориентиров на светские, еретические — одно из грузинских сел получило бы молодого, невысокого ростом православного священника — духовного пастыря людей. От всего мира его монотонная жизнь была бы отгорожена не только грядой величественных гор, но и мелкими заботами о нищем приходе, куче своих детей, мечтами о шумном Тифлисе. Мог ли сын бедняка знать, что волею судьбы и игры обстоятельств он на

одном из этапов истории станет для великого народа неизмеримо больше, чем духовный пастырь?

Анфас и профиль

Вскоре после Октябрьской революции небольшая фигура Сталина стала отбрасывать уже заметную тень. Постепенно она росла. В 30-е годы эта тень стала огромной. В последние годы жизни — гигантской.

Кто мог даже предположить до 1917 года, что незаметный подпольщик после 1922 года станет стремительно подниматься на вершину власти? Сталин как бы раздвинул плотные шеренги ленинской когорты и быстро выдвинулся из ее глубоких рядов в головную группу. А затем — стал впереди нее. И уж тем более никто не мог и подумать, что после смерти Ленина эта группа, это ядро известных большевиков начнет быстро таять и уменьшаться. Чем выше поднимался Сталин, тем меньше подле него оставалось людей, которые вместе с Лениным зажгли факел революции.

До ее начала этот человек был, пожалуй, больше известен различным отделениям департамента полиции. При каждом новом контакте жандармского управления с Джугашвили там его аккуратно фотографировали анфас и профиль. Так, на бланке Бакинского губернского жандармского управления в этих двух позах запечатлен тщедушный небритый молодой человек, который через два десятилетия станет генеральным секретарем ленинской партии.

Жандармы не отличались умением охранять заключенных, зато описание "государственных преступников" делали дотошно. Под фотографиями, в тексте, сообщается, что Джугашвили "худ", волосы у него "черные и густые", "бороды нет и усы тонкие", лицо "рябое, с оспинными знаками", форма головы "овальная", лоб "прямой и невысокий", брови "дугообразные", глаза "впалые карие с желтизной", нос "прямой", рост "средний 2 арш. 4,5 верш.", телосложения "посредственного", подбородок "острый", голос "тихий", "на левом ухе родинка", руки — "одна из них, левая, сухая", на левой ноге "2 и 3-й пальцы сросшиеся" и еще десятка два других примет. Когда Джугашвили-Сталин станет могущественным человеком, его блюстители государственной безопасности не станут зани-

маться такими пустяками. Ведь ни одному из политических заключенных в его эпоху не удастся совершить, как ему, пять побегов. Для определения в будущем судеб многих, многих тысяч его, Сталина, потенциальных противников не будет иметь никакого значения, на каком ухе родинка и сколько аршин и вершков рост "врага народа". И критерии, и масштабы будут другими.

Думаю, что читателя интересуют не физические и внешние данные будущего "вождя", которые можно рассмотреть анфас и профиль, а те политические и нравственные параметры, с которыми он пришел к 1917 году. Скажу сразу, Сталин не был "злодеем" с детства, как порой теперь кое-кто считает. Но о его детстве нужно вспомнить, чтобы лучше понять характер зрелого Сталина.

О детских годах Джугашвили мало что известно. Сам Сталин не любил вспоминать об этом времени. Детство было беспросветно безрадостным. Екатерина и Виссарион Джугашвили, бедные крестьяне, а затем горийские плебеи, жили в страшной нужде. Из троих сыновей Михаил и Георгий, не прожив и года, скончались, остался лишь Сосо (Иосиф). Но и он, заболев в возрасте пяти лет черной оспой, едва выжил, дав основания жандармам в графе "особые приметы" регулярно писать: "лицо рябое, с оспинными знаками". Как писал И. Иремашвили, грузинский меньшевик, знавший семью Джугашвили, отец Сталина, сапожник-кустарь, сильно пил. Матери и Сосо часто выпадали жестокие побои. Пьяный отец, прежде чем уснуть, норовил дать затрещину своенравному мальчишке, явно не любившему отца. Уже тогда Сосо научился хитрить, избегая встреч с пьяным родителем. Несправедливые побои ожесточили мальчика. Мать же целиком посвятила себя сыну. Именно по ее настоянию и ценой огромных усилий Сосо устроили в духовное училище, а затем и в семинарию. Семейный разлад продолжался. Вскоре произошел окончательный разрыв матери с отцом, который перебрался в Тифлис, где в безвестности умер в ночлежке и был похоронен за казенный счет.

После того как И. Джугашвили стал на тропу профессионального революционера, он навсегда покинул родительский дом. Как удалось установить, с 1903 года он всего четыре-пять раз видел мать. Екатерина Георгиевна первый раз побывала у сына в Москве как раз в год, когда Сталин стал генсеком. Последний раз Сталин видел мать в 1935 году. Думал ли сын о том, что неукротимое желание неграмотной женщины "вытолкнуть" его из нужды наверх дало ему тот первый шанс, кото-

рый он использовал? Через два года после этой встречи, дожив до июля трагического тридцать седьмого года, мать Сталина тихо скончалась в глубокой старости.

В декабре 1931 года немецкий писатель Эмиль Людвиг, беседуя со Сталиным, спросил собеседника:

— Что Вас толкнуло на оппозиционность? Быть может, плохое обращение со стороны родителей?

— Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем не плохо[1].

Все, что нам известно о ранних годах И. Джугашвили, дает основание предположить, что сказанное "вождем" немецкому писателю о родителях относилось лишь к его матери. Людвиг, в свое время написавший очерки-портреты Муссолини, кайзера Вильгельма, Масарика, пытался с помощью одной часовой беседы проникнуть и во внутренний мир "загадочного советского диктатора". Едва ли это ему удалось. В частности, о ранних годах своего становления Сталин не захотел распространяться.

Рассматривая Сталина через призму нравственного "анфаса и профиля", нельзя не сказать, что, обучаясь в духовных учебных заведениях, мальчик обнаружил неплохие способности и феноменальную память. Религиозные тексты осваивались Сосо быстрее других. Книги Ветхого и Нового завета вначале пробудили у семинариста неподдельный интерес. Он старался постичь идею единого бога как носителя абсолютной благости, абсолютного могущества и абсолютного знания. Однако длительное изучение теологии как синтеза догматов и моральных принципов вскоре наскучило Джугашвили. Незаметно для него самого (а ведь проучился Сосо в духовных заведениях в общей сложности более десяти лет) в сознании способного ученика сформировались важные для его дальнейшей судьбы особенности мышления и действия. К десяти годам религиозной учебы следует приплюсовать столько же лет тюрем и ссылок, выпавших на долю Кобы*. Положение отверженного, преданного обществом остракизму усиливало у молодого революционера глухую, но устойчивую ожесточенность и неудовлетворенность судьбой. Причудливый синтез усвоенных, но отвергнутых религиозных постулатов, роль социального изгоя и как результат — смутная тяга к "мятежной" деятельности, несомненно, оставили свой след в характере молодого Сталина. Первые полтора

---

* Коба — один из героев повести грузинского писателя А. Казбеги "Отцеубийца" о борьбе крестьян-горцев за свободу и независимость.

десятка лет становления, прошедшие в семинарских кельях и тюремных камерах, не могли не сказаться в конечном счете на интеллекте, чувствах и воле профессионального революционера. В мышлении, в частности, это проявилось в ряде особенностей.

Одна из них — стремление любое знание систематизировать и классифицировать, раскладывать на интеллектуальные "полочки". А это характеризует, если так можно сказать, "катехизисное мышление". Как правило, такое мышление создает у окружающих впечатление, что это человек "организованного", последовательного ума. Другая особенность сталинского мышления связана с отсутствием серьезного критического отношения к собственным идеям и поступкам. Джугашвили всю жизнь верил в постулаты — сначала христианские, а затем марксистские. Все, что не вписывалось в прокрустово ложе усвоенных концепций и схем, Сосо считал еретическим, а затем и оппортунистическим. Но поскольку он сам редко подвергал сомнению истинность тех или иных фундаментальных теоретических положений, в которые верил, то не считал необходнмым критически относиться и к собственным взглядам и намерениям. Ведь он никогда не отступал, по его мнению, от классических принципов марксизма. Пожалуй, он отдавал первенство вере, а не истине, хотя, наверное, не признался бы в этом и самому себе. Хорошо, когда вера в идеалы и ценности есть. Но хорошо ли, если она, вера, оттесняет истину на задний план? Религиозная пища и социальное положение способствовали выработке у Джугашвили скрытого, но глубокого эгоцентризма как преувеличения роли своего "я" в ткани окружающего бытия.

Сталин рано понял, что в жизни ему не на кого надеяться, кроме как на себя. Товарищи в Баку, Тифлисе не раз говорили Кобе: "У тебя крепкая воля". Похвала импонировала. Джугашвили решил закрепить эту особенность своего характера в революционном псевдониме, подобрав себе "железную" фамилию. С 1912 года свои статьи Джугашвили уже подписывал "Сталин". Впрочем, не только ему хотелось твердость характера или суждений зафиксировать в фамилии. Революционер Л.Б. Розенфельд, например, далеко не обладавший такой волей, как Джугашвили, решил довольствоваться псевдоннмом "Каменев". Но "камень" со временем, как покажет история, не устоит перед "сталью". Сталин хотел в е р и т ь: в свою волю, свою неуязвимость, свое место регионального вожака. Вера — этот цемент догматизма — была у Сталина всегда.

Религиозное образование способствовало формированию у Джугашвили-Сталина устойчивого догматического мышления. Хотя будущий "вождь" сам нередко подвергал догматизм критике, понимая его, однако, вульгарно-упрощенно. Он был склонен всегда жестко канонизировать те или другие положения марксистской теории, приходя часто к глубоко ошибочным выводам. Так, абсолютизация сути и значения классовой борьбы привела его в 30-е годы к ложной формуле "об обострении классовой борьбы по мере достижения успехов в социалистическом строительстве". Оппортунизм, фракционность, инакомыслие, например, для Сталина всегда были синонимами классового противника. Диктатура пролетариата виделась бывшим семинаристом главным образом через призму социального насилия вне созидательного начала и т.д.

Сталин в предверии революции был в состоянии усвоить основные положения марксизма, но без ярко выраженной способности их творческого применения. Влияние религиозного образования (а иного Джугашвили не имел) сказалось, подчеркну еще раз, прежде всего не на содержании его взглядов, а на методологии мышления. От пут догматизма, не всегда, правда, ярко выраженных, Сталин не смог освободиться до конца своей жизни.

У Сталина почти не было близких друзей, особенно таких, к которым бы он сохранил теплые чувства на всю жизнь. Политические расчеты, эмоциональная сухость и нравственная глухота не позволили ему приобрести и сохранить друзей. Тем удивительнее, что на исходе своей жизни Сталин вспомнил именно о своих "однокашниках" по духовному училищу и семинарии. Об этом свидетельствует, например, такой факт.

Во время войны Сталин однажды случайно увидел, что в сейфе его помощника А.Н. Поскребышева находится большая сумма денег.

— Что это за деньги? — недоуменно и в то же время подозрительно спросил Сталин, глядя не на пачки купюр, а на своего помощника.

— Это Ваши депутатские деньги. Они накопились за много лет. Я беру отсюда лишь для того, чтобы заплатить за Вас партийные взносы, — ответил Поскребышев.

Сталин промолчал, но через несколько дней распорядился выслать Петру Копанадзе, Григорию Глурджидзе, Михаилу Дзерадзе довольно большие денежные переводы. Сталин на листке бумаги собственноручно написал:

"1) Моему другу Пете — 40 000,

2) 30 000 рублей Грише,

3) 30 000 рублей Дзерадзе.

9 мая 1944 г. *Сосо"*.

В этот же день набросал еще одну коротенькую записку на грузинском языке:

"Гриша!

Прими от меня небольшой подарок.

9.05.44.Твой *Сосо*"[2].

В личном архиве Сталина сохранилось несколько аналогичных записок. На седьмом десятке лет, в разгар войны, Сталин неожиданно проявил филантропические наклонности. Но характерно, что вспомнил он друзей из далекой молодости: по учебе в духовном училище и семинарии. Это тем более удивительно, что Сталин никогда не отличался склонностью к сентиментальности, душевности, нравственной доброте. Правда, мне известен еще один филантропический поступок, который совершил Сталин уже после войны. "Вождь" направил письмо такого содержания в поселок Пчелка Парбигского района Томской области.

"Тов. Соломин В.Г.

Получил Ваше письмо от 16 января 1947 г., посланное через академика Цицина. Я еще не забыл Вас и друзей из Туруханска и, должно быть, не забуду. Посылаю Вам из моего депутатского жалования шесть тысяч рублей. Эта сумма не так велика, но все же Вам пригодится.

Желаю Вам здоровья.

И. Сталин"[3].

В местах своей последней ссылки, как рассказывал мне старый большевик И.Д. Перфильев, сосланный в эти края уже в советское время, у Сталина была связь с местной жительницей, от которой появился ребенок. Сам "вождь", разумеется, никогда и нигде не упоминал об этом факте. Мне не удалось установить: проявлял ли Сталин заботу об этой женщине, чей путь пересекся с этапной дорогой ссыльного революционера, или дело ограничилось признанием, что, "должно быть", друзей из Туруханска "он не забудет".

Сухость, холодность, расчетливость и осторожность Сталина, возможно, усугубились тяготами жизни профессионального революционера, вынужденного с 1901 по 1917 год находиться на нелегальном положении, часто попадать в тюрьмы и ссылки. Все, знавшие тогда Сталина, отмечали его редкую способность к самообладанию, выдержке и невозмутимости. Он мог спать среди шума, хладнокровно воспринять приговор, стойко

переносить жандармские порядки на этапе. Пожалуй, единственный раз его видели потрясенным, когда скончалась от брюшного тифа его молодая жена, оставившая мужу-скитальцу двухмесячного сына Якова. Мальчика вскормила сердобольная женщина по фамилии Монаселидзе, а Сталин стал еще более черствым.

Находясь с начала 1914 года в своей последней перед революцией ссылке в Туруханском крае вместе с Я.М. Свердловым и другими революционерами, Сталин показал себя нелюдимым и мрачным человеком. В ряде писем из ссылки Свердлов называет Сталина "большим индивидуалистом в обыденной жизни"[4]. Прибыв в ссылку уже членом ЦК партии (там были в то время еще три члена Центрального Комитета — Я.М. Свердлов, С.С. Спандарян и Ф.И. Голощекин), Сталин держал себя замкнуто, сдержанно. Его как будто интересовали лишь охота и рыбалка, к которым он пристрастился. Правда, одно время Сталин хотел заняться изучением эсперанто (один из ссыльных привез учебник), но быстро остыл к этой затее. Его отшельничество нарушали лишь эпизодические поездки к Сурену Спандаряну, жившему в селе Монастырском. На собраниях, которые устраивали ссыльные, Сталин обычно отмалчивался, отделываясь лишь репликами. Складывалось впечатление, что Сталин просто чего-то ждал или уже устал от побегов. Во всяком случае, его общественная пассивность последние два-три года перед революцией поразительна.

Казалось, окрыленный написанием удачной работы "Марксизм и национальный вопрос", завершенной им в январские дни 1913 года в Вене, Сталин свое столь долгое пребывание в ссылке, где он не был обременен какими-либо обязанностями, использует для литературного труда. Ему, видимо, была известна высокая оценка В.И. Лениным его статьи по национальному вопросу[5]. Однако она не вдохновила Сталина на дальнейшее углубленное изучение проблемы. Творческое и общественное бесплодие этих лет, продолжавшееся довольно долгое время, свидетельствует о духовной депрессии ссыльного. За четыре года, при наличии библиотеки, уймы свободного времени Сталин даже не попытался создать что-либо серьезное. Кстати, дважды до этого высылаемый в Сольвычегодск в 1908 и 1910 годах, Джугашвили вел себя так же. Похоже, что не только полная, но и частичная изоляция от революционных центров повергала Сталина (если он не бежал) в состояние пассивного выжидания. Когда он станет могущественным, то это умение выжидать будет уже не пассивным, а тонко рассчитанным.

Обычно ссыльные и арестованные революционеры, как свидетельствуют их воспоминания, очень много читали. Для них тюрьма была своеобразным университетом. Как вспоминал Г.К. Орджоникидзе, в Шлиссельбургской крепости он прочел Адама Смита, Рикардо, Плеханова, Богданова, Джемса, Тейлора, Беккера, Ключевского, Костомарова, Достоевского, Ибсена, Бунина...[6] Сталин немало читал и всегда удивлялся, как беззубо царский режим борется со своими "могильщиками" — можно было не работать, сколько угодно читать и даже бежать. Для побега из ссылки в основном нужно было лишь желание. Может быть, уже тогда он пришел к выводу, который оглашал впоследствии не раз, что твердая власть должна иметь сильные карательные органы. Став "вождем" и устроив кровавую чистку в государстве, Сталин согласился с предложением Ежова об изменении режима содержания политических заключенных. Именно по его настоянию на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года в резолюции по докладу Ежова был внесен специальный пункт о том, что "тюремный режим для врагов Советской власти (троцкистов, зиновьевцев, эсеров и др.) — нетерпим. Он больше походит на принудительные дома отдыха, чем на тюрьмы. Допускается общение, сношение письмами с волей, получение посылок и т.д."[7]. Меры, разумеется, были приняты. Ни о каких "университетах" для несчастных не могло быть и речи. Люди, попавшие в далекие лагеря во времена единовластия Сталина, вели отчаянную борьбу за свое выживание. Удавалось это далеко не всем.

Даже отдельные случаи побегов были событиями и о них докладывали Сталину. Так 30 июня 1948 года министр внутренних дел сообщал Сталину и Берии:

"МВД СССР докладывает, что 23 июня с.г. из Обского исправительно-трудового лагеря при Северном железнодорожном строительстве МВД СССР группа заключенных в количестве 33 человек, обезоружив двух охранявших их солдат, захватив две винтовки с 40 патронами, совершила побег вверх по левому берегу Оби...

По состоянию на 29 июня из убежавших 4 убито, задержано 12, остальные преследуются...

С. Круглов"[8].

Сталин распорядился выехать на место ответственному лицу и организовать поимку остальных, с обязательным докладом ему по окончании "операции". Его карательные органы были не чета жандармскому управлению царя.

Читая газеты, приходившие с большим опозданием в Туру-

ханский край, в станок Курейка, будущий "вождь" не мог не чувствовать, что назревают большие события. Однако, когда разразилась мировая бойня, последние признаки какой-то общественной активности поселенца прекратились. Невольно складывалось впечатление, что Сталин уже не хотел вырваться из ссылки, хотя сначала и собирался, по двум причинам: из-за трудностей, ожидавших его при нелегальном положении в военное время, а также из-за нежелания попасть в армию в ходе мобилизации. Впрочем, когда в феврале 1917 года призывная комиссия в Красноярске намеревалась поставить Сталина в "строй", он был признан полностью негодным к военной службе из-за физических недостатков (сухой руки и дефекта ноги).

Эти четыре года ссылки, когда в обществе постепенно множились невидимые ручейки социальной напряженности, когда росло недовольство народа империалистической войной, Сталин словно что-то выжидал. Может быть, к нему, уже пожившему человеку, пришло разочарование бесплодностью двух десятилетий революционной деятельности? Или Сталин предчувствовал, что ему скоро предстоит вступить совсем в иной этап жизни и борьбы? А может быть, его коснулось неверие в возможность опрокинуть самодержавие? Никто этого никогда не узнает. Об этом периоде своей жизни Сталин ничего не писал и рассказывал очень мало.

Сталин все четыре года был пассивен, ничего практически не писал, совершенно не проявил себя как член Центрального Комитета партии. Фактическими лидерами в ссылке стали Спандарян и Свердлов. Ссыльные группировались вокруг этих двух фигур. Сталин держался особняком, хотя и не скрывал своих сдержанных симпатий к Спандаряну. Неистовому революционеру Сурену Спандаряну не суждено было увидеть зарево революции: он заболел и скончался в ссылке в 1916 году.

Думается, что период длительной духовной депрессии, наблюдавшейся у Сталина в ссылке, был временем его личного выбора, временем раздумья о прожитом и грядущем. Где-то рос его сын, которому он пока ничего не дал и не мог дать. Он мало что знал и о судьбе матери. Ему было уже под сорок, а перспективы его будущего были туманны. У Сталина не было никакой специальности, он ничего не умел делать, практически никогда не работал. К слову сказать, 30 лет нашей партией и страной руководил человек, не имевший никакой профессии, если не считать профессии священника-недоучки. Если, допустим, Скрябин (Молотов) окончил реальное училище, недоучившийся студент Маленков проявил себя в молодости как стара-

тельный технический секретарь аппарата, а Каганович был неплохим сапожником, то Сталин даже сапожником, как его отец, не был. Полицейские в графе анкеты "Знает ли мастерство (профессия)" делали прочерк или писали "конторщик". Сам Сталин, заполняя анкеты накануне партийных съездов и конференций, испытывал затруднение при ответе на вопросы о роде занятий и социальном происхождении. Например, в анкете делегата XI съезда РКП(б), в котором он участвовал с совещательным голосом, на вопрос: "К какой социальной группе себя причисляете (рабочий, крестьянин, служащий)?" — Сталин не решился что-либо ответить, оставив графу чистой[9].

Будущий генсек, являясь профессиональным революционером, знал жизнь рабочего, крестьянина, служащего хуже, чем, допустим, ссыльного или заключенного. Возможно, это было неизбежно в тех условиях, но вместе с тем явилось устойчивой чертой его личности: Сталин знал о жизни трудящихся как будто много, но... со стороны, поверхностно. Правда, придет время, он все будет "знать и уметь". Туруханское долгое молчание, возможно, было своеобразной "ревизией" уже немалой по срокам жизни. Все говорило за то, что сходить с революционной тропы Сталину было поздно. Сообщения о росте антивоенных настроений и новом подъеме революционного движения в Петрограде постепенно вернули Сталину уверенность в себе, привели поселенца в былую "боевую" форму.

Правда, имеются и иные свидетельства об этом периоде биографии Сталина. Например, в брошюре старой большевички Веры Швейцер "Сталин в Туруханской ссылке. Воспоминания подпольщика", написанной в 1939 году, утверждается, что Сталин с началом империалистической войны был активен и тут же выступил со специальным письмом, осуждающим "оборончество". Мол, интернациональная позиция, как утверждалось автором книги, была занята им быстро. Однако это письмо не только не сохранилось, но о нем никогда не вспоминал и не слышал никто из тех, кто нес тогда свой крест в далеком Туруханском крае. В. Швейцер, правдиво описав жизнь, быт ссыльных, едва ли была вольна так же писать о Сталине в разгар кровавых чисток. Она пишет, например, что "тезисы Ленина **подтвердили** его (Сталина. — *Прим. Д.В.)* установку по вопросу о войне", что, мол, уже в то время Сталин в беседах с товарищами предупреждал, что Каменеву нельзя доверять, что он "способен предать революцию", что "Сталин переводил в ссылке книгу Розы Люксембург на русский язык", что все время "товарищ Сталин напряженно работал", жил "одними думами,

одними стремлениями с Владимиром Ильичем" и т.д.[10] Апологетический характер подобных свидетельств очевиден. Но в те годы о Сталине и не могли появиться объективные работы — в этом не приходится сомневаться.

Копаясь в архивах, анализируя воспоминания, свидетельства находившихся в Туруханской ссылке (а в конце концов там подобралась "солидная компания": Голощекин, Каменев, Свердлов, Спандарян, Сталин, Петровский), приходишь к выводу, что четыре года накануне Октябрьской революции были самыми пассивными в жизни Сталина. Полярные ветры и сибирские холода в снежной пустыне словно "заморозили" у Сталина интеллектуальные центры социальной и общественной активности. Могло бы показаться просто невероятным и диким предположение, что человек со свалявшейся шевелюрой, долгие годы лежавший на убогом топчане и думавший о чем-то своем под вой нескончаемой пурги, через несколько лет возглавит могущественную партию огромного государства. Сталин ждал, регистрировал события, обдумывал линию своей жизни на будущее. Кто знает, что пробегало у него перед глазами в калейдоскопе его воспоминаний: Таммерфорс, Батумская тюрьма, Вологда, квартира Аллилуева или его маленький сынишка, которого он не видел столько лет? Человеческие мысли, если они не материализуются в делах, поступках, свершениях, похожи на бесконечную игру облаков. Их эфемерность неуловима и неповторима. О чем думал в эти годы будущий "вождь", натягивая до подбородка собачью доху, готовясь заснуть?

Рассматривая Сталина "анфас и профиль" накануне революции через призму современного знания, нельзя не упомянуть об устойчивой репутации "экспроприатора", долго державшейся за будущим генсеком.

В начале века среди некоторых радикалов в рабочем движении были распространены взгляды о "допустимости" экспроприаций в "интересах революционного движения". В письменных свидетельствах Дана, Мартова, Суварина, ряда других современников Сталина указывается, что "кавказский боевик Джугашвили" причастен к некоторым экспроприациям если не непосредственно, то как один из организаторов. В частности, Мартов утверждал, что знаменитое по дерзости нападение 1907 года в Тифлисе на казачий конвой, сопровождавший экипаж с деньгами, "не обошлось без Сталина". Было "экспроприировано" около 300 тысяч рублей. По этому поводу Мартов писал: "Кавказские большевики примазывались к разного рода удалым предприятиям экспроприаторского рода; это известно и

т. Сталину, который в свое время был исключен из партийной организации за прикосновенность к экспроприации"[11].

Известно, что Сталин настойчиво пытался привлечь Мартова к ответственности за клевету. Выступая, однако, по поводу заявления Мартова, Сталин делал акцент на том, что он никогда не исключался из партийной организации, обходя вопрос о своем непосредственном участии в акциях экспроприаторов. Косвенное подтверждение своего участия в экспроприациях Сталин дал и в беседе с Э. Людвигом. Тот, в частности, спросил его:

— В Вашей биографии имеются моменты, так сказать, "разбойных" выступлений. Интересовались ли Вы личностью Степана Разина? Каково Ваше отношение к нему как "идейному разбойнику"?

— Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев, и др.[12]

Рассуждая и дальше об этих крестьянских вождях, Сталин ни словом не обмолвился о собственных "разбойных" выступлениях, сознательно уйдя от какого-либо ответа на этот вопрос. Годы участия в революционной деятельности, хотя и на региональном уровне, романтический ореол "экспроприатора", прошедшего этапы, тюрьмы, сибирские ссылки, исподволь создавали Сталину репутацию "боевика", практика, человека дела. Скорее всего такая характеристика близка к действительности с учетом, однако, его пассивности во время последней ссылки.

Конечно, на становление Сталина как марксиста большое влияние оказал В.И. Ленин. Известно его первое письмо, написанное в декабре 1903 года Сталину в Иркутскую губернию, село Новая Уда, где тот находился в ссылке. Владимир Ильич, очень внимательно присматривавшийся к революционерам с национальных окраин, заметил И. Джугашвили по ряду небольших публикаций в партийной печати и рассказам товарищей. В своем письме он разъяснял Джугашвили некоторые насущные проблемы партийной работы. Первый раз об этом письме И.В. Сталин публично вспомнил на вечере кремлевских курсантов в конце января 1924 года, посвященном памяти В.И. Ленина. Глухим, невыразительным голосом Сталин рассказывал о своих встречах с Лениным:

"Впервые я познакомился с Лениным в 1903 году. Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки. Письмецо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и за-

мечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период... Это простое и смелое письмецо еще больше укрепило меня в том, что мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии. Не могу себе простить, что это письмо Ленина, как и многие другие письма, по привычке старого подпольщика, я предал сожжению"[13].

Сталин не мог пожаловаться на невнимательность Ленина к себе. Когда он находился накануне революции в Сибири, на заседании ЦК РСДРП(б), проходившем под руководством Ленина, обсуждался специальный вопрос об организации побега из ссылки Я.М. Свердлова и И.В. Сталина[14]. Несколько раньше Владимир Ильич высылает Сталину в туруханскую ссылку 120 франков[15]. Ленин внимательно отнесся к письму Сталина из ссылки, в котором ставился вопрос о возможности издания статьи о "культурно-национальной автономии" и брошюры "Марксизм и национальный вопрос" в виде отдельного сборника[16].

До 1917 года состоялось несколько встреч Сталина с Лениным. Из них наиболее продолжительной была встреча в Кракове. Имели место контакты Сталина с Лениным и ранее — во время IV съезда партии в Стокгольме, V съезда в Лондоне. Однако позже Сталин эти встречи стал рассматривать иначе. Уже в 1931 году он заявлял: "Всегда, когда я к нему приезжал за границу — в 1906, 1907, 1912, 1913 годах..."[17] Выходит, Сталин отправлялся не на съезды и совещания, а "ездил к Ленину". Такое смещение биографических акцентов впоследствии "работало" на концепцию "двух вождей", создание мифа об особых отношениях Сталина с Лениным еще до революции. Правда, Сталин в своих утверждениях о близких отношениях с Владимиром Ильичем проявлял привычную для него осторожность. Вот пример.

Незадолго до начала войны на имя Поскребышева пришло письмо следующего содержания.

"Тов. Поскребышеву.

Прошу согласовать вопрос о возможности опубликования в печати информации: "Музей революции к ленинским дням".

Ответственный руководитель ТАСС

Я.Хавинсон

5 января 1940 г.".

К письму был приложен документ для "согласования".

"В.И. Ленину, через Крупскую, в Краков, 7 марта 1912 г.

Транспорт литературы около двух пудов привезли. Средств

у нас нет ни копейки. Сообщите куда следует, пусть посылают смену людей или шлют денег...

С товарищеским приветом *Чижиков*".

Сталин ниже, на документе, резюмировал:

"Письмо Чижикова — не мое письмо, хотя я и ходил одно время под фамилией Чижикова.

И. Сталин"[18].

Сталин мог бы добавить, что он "ходил" не только под фамилией Чижикова, но и Ивановича, Чопура, Гилашвили. В данном случае то ли кому-то "передали" фамилию Чижикова, то ли Сталин посчитал, что такое письмо его не "поднимает", но ясно одно: "вождь" не захотел хотя бы временно, хотя бы мысленно вернуться в прошлое. Даже в связи с Лениным.

Из искусства дореволюционной конспирации Сталин вынес немалое умение перевоплощаться. Он был одним на Политбюро, другим — выступая на съезде, третьим — беседуя со стахановцами. Не все могли сразу заметить эти перемены, но они были. Сталин в узком кругу мог быть более жестким, нежели "являясь народу". Об этом свидетельствуют люди, долго работавшие рядом с генсеком. В жизни все мы играем свои социальные роли. Хорошо или плохо. Понимаем это или не понимаем. Многие естественны в этой роли: труженика, матери, отца, учителя, сына, дочери. Самые искренние "актеры" — дети. Однако многие из тех, кто находится на высоких этажах социальной иерархии, именно играют свои роли. Порой фальшиво. Иногда естественно. Но... играют. Может быть, потому, что человек, находясь на вершине, попадает в поле зрения многих, замечающих даже мелочи. А власть человека над другими людьми всегда зависит не только от силы, но и от впечатления, "видимости" образа, привлекательности или непривлекательности руководителя. Находясь в Курейке, Сталин еще не думал об этом. Он все поймет позже. Тем более что до революции мало кто внимательно приглядывался к Сталину. В его невнушительной фигуре, тихой речи, вкрадчивых манерах никто не мог бы усмотреть будущего диктатора.

Работа Сталина в Баку, Кутаиси и Тифлисе показала наличие у Кобы неплохих организаторских способностей. Но уже тогда проницательные подпольщики заметили, что Сталин смотрит на партийные организации как на аппарат, механизм, машину реализации тех или иных решений. Большевики А.С. Енукидзе, П.А. Джапаридзе, С.Г. Шаумян, например, были более известны среди рабочих, чем Джугашвили. Не уступая им в марксистской подготовке, опыте подпольной деятельнос-

ти, Джугашвили заметно отставал от этих признанных лидеров Закавказья в личной популярности. У него еще не было аппарата, который появится позже, чтобы настойчиво создавать эту популярность.

Подходил конец не только ссылки Сталина. Катилась к финалу и династия Романовых. Еще немногие могли предположить, что многовековое здание самодержавия менее чем через год рухнет и станет ареной ожесточенной борьбы двух начал: нового, революционного, и старого, консервативного. Свою роль в этой борьбе сыграет и человек, чьи анфас и профиль в России были пока совершенно незнакомы.

Февральский пролог

Могут ли быть "сигналы" из будущего? Кто скажет? Может быть, это возможно только в легендах, мифах. пророчествах, предсказаниях? Скупые вести, докатывавшиеся до Курейки, будоражили воображение, вызывали жаркие споры, отдавались упругими ударами сердца и покалыванием в висках. Сталин как-то сразу почувствовал приближение из-за горизонта будущего, которое виделось ему в контурах смутной надежды. Ведь только революция могла изменить положение ссыльного. В обычной жизни он обречен на прозябание. Ни профессии, ни дома. А самое страшное для человека — когда его нигде не ждут. Революционные толчки встряхнули Сталина. Она, эта надежда, росла, отодвигая куда-то в глубь стылых снежных равнин неверие, сомнения, колебания. Пожалуй, и сама жизнь есть вечная надежда. Как только она умирает, человеку уже нечего делать на этой земле.

Возможно, в канун нового, 1917 года Сталин чувствовал, что скоро вновь окажется в городе на Неве, где он так нелепо был схвачен охранкой четыре года тому назад на вечеринке, устроенной Петербургским комитетом большевиков в зале Калашниковской биржи. Ссыльные рвались на волю, где зрели бурные события.

Угрюмый грузин, хотя и был уже с 1912 года членом Центрального Комитета партии, кооптированным в его состав Пражской конференцией РСДРП(б), так и не стал среди ссыльных популярной личностью. Правда, он довольно близко сошелся с Каменевым. На одной из фотографий, сделанной в Мо-

настырском, Сталин — рядом с ним, своим будущим союзником, а затем и противником. По своему характеру Сталин всегда был замкнут и малодоступен. Едва ли перед кем-нибудь он был готов открыть душу и пойти на тесные дружеские контакты. Его не привлекала пестрая община ссыльных с ее ожиданиями, обсуждениями писем, вестей с воли, семейными заботами, многочисленными спорами и проектами о бесклассовом обществе, полном справедливости, священном равенстве... Ему был чужд, как тогда говорили, "аристократизм духа"; не случайно уже после Октября он однажды назвал себя "чернорабочим революции". В глазах тех, кто его знал тогда, Сталин выглядел "боевиком", практиком подполья, но без большого полета мысли и фантазии.

Пожалуй, любимой литературой большевиков того времени были книги о Великой французской буржуазной революции XVIII века, Парижской коммуне. День 14 июля, Бастилия, Версаль, "Декларация прав человека и гражданина", якобинцы, клуб кордельеров, Конвент, гильотинирование Людовика XVI и Марии-Антуанетты, диктатура, Робеспьер, Дантон, 9 термидора... Сталин долгими зимними вечерами при скудных бликах свечи поглощал страницу за страницей зачитанной донельзя книги А. Олара "Политическая история французской революции...", которую ему дал Свердлов. Вживаясь в образы, атмосферу, накал страстей давно ушедшего времени, Сталин впервые постигал тайны "той" революции. До этого он почти ничего не читал о ней. Революция представала пред ним то безжалостной фурией, то грозным социальным шквалом, сметающим все на своем пути. Сталин почти физически ощутил трагические последствия нерешительности Робеспьера, когда заговор был раскрыт. Нет, он бы медлить и колебаться не стал...

Пока Курейка цепко, словно приморозив, держала ссыльных, в России зрели невиданные доселе события. Молох первой мировой войны уже тридцать месяцев собирал свою кровавую жатву. Залитые грязью и кровью окопы, газовые атаки, застывшие серые пятна солдатских фигур на колючей проволоке были далеко от Сталина. Но из редких сообщений он знал, что в стране резко упало промышленное производство, наступал голод, быстро росло недовольство народных масс. Война до предела обострила кризис Российской империи. Назревал революционный взрыв.

Буржуазия надеялась найти выход в монархических рокировках, попытках утвердить демократию западного типа. Министерская чехарда лишь усугубляла положение режима. За три

года войны сменилось четыре председателя Совета Министров, десятки других руководителей государственных ведомств. А дела на фронте шли все хуже. Об уровне руководства войсками можно судить, в частности, по такому примеру. Военный министр генерал А.А. Поливанов телеграфировал с фронта в царский дворец: "Уповаю на пространства непроходимые, на грязь невылазную и на милость угодника Николая, покровителя Святой Руси".

Николай II, при всей его заурядности, долго и довольно умело лавировал, искал компромиссы, готов был идти на частичные уступки буржуазии, лишь бы сохранить монархию. Но роковой час для нее уже пробил. Председатель последней Думы лидер октябристов М.В. Родзянко за три недели до краха самодержавия сказал царю: "Вокруг Вас, государь, не осталось ни одного надежного и честного человека: все лучшие удалены или ушли, остались только те, которые пользуются дурной славой". Председатель Думы уговаривал, умолял царя "даровать народу конституцию", чтобы спасти престол[19]. Но спасти его уже ничто не могло.

Мы снова идем к революции, писал В.И. Ленин, анализируя политическую ситуацию в стране, чутко прислушиваясь в далекой Швейцарии к нарастающему, как во время землетрясения, гулу грядущей революции. Первым и центральным актом февральского пролога явилось крушение самодержавия. Ссыльные, среди которых был и Сталин, верившие в возможность этого крушения, не думали, что оно произойдет так быстро. Сталин, обращаясь к урокам революции 1905 года, вспоминая детали недавно прочитанной книги о Великой французской революции, понимал, что в ближайшее время должно случиться то, чем оправдывалось само существование их как профессиональных революционеров.

Один из контрреволюционных деятелей того времени В.В. Шульгин, проживший почти вековую жизнь, в своих известных мемуарах "Дни" вспоминал подробности этого акта. Когда они с А.И. Гучковым по поручению Временного комитета Государственной думы прибыли 2 марта 1917 года в Псков для принятия отречения царя от престола, то надеялись еще спасти монархию. "Император, — пишет Шульгин, — как всегда, был спокоен. После сбивчивой речи Гучкова Николай монотонным голосом, не выдавая своих эмоций, сухо произнес:

— Я принял решение отречься от престола. До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына,

Алексея... Но к этому времени я переменил решение в пользу брата Михаила..."

Сделаем, однако, одно отступление.

В это время группа ссыльных из Монастырского, Курейки уже находилась в Красноярске, Канске, Ачинске. Сталин с Каменевым были в Ачинске. Известие об отречении Николая в пользу Михаила и об отказе последнего принять корону встретили восторженно. Телеграмму с поздравлениями Михаилу "за его великодушие и гражданственность" неожиданно для Сталина подписал и Каменев. Спустя девять лет этот факт всплыл на поверхность на заседании Исполкома Коминтерна (ИККИ). Сталин постарался "монархическую слабость" Каменева максимально использовать. Его выступление высвечивает и как бы приближает то далекое время февраля — марта 1917 года.

"Дело происходило в городе Ачинске в 1917 году, — необычно возбужденно начал Сталин, — после февральской революции, где я был ссыльным вместе с тов. Каменевым. Был банкет или митинг, я не помню хорошо, и вот на этом собрании несколько граждан вместе с тов. Каменевым послали телеграмму на имя Михаила Романова... (*Каменев закричал с места: "Признайся, что лжешь, признайся, что лжешь!"*) Молчите, Каменев. (*Каменев вновь закричал: "Признаешь, что лжешь?"*) Каменев, молчите, а то будет хуже. (*Председательствующий Э.Тельман призывает к порядку Каменева.*) Телеграмма на имя Романова как первого гражданина России была послана несколькими купцами и тов. Каменевым. Я узнал на другой день об этом от самого т. Каменева, который зашел ко мне и сказал, что допустил глупость. (*Каменев вновь с места: "Врешь, никогда тебе ничего подобного не говорил".*) Телеграмма была напечатана во всех газетах, кроме большевистских. Вот факт первый.

Второй факт. В апреле была у нас партконференция и делегаты подняли вопрос о том, что такого человека, как Каменев, из-за этой телеграммы ни в коем случае выбирать в ЦК нельзя. Дважды были устроены закрытые заседания большевиков, где Ленин отстаивал т. Каменева и с трудом отстоял как кандидата в члены ЦК. Только Ленин мог спасти Каменева. Я также отстаивал тогда Каменева.

И третий факт. Совершенно правильно, что "Правда" присоединилась тогда к тексту опровержения, которое опубликовал т. Каменев, т.к. это было единственное средство спасти Каменева и уберечь партию от ударов со стороны врагов. Поэто-

му вы видите, что Каменев способен на то, чтобы солгать и обмануть Коминтерн.

Еще два слова. Так как тов. Каменев здесь пытается уже слабее опровергать то, что является фактом, вы мне разрешите собрать подписи участников Апрельской конференции, тех, кто настаивал на исключении тов. Каменева из ЦК из-за этой телеграммы. *(Троцкий с места: "Только не хватает подписи Ленина".)* Тов. Троцкий, молчали бы вы! *(Троцкий вновь: "Не пугайте, не пугайте...")* Вы идете против правды, а правды вы должны бояться. (*Троцкий с места: "Это сталинская правда, это грубость и нелояльность".*) Я соберу подписи, т.к. телеграмма была подписана Каменевым..."[20]

Мы забежали по времени вперед. Но здесь приведен спор, касающийся событий начала 1917 года. Даже Каменев, считавший себя ортодоксальным марксистом, видел тогда признак революционного достижения в "великодушии Михаила". Это сегодня нам "все ясно" о том далеком уже времени. А тогда маневры царя, буржуазии были способны ставить в тупик и некоторых членов ЦК партии...

Вернемся вновь к мемуарам Шульгина. Отречение царя от престола он выразил патетической фразой:

— В тот момент я как бы услышал, как жалобно зазвенел трехсотлетний металл, ударившись о грязную мостовую. Петропавловский собор резал небо острой иглой. Зарево было кроваво.

В течение нескольких дней, продолжал Шульгин, я присутствовал при отречении двух государей (имея в виду и Михаила). Было впечатление, что все мы взошли на эшафот. На совещании членов комитета Государственной думы Милюков и Гучков просили великого князя Михаила Александровича, моложавого, высокого, худого, принять престол...

После получасового размышления в соседней комнате великий князь вошел, остановился посредине комнаты и сказал:

— При этих условиях я не могу принять престола, потому что...

Он не договорил, потому что... заплакал. Так мелодраматически пресеклась династическая линия Романовых. Шульгин с ядовитым сарказмом добавляет, всхлипывая вместе с царемоднодневкой:

— Россия теперь и не монархия, но и не республика... Государственное образование без названия. А все началось еврейским погромом и кончилось разгромом трехсотлетней династии...[21]

Патетика Шульгина не была просто тоской по минувшему. "Бывшие" еще многое сделают, чтобы всплыли на поверхность Краснов, Корнилов, Врангель, чтобы возникли Добровольческая армия, многочисленные войска интервентов. В своих "Очерках русской смуты" А.И. Деникин вспоминал, что такие монархисты, как генерал Крымов, предлагали "расчистить Петроград силой оружия и, конечно, с кровопролитием". Жаль, вздыхал Деникин, что не прислушались вовремя к таким советам: "Слишком долго мы внимали пасхальному перезвону вместо того, чтобы сразу ударить в набат"[22]. Однако последние два февральских дня 1917 года перечеркнули их последние надежды остановить революцию. Генерал Хабалов окончательно утратил власть над частями, распропагандированными большевиками. В ночь на 28 февраля министры последнего царского правительства оказались в Петропавловской крепости в роли арестованных. Февральская буржуазно-демократическая революция в России победила. То был пролог Великого Октября.

На далеких окраинах тысячи политических ссыльных еще до получения официальных бумаг готовились к отъезду в Петроград, Москву, Киев, Одессу, Тифлис, Баку, другие революционные центры. Если у истории есть высота птичьего полета, то она своими бесстрастными глазами могла видеть, как революционеры — жрецы "праздника угнетенных" со всех концов необъятной России устремились туда, где уже запылал факел освобождения. Сталин с группой таких же бывших ссыльных, добыв билеты в вагон третьего класса, жадно смотрел на огромные заснеженные пространства Сибири, пробегавшие за окном. Он не мог знать, что немногим более чем через десять лет побывает здесь, но уже не в качестве безвестного "чернорабочего революции", а как вождь партии, быстро набирающий силу. Выскакивая на станциях за кипятком, Сталин не мог и предположить, что уже через год-полтора на этой земле, как когда-то в Бретани, Тулоне, Вандее, вспыхнут кровавые мятежи. Сталин еще не знал, что его ждет в Петрограде, чем он будет конкретно заниматься, кого из руководителей партии повстречает. Уныние и тоска остались на берегу закованного в ледовый панцирь Енисея. Вскоре водоворот социальных и политических событий захватит его целиком, вначале скроет под волнами и пеной революции, а затем неожиданно выбросит в самом ее эпицентре.

На подъезде к Уралу и последующих станциях ссыльных (а они находились почти в каждом поезде) шумно встречали на вокзалах. На митингах звучала "Марсельеза", лились речи, все

казалось радужным. Говорили красноречивый Каменев, энергичный Свердлов, другие попутчики. Сталин молча смотрел на эту неожиданную эйфорию. Почему-то вспомнились недавно прочитанные слова Максимилиана Робеспьера: "...Если не поднимется весь народ целиком, свобода погибнет..."[23]. Поднимется ли? Сталин ответить на этот вопрос не мог. Надеялся, что Петроград прояснит ситуацию.

К этому моменту волна буржуазной демократии поднялась весьма высоко. Мелкая буржуазия, примыкая то к "полевевшим" капиталистам, то к пролетариату, все больше раскачивала лодку государственности. Нарастали настроения реформизма. Казалось, главное сделано — самодержавие рухнуло. "Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, — писал В.И. Ленин, — подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно..."[24] Гигантский социальный маятник колебаний справа налево и слева направо отражал сосуществование двух диктатур. В этом заключалось исключительное своеобразие момента, не вписывающееся в прокрустово ложе классических схем буржуазно-демократических революций. Политическим выражением этого уникального своеобразия стало двоевластие. В одном и том же дворце, Таврическом, бурно заседали два органа власти. В одном крыле дворца было, по выражению Милюкова, "игралище власти" — Временный комитет Государственной думы. Здесь тон задавала "левая" буржуазия — кадеты. В другом крыле дворца разместился Петроградский Совет как орган революционной власти. Во главе Совета стали меньшевики Н.С. Чхеидзе, М.И. Скобелев, трудовик А.Ф. Керенский. В составе исполкома Совета большевики были в меньшинстве. И это не случайно, ибо меньшевики, находившиеся до февраля на легальном положении, активно использовали свои возможности. А в их рядах были многие видные интеллигенты, пропагандисты и теоретики научного социализма. В то же время Ленин, признанный вождь партии большевиков, находился еще в эмиграции; Бубнов, Дзержинский, Муранов, Рудзутак, Орджоникидзе, Свердлов, Сталин, Стасова, другие члены партийного руководства были в ссылке, тюрьмах, на каторге и только должны были вернуться.

Меньшевистский состав Совета в согласии с думцами одобрил передачу исполнительной государственной власти буржуазии в лице Временного правительства. Церетели и Керенский на все лады распевали тезис, что "новое революционное правительство будет работать под контролем Совета", что такова "воля истории". Демагогия, пафос перемен, революционная

фраза повернули общественное сознание в сторону поддержки Временного правительства. Сталина, как и многих, несло потоком событий.

Керенский, все делая для победы буржуазии, на всякий случай хотел сохранить и представителей династии. В одной из своих статей, написанной уже в бегах, — "Отъезд Николая II в Тобольск" — исторический временщик, вознесенный на миг событиями на самую вершину буржуазной траектории, писал: "Вопреки сплетням и инсинуациям, Временное правительство не только могло, но и решило еще в самом начале марта отправить царскую семью за границу. Я сам 7(20) марта на заседании Московского Совета, отвечая на яростные крики: "Смерть царю, казнить царя", сказал:

— Этого никогда не будет, пока мы у власти. Временное правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен за границу, в Англию. Я сам довезу его до Мурманска.

Мое заявление вызвало, — писал Керенский, — в советских кругах обеих столиц взрыв возмущения... однако уже летом, когда оставление царской семьи в Царском Селе сделалось совершенно невозможным, мы, Временное правительство, получили категорическое официальное заявление (из Англии. — *Прим. Д.В.)* о том, что до окончания войны въезд бывшего монарха и его семьи в пределы Британской империи невозможен"[25]. Тогда-то и отправили царя с семьей в Тобольск. Решая попутно такие задачи, Временное правительство пыталось любой ценой набросить на революцию смирительную рубашку. Стремясь сохранить власть, как говорил тот же Керенский, буржуазия была намерена дать "наговориться народу".

Революция в этот момент, как заметил В.И. Ленин, завершила свой первый этап. Двоевластие усыпляло бдительность. Официально вроде бы вся власть принадлежала Временному правительству, державшему в руках старый аппарат государства, а рядом гудел в калейдоскопе революционных будней Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Сожительствовали две диктатуры рядом; ни одна пока не обладала полной властью, ни одна пока не могла лишить другую ее атрибутов. Но двоевластие как социальная двусмысленность не могло затормозить революционное творчество масс. Например, 2 марта 1917 года в "Известиях" был опубликован знаменитый приказ № 1. Он провозгласил введение демократических начал в армии: выборность комитетов в частях, отмену воен-

ных чинов и титулов, поддержку распоряжений властей лишь в случае одобрения Советами, необходимость соблюдения революционной дисциплины, уравнивание солдат и офицеров в гражданских правах. Глаза Сталина жадно разглядывали калейдоскоп событий. У него уже было свое место в них, но будущее выглядело туманным.

Все это, повторюсь, происходило до приезда многих революционеров в Петроград. Ленин еще только готовился прорваться в мятежную Россию, Троцкий приедет в город на Неве в начале мая, еще не зная окончательно, с кем он будет — с меньшевиками или большевиками. Меньшевики и эсеры доминировали в Петроградском Совете. С их помощью начало бесславно функционировать правительство "десяти капиталистов и шести социалистов". Керенский, Церетели, Чернов, Скобелев и другие заботились лишь об одном: как бы не допустить выхода "революционной энергии из-под контроля".

Все эти особенности и нюансы политической обстановки были пока незнакомы Сталину. Вглядываясь своими "впалыми карими глазами с желтизной" в пробегающие убогие деревеньки, разбросанные на гигантской равнине крестьянской страны, Сталин "ехал в революцию". Где остановиться — вопроса не было — у Аллилуевых. В течение этих долгих лет, если и получал он от кого-нибудь регулярно письма, то, видимо, лишь от Сергея Яковлевича Аллилуева, своего будущего тестя, большевика, вошедшего в нашу историю прежде всего тем, что в драматические дни июля 1917 года укрывал у себя В.И. Ленина от преследований Временного правительства.

Революции совершаются не партиями. "Не Государственная Дума — Дума помещиков и богачей, — а *восставшие рабочие и солдаты низвергли царя*"[26], — писал в марте В.И. Ленин. Но во главе этих восставших должна быть их партия. Все помыслы Ленина были в России, где, как он понимал, мало было устроить тризну на месте останков самодержавия. Нужно было идти дальше, непременно дальше!

Особую роль до приезда В.И. Ленина сыграло Русское бюро ЦК, в которое в марте были кооптированы новые лица и среди них И.В. Сталин. Бюро утвердило состав редакции "Правды", в которую он также вошел. Возобновление выхода пролетарской газеты имело огромное мобилизующее значение.

Как проявил себя Сталин в февральской, а затем и в Октябрьской революциях? Какова была его подлинная роль? Кем он был в революции — лидером, аутсайдером, статистом? Анализ партийных документов, других материалов, свиде-

тельств участников событий позволяет ответить на этот вопрос.

Долгое время освещение роли Сталина в революции было выдуманным, фальшивым. В "Краткой биографии" утверждалось, что "в этот ответственный период Сталин сплачивает партию на борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Сталин совместно с Молотовым руководит деятельностью Центрального Комитета и Петербургского комитета большевиков. В статьях Сталина большевики получают принципиальные руководящие указания для своей работы"[27]. Сказано как о вожде, лидере революции, как будто заменившем на этот период Ленина. Как свидетельствуют исторические хроники, оснований для такого вывода не было. Он чрезвычайно далек от правды. Никаких "руководящих указаний" Сталин не давал. Приехав в Петроград, он стал одним из многих партийных функционеров. В документах этого периода редко-редко можно встретить фамилию Сталина в списке определенной группы лиц, исполнявших задания Центрального Комитета партии. Да, Сталин входил в высокие политические органы, но ни в одном из них в эти месяцы он не заявил о себе громко. Его почти никто не знал, кроме узкого круга лиц. Это был незаметный человек, "представитель нацокраин". У него абсолютно не было популярности. Такова правда.

Л.Д. Троцкий, быстро ставший популярным после своего приезда, описывая этот период деятельности Сталина в своей книжке "Февральская революция", отмечал, что "положение в партии еще больше осложнилось к середине марта, после прибытия из ссылки Каменева и Сталина, которые круто повернули руль официальной партийной политики вправо". Троцкий рассуждает, что если Каменев, в течение ряда лет оставаясь с Лениным в эмиграции, где находился главный очаг теоретической работы партии, вырос как публицист и оратор, то Сталин, так называемый "практик" без должного "теоретического кругозора, без широких политических интересов и без знания иностранных языков, был неотделим от русской почвы". "Фракция Каменева — Сталина все больше превращалась в левый фланг так называемой революционной демократии и приобщалась к механике парламентарно-закулисного "давления" на буржуазию..."[28]. Троцкий обвиняет в своей книге Сталина в оборончестве, что не всегда соответствовало действительности, но нельзя не уловить в его рассуждениях и верные нотки об отсутствии масштабности дооктябрьского мышления Сталина,

что порой вело к узкому практицизму, ограниченному рамками лишь ближайшей перспективы.

Февраль не застал Сталина полностью врасплох. Несмотря на длительный период депрессии, он верил, что революция неизбежна. Именно верил, ибо для него истина была неотделима от веры в нее. Если истина не облекалась в одеяние веры, она для Сталина была неполноценной. В этом, может быть, и нет ничего негативного, но здесь всегда таится опасность проявления догматического мышления. Сталину вера в программы, курсы, решения, "линии" всегда помогала сохранять твердость и уверенность в правильности своих действий. Быть или не быть революции зависело не от него. Но что она будет, в этом он никогда не сомневался. Трясясь в холодном вагоне от Ачинска до Петрограда в начале марта 1917 года, Сталин оценивал факт падения самодержавия как революционную неизбежность. Он, вероятно, верил, что этот исторический акт произойдет еще при его жизни. Но неожиданно почувствовал, что у дела, которому посвятил всю свою жизнь, как и у его личной судьбы, есть не просто исторический шанс, а нечто большее.

На вторых ролях

12 марта Сталин был уже в Петрограде. Ни его, ни Каменева, ни Муранова, приехавших одним поездом, никто не встречал. Петроград был занят своими революционными заботами. Незаметный приезд будущего "вождя" соответствовал его реальному положению. Взяв в руки свой фанерный сундучок, Сталин отправился к Аллилуевым. Его приняли тепло, как своего. В тот же день он встретился с рядом членов ЦК. Вечером его ввели в состав Русского бюро Центрального Комитета и в состав редакции "Правды". После безмолвия Курейки Сталин никак не мог привыкнуть к шуму и толчее революционных будней. Фактически с середины марта руководство "Правдой" было возложено на Каменева, Муранова и Сталина. И уже в первые дни их работы газета допустила целый ряд заметных теоретических и политических "сбоев". Они не случайны. Сталин не обладал сильным самостоятельным мышлением, четкой позицией, ясным пониманием сложнейшей диалектики предоктябрьской грозы. Он привык исполнять ука-

зания и проводить "линию". А здесь решения нужно было принимать самому. Сначала этот "сбой" выразился в одобрении Сталиным публикации статьи Каменева "Временное правительство и революционная социал-демократия". Каменев прямо утверждал, что партия должна оказывать поддержку Временному правительству, ибо оно "действительно борется с остатками старого режима". Это явно противоречило ленинским установкам.

Буквально на следующий день Каменев, отличавшийся "скорописью", опубликовал еще одну статью "Без тайной дипломатии", в которой фактически стал на позиции "революционного оборончества". Поскольку германская армия ведет войну, революционный народ будет, писал Каменев, "стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд — снарядом. Это непреложно"[29]. Подобные полуменьшевистские воззрения Каменева не встретили тогда отпора со стороны Сталина, который еще слабо разбирался в хитросплетениях большой политики. Это проявилось, в частности, и в том, что уже на следующий день после публикации материала Каменева Сталин сам допустил политическую ошибку в статье "О войне". Написанная в целом с антивоенных позиций, она тем не менее шла вразрез с ленинскими установками. Выход из империалистической войны Сталин видел в "давлении на Временное правительство с требованием изъявления им своего согласия немедленно открыть мирные переговоры"[30].

Справедливости ради следует сказать, что позднее, в 1924 году, в своем выступлении на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС, Сталин публично признает свою ошибку. Характеризуя свою позицию по отношению к Временному правительству в вопросе о мире, он скажет, что "это была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс"[31]. И прибавляет, что эту позицию занимала вся партия, хотя были партийные организации, взявшие верный тон. Забегая вперед, скажу, что если в 20-е годы еще были отдельные публичные признания Сталиным своих промахов, ошибок, то позже, по мере того как он становился "непогрешимым", о них не могло быть и речи.

Не без влияния Сталина Бюро ЦК через неделю после публикации статьи "О войне" приняло резолюцию "О войне и мире", в которой сохранялась идея "давления" на Временное правительство в целях начала мирных переговоров. В отсутствие Ленина в "Правде" было сильно влияние Каменева. Он ока-

зался настоящим "героем" межвременья. Оборонческие, полуменьшевистские тенденции в марте не без его усилий заметно окрепли. Сталин противостоять еще ему не мог в силу своего ограниченного влияния и авторитета. Даже в отсутствие Ленина, других видных большевиков, когда нужно было энергичное сплочение партии, вышедшей из подполья, Сталин не смог проявить себя как лидер. Свердлов, Каменев, Шляпников были более заметны в той сложной обстановке уточнения политических ориентиров, определения тактических маршрутов движения партии.

Думаю, что Сталин не мог в то время и помышлять о том, что́ провозгласит Ленин менее чем через месяц: курс на социалистическую революцию. В тех революционных маневрах, которыми Сталин был захвачен в марте, ему виделась уже достигнутая цель. В эти мартовские дни исключительно остро чувствовалось отсутствие Ленина. На усредненном уровне интеллекта и революционной страсти решать сверхзадачи невозможно. А подняться выше этого уровня приехавший из Курейки Сталин не мог. В это время один из меньшевистских лидеров и теоретиков небезызвестный Н.Н. Суханов (Гиммер) писал в своих воспоминаниях: "Сталин на политической арене был не более как серым, тусклым пятном". Другие члены Бюро П.А. Залуцкий, В.М. Молотов, А.Г. Шляпников, М.И. Калинин, М.С. Ольминский также не смогли в ряде вопросов последовательно проводить в жизнь установки, изложенные Лениным в его "Письмах из далека". Чувствовалось, что Сталин, Каменев, некоторые другие руководители не избавились полностью от иллюзий оборончества, веры во Временное правительство, считали едва ли не венцом достижений буржуазно-демократические завоевания.

Эти предоктябрьские колебания Сталина не были беспричинными. Сталин не обладал собственной концепцией реализации великой идеи. В февральской революции и в дни октябрьского штурма рельефно проявились его слабые стороны: "мелкая" теоретическая подготовка, низкая способность к революционному творчеству, неумение (пока еще!) переложить политические лозунги в конкретные программные установки. Никто и никогда не бросал Сталину упрека в том, что он уклонялся от борьбы, искал легких путей, боялся конфронтации с политическими противниками. Дефицита воли у этого человека никогда не было. Но внимательный исследователь политической судьбы Сталина заметит: у него, профессионального революционе-

ра, было уже тогда одно, хотя и не единственное, весьма уязвимое место. И он знал о нем.

Когда возникала потребность идти в цех, на завод, в воинскую часть, на уличный митинг, у Сталина, как уже отмечалось, появлялось чувство внутренней неуверенности и тревоги, которые он, правда, со временем научился скрывать. Его никогда не влекло, как многих других революционеров, в гущу масс. Он не любил, да, пожалуй, и не умел хорошо выступать перед людьми. В одном из свидетельств начала 20-х годов приводится оценка рабочего И. Кобзева, слушавшего Сталина во время митинга на Васильевском острове в апреле 1917 года: "Вроде все говорил правильно, понятно и просто; да как-то не запомнилось его выступление". Не случайно Сталин меньше, чем кто-либо другой из ленинского окружения, выступал перед людьми на митингах, встречах, манифестациях.

Выступать перед толпой, массами особенно было трудно, когда приехали Ленин и Троцкий, когда пошли на митинги и собрания Луначарский, Володарский, Каменев, Зиновьев, другие блестящие ораторы. Троцкий, например, "облюбовал" постоянным местом своих выступлений цирк "Модерн", всегда забитый народом. Нередко Троцкого несли к трибуне через головы на руках. Создавалось впечатление, что Троцкий иногда содержание речи ставил на второй план, обращая особое внимание на эмоциональное воздействие на сознание слушателей. Первые недели своего пребывания в Петрограде, писал в своих записках Суханов, Троцкий, закончив очередное выступление в "Модерне", мчался на Обуховский завод, оттуда — на Трубочный, далее — на Путиловский, затем — на Балтийский, из Манежа — в казармы; казалось, что он говорил везде одновременно. Сталину было трудно, просто не по силам тягаться с этим цицероном революции. Троцкий упивался ростом своей популярности, умел как, пожалуй, никто, зажечь людей. Сталин, слушая выступление Троцкого на каком-либо заседании или совещании, всегда испытывал к этому человеку устойчивую неприязнь, соседствующую с завистью. Троцкий был в центре внимания, притягивал к себе всех. Не так, как он, Сталин, которого Троцкий, особенно до октябрьских событий, буквально не замечал.

Вместо публичных выступлений Сталин предпочитал писать статьи, отклики, давать газетные реплики по поводу тех или иных политических событий. После приезда из ссылки, с середины марта по октябрь 1917 года, Сталин опубликовал в газетах "Правда", "Пролетарий", "Солдатская правда", "Проле-

тарское дело", "Рабочий и солдат", "Рабочий", "Рабочий путь", других изданиях более шестидесяти статей и заметок! Посредственный публицист, он, повторяюсь еще раз, был довольно последователен и неизменно категоричен в своих выводах. Религиозные догмы, которые он отверг по содержанию, нравились ему за латинскую ясность. Видимо, не случайно в его работах все было элементарно простым; в них не было мудреных терминов, сложных дефиниций, логических ухищрений. В большинстве его бесхитростных статей были ясно изложены простые истины, которые спустя десятилетия не привлекли бы внимания людей, не будь их автором Сталин.

Больше по душе Сталину была работа в "штабе", в управляющих органах — Бюро, Комитете, Совете. Уже в марте Бюро ЦК к имеющимся поручениям Сталина добавляет еще одно: делегирует его в состав Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Бюро собиралось почти ежедневно, обсуждая самые разные вопросы революционной практики, давая то одному, то другому его члену новые и новые задания. Так Сталин принял участие в установлении регулярных связей с партийными организациями Закавказья, других регионов страны.

К этому времени во многих губерниях стали создаваться объединенные организации большевиков и меньшевиков. ЦК выступал против такого союза, хотя, объективно говоря, наш традиционный взгляд на недопустимость таких объединений во многом сомнителен. Тогда, когда это усиливало революцию в борьбе с самодержавием, а позже — с буржуазией, это могло, видимо, рассматриваться как практика политических компромиссов для достижения определенных целей. Сталин проявлял, в частности, большую энергию в разрушении, ликвидации таких объединенных организаций. А может быть, следовало попытаться усилить большевистское влияние на инакомыслящих?

Бесспорно, когда соглашательство ставило под угрозу идеалы, программные установки, конкретные завоевания, — эта ликвидация была оправданна. Но концентрация усилий против меньшевиков и особенно против эсеров, как мне кажется, иногда наносила больше ущерба, чем пользы. Со временем это станет печальной традицией. Фашизм в 30-е годы рассматривал, например, нас только через перекрестие прицела, а мы все еще видели едва ли не главного врага в социал-демократах.

Ленин рвался в Россию, но сделать это было архисложно. После тщательного продумывания всех возможных осложнений он с группой русских эмигрантов, среди которых был и

У подножия века. Иосиф Джугашвили — учащийся Горийского духовного училища. 1893 г.

Екатерина (Като) Сванидзе — первая жена И В Сталина

Сталин: анфас и профиль на бланке Бакинского жандармского управления. 1908 г.

Похороны Е. Сванидзе. Крайний справа И.В. Сталин. 1908 г.

Село Монастырское. 1915 г. В группе ссыльных члены ЦК
Л.Б. Каменев, Я.М. Свердлов, И.В. Сталин и Г.И. Петровский.

ШЕСТОЙ С'ЕЗД

Р. С.-Д. Р. П. (БОЛЬШЕВИКОВ)

26 июля–3 августа 1917 года

ЧЛЕНЫ ПРЕЗИДИУМА

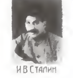
Г.И. ЛОМОВ

М.С. ОЛЬМИНСКИЙ

Я.М. СВЕРДЛОВ

И.В. СТАЛИН

К.К. ЮРЕНЕВ

Президиум VI съезда РСДРП(б). Почетными членами президиума, кроме В.И. Ленина, были избраны Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Л.Д. Троцкий, А.М. Коллонтай, А.В. Луначарский.

Декларація правъ народовъ Россіи

Октябрьская революція рабочихъ и крестьянъ началась подъ общимъ знаменемъ раскрѣпощенія.

Раскрѣпощаются крестьяне отъ власти помѣщиковъ, ибо нѣтъ больше помѣщичьей собственности на землю — она упразднена. Раскрѣпощаются солдаты и матросы отъ власти самодержавныхъ генераловъ, ибо генералы отнынѣ будутъ выборными и смѣняемыми. Раскрѣпощаются рабочіе отъ капризовъ и произвола капиталистовъ, ибо отнынѣ будетъ установленъ контроль рабочихъ надъ заводами и фабриками. Все живое и жизнеспособное раскрѣпощается отъ ненавистныхъ оковъ.

Остаются только народы Россіи, терпѣвшіе и терпящіе гнетъ и произволъ, къ раскрѣпощенію которыхъ должно быть приступлено немедленно, освобожденіе которыхъ должно быть проведено рѣшительно и безповоротно.

Въ эпоху царизма народы Россіи систематически натравливались другъ на друга. Результаты такой политики извѣстны: рѣзня и погромы, съ одной стороны, рабство народовъ — съ другой.

Этой позорной политикѣ натравливанія нѣтъ и не должно быть возврата. Отнынѣ она должна быть замѣнена политикой добровольнаго и честнаго союза народовъ Россіи.

Въ періодъ империализма, послѣ февральской революціи, когда власть перешла въ руки кадетской буржуазіи, неприкрытая политика натравливанія уступила мѣсто политикѣ трусливаго недовѣрія къ народамъ Россіи, политикѣ придирокъ и провокаціи, прикрывающейся словесными заявленіями о „свободѣ" и „равенствѣ" народовъ. Результаты такой политики извѣстны: усиленіе національной вражды, подрывъ взаимнаго довѣрія.

Этой недостойной политикѣ лжи и недовѣрія, придирокъ и провокаціи, долженъ быть положенъ конецъ. Отнынѣ она должна быть замѣнена открытой и честной политикой, ведущей къ полному взаимному довѣрію народовъ Россіи.

Только въ результатѣ такого довѣрія можетъ сложиться честный и прочный союзъ народовъ Россіи.

Только въ результатѣ такого союза могутъ быть сплочены рабочіе и крестьяне народовъ Россіи въ одну революціонную силу, способную устоять противъ всякихъ покушеній со стороны империалистско-аннексіонистской буржуазіи.

Съѣздъ совѣтовъ въ іюнѣ этого года провозгласилъ право народовъ Россіи на свободное самоопредѣленіе.

Второй Съѣздъ Совѣтовъ въ октябрѣ этого года подтвердилъ это неотъемлемое право народовъ Россіи болѣе рѣшительно и опредѣленно.

Исполняя волю этихъ Съѣздовъ, Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ рѣшилъ положить въ основу своей дѣятельности по вопросу о національностяхъ Россіи слѣдующія начала:

1) Равенство и суверенность народовъ Россіи.

2) Право народовъ Россіи на свободное самоопредѣленіе вплоть до отдѣленія и образованія самостоятельнаго государства.

3) Отмѣна всѣхъ и всякихъ національныхъ и національно-религіозныхъ привилегій и ограниченій.

4) Свободное развитіе національныхъ меньшинствъ и этнографическихъ группъ, населяющихъ территорію Россіи.

Вытекающіе отсюда конкретные декреты будутъ выработаны немедленно послѣ конструированія комиссіи по дѣламъ національностей.

Именемъ Республики Россійской Народный Комиссар по дѣламъ національностей
Іосифъ Джугашвили-Сталинъ.
Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ
В. Ульяновъ (Ленинъ).

Исторический документ Советского правительства по национальному вопросу.

Первое правительство Советской России. 1917 г.

Сталин на фронте 1918 г.

Мандат Сталина с чрезвычайными полномочиями.

РОССІЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

СОВѢТЪ
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ

Москва, Кремль.
31 мая 1918 г.
№ 3224

Н А З Н А Ч Е Н І Е

Член Совѣта Народных Комиссаров, Народный Комиссар Іосиф Виссаріонович С Т А Л И Н, назначается Совѣтом Народных Комиссаров общим руководителем продовольственного дѣла на югѣ Россіи, облеченным чрезвычайными правами. Мѣстные и областные совнаркомы, совдепы, ревкомы, штабы и начальники отрядов, желѣзнодорожные организаціи и начальники станцій, организаціи торгового флота, рѣчного и морского, почтово-телеграфные и продовольственные организаціи, всѣ комиссары и эмиссары обязываются исполнять распоряженія тов. СТАЛИНА.

Предсѣдатель Совѣта Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)

Управляющій Дѣлами Совѣта Влад. Бонч-Бруевич

Секретарь Совѣта Горбунов

Председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий в вагоне бронепоезда. 1918 г.

П Р О Т О К О Л № 68

ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

от 27-го ноября 1919г.

34. О награждении члена Президиума и члена Реввоенсовета Югфронта тов. И.В. СТАЛИНА орденом "Красного Знамени".-

В минуту смертельной опасности, когда окруженная со всех сторон тесным кольцом врагов Советская власть отражала удары неприятеля; в минуту, когда враги Рабоче-Крестьянской Революции в июле 1919 года подступили к Красному Питеру и уже овладели Красной Горкой, в этот тяжелый для Советской России час, назначенный Президиумом ВЦИК на боевой пост Иосиф Виссарионович ДЖУГАШВИЛИ /Сталин/ своей энергией и неутомимой работой сумел сплотить дрогнувшие ряды Красной Армии.

Будучи сам в районе боевой линии, он под боевым огнем, личным примером воодушевлял ряды борющихся за Советскую Республику.

В ознаменование всех заслуг по обороне Петрограда, а также самоотверженной его дальнейшей работе на южном фронте, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил наградить И.В.ДЖУГАШВИЛИ /Сталина/ орденом "Красного Знамени".-

Протокол о награждении Сталина первым боевым орденом.

Ленин, Троцкий и Каменев на параде. Красная площадь. 1918 г.

Члены Реввоенсовета Юго-Западного фронта А.И. Егоров и И.В. Сталин. 1920 г.

Российская Вандея.

Военный коммунизм. Сбор урожая.

Москва. Вознесенская площадь (ныне площадь Революции).
Разгрузка реквизированных продуктов. 1919 г.

Поволжье. Страшный лик голода. 1921 г.

Реквизиция церковных ценностей в фонд помощи голодающим.

Ленин среди делегатов VIII съезда РКП(б). 1919 г.

Вожди революции: Ленин, Троцкий, Каменев.

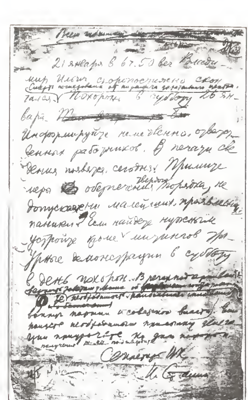
Пока вместе... И.В. Сталин, А.И. Рыков, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев. Начало 20-х годов.

Троцкий на трибуне XIII съезда РКП(б). 1924 г.

Ленин и Сталин в Горках. 1922 г.

Всем [illegible]

21 января в 6 ч. 50 веч. Владимир Ильич скоропостижно скончался. Смерть последовала от паралича дыхательного центра. Похороны в субботу 26 января.

Информируйте немедленно ответственных работников. В печати сведения появятся сегодня. Примите меры твердого обеспечения порядка, не допуская ни малейших проявлений паники. Если найдете нужным устройте кроме митингов траурные демонстрации в субботу в день похорон. [illegible] вокруг партии и советской власти. [illegible]

Секретарь ЦК И. Сталин

Рукопись телеграммы о кончине В.И.Ленина, направленной "всем губкомам, обкомам, национальным ЦК" за подписью Сталина.

Похороны В.И.Ленина. Н.И. Бухарин, М.И. Калинин, Г.Е. Зиновьев, В.М. Молотов, Я.Э. Рудзутак, М.П. Томский, Л.Б. Каменев, И.В. Сталин (справа налево).

1 мая 1925 г. Москва. Красная площадь. У Мавзолея: Ф. Кон, А.С. Енукидзе, А.И. Седякин, Р.А. Муклевич, К.Е. Ворошилов, А.С. Бубнов, И.С. Уншлихт, М.И. Баранов, М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров, С.М. Буденный и другие.

Фото Д. [illegible]

На трибуне Мавзолея (фрагмент): С.М. Киров, А.И. Рыков, Н.И. Бухарин, М.И. Калинин, И.В. Сталин, В.В. Шмидт, М.П. Томский, Е.М. Ярославский, П.П. Постышев и другие.

Фото Д. Дебабова

Сталин среди делегатов XV съезда ВКП(б). 1927 г.

Пока соратники... Делегаты XIV партконференции М.М. Лашевич, М.В.Фрунзе, А.П.Смирнов, А.И. Рыков, К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин, Н.А. Скрыпник, А.С. Бубнов, Г.К. Орджоникидзе. 1925 г.

Н.А. Скрыпник, В.П. Затонский, А.С. Бубнов, И.В. Сталин, П.П. Постышев, Е.М. Ярославский на заседании XV съезда ВКП(б). 1927 г.

Безработные у Петроградской биржи труда. 20-е годы.

Демонстрация школьников за ликвидацию безграмотности. Москва. Красная Пресня. 20-е годы.

Первый дом ночлега в Москве на Каланчевской улице. 1926 г.

"Смерть частной торговле". Тверь. 1927 г.

Сталин в рабочем кабинете в Кремле. 30-е годы.

Москва. Тушинский аэродром. В центре: Горький, Ворошилов, Сталин. 1929 г.
Фото Д. Дебабова.

"Новая оппозиция": Л.П. Серебряков, К.Б. Радек, Л.Д. Троцкий, Е.А. Преображенский, Х.Г. Раковский, Я.Н. Дробнис, М.С. Богуславский и другие. 1928 г.

После "революции" в деревне. Ворошилов, Сталин и Калинин на I съезде колхозников. 1933 г.

Похороны экипажа стратостата "Осовиахим II". Урны с прахом несут Молотов, Сталин, Ворошилов. Москва. 1934 г.
Фото Д. Дебабова.

"Шахтинский процесс". 1928 г.

К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин, В.М. Молотов, Л.М. Каганович среди делегатов XVI съезда партии. 1930 г.

После премьеры во МХАТе спектакля "Любовь Яровая". 1928 г.

50-летие Сталина. После поздравлений.

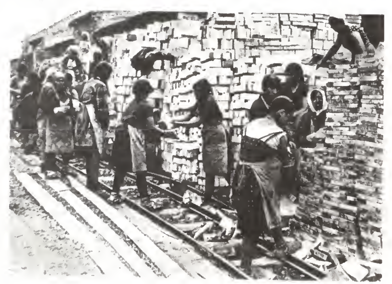
Люди разных судеб — И.В. Сталин, С.М. Киров, А.И. Микоян. 1932 г.

Каганович, Сталин, Молотов направляются к трибуне Мавзолея.
7 ноября 1932 г.

Фото Д. Дебабова

Преступление против культуры. Взрыв храма Христа Спасителя в Москве. 5 декабря 1931 г.

Сталинский план реконструкции Москвы. 1934 г.
Фото Я. Халипа.

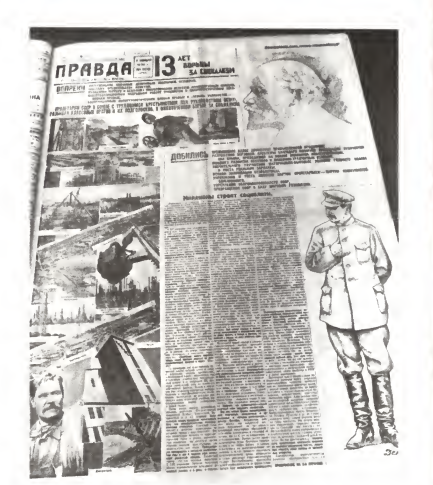
Женская доля... На строительстве коксовой печи в Магнитогорске. 1931 г.

Строительство Магнитки. 1929 г.
Фото Д. Дебабова.

Тогда многое было первым... Первый советский автомобиль. 20-е годы.

ВСТУПИМ
В НОВЫЕ ЦЕХА
ВООРУЖЕННЫЕ
ШЕСТЬЮ
ИСТОРИЧЕСКИМИ
УКАЗАНИЯМИ
т. СТАЛИНА

На строительстве Магнитки. 1929 г.
Фото Д. Дебабова

ПРАВДА

13 ЛЕТ

ВОПРЕКИ

ДОБИЛИСЬ

Уже во весь рост... "Правда" 7 ноября 1930 г.

Г.Е. Зиновьев (Г.-Е.А. Радомысльский), выехал из Швейцарии через Германию и Швецию в Россию. Уже 3 апреля на станции Белоостров (первой на территории России остановке) Ленина в 9 часов вечера встречали представители ЦК и Петроградского комитета РСДРП(б), делегации рабочих. Среди встречавших были Л.Б. Каменев, А.М. Коллонтай, И.В. Сталин, М.И. Ульянова, Ф.Ф. Раскольников, А.Г. Шляпников. Едва войдя в купе, обменявшись сердечными приветствиями с Лениным, вспоминал Раскольников, я сразу же был ошарашен вопросом Ильича:

— Что вы пишете в "Правде"? Несколько номеров удалось посмотреть, за которые мы вас здорово ругали...

В пути от Белоострова до Петрограда Ленин беседовал с встретившими его товарищами о положении в партии; здесь же высказал Каменеву серьезные критические замечания о его статьях в "Правде", которыми он фактически поддерживал Временное правительство, а в оценке войны не раз сползал на оборонческие позиции[32].

Встреча Ленина в нашей литературе весьма широко описана, это было поистине великое событие. Революция, народ, партия встречали своего признанного вождя. Не бога, не жреца, не политического апостола, а подлинного лидера, обладавшего колоссальной духовной мощью, непререкаемым моральным авторитетом у революционных масс. Небезынтересно привести описание встречи В.И. Ленина его идейным противником Н.Н. Сухановым. В своих в целом малоинтересных "Записках о революции", изданных в 1922 — 1923 годах, Суханов, который был на встрече, описывает ее так:

"На Финляндском вокзале в так называемую "царскую комнату" вошел или, пожалуй, вбежал Ленин, в круглой шляпе, с иззябшим лицом и — роскошным букетом в руках. Добежав до середины комнаты, он остановился перед Чхеидзе, как будто натолкнувшись на совершенно неожиданное препятствие. И тут Чхеидзе, не покидая своего прежнего угрюмого вида, произнес следующую "приветственную" речь, хорошо выдерживая не только дух, не только редакцию, но и тон нравоучения: "Тов. Ленин, от имени Петроградского Совета и всей революции мы приветствуем вас в России... Но мы полагаем, что главной задачей революционной демократии (и это было "солью", главной идеей речи Чхеидзе. — *Прим. Д.В.)* является сейчас защита нашей революции от всяких на нее посягательств как изнутри, так и извне... Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели". Чхеидзе замолчал. Я растерялся от неожиданности...

Но Ленин, видимо, хорошо знал, как отнестись ко всему этому. Он стоял с таким видом, как бы все происходящее ни в малейшей степени его не касалось: осматривался по сторонам, разглядывал окружающие лица и даже потолок "царской комнаты", поправляя свой букет (довольно слабо гармонировавший со всей его фигурой), а потом, уже совершенно отвернувшись от делегации Исполнительного комитета, ответил так: "Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие. Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас, как передовой отряд всемирной пролетарской армии... Недалек час, когда по призыву нашего товарища Карла Либкнехта народы обратят оружие против своих эксплуататоров-капиталистов... Русская революция, совершенная вами, открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция!"[33]

Я привел эту пространную выдержку из воспоминаний Суханова потому, что даже человек, идейно глубоко расходившийся с Лениным, не мог без восхищения не отметить политической мудрости и интеллектуального изящества вождя российского пролетариата. Сталин уже здесь, на вокзале, почувствовал, что интернационалистская речь Ленина высветила его наивные сомнения оборонческого характера, его ошибочную ставку на Временное правительство в деле достижения мира. Ленинские уроки он тогда умел понимать. Жаль, что через годы духовная эрозия в его сознании не позволит воспользоваться ими в то время, когда они будут особо нужны.

Сталин позднее вспоминал, что уже вечером 3 апреля ему "многое стало значительно яснее". Ленин, прибывший издалека, тем не менее лучше других видел и понял историческое своеобразие момента, словно он все время находился здесь, в самой гуще событий. На другой день Сталин, слушая выступление Ленина в Таврическом дворце, огласившего и прокомментировавшего свои знаменитые десять тезисов, вошедших в историю как "Апрельские", еще и еще раз поражался титанической мощи его ума. Тезисы не оставили камня на камне от тактики "поскольку-постольку", показали опасность выжидательного, пассивного курса.

Однако для соратников Ленина признанный вождь не был "неприкасаемым". Обстановка была настолько своеобразной, а тезисы Ленина настолько новыми и смелыми, что даже многие руководящие работники партии оказались не готовыми принять ленинскую программу. Раздавались голоса: Ленин оторвался от русской действительности за границей, впал в

крайний радикализм. Сталину, после его осторожного доклада на мартовском совещании большевиков, ленинские выводы звучали прямым укором. Суханов позже писал, что после ленинской речи "у многих закружилась голова". На собрании большевиков 4 апреля, где Ленин впервые огласил свои тезисы, в защиту их выступила лишь Александра Коллонтай. С Лениным не соглашались, критиковали, подвергали сомнению ленинские выводы многие, и не только Зиновьев, Каменев и Троцкий, как принято было у нас считать раньше. Так было и после революции; Ленин сам на этом настаивал. Например, в мае 1919 года Антонов-Овсеенко прислал резкое письмо в ЦК, в котором выразил несогласие с ленинской оценкой военного положения на одном из участков Южного фронта. Ничего необычного в этом не было. Прямо высказывать свои взгляды было нормой. Ленин поручил специалистам из Реввоенсовета сделать компетентное заключение.

Скрытое восхищение Сталина ленинской духовной мощью было не данью уважения вождю, а в значительной мере способностью оценить новизну ленинской идеи. К слову сказать, не все и не всегда могли это сделать. Те же гениальные "Апрельские тезисы" до VII партийной конференции не были поддержаны большинством Петроградского комитета. Ленин не раз оставался в меньшинстве, но не делал из этого трагедии, как не подчеркивал и своего триумфа, когда, что было, конечно, чаще, большинство оставалось на его стороне. Ленин всегда служил истине. Механическое, автоматическое большинство может быть менее ценным, чем положение, в котором выявлены, вскрыты различные позиции, точки зрения, новые оригинальные подходы. Если я считаю себя правым, то не страшно остаться и в меньшинстве. В этом случае, говорил Ленин, "лучше остаться одному, как Либкнехт: один против 110"[34].

После приезда Ленина меняется и "Правда". Владимир Ильич становится редактором центрального органа партии. Соглашательские, оборонческие нотки, явно звучавшие в газете, когда ею руководили Каменев и Сталин, исчезли. Продолжал работать в "Правде" и Сталин; правда, выступал он, как и прежде, с небольшими заметками, репликами, сообщениями по текущим политическим вопросам.

Ленинские тезисы на VII Всероссийской конференции РСДРП(б) (24 — 29 апреля 1917 г.) легли в основу ее решений. Впервые было обнародовано, что 151 делегат конференции представляет 80 тысяч членов партии. И этой горстке, по сравнению с многомиллионным населением России, в ближайшие

месяцы предстояло "потрясти мир". Ленин на конференции диалектически глубоко ответил на вопросы, поставленные русской революцией: о переходе от ее буржуазно-демократического к социалистическому этапу, об отношении пролетариата и его партии к войне и Временному правительству, о роли Советов и завоевании в них большинства и многие другие.

На конференции развернулась жаркая полемика. Каменев подверг Ленина критике за то, что он якобы недооценивает сложившиеся возможности, а поэтому нужно работать, мол, в блоке с Временным правительством[35]. Несогласие с Лениным выразили Смидович, Рыков, Пятаков, Милютин, Багдатьев. Придет время, и все эти выступления будут квалифицированы Сталиным как "предательские", "враждебные", "контрреволюционные". Их обязательно внесут в реестр "преступлений". После выступления Бубнова о формах контроля за Временным правительством "сверху" и "снизу" в поддержку ленинских тезисов выступил Сталин. Однако его речь была бледной и малоубедительной в силу слабой аргументации. Известно, что аргументы — это мускулы идей. Но убедительных доводов для отклонения поправки Бубнова Сталин не смог привести. Более весомым был его доклад по национальному вопросу, в котором проводилась мысль о том, что "организация пролетариата данного государства по национальностям ведет только к гибели идеи классовой солидарности"[36]. Для пролетариата многонационального государства самый верный путь — создание единой партии. Поэтому предложения Бунда о т.н. "культурной автономии", говорил Сталин, неинтернациональны. Он добросовестно, но тускло исполнил свою роль "твердого практика". Но в целом Сталин в эти горячие дни старался держаться "середины", поняв, что в калейдоскопе быстрых перемен это самая удобная позиция.

Знакомясь с документами той поры — решениями ЦК, стенограммами партийных форумов, телеграммами революционных органов, замечаешь, что не в пример Зиновьеву, Каменеву, Троцкому (приехавшему в Россию из эмиграции лишь в мае 1917 г.), Бухарину, Свердлову, Дзержинскому, другим деятелям партии Сталин упоминается в этих материалах крайне редко. Я, конечно, не говорю о Ленине, который все время был в эпицентре революции, где бы он ни находился. Вместе с тем в собрании сочинений И.В. Сталина и в его "Краткой биографии" назойливо проводится магистральная мысль: Сталин всегда был рядом с Лениным. Например, в третьем томе сочинений прямо утверждается: "В.И. Ленин и И.В. Сталин руководят ра-

ботой VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевистской партии"; "Десятого октября ЦК... создает для руководства восстанием Политическое бюро ЦК из семи человек во главе с В.И. Лениным и И.В. Сталиным"; "24 — 25 октября. В.И. Ленин и И.В. Сталин руководят октябрьским вооруженным восстанием"[37]. Подобные утверждения, а на них учили миллионы людей не одно десятилетие, исключительно далеки от истины.

Вновь возвращаясь к протоколам, стенограммам, дневникам, мемуарам, в которых упоминается Сталин, приходишь к выводу, что в революцию Сталин вошел не как выдающаяся личность, властитель дум, пламенный трибун и организатор, а как малозаметный функционер партийного аппарата. Например, в хронике, подготовленной комиссией по истории Октябрьской революции в 1924 году, Сталин за четыре месяца (июнь — сентябрь 1917 г.) упоминается всего 9 раз, а скажем, Савинков — более четырех десятков раз, Скобелев — свыше 50, Троцкий — более 80 раз. Можно спорить, что такой "статистический" способ оценки политической активности несовершенен. Разумеется. Но какую-то грань личности, преломленную через призму общественного мнения, он отражает. Да, Сталин был членом ЦК, работал в "Правде", был в ряде других органов, советов и комиссий. Но, кроме простого перечисления различных комитетов, мало что можно сказать о конкретном содержании его деятельности. Главная причина такого положения заключается, на мой взгляд, в слабой способности Сталина к революционному творчеству. Он был хорошим исполнителем, но не обладал богатым воображением. Не случайно, что на мартовском совещании большевиков кроме предупреждения "не форсировать события" ни одной крупной идеи, оригинального решения, нового подхода Сталин выдвинуть не смог, не смог, будучи членом ЦК, проявить себя в отсутствие Ленина как руководитель российского масштаба. Ленин всегда выражал интересы народа, решая задачи сегодняшнего дня, видел будущее. Сталин же был дальше от народа, он общался с ним посредством аппарата, его функционеров. Ленин искал любую возможность для общения, диалога с народными представителями; Сталин ограничивался контактами с представителями организаций и комитетов.

Конечно, то, что Сталин в 1917 году оставался в тени, было результатом не только его социальной пассивности, но и уготованной ему роли исполнителя, для которой у него были несомненные данные. Сталин был неспособен в переломные, бурные

месяцы 1917 года подняться над обыденностью, повседневностью. Многие из тех, кто находился рядом с ним в то время, были более яркими индивидуальностями. Маловероятно, что в то время Сталина снедали амбициозные устремления. Правда, мартовские сбои соглашательства, недооформленность его позиции по ряду ключевых вопросов были не случайными и дали о себе знать еще не раз. Постоянное же присутствие Сталина на вторых ролях медленно, но исподволь, незаметно создавало ему стабильный политический авторитет среди большевистских лидеров. На VII (Апрельской) конференции Сталин вновь был избран в состав Центрального Комитета партии.

Вооруженное восстание

С приездом Ленина роль Сталина стала более определенной: он регулярно выполнял поручения партийного руководства. Находясь в тени, редко попадая в поле зрения революционных масс, Сталин оказался нужным человеком по части конспиративных вопросов, установления связей с партийными комитетами, организации текущих дел на разных этапах подготовки к вооруженному восстанию. Его невысокая фигура была еще не видна на экране истории.

Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов, избранный на I Всероссийском съезде Советов (3 — 24 июня), не был большевистским. В составе ЦИК было 123 меньшевика (в том числе 16 кандидатов), 119 эсеров (в том числе 18 кандидатов) и лишь 57 большевиков (в том числе 22 кандидата)[38]. Наряду с Лениным, Дзержинским, Каменевым, Подвойским, Шаумяном и другими известными большевиками в состав ЦИК вошел и Сталин. Решения съезда, как и ЦИК, были соглашательскими. Особенно это проявилось после разгрома Временным правительством июльской мирной демонстрации. Стало ясно, что мирным путем социалистическую революцию осуществить не удастся. Ленин писал позже, что "наша партия исполнила свой безусловный долг, идя вместе со справедливо возмущенными массами 4 июля и стараясь внести в их движение, в их выступление возможно более мирный и организованный характер. Ибо 4-го июля *еще* возможен был мирный переход власти к Советам..."[39]. Но эсеро-меньшевистские лидеры уже "скатились на самое дно отвратительной контрреволюционной ямы", пойдя на сговор с Временным пра-

вительством, которое бросило войска на мирную демонстрацию. Двоевластие кончилось. Наступил новый этап подготовки социалистической революции.

Сталин по поручению ЦК организует вместе с другими товарищами переход Ленина на нелегальное положение. Некоторое время Ленин находился на квартире С.Я. Аллилуева. Здесь в начале июля состоялось совещание членов Центрального Комитета партии, где наряду с Лениным, Ногиным, Орджоникидзе, Стасовой и другими присутствовал и Сталин. Шел спор: как реагировать на требование властей отдать себя в руки "правосудия". Известно, что Ленин до этого совещания заявлял: "В случае приказа правительства о моем аресте и утверждения этого приказа ЦИК-том, я явлюсь в указанное мне ЦИК-том место для ареста"[40]. Мнения разделились. Вначале многие высказывались за явку на суд при даче определенных гарантий со стороны ЦИК. Но М.И. Либер и Н.А. Анисимов (члены ЦИК, меньшевики) заявили, что "никаких гарантий они дать не могут". В условиях разнузданной травли в печати против Ленина и других руководителей партии большевиков становилось ясно, что реакция ждет расправы с вождем. После долгих обсуждений Владимира Ильича убедили отказаться от явки на суд и скрыться на время за пределами Петрограда[41]. У Сталина вначале не было определенной позиции, но затем он твердо выступил против явки на суд. С категоричностью, свойственной его натуре, Сталин однозначно сказал:

— Юнкера до тюрьмы не доведут. Убьют по дороге. Нужно надежно укрыть товарища Ленина...

Для такого заявления было более чем достаточно оснований. В мемуарах В.Н. Половцова, бывшего члена Государственной думы, в частности, говорится, что офицер, посланный в Териоки задержать Ленина, спросил его:

— Как доставить этого господина — в целом виде или по кускам? Я ответил ему с улыбкой, что люди, которых арестовывают, часто совершают попытку к бегству...

На Сталина была возложена задача обеспечить отправку Ленина в безопасное место. При этом, безусловно, учитывался опыт Сталина как конспиратора. С помощью верных людей план выезда Ленина из Петрограда был выработан и продуман.

В эти дни, полные драматизма и социальной напряженности, в личной жизни Сталина происходит важное событие: он знакомится с дочерью Аллилуева Надеждой, своей будущей второй женой. Сталин был старше ее на двадцать два года. С семьей Аллилуевых Сталин был знаком с конца 90-х годов, со

времени его пребывания в Баку. Кстати, дочь Сталина Светлана Аллилуева в своих воспоминаниях "Двадцать писем другу" утверждает, что в 1903 году Сталин спас свою будущую жену, когда та, будучи двухлетней девочкой, свалилась с набережной в море, а он вытащил ее. Для Надежды Аллилуевой это предание, возможно, казалось романтичным, не лишенным налета мистики.

Надежда Аллилуева, вернувшись домой, застала в квартире много незнакомых людей. Ее стали осторожно расспрашивать об обстановке на улицах. Девушка возбужденно рассказывала, что на улице слышала о том, что виновники июльского восстания — не кто иные, как "тайные агенты Вильгельма". Что они уже бежали на подводной лодке в Германию и что главный среди них — Ленин... Узнав, что герой ее уличных сведений находится у них в квартире, младшая Аллилуева была страшно смущена...

Оставив расспросы раскрасневшейся девушки, собравшиеся резюмировали: предложение Орджоникидзе и Ногина о неявке в суд правильное — над Лениным готовится расправа. Решили, что В.И. Ленина нужно загримировать, переодеть и направить сначала в Сестрорецк, а затем в Финляндию. С.Я. Аллилуев, хозяин квартиры, где скрывался Ленин, позже вспоминал:

— Вечером мы все отправились на Приморский вокзал. Впереди шел рабочий Емельянов, член партии с 1904 года. За ним на небольшом расстоянии Владимир Ильич и Зиновьев, а я и Сталин шли сзади всех. Поезд уже стоял... трое отъезжающих сели в задний вагон. Мы со Сталиным дождались благополучного отбытия поезда, повернули обратно.

Сергей Яковлевич Аллилуев в своих воспоминаниях допустил неточности. Зиновьева среди провожавших не было; он сам в это время находился на нелегальном положении. Загримированного Ленина сопровождали кроме С.Я. Аллилуева рабочий В.И. Зоф и И.В. Сталин.

Одним из связующих звеньев Ленина с ЦК станет отныне Сталин. Есть все основания полагать, что Ленин ему доверял, давал необходимые инструкции, советы. Так, накануне VI съезда партии Сталин встречался с Лениным[42]. Естественно, никаких стенограмм этих встреч нет, но печать мысли и воли Ленина лежит на всех важнейших документах съезда. Ленин радовался, что присутствовавшие делегаты представляли уже около 240 тысяч членов партии. За четыре месяца ряды партии выросли в три раза! Вождь революции видел в этом факте важное доказательство правильности взятого курса. Ленинские работы "По-

литическое положение", "К лозунгам", "Ответ" и другие легли в основу резолюций, принятых съездом. В специальной резолюции подтверждалась верность решения о неявке Ленина на суд. Линия на вооруженное восстание, выдвинутая Лениным, съездом была поддержана.

С тех пор Сталин, несмотря на занятость, стал часто бывать у Аллилуевых; его, черствого, холодного человека, тянуло к чистому и наивному полуребенку, своей будущей жене. Надежда с интересом внимала "старому подпольщику", как он себя ей представил.

На политической арене он по-прежнему едва заметен. Партия наполовину оказалась в подполье. По поручениям Ленина Свердлов и Сталин ведут необходимую работу. В массах Сталин все еще неизвестен, а в аппарате ЦК его роль повысилась.

А тем временем события, несомые, как сухие листья осенним ветром, приближали страну к Октябрю. Были здесь события комические и трагические, будничные и подлинно исторические. Не буду их ни оценивать, ни комментировать, а напомню лишь о некоторых, чтобы читатель смог почувствовать политический колорит тех дней. Вот как об этом времени сообщали петроградские газеты, как оно запечатлено в архивах.

26 июля. Открылся VI съезд РСДРП(б). Анкеты заполнили 171 человек, при этом из них отбывали тюремное заключение 110 человек в течение 245 лет, на каторге были 10 человек в течение 41 года, на поселении 24 человека в течение 73 лет, всего были в ссылке 55 человек в течение 127 лет, всего подвергались аресту 150 человек — 549 раз, всего были эмигрантами 27 человек в течение 89 лет. Съезд по поручению организационного бюро открывает Ольминский. В президиуме — Свердлов, Ольминский, Ломов, Юренев и Сталин. Почетными членами президиума выбраны Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Коллонтай, Луначарский.

8 августа. Великий князь Кирилл водрузил над своим домом красный флаг, а Николай II, теперь уже бывший император, записывает в своем дневнике, что начинает читать "Тартарена из Тараскона".

24 августа. Керенский посещает бывшего царя, чтобы в беседе подготовить его и близких к "отъезду в безопасное место". Николай: "Я не беспокоюсь. Я верю вам..."

28 августа. Генерал Корнилов послал Верховному командующему войсками Московского военного округа телеграмму: "В настоящую грозную минуту, дабы избежать междоусобной войны и не вызвать кровопролития на улицах Первопрестоль-

ной, предписываю вам подчиниться мне и впредь исполнять мои приказания". Верховный ответил: "С ужасом прочитал ваш приказ не подчиняться законному правительству. Начало междоусобной войны положено вами, и это, как я вам говорил, — гибель России. Можно и нужно было менять политику, но не подрывать последние силы народа во время прорыва фронта. Присягу не меняю, как перчатки..."

20 сентября. "Известия" сообщают, что задержанные в Финляндии Вырубова, Бадмаев, Манасевич и другие содержатся в Свеаборгской крепости. Матросы категорически высказались против отпуска и решили содержать их в Свеаборгской крепости до перехода власти в руки Советов.

4 октября. Остров Эзель (в Рижском заливе) полностью занят германцами. Их силы ведут наступление на остров Моон. Русская эскадра, ввиду огромного превосходства германских сил, после ожесточенного боя, потеряв корабль "Слава", отошла в Моонзунд.

10 октября. Ленин после долгого перерыва присутствует на заседании Центрального Комитета. Заседание состоялось на квартире меньшевика Суханова, жена которого была большевичкой. Председательствовал Свердлов. Ленин констатировал: "Большинство теперь за нами. Политическое дело совершенно созрело для перехода власти... Надо говорить о технической стороне. В этом все дело"[43].

14 октября. "Новая жизнь" сообщает: ежедневная потребность Петрограда — 48 тыс. пудов хлеба. 11 октября прибыло зерна 18 тыс. пудов, 12-го — 12 тыс. пудов, 13-го — едва 4 тыс. пудов. Петроградская городская дума поручила городскому голове обратиться к населению города сохранять спокойствие. Назначено специальное заседание думы для обсуждения продовольственного вопроса.

16 октября. В Петрограде состоялось заседание ЦК РСДРП(б) с представителями других партийных организаций. Присутствовали Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Сокольников, Ломов. Бокий из Петроградского комитета сообщает о готовности и настроении в районах: "Боевого настроения пока нет, но боевая подготовка ведется. В случае выступления массы поддержат". Принята следующая резолюция, предложенная Лениным: собрание призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания... За резолюцию подано 19 голосов, против 2. Избран практичес-

кий центр по организационному руководству восстанием в составе: Бубнов, Дзержинский, Урицкий, Свердлов, Сталин.

20 октября. "Рабочий путь" сообщает, что "русская революция низвергла немало авторитетов. Ее мощь выражается, между прочим, в том, что она не склонялась перед "громкими именами", она их брала на службу, либо отбрасывала их в небытие, если они не хотели учиться у нее. Их, этих "громких имен", отвергнутых потом революцией, — целая вереница: Плеханов, Кропоткин, Брешковская, Засулич и вообще все те старые революционеры, которые только тем и замечательны, что они старые. Мы боимся, что лавры этих "столпов" не дают спать Горькому. Мы боимся, что Горького "смертельно" потянуло к ним, в архив. Что ж, вольному воля!.. Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов..."[44]

24 октября. Вечером В.И. Ленин из Выборгского района перешел в Смольный, в Военно-революционный комитет. В эту же ночь отряд юнкеров явился в дом № 6 по Финляндскому проспекту с целью арестовать редакцию газеты "Рабочий путь" и В.И. Ленина. Но отрядом Красной гвардии юнкера были разоружены и препровождены в Петропавловскую крепость. В этот же день состоялось заседание ЦК. Рассматриваются вопросы: доклад Военно-революционного комитета; о съезде Советов; о Пленуме ЦК. Каменев предлагает, чтобы сегодня без особого постановления ни один член ЦК не мог уйти из Смольного... Троцкий считает необходимым устроить запасной штаб в Петропавловской крепости и послать туда с этой целью одного члена ЦК. Каменев вносит предложение, что в случае разгрома Смольного нужно иметь опорный пункт на "Авроре". Сталина на заседании нет...[45]

В ночь на 25-е Военно-революционный комитет перешел к штурму Зимнего дворца, где окопалось Временное правительство...

25 октября. Хроника истории партии разбита на часы, поистине исторические часы... Занят Николаевский вокзал. Крейсер "Аврора" подошел и отдал якорь у Николаевского моста. Павловский полк на Миллионной улице, близ Зимнего дворца, выставил пикеты, останавливает всех, арестовывает, направляет в Смольный институт. Командой моряков без сопротивления занят государственный банк... Петроградские казачьи полки отказались выступать в поддержку Временного правительства. Выключены телефоны штаба и Зимнего дворца... Занят Варшавский вокзал. Из "Крестов" освобождены политические заключенные... Подразделения Измайловского полка заняли

Мариинский дворец и потребовали у членов предпарламента очистить помещение. Павловским полком занят Невский проспект.

В 14.35 под председательством Троцкого открылось экстренное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Под шумные аплодисменты Троцкий заявил, что Временного правительства больше не существует, предпарламент распущен, освобождены заключенные, в действующую армию посланы радиограммы о падении старой власти. Судьба Зимнего дворца должна решиться в ближайшие часы. Затем встреченный бурной овацией впервые после долгого перерыва выступил Ленин:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась!

Известно, что организационная подготовка восстания была возложена на Военно-революционный центр из членов ЦК (куда вошли пять человек, в том числе и Сталин), а также на Военно-революционный комитет (ВРК) при Петроградском Совете, который проводил огромную работу по мобилизации революционных сил для решающего приступа. В своем историческом письме 24 октября к членам ЦК Ленин убеждал партийное руководство:

"Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т.д.

Нельзя ждать! Можно потерять все!!

...Правительство колеблется. Надо *добить* его во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно!"[46]

Сегодня каждый школьник знает, что ленинский призыв нашел благодатную почву. Социалистическая революция свершилась. Ее первые, всемирного значения результаты были закреплены на II Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, открывшемся вечером 25 октября. В президиум съезда избраны большевики Ленин, Зиновьев, Троцкий, Каменев, Склянский, Ногин, Крыленко, Коллонтай, Рыков, Антонов-Овсеенко, Рязанов, Муранов, Луначарский, Стучка, а также левые эсеры Камков, Спиридонова, Каховская, Мстиславский, Закс, Карелин, Гутман. Сталин в событиях этих дней просто затерялся. Находясь в Военно-революционном комитете Петроградского Совета, Сталин занимался исполнением текущих поручений Ленина, передавал циркулярные распоряжения в комитеты, принимал участие в подготовке мате-

риалов для печати. Ни в одном касающемся этих исторических дней и ночей архивном документе, с которыми мне удалось ознакомиться, его имя не упоминается.

На съезде Мартов пытался предложить резолюцию о необходимости мирного разрешения кризиса; эсер Гендельман от имени ЦК партии социалистов-революционеров (ПСР) навязывал резолюцию, осуждающую "захват власти" (но даже среди эсеров она собрала лишь 60 голосов при 93 "против"). Бунд, как и правые эсеры, выступил против захвата власти. Меньшевики-интернационалисты и поалей-ционисты* покинули съезд. А между тем к двум часам ночи Зимний дворец был занят. (Широкому читателю сегодня мало что говорят фамилии бывших министров Временного правительства Кишкина, Пальчинского, Рутенберга, Бернацкого, Вердеревского, Маниковского, Салазкина, Маслова и других, которых по приказу Антонова-Овсеенко заключили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости.) А съезд до самого утра продолжал работу...

Джон Рид так описывал его атмосферу: "Мы вошли в огромный зал заседания, проталкиваясь сквозь бурлящую толпу, стеснившуюся у дверей. Освещенные огромными белыми люстрами, на скамьях и стульях, в проходах, на подоконниках, даже на краю возвышения для президиума, сидели представители рабочих и солдат всей России. То в тревожной тишине, то в диком шуме ждали они председательского звонка. Помещение не отапливалось, но в нем было жарко от испарений немытых человеческих тел. Неприятный синий табачный дым поднимался вверх и висел в спертом воздухе"[47].

На этом съезде были приняты знаменитые ленинские декреты о земле и мире. Съезд избрал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) в составе 101 человека, в котором большевики имели уже 62 места. Однако в руководстве большевиков не было единства. Каменев, Зиновьев, Ногин, Милютин полагали необходимым поделить власть с другими партиями. В качестве одного из условий создания коалиционного социалистического правительства соглашатели требовали устранения из него Ленина и Троцкого. Развернулась ожесточенная политическая борьба. На стороне Ленина оказались

---

* Поалей-ционисты(ПЦ) — мелкобуржуазные еврейские националистические организации. Пытались совместить идеи социализма и сионизма.

Бубнов, Дзержинский, Сталин, Свердлов, Стасова, Троцкий, Иоффе, Сокольников, Муранов.

Как вел себя Сталин в критические дни Октября? Какова была его действительная роль? Почему его имя крайне редко встречается в революционных хрониках, хотя он регулярно, почти всегда, входил в различные руководящие органы?

Сначала несколько свидетельств. Вот как оценивается роль Сталина в революции в его "Краткой биографии". В ней говорится, что "Ленин и Сталин — вдохновители и организаторы победы Великой Октябрьской социалистической революции. Сталин — ближайший сподвижник Ленина. Он непосредственно руководит всем делом подготовки восстания. Его руководящие статьи перепечатываются областными большевистскими газетами. Сталин вызывает к себе представителей областных организаций, инструктирует их и намечает боевые задачи для отдельных областей. 16 октября Центральный Комитет избрал Партийный центр по руководству восстанием во главе с тов. Сталиным"[48]... И фактически все. Апологетика явная: только Ленин и он, Сталин. Руководит он не иначе как путем "вызовов" и "инструктажей". Но это уже взято из практики и терминологии 30-х годов. Авторам биографии было трудно сказать что-то конкретное, ибо Сталин в дни революционного апогея ничем не "руководил", ничто не "направлял" и никого не "инструктировал", а лишь исполнял текущие поручения Ленина, решения ВРК при Петроградском Совете.

Сталин продолжал писать статьи, комментирующие партийные решения. 24 октября, когда Керенский распорядился закрыть центральный орган партии "Рабочий путь", Сталин вместе с отрядом красногвардейцев принял участие в защите пролетарской газеты. Тогда же, 24 октября, в газете была опубликована невыразительная, совсем не в духе времени статья Сталина "Что нам нужно?", где он продолжает говорить о необходимости созыва Учредительного собрания. Фактически сталинская статья каким-то образом перекликается с печально известным письмом Зиновьева и Каменева "К текущему моменту" от 11 октября, в котором эти две мечущиеся фигуры выступают против решения ЦК о подготовке вооруженного восстания. Зиновьев и Каменев писали, что "мы держим револьвер у виска буржуазии" и что, мол, под этой угрозой она не сможет сорвать Учредительное собрание. Сталин тоже в канун восстания счел возможным вновь вернуться к идее "учредиловки". Одновременно, правда, Сталин доказывал, что нужно

"правительство Кишкина—Коновалова* заменить правительством Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов"[49].

Сталин вошел в первое Советское правительство, став народным комиссаром по делам национальностей. Но, войдя в "обойму" партийных лидеров, решавших все важнейшие вопросы революции, никогда, ни в одном деле в 1917 году Сталин не проявил ни одной крупной инициативы, творческого начинания, не выдвинул перед ЦК какой-либо оригинальной идеи. Это был человек из второго-третьего эшелона руководства, и все последующие славословия об исключительной роли Сталина в революции не соответствуют действительности. Она, эта роль, сочинена.

Сталин, включенный почти во все возможные революционные органы, между тем почти ни за что конкретно не отвечал. Но его внимательный, цепкий взгляд многое видел. Его удивляла энергия Троцкого, работоспособность Каменева, импульсивность Зиновьева. Сталин несколько раз видел и Плеханова, к которому испытывал чувство, близкое к уважению. Его поразили резкие слова Плеханова на одном из митингов: "...Русская история еще не смолола той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма".

Как мы знаем, блестящий пропагандист марксизма и один из основателей Российской социал-демократической рабочей партии на этом не остановился. Плеханов назвал "Апрельские тезисы" Ленина "бредом", осудил Октябрьскую социалистическую революцию, а впоследствии и Брестский мир. Будучи отброшенным паводком революции на мель вульгарного реформизма, Плеханов, разочаровавшись в действительности, не "соответствующей" его теории, удалился в Финляндию. Октябрь он принять не мог, но и бороться против него не захотел. Его политические принципы были нравственными.

Когда 4 июня 1918 года на объединенном заседании ВЦИК, Моссовета, профессиональных и рабочих организаций Москвы, на котором присутствовал и Ленин, почтили память умершего Плеханова минутой молчания, Сталин был удивлен. Для него человек, выразивший публичное несогласие с его делом, навсегда становился врагом. Так же он считал излишней на этом заседании траурную речь Троцкого, некролог Зиновьева в "Правде"... Для Сталина революция была лишь *борьбой*.

---

* Н.М. Кишкин, А.И. Коновалов — министры Временного правительства.

Или—или. Или союзник, или враг. Бинарная логика Сталина, если он не был готов поддержать одну из сторон, допускала лишь выжидание, не больше. Почести покойному Плеханову Сталин в душе назвал "либерализмом", недостойным революционеров. Все это казалось ему интеллигентской отрыжкой, слюнтяйством. Его товарищи по партии еще будут иметь возможность убедиться в последовательности взглядов будущего "вождя".

Спустя три года после Октябрьского вооруженного восстания группа участников тех событий собралась на вечер воспоминаний 7 ноября 1920 года. Был приглашен и Сталин, но он не захотел участвовать в вечере. Пришло много людей, в том числе Троцкий, Садовский, Мехоношин, Подвойский, Козьмин. Очень часто вспоминали о Ленине, говорили о Троцком, упоминали Каменева, Калинина, Зиновьева, Ногина, Свердлова, Ломова, Рыкова, Шаумяна, Маркина, Лазимира, Чичерина, Вальдена, других творцов рождения нового мира. Сохранилась стенограмма: Сталина не вспомнили ни разу... Хотя будущий генсек состоял практически во всех высоких органах, никому не пришло в голову назвать его имя ни в связи с деятельностью Военно-революционного комитета, ни в связи с работой большевиков в солдатской и матросской массе. А ведь почти все упомянутые выше и многие-многие другие мчались в те исторические часы на "Аврору", перехватывали вызванные Керенским батальоны самокатчиков, организовывали захват банка, телеграфа, вокзалов. Сталин остался для всех незаметным статистом, выполнявшим отдельные поручения революционных органов. Он оказался не способен на революционное творчество, не смог утвердить себя, как многие его сотоварищи.

Будущий единодержец очень болезненно переживал свою "незаметность", малозначительность. В 30-е годы Сталин мог спокойно слушать о событиях Октября лишь в свете деяний "двух вождей". Сначала подлинных героев революции "подвергли" умолчанию, "исторической чистке" и корректировке, а затем в трагические 1937 — 1939 годы устранили и физически. К 40-м годам активных руководителей Октябрьского вооруженного восстания уже можно было пересчитать по пальцам. Остались, как правило, те, кто создавал новую "октябрьскую" биографию "вождя". Чем меньше было ветеранов революции, тем гипертрофированнее изображалась роль Сталина в дни Октября.

Естественно, Троцкий, сделавший после 1929 года Сталина основным объектом своих критических изысков, пишет об

октябрьском периоде деятельности Сталина весьма резко. В своей книжке "Сталинская школа фальсификаций" он утверждает, что на заседаниях в 17-м Сталин, как правило, отмалчивался. Он обычно шел по официальной колее, проложенной Лениным, пишет Троцкий. "Никакой инициативы он не проявлял. Ни одного самостоятельного предложения он не сделал. Этого не изменят никакие "историки-марксисты" новой формации"[50].

Троцкий упоминает несколько эпизодов, когда Сталин, поддерживая Ленина, вместе с тем пытался защищать Каменева за его политические зигзаги, в том числе и на страницах печати. Какое-то время и после возвращения Сталина и Каменева из туруханской ссылки между ними сохранялись довольно дружеские отношения. В последующем, особенно в 30-е годы, и Каменев и Зиновьев в трагические для себя минуты будут пытаться напомнить Сталину о старой "дружбе". Но они плохо знали Сталина...

В 1924 году, после смерти Ленина Троцкий опубликовал очерк об ушедшем вожде, где он приводит такой диалог:

— А что, — спросил однажды меня Владимир Ильич вскоре после 25 октября, — если нас с вами убьют, то смогут ли справиться с делом Свердлов и Бухарин?

— Авось, не убьют, — ответил я смеясь.

— А черт их знает, — сказал Ленин и сам рассмеялся.

После появления очерка, вспоминал позднее Троцкий в книге "Моя жизнь", члены тогдашней "тройки" — Сталин, Зиновьев и Каменев — почувствовали себя кровно обиженными моими строчками, хотя и не пытались оспорить их правильность. Факт остается фактом: Ленин не назвал в числе преемников эту троицу, а назвал лишь Свердлова и Бухарина. Другие имена просто не пришли ему в голову[51].

Однако полностью брать эти слова на веру едва ли стоит, зная честолюбие и властолюбие Троцкого, в душе считавшего, что лишь он может быть "наследником" Ленина на стезе вождя партии. Можно с одинаковым основанием считать, что Троцкий задним числом пытался в 1924 году упрочить свои позиции и репутацию в борьбе за власть.

Известно, что Сталин всегда очень болезненно реагировал на любые просачивающиеся в печать сведения, которые высвечивали его более чем скромную роль в Октябре и преувеличивали роль Троцкого. Именно этими мотивами в значительной степени было продиктовано выступление Сталина в ноябре 1924 года на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС, изданное отдельной брошюрой в Госиздате лишь в 1928 году.

В своей речи Сталин так анализирует роль Троцкого в Октябрьском вооруженном восстании. "Да, это верно, — говорил Сталин, — тов. Троцкий действительно хорошо дрался в период Октября. Но в период Октября хорошо дрался не только тов. Троцкий, недурно дрались даже такие люди, как левые эсеры, стоявшие тогда бок о бок с большевиками. Но спрашивается, продолжал Сталин, когда Ленин предложил избрать практический центр по руководству восстанием, почему он туда не рекомендовал Троцкого, а предложил Свердлова, Сталина, Дзержинского, Бубнова и Урицкого. Как видите, в состав центра "не попал "вдохновитель", "главная фигура", "единственный руководитель восстания" тов. Троцкий. Как примирить это с ходячим мнением об особой роли тов. Троцкого?"[52] Здесь Сталин вновь передергивает. Ходом восстания руководил Военно-революционный комитет, а не практический центр.

Как видим, два известных деятеля партии спустя несколько лет после революции пытаются, с одной стороны, подчеркнуть свою особую роль в свершении вооруженного восстания, а с другой — принизить, умалить вклад своего политического и личного оппонента. Хотя в дни Октября не могло быть явления, которое позже назовут кабинетным руководством, роль Сталина, повторю, была ограничена подготовкой указаний, директив ЦК и их передачей революционным органам. Нет ни одного документального свидетельства его непосредственного участия в боевых действиях, организации вооруженных отрядов, выездов в части, на корабли, заводы с целью поднять массы на решение конкретных тактических и оперативных задач. Волею обстоятельств Сталин оказался в штабе революции, на ее центральной сцене. Но... в качестве статиста. Интеллектуальных данных, нравственной привлекательности, зажигающего энтузиазма, клокочущей энергии, которые так ценятся в революционное время, у него не оказалось. В революции, в самом ее эпицентре, всегда была фигура Ленина. Много ниже — Троцкий. Еще ниже — Зиновьев, Каменев, Свердлов, Дзержинский, Бухарин... За ними — целая когорта большевиков ленинской школы. Где-то в ее рядах — Сталин... "Двух вождей" в революции не было. Если, допустим, сказать в 1917 году Крестинскому, Радеку, Раковскому, Рыкову, Томскому, Серебрякову, десяткам других большевиков о том, что через полтора десятка лет в "официальной истории" будет сказано, что революцией руководили два вождя — Ленин и Сталин, то они не могли бы посчитать это даже шуткой... Но, увы! История, ее поток необратим. Только мысленно можно задать эти вопросы

тем, кого давно уже нет... Сталин стал "героем" задним числом.

Хотя Сталин был членом партии с конца 90-х годов прошлого столетия, членом ЦК с 1912 года, членом различных Советов, комитетов, редакций, наркомом по делам национальностей, — это все ему создавало лишь официальный (в известном смысле — бюрократический) статус. Присутствие Сталина на многочисленных заседаниях, совещаниях, конференциях свидетельствовало лишь о том, что он входил в высшие эшелоны руководства. Все это позволяло ему узнать, изучить широкий круг людей, глубже постичь механизм аппаратной работы, набраться политического опыта. А главное, заслужить оценку Ленина о себе как о надежном политическом работнике, способном не только на прямолинейные решения и действия, присущие простому исполнителю, но и на умелые компромиссы, лавирование, выделение главного звена в широком спектре возникающих проблем. В октябрьском большевизме Сталин был центристом, умеющим выжидать и приспосабливаться.

Спасительный шанс

В Октябрьскую революцию Россия вышла из берегов. Социальное половодье все сметало на своем пути. Главный месяц главного года новой истории Советской России оказался исключительно бурным и триумфальным для большевиков. Сравнительно небольшая партия еще в канун 1917 года в течение нескольких месяцев превратилась в мощную политическую силу. Однако "медовый месяц" был слишком кратким. Отодвинутые, казалось, проблемы заявили о себе уже в конце незабываемого года грозными, смертельными опасностями. Большевики, захватывая власть, обещали народу землю, хлеб, мир. Землю они начали давать. Земля давала надежду на хлеб. Но мир зависел не только от большевиков; как нельзя аплодировать одной ладонью, так и мира нельзя добиться лишь одной стороне. Тем более мира справедливого, демократического, без аннексий и контрибуций... Как его достичь, если полчища Габсбургов и Гогенцоллернов уже топтали западные земли России?

Никто так остро не понимал драматизма момента, как Ленин. Уже спустя несколько дней он, став Председателем Совета

Народных Комиссаров, инструктирует А.А. Иоффе, которого направляет во главе делегации для переговоров с германским командованием.

Первоначально казалось, что успех будет достигнут быстро, ибо уже 2 декабря 1917 года было подписано перемирие до 1 января 1918 года. Вскоре начались переговоры о мире. К Иоффе прибыло подкрепление в лице Каменева, нескольких других большевиков и левых эсеров. Но обстановка стала иной: в Берлине шовинистические силы взяли верх и нацелились на достижение максимально возможного. Там уже знали, что русские окопы наполовину пусты и за спиной советской делегации находится лишь тень былой силы. Немцы выдвинули условия аннексионистского мира, чреватого утратой для России обширных территорий.

Вождь революции проявил невиданную прозорливость и волю. Если мы не подпишем мир, тяжелый, несправедливый, то "крестьянская армия, невыносимо истомленная войной, после первых же поражений — вероятно, даже не через месяцы, а через недели — свергнет социалистическое рабочее правительство"[53]. Речь шла, таким образом, о судьбах революции. На совещании ЦК по вопросу о мире столкнулись две полярные точки зрения: Ленина и "левых" коммунистов. В результате голосования противники мира, сторонники "революционной войны" вначале получили большинство голосов.

"Левые" коммунисты, к которым следует прежде всего отнести Бухарина, Бубнова, Преображенского, Пятакова, Радека, Осинского, Ломова, предлагали сделать упор на подъем революционного движения в Европе. Без немедленного революционного взрыва в Европе наша революция погибнет, заявлял Пятаков. Революционная война против германского империализма, считали "левые", способна подтолкнуть пролетариат на революционное выступление против своих правительств. Нужно сказать, что революционные симптомы, наблюдавшиеся во многих странах Европы, "левые" приняли за начало континентального пожара — детонатора мировой революции.

Известно, что Троцкий, возглавивший на следующем этапе советскую делегацию в Брест-Литовске, несмотря на то что соотношение сил в ЦК к моменту его отъезда изменилось в пользу мира, сделал неожиданный шаг. 10 февраля 1918 года после непродолжительных дебатов по частным вопросам Троцкий вдруг заявляет о прекращении переговоров. "Наш солдат-пахарь, — говорит он, — должен вернуться к своей пашне, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю,

которую революция из рук помещика передала в руки крестьянина. Наш солдат-рабочий должен вернуться в мастерскую, чтобы производить там не орудия разрушения, а орудия созидания... Мы выходим из войны... Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий... В связи с этим заявлением, — продолжал Троцкий, — я передаю следующее письменное и подписанное заявление:

"Именем Совета Народных Комиссаров, Правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения правительств и народов, воюющих с нами, союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным.

Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту.

Брест-Литовск,

10 февраля 1918 г.

Председатель российской мирной делегации

Народный Комиссар по иностранным делам *Л.Троцкий*

Члены делегации: *В. Карелин, А. Иоффе, М.Покровский, А.Биценко*

Председатель Всеукраинского ЦИК *Медведев*"[54].

Выступая через три дня на заседании ВЦИК, Троцкий пытался доказать, что его решение "революционирует" революционное движение на Западе, что лозунг "ни мира, ни войны" будет поддержан даже немецкими солдатами. Но этот пресловутый лозунг открывал агрессору дорогу в глубь России. В истории и по сей день авторство этой фразы приписывают Троцкому. Однако еще в апреле 1917 года французский посол в Петрограде Палеолог в своем донесении в Париж так оценивал военные возможности русского союзника: "На нынешней стадии революции Россия не может заключить ни мира, ни вести войну"[55]. Знал ли Троцкий о "приоритете" оценки французского посла, сказать трудно.

Через несколько дней германские войска начали наступление по всему фронту. Немецкие сапоги вскоре топтали землю в Двинске, Вендене, Минске, Пскове, десятках других городов и сел России... Наконец после ожесточенной дискуссии ЦК принял решение подписать мир на немецких условиях семью голосами против четырех...

Германия, по выражению Чичерина, "приставив ко лбу революционной России пистолет", оформила грабительский мир.

От страны отторгались Польша, Литва, Эстония, Курляндия, Карс, Батуми, острова на Балтике... Но партии предстояло еще отстоять этот мир на своем VII экстренном съезде и IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов, состоявшихся с недельным интервалом в марте.

Скажу сразу, роль Сталина на этом фоне по большей части была пассивной. Не столько из-за несогласия с той или иной позицией, а просто в силу недостаточной ясности для него всей этой сложной и динамичной проблемы. 23 февраля, например, на заседании ЦК, когда Ленин, чтобы оказать давление на своих товарищей, пошел (в критической ситуации!) на угрозу выхода из правительства и ЦК в случае отклонения его предложения подписать мир, Сталин дрогнул и заколебался, успев, правда, задать вопрос: "означает ли уход с постов фактический уход из партии" — на что Ленин ответил отрицательно.

Растерянность, которая нечасто посещала Сталина, особенно проявилась тогда, когда раздались голоса о том, что "честь революции превыше ее гибели". Ломов, тот прямо заявлял: "Не пугайтесь отставки Ленина. Революция дороже". Урицкий говорил, что этим "позорным миром мы не спасем Советскую власть". Сталин под влиянием этих разноречивых мнений, суждений, как уже говорилось, неожиданно занял неопределенную, выжидательную позицию: "Мира можно не подписывать". Ленин на это ответил: "Сталин неправ, когда он говорит, что можно не подписать. Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через три недели. Эти условия Советской власти не трогают. У меня нет ни малейшей тени колебания. Я ставлю ультиматум не для того, чтобы его снимать. Я не хочу революционной фразы"[56]. Ленин жестко, убийственно метко парирует все доводы оппонентов. Когда Ленин подверг все эти левые и дуалистические позиции уничтожающей критике, Сталин как-то сразу "успокоился" и пошел за вождем. При голосовании он уже поддержал Ленина.

В жаркой борьбе на партийном съезде Ленин смог доказать жизненную необходимость тяжелого выбора. Сталин, внутренне раздваиваясь, нашел в себе силы идти за Лениным до конца. Так же как и Троцкий до конца остался на своих позициях. В своей речи на VII съезде партии он заявил: "Я воздержался от голосования в Центральном Комитете при решении этого важнейшего вопроса по двум причинам: во-первых, потому, что я не считаю решающим для судеб нашей революции то или другое наше отношение к этому вопросу... По вопросу о

том, где больше шансов: там или здесь, — я думаю, что больше шансов не на той стороне, на которой стоит тов. Ленин... И только один голос в Центральном Комитете раздавался за то, чтобы немедленно подписать мир: это голос Зиновьева". Говоря о тех, кто настоял на подписании мира, Троцкий заявил, что этот путь имеет "некоторые реальные шансы. Однако это есть опасный путь, который может привести к тому, что спасают жизнь, отказываясь от ее смысла"[57].

Страна, народ так устали от войны, что любая возможность передышки воспринималась большинством людей как спасительный шанс. Этот шанс Ленин и его наиболее близкие соратники смогли не просто уловить, но и использовать. В истории есть мало подобных прецедентов прозорливости и мудрости в решении столь сложных вопросов, какими являются война и мир. Ленин не побоялся обвинений в "капитулянтстве", "отступлении", "сдаче на милость империализма", которыми осыпали его левые эсеры, "левые" коммунисты, люди фразы, прямолинейно, примитивно понимавшие суть революционной чести. Оставались с ним в эти драматические дни Зиновьев, Стасова, Свердлов, Сокольников, Смилга и Каменев. В решающие минуты и Сталин голосовал за Ленина.

Российская Вандея

Вожди Октября в своих речах часто искали аналогии и примеры из истории Великой французской революции. В начале 1918 года, менее чем через полгода после победоносного Октябрьского восстания, у них появился повод вспомнить Вандею — обширную область в Западной Франции, между Бретанью и Луарой. В июне 1793 года Вандея восстала. Новое никогда не принимается сразу всеми. Для неграмотных мужиков, подстрекаемых загнанными в угол богатыми собственниками и фанатичным духовенством, революция представала в виде загадочного чудовища, пожирающего без разбора все устоявшееся и привычное. Кровавая междоусобица охватила Бретань, Нормандию, Пуату, Бордо, Лимож. Вандея стала эпицентром провинциальной контрреволюции. "Вандея обратилась, — отмечал П.А. Кропоткин, — в гнойную рану республики"[58], став символом жестокой гражданской войны, усугубляемой иностранным вмешательством. В Советской России зрела собственная Вандея.

Передышка была недолгой. Уже в марте — апреле 1918 года началась иностранная военная интервенция, возродившая у буржуазии и помещиков надежду на реванш. Повсюду мятежи, контрреволюционные выступления белого офицерства, казаков, кулаков, националистов. Страна, разрушенная четырехлетней войной, оказалась не просто в огненном кольце — она была сама вся в пламени войны. У Республики не было границ. Были одни фронты.

В Париже, Лондоне, Берлине, Токио, Вашингтоне, десятках других столиц мира были уверены: Россия в агонии. На это время приходится одна из самых крупных волн эмиграции. Буржуа, помещики, промышленники, профессура, значительная часть творческой интеллигенции, крупные чиновники покидали Россию. В своих статьях, заявлениях, обращениях многие из них живописали не только ужас, который пришел в страну после захвата власти "торжествующим хамом", но и предрекали скорый конец Советов. М.И. Калинин, выступая несколько лет спустя по поводу публикаций в белогвардейских "Днях", писал в "Известиях": "Сейчас вы — жертвы, несущие невзгоды гражданской войны, но и ваши невзгоды, как бы они ни казались вам велики, являются каплей в море народного страдания от 1914 до 1917 года. Вы не видели народных мук, вы их заглушали патриотическим воем..."[59]

Конец Советской власти казался недалеким. Тем более что началась настоящая охота на комиссаров. В Петрограде эсер Леонид Кенегиссер выстрелом сражает Моисея Урицкого; в июле убит белогвардейцами Семен Нахимсон, известный комиссар латышских стрелков. Комиссар продовольствия Туркестанской республики Александр Першин погиб от рук мятежников в Ташкенте. В мае 18-го Федор Подтёлков и Михаил Кривошлыков, известные большевики Дона, гибнут на белоказачьей виселице. Бывший генерал-лейтенант царской армии Александр Таубе, перешедший на сторону революции и ставший начальником Сибирского штаба, попал в руки белогвардейцев и был замучен. Но самый страшный удар в 1918 году контрреволюция нанесла в Москве. После выступления Ленина перед рабочими завода Михельсона в него стреляла эсерка Фанни Каплан.

Кровавая межа раскалывает Россию. Вандея гражданской войны, когда брат мог идти на брата, отец сражаться со своими сыновьями, захлестнула многострадальную Россию. Слова Жана Жореса, обращенные к Вандее 1793 года, словно были написаны и для характеристики гражданской войны в России:

"Сколько неистовых страстей загорается в этих городах, ощутивших почти у самого сердца острие ножа! Какая ненависть вспыхнет завтра! Сколько репрессий и против врага, и против тех, кого заподозрят в том, что они были его сообщниками, помогавшими ему активными действиями или своей инертностью!"[60]. По своей ожесточенности и непримиримости гражданская война в России сродни той глубокой классовой ненависти, которая разделила народ на два враждующих лагеря. Обычно пленных не берут. Белые поднимают на штыки раненых красноармейцев в лазаретах. В схватках нет милосердия. По фронтам гуляет тиф. В оврагах расстреливают заложников. Жизнь падает в цене. Классовый зов сильнее сострадания, жалости, мудрости, рассудительности. Страна залита кровью соотечественников. Войну эту вели не только вооруженные силы соперничающих классов, в ней фактически участвовала и большая часть населения. Главным катализатором и вдохновителем этой войны была иностранная военная интервенция. "Всемирный империализм, — отмечал В.И. Ленин, — который вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягивании..."[61] ВЦИК объявляет Советскую Республику военным лагерем, создает Реввоенсовет Республики во главе с Троцким. Главнокомандующим вооруженными силами назначается И.И. Вацетис, его сменяет С.С. Каменев. В ответ на белый террор начинается террор красный.

В гражданской войне Сталин более заметен. Он выполняет поручения Центрального Комитета партии, они сложны и ответственны. На правом фланге Восточного фронта к середине 1918 года важную роль стал играть Царицын. Не столько из-за военных соображений, сколько из-за продовольственных трудностей. Сталина посылают на юг, в Царицын как чрезвычайного уполномоченного ЦК по продовольственному снабжению. 31 мая В.И. Ленин подписывает постановления СНК от 29 и 30 мая 1918 года о назначении И.В. Сталина и А.Г. Шляпникова общими руководителями продовольственного дела на юге России, облеченными чрезвычайными правами[62]. Иссушающая петля голода все туже затягивалась на жизненных артериях политических и промышленных центров России. У Ленина, по-видимому, уже сложилось мнение об одном из наркомов Советского правительства как надежном исполнителе. Начиная с момента приезда Ленина в Петроград, ему довольно часто приходилось встречаться с немногословным кавказцем. Он редко задавал вопросы, публично не подвергал сомнению принимаемые ЦК решения, брался за любое поручение. Казалось, что он был

доволен уготованной ему ролью незаметного, но надежного функционера. Так же спокойно Сталин воспринял свое направление в Царицын. Перед отъездом на юг ему сообщили, что Ленин в добавление к постановлению СНК отдал распоряжение ответственному работнику Наркомвоена С.И. Аралову выделить отряд в 400 человек (в том числе обязательно 100 латышских стрелков) для отправки его вместе со Сталиным[63].

Сразу же Сталину пришлось решать военные задачи: Царицын оказался в плотном кольце казачьего окружения. Он входит в Военный совет округа. За короткое время Военному совету округа удалось объединить разрозненные части, провести мобилизацию, сформировать несколько новых дивизий, ряд специальных частей, колонну бронепоездов, создать рабочие отряды ополчения. По просьбе Сталина Ленин направляет срочную телеграмму Главному управлению водного транспорта с предписанием немедленно и беспрекословно исполнять все приказы и распоряжения чрезвычайного уполномоченного СНК наркома И.В. Сталина[64].

Положение Царицына стало более прочным, когда сюда пробились из Донбасса части бывшей 5-й армии под командованием Ворошилова. Интересно отметить, что свои донесения Сталин не направлял Троцкому, хотя оперативно находился в его подчинении, а через голову Главкома, Председателя Реввоенсовета Республики часто напрямую обращался прямо к Ленину с мелкими вопросами. Для большинства телеграмм Сталина характерно отсутствие глубоких обобщений, политических оценок, прогнозов. Они, если так можно сказать, сугубо эмпиричны. В результате принятых Центром и Военным советом мер Царицын за короткий срок подготовился к осаде. Несмотря на помощь Деникину со стороны предателя, бывшего царского полковника военспеца Носовича, штурм Царицына не принес успеха белогвардейцам. В последующем Царицын, как и другие места, где бывал во время гражданской войны Сталин, приобрели не просто легендарное, а прямо-таки мистическое значение в нашей истории.

Сталин, не обладая оперативными, тактическими познаниями, в критические моменты битвы за Царицын проявил диктаторские замашки, "твердую руку". В записке в Центр Сталин пишет: "Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим положение. Можете быть уверены, что не пощадим никого, ни себя, ни других, а хлеб все же дадим. Если бы наши военные "специалисты" (сапожники!) не спали и не бездельни-

чали, линия не была бы прервана, и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им"[65]. Измена Носовича, ряда других бывших офицеров царской армии усилила и без того подозрительное отношение Сталина к военспецам. Нарком, облеченный чрезвычайными полномочиями по вопросам продовольственного дела, не скрывал своего недоверия к специалистам. По инициативе Сталина большая группа военспецов была арестована. На барже создали плавучую тюрьму. Многие были расстреляны. У него были последователи. Не случайно В.И. Ленин в своей речи по военному вопросу на VIII съезде партии осудил партизанщину и однозначно сказал, что "на первом плане должна быть регулярная армия, надо перейти к регулярной армии с военными специалистами"[66]. Сталин публично не возражал Ленину, но даже в конце 30-х годов корпоративная принадлежность красного командира к царскому офицерству в прошлом являлась отягчающим обстоятельством.

Реввоенсовет Южного фронта в составе И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, председателя Царицынского Совета С.К. Минина и командующего фронтом П.П. Сытина работал недружно. Сталин считал, что решения, даже незначительные, должны приниматься только коллегиально, а Сытин, как командующий, пытался в соответствии с военной логикой избегать бесконечных "согласований" и "уточнений" при принятии решений. Сталин дает понять Москве, что Сытин не заслуживает доверия. Сытин отвечает докладной запиской в Реввоенсовет Республики. В ней он утверждает, что Минин, Сталин и Ворошилов ограничивают его деятельность как командующего фронтом, требуя согласования всех, даже мелких, вопросов с Военным советом, что резко осложняет оперативное управление[67]. Сталин одержал верх: в начале ноября 1918 года Сытин был отозван с поста командующего.

Сталин в конце концов поставил военспецов в положение постоянно контролируемых. Он знал, что Троцкий держал сторону военспецов. Уже тогда между Сталиным и Троцким вспыхивали не раз телеграфные стычки, которые положили начало глубокой неприязни друг к другу, перешедшей во враждебность, а в конце концов и ненависть.

Сталин не утруждал себя посещением окопов, лазаретов, сборных мест и наблюдательных пунктов. Он был постоянно в штабе, без конца слал депеши, вызывал комиссаров, командиров, требовал донесений, сводок, угрожал трибуналом, посылал людей для контроля. Уже в годы гражданской войны Сталин не раз прибегал к крайним мерам — распоряжениям о рас-

стреле саботажников, подозрительных военспецов, лиц, которые, по его мнению, вредили делу. Так было в Царицыне, Перми, Петрограде. Ленин в своей речи на VIII съезде партии прямо говорит о расстрелах во время пребывания Сталина в Царицыне, о разногласиях между ними по этому вопросу[68]. Военные обстоятельства таковы, что задним числом не всегда можно верно оценить необходимость тех или иных мер. Вандея была кровавой. Такой же была и гражданская война. Сталин в этой войне чувствовал себя более уверенно, чем в октябре 17-го. Он был похож на комиссара Конвента Каррье, описанного Ж. Мишле, который считал естественным безудержное выплескивание жестоких страстей и насилия во имя достижения цели. В годы гражданской войны, Сталин поверил во всемогущество насилия, которое, по его мнению, всегда оправданно в отношении врагов.

Стиль его работы многим не нравился. Наиболее проницательные командиры не могли не почувствовать уже тогда, что у этого человека железная хватка, его трудно "столкнуть" на случайное решение, повлиять на его замысел. Интересно в этом отношении письмо Антонова-Овсеенко от 19 мая 1919 года в Центральный Комитет РКП(б), в котором он жалуется на "несправедливое отношение к нему как командующему Украинской армией". Отмечая слабую поддержку центра в его деятельности, он тем не менее пишет, что "Лев Давидович это понимает" (речь идет о Троцком), но что "стоило тов. Сталину цыкнуть, как украинские товарищи перешли от интриг к делу". Антонов-Овсеенко этим косвенно подтверждает способность Сталина влиять на положение дел на фронте.

Не зная тонкостей оперативного искусства, Сталин напирал главным образом на дисциплину, пролетарский долг, революционную сознательность и часто грозил "революционной карой". После Царицына Сталин почувствовал себя значительно увереннее среди своих сотоварищей по Центральному Комитету и Совнаркому. К этому времени в кругу партийных руководителей, членов ЦК, военруков Сталин был уже достаточно известным человеком. Правда, бывая на фронтах, выполняя задания Ленина, он каких-то особых "военных талантов" не проявил. Нет никаких достоверных объективных свидетельств, подтверждающих, что Сталин мог правильно оценить оперативную обстановку, сделать выводы о соотношении сил, выдвинуть оригинальную стратегическую идею."Нажимной" стиль, впоследствии укоренившийся как командно-бюрократический, может считать своим автором прежде всего его, Стали-

на. Оперативные установки Сталина весьма упрощенны, если не сказать — примитивны. Вот пример его обычных фронтовых указаний. Во время разговора по прямому проводу члена Реввоенсовета Южного фронта И.В. Сталина с членом Реввоенсовета 14-й армии Г.К. Орджоникидзе в октябре 1919 года Орджоникидзе доложил, что армия готовится отбить обратно город Кромы. Нужны подкрепления. Сталин отвечает:

"Смысл нашей последней директивы в том, чтобы дать вам возможность вновь собрать эти полки в одну группу и истребить лучшие полки Деникина. Повторяю — истребить, ибо речь идет об истреблении. Взятие Кром противником — эпизод, который всегда можно исправить, основная же задача — не пускать полков ударной группы поодиночке, а бить противника единой массивной группой в одном определенном направлении"[69].

Силовой напор в указаниях члена Реввоенсовета Южного фронта всегда ощущается, чего нельзя сказать о военном искусстве руководителя. Хотя именно о полководческом искусстве Сталина в 30-е годы и позже написано немало книг и защищено диссертаций. Особенно апологетичны работы К.Е. Ворошилова о Сталине как "величайшем полководце всех времен". А ведь он был не военный руководитель, а политический представитель Центра, уполномоченный, в ряде случаев член Реввоенсовета. Для победы в гражданской войне многие члены и кандидаты в члены ЦК сделали не меньше, а больше, чем Сталин. Это прежде всего Л.Д. Троцкий, С.И. Гусев, И.Н. Смирнов, И.Т. Смилга, Г.Я. Сокольников, М.М. Лашевич, Л.П. Серебряков, А.С. Бубнов, К.Х. Данишевский...

Как бы там ни было, личное участие Сталина в гражданской войне отмечено не только исполнением им своих обязанностей комиссара двух наркоматов — по делам национальностей и государственного контроля — но и заметно в политическом, пропагандистском и собственно в военном отношениях. В ходе гражданской войны Ленин часто использовал Сталина как чрезвычайного уполномоченного ЦК, направляемого для инспекции, проверки, выправления дела, получения подробной информации. Так, в июне 1918 года В.И. Ленин телеграфирует Сталину о том, что распоряжения правительства о потоплении кораблей Черноморского флота должны быть безусловно выполнены, в противном случае виновные будут объявлены вне закона. В телеграмме Сталину предлагается направить в Новороссийск авторитетного работника, способного провести этот приказ в жизнь[70]. Выступая в этом же месяце на конференции

профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы, В.И. Ленин в ответ на вопрос о судьбе Черноморского флота объяснил ситуацию, добавив: "Народные комиссары — Сталин, Шляпников и Раскольников приезжают скоро в Москву и расскажут нам, как было дело"[71].

Ленин, инструктируя, наставляя Сталина перед поездками на фронт, видел в нем не только члена ЦК, но и одного из представителей многонациональной страны, судьба которой в огромной степени зависела от союза России с другими советскими республиками. Готовя проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) по защите Азербайджана, Ленин собственноручно написал: поручить Сталину через Оргбюро "выудить отовсюду максимальное количество мусульман-коммунистов для работы в Азербайджане"[72]

Роль политического руководителя в отдельных "главах" гражданской войны Сталин исполнял неоднократно. Так, во время первой контрреволюционной попытки ликвидировать Советскую власть с помощью мятежа генерала Краснова Сталин по поручению Ленина вместе с Дзержинским, Орджоникидзе, Подвойским, Свердловым, Урицким принимал участие в организации обороны Петрограда, мобилизации сил для разгрома мятежников. По предложению Ленина Сталин выполнял конкретные задания по приведению в боевую готовность войск Петроградского гарнизона, строительству оборонительных рубежей, созданию отрядов Красной гвардии на заводах и фабриках.

Уже здесь многие имели возможность убедиться в напористости и непреклонности Сталина, диктовавшего директивы, отдававшего распоряжения голосом, не терпящим возражений. Но одновременно наблюдательные партийцы замечали не только его напористость, но и мстительность, злопамятность. В декабре 1918 года Сталин вместе с Ворошиловым обвинил в дезорганизаторстве члена Реввоенсовета Южного фронта А.И. Окулова. По настоянию Сталина Ленин принимает решение: "Ввиду крайне обострившихся отношений Ворошилова и Окулова, считаем необходимым замену Окулова другим"[73]. Ленин, согласившись в данном случае со Сталиным, на VIII съезде партии сказал свое слово в защиту Окулова: "Тов. Ворошилов договорился до таких чудовищных вещей, что разрушил армию Окулов. Это чудовищно. Окулов проводил линию ЦК, Окулов нам докладывал о том, что там сохранилась партизанщина".[74] В июне 1919 года в Петрограде у Сталина вновь произошла стычка с Окуловым, который требовал подчинения Петроградского

военного округа командованию Западного фронта. В результате настойчивых требований Сталина, чрезвычайного уполномоченного ЦК РКП(б) и Совета Обороны в Петрограде, Ленин поручает зампредреввоенсовета Склянскому отправить от его имени телеграмму: отозвать Окулова, "дабы конфликт не разросся"[75]. Но в итоге Сталин все припомнил Окулову в конце 30-х годов.

Пожалуй, в гражданской войне Ленин начал активно использовать Сталина еще с момента ликвидации мятежа Духонина. Когда 9 ноября 1917 года В.И. Ленин находился у аппарата прямой телеграфной связи со ставкой Духонина, рядом с ним были Сталин и Крыленко. Монархист Духонин игнорировал распоряжения Советского правительства. Тогда, после краткого совещания, здесь же, у прямого провода, Ленин передал в Ставку короткий приказ: Духонин отстраняется от поста главнокомандующего армией и вместо него назначается народный комиссар по военным делам прапорщик Н.В. Крыленко. Через день новый главком в сопровождении отряда в 500 бойцов выехал в Ставку. Несмотря на попытки Крыленко и других предотвратить самосуд, Духонин был убит.

В.И. Ленин, Реввоенсовет Республики использовали Сталина и для расследования причин поражений, катастроф на отдельных участках фронта. Это было необходимо, ибо не только неорганизованность характеризовала действия войск на ряде направлений, но иногда и прямое предательство отдельных попутчиков революции, замаскировавшихся монархистов и белогвардейцев. Когда в декабре 1918 года потерпела крупную неудачу 3-я армия в районе Перми, что создавало серьезную угрозу соединения Колчака с силами контрреволюции на севере и частями английских, американских и французских войск, оккупировавших значительные территории у Мурманска и Архангельска, ЦК РКП(б) командировал в Вятку специальную комиссию во главе со Сталиным и Дзержинским. Ей вменялось в обязанность разобраться в причинах поражений и принять необходимые меры дляя выправления положения. Посланцы-уполномоченные действовали решительно и без промедлений. Группа лиц, признанных ответственными за поражение, была предана военному трибуналу. Слабые командиры и комиссары отстранялись от руководства войсками. Были сделаны акценты на усиление политической работы с красноармейцами, укрепление дисциплины, улучшение снабжения. Сталин, всегда относившийся к командирам из военспецов с подоз-

рением, используя действительные факты измены некоторых бывших офицеров, действовал круто, безжалостно.

В своем донесении в Центр Сталин пишет, что в результате принятых мер боеспособность войск восстановлена. 3-я армия (совместно со 2-й) в январском контрнаступлении смогла выправить положение. В тылу армии идет серьезная чистка советских и партийных учреждений. В Вятке и уездных городах организованы революционные комитеты. Очищена и укреплена новыми работниками губернская чрезвычайная комиссия.

Выводы Сталина, как всегда, категоричны. Вот, например, как он оценивал Реввоенсовет 3-й армии. Он "состоит, — писал Сталин, — из двух членов, один из коих (Лашевич) командует, что касается другого (Трифонов), так и не удалось выяснить ни функций, ни роли последнего: он не наблюдает за снабжением, не наблюдает за органами политического воспитания армии и вообще как будто ничего не делает. Фактически никакого Реввоенсовета не существует"[76].

В докладе Сталин, не называя имени Троцкого, прозрачно говорит о слабой роли "некоторых руководителей" Реввоенсовета Республики, ограничивающих свою работу отдачей лишь "общих распоряжений". Но перегибы Сталина пришлось исправлять. По его распоряжению большая группа работников была отдана под военный трибунал. Заседание ЦК (5 февраля 1919 г.), рассмотревшее доклад уполномоченных, решило: "Всех арестованных комиссией Сталина и Дзержинского в 3-й армии передать в распоряжение соответствующих учреждений..." В этой поездке Сталин ближе узнал Дзержинского и, похоже, проникся к нему уважением за обстоятельность в делах и решительность. Ведь решительность и волю он ценил больше всего; дефицита этих качеств у самого Сталина никогда не было.

Иногда его решительность проявлялась в категоричных требованиях и к Центру. В своем письме к В.И. Ленину с фронта 3 июня 1920 года он потребовал скорейшей ликвидации Крымского фронта. Нужно, писал Сталин, "либо установить действительное перемирие с Врангелем и тем самым получить возможность взять с Крымского фронта одну-две дивизии, либо отбросить всякие переговоры с Врангелем, не ждать момента усиления Врангеля, ударить на него теперь и, разбив его, освободить силы для Польского фронта. Нынешнее положение, не дающее ясного ответа на вопрос о Крыме, становится нестерпимым"[77]. В.И. Ленин прямо на этом письме написал Троцкому: "Это явная утопия. Не слишком ли много

жертв будет стоить? Уложим тьму наших солдат. Надо десять раз обдумать и примерить. Я предлагаю ответить Сталину: "Ваше предложение о наступлении на Крым так серьезно, что мы должны осведомиться и обдумать архиосторожно. Подождите нашего ответа.

Ленин. Троцкий"[78].

Получив ответную записку Троцкого, где говорилось, что Сталин, обращаясь непосредственно к Ленину, нарушает сложившийся порядок (по его мнению, об этом должен был бы доложить командующий Юго-Западным фронтом А.И. Егоров), Ленин приписал: "Не без каприза здесь, пожалуй. Но обсудить нужно спешно. А какие чрезвычайные меры?"[79]

Несмотря на попытки Ленина наладить отношения Сталина и Троцкого, они были холодно-настороженными. Будущий генсек болезненно воспринимал рост популярности Троцкого, считал ее незаслуженной. Во время редких приездов в Москву в Реввоенсовете Республики ему показали несколько телеграмм схожего содержания. Приведу одну из них:

"Председателю Реввоенсовета тов. Троцкому.

В первую годовщину Октябрьской революции... граждане села Кочетовки Зосимовской волости Тамбовской губернии постановили переименовать село, назвав его вашим именем — село Троцкое. Мы просим разрешить нам называть наше село дорогим для нас именем вождя и вдохновителя Красной Армии.

Председатель совдепа *С. Нечаев*".

К слову говоря, первые переименованные города в Советской России (нынешние Гатчина и Чапаевск) еще в гражданскую войну стали носить имя Троцк.

В военной переписке Ленина встречаются несколько раз фразы, выражающие удивление обидчивостью и препирательством Сталина. Так, на одну из телеграмм Ленина о необходимости помочь Кавказскому фронту, Сталин ответил: "Мне не ясно, почему забота о Кавфронте ложится прежде всего на меня... Забота об укреплении Кавфронта лежит всецело на Реввоенсовете Республики, члены которого, по моим сведениям, вполне здоровы, а не на Сталине, который и так перегружен работой"[80]. Сталин недоволен и напоминает Ленину, что он "и так перегружен работой". Ленинский ответ был твердым и лаконичным:

"20 февраля 1920 г.

На вас ложится забота об ускорении подхода подкреплений

с Юго-Запфронта на Кавфронт. Надо вообще помочь всячески, а не препираться о ведомственных компетенциях.

Ленин"[81].

Но и позже нотки капризности в донесениях Сталина слышны весьма отчетливо. 4 августа того же года Ленин запросил телеграммой Сталина:

"Завтра в шесть вечера назначен пленум Цека. Постарайтесь до тех пор прислать Ваше заключение о характере заминок у Буденного и на фронте Врангеля, а равно и о наших военных перспективах на обоих этих фронтах. От Вашего заключения могут зависеть важнейшие политические решения.

Ленин".

Сталин обескуражен. С одной стороны, он, видимо, не хочет нести ответственность за возможные "важнейшие политические решения", а с другой — он никогда не обладал даром предвидения. В телеграмме он отвечает, что "война есть игра и всего учесть невозможно", а по сути предложения Ленина отвечает:

"Я не знаю, для чего, собственно, Вам нужно мое мнение, поэтому я не в состоянии передать Вам требуемого Вами заключения и ограничиваюсь сообщением голых фактов без освещения.

Сталин"[82].

Да, это был исполнитель директив Центра. Но когда от Сталина требовалось нечто большее, чем он хотел и мог, в его ответах и поведении явно чувствуются обида, недоумение, замешанные на капризности, которую так тонко уловил Ленин еще в годы гражданской войны.

Позволю сделать одно отступление. В архивах сохранилась обширная почта Л.Д. Троцкому. Особенно много писал ему А.А. Иоффе, его давнишний сторонник и единомышленник. В одном из своих пространных писем (более чем на 20 страницах!) Троцкому Иоффе фактически просит его протекции на какой-либо влиятельный пост, возможно, народного комиссара РКИ. Иоффе пишет, что "если Сталина в интересах дела можно снять с поста Наркома РКИ, ибо он будет полезен на любом посту, а в РКИ не работает, то Чичерина все же нельзя снять с поста Наркома И.Д., ибо он нигде более полезен не будет..."[83]. Трудно понять, почему Сталин будет "полезен на любом посту": потому что "не работает" или Иоффе учитывал потенциальные возможности наркома?

Писал Иоффе и Ленину. На что получил ответ такого содержания:

"Во-первых, Вы ошибаетесь, повторяя (неоднократно), что "Цека — это я". Это можно писать только в состоянии большого нервного раздражения и переутомления...

Во-вторых... Как же объяснить дело? Тем, что Вас *бросала судьба.* Я это видел на многих работниках. Пример — Сталин. Уж, конечно, он-то бы за себя постоял. Но "судьба" не дала ему *ни разу* за три с половиной года быть *ни* наркомом РКИ, *ни* наркомом национальностей. Это факт...

Крепко жму руку.

Ваш *Ленин*"[84].

В течение гражданской войны Сталин еще не раз направлялся, как и многие другие товарищи из Центра, уполномоченным ЦК на различные фронты. Так, весной 1919 года тяжелое положение сложилось в районе Петрограда. Юденич, войска Антанты планировали захватить колыбель революции в короткие сроки. Оборона Петрограда была возложена на 7-ю армию и Балтийский флот. Превосходящие силы контрреволюции подошли к Красному Селу, Гатчине. Главное командование Красной Армии перебрасывало крепкие части с других фронтов под Петроград. Сталин с мандатом чрезвычайного уполномоченного постоянно находился либо в Петроградском Совете, либо в штабе войск обороны. Как всегда, методы его работы были диктаторскими: отстранение несправившихся, предание суду тех, кого он считал повинным в создавшемся положении, налаживание снабжения, "перетряска" управляющих органов. В штабе Западного фронта, как и в 7-й армии, был раскрыт заговор; заговорщики, естественно, расстреляны. Митинговая бесшабашность медленно уступала место деловой собранности и революционной решимости. В соответствии с воззванием "В защиту Петрограда" руководители обороны города Ремезов, Томашевич, Позерн, Шатов, Петерс, приехавший Сталин, другие товарищи готовили отпор контрреволюции. За оборону Петрограда Сталин, как и Троцкий, был награжден орденом Красного Знамени.

Раньше всегда дело изображалось так: там, куда посылался Сталин, обстановка менялась в лучшую сторону. Это было далеко не так. К этому добавлю, что, как правило, Сталин ехал в составе группы и реализовывал установки Ленина и ЦК. Собственно в военном плане его заслуги более чем скромны. Но уже с 1918 года товарищи в руководящем ядре партии знали: это не просто самоотверженный исполнитель, но и специалист по карательным, "чрезвычайным мерам". Знали и о том, что уже тогда у Сталина начали проскальзывать нотки самовосхва-

ления. В телеграмме Центру из Петрограда Сталин сообщает: "Вслед за Красной горкой ликвидирована Серая лошадь. Орудия на них в полном порядке. Идет быстрая проверка всех фортов и крепостей.

Морские специалисты уверяют, что взятие Красной горки с моря опрокидывает всю морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку...

Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой"[85].

Когда Сталин возвращался из очередной поездки, его использовали в аппарате ЦК для текущих дел. Ряд телеграмм с фронта свидетельствует, что Сталин уже в то время обладал определенной реальной властью. Так 15 ноября 1921 года Троцкий в телеграмме Сталину ставит вопрос: "Необходимо твердо и окончательно урегулировать вопрос о закавказских национальных бригадах и военных складах". Троцкий далее обращается к Сталину по вопросу о том, что нужно провести через Политбюро три решения в этой области. Это одна из редких телеграмм Троцкого Сталину. Они старались как бы не замечать друг друга. Взаимная неприязнь родилась у них вскоре после знакомства; Сталин в душе продолжал считать Троцкого меньшевиком. Ему не нравились самоуверенность Троцкого, его красноречие, авторитет, умение "подать себя". Сталина возмущало, что предрсвоенсовета Республики разьезжал по фронтам в особом поезде в сопровождении одного, а то и двух бронепоездов, специального большого отряда затянутых в кожу молодых красноармейцев. Комфорт, которым окружал себя Троцкий, был для Сталина вызывающим. Но где-то в душе Сталин завидовал красноречию председателя, его энергии, популярности. Когда Троцкий публично заявлял: "Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни"[86], Сталин не осуждал этой линии. В душе он был с ней согласен. В критических ситуациях он сам прибегал к этим мерам, да и не только он. 12 мая 1920 года член Реввоенсовета Юго-Западного фронта доносил:

"Предреввоенсовета Республики тов. Троцкому.

На фронте 14-й армии были случаи позорного бегства частей во время наступления поляков. Отдан приказ расстреливать каждого десятого из сбежавших.

Берзин"[87].

Вандея гражданской войны жестока и к врагам, и к своим.

Как отмечал уже упоминавшийся Носович, бывший начальник штаба Северо-Кавказского военного округа (перебежавший затем к белым), Сталин не проявлял колебаний, если был уверен, что перед ним враги. Так, в Царицыне были арестованы инженер Алексеев, два его сына и несколько бывших офицеров, которых обвинили в причастности к контрреволюционной организации. Резолюция Сталина была лаконичной: "Расстрелять". Люди немедленно, без всякого суда, были расстреляны. Все это Сталин считал в порядке вещей, глубоко уверовав в "универсальность", безотказность карательных действий, способных обеспечить нужный политический "результат".

На заседании ЦК РКП(б) 25 октября 1918 года среди других вопросов обсуждалось письмо Сталина о саботаже в деле снабжения 10-й армии. Сталин решительно требовал отдать под военный трибунал командующего фронтом и членов военного совета. Заседание ЦК, которое вел Свердлов, решило, однако, "никого к судебной ответственности не привлекать, а поручить т. Аванесову произвести расследование и результаты доложить в ЦК". Домогательство Сталина было отклонено.

Почувствовав силу, способность влиять на события, текущие процессы, хотя и локального значения, но достаточно заметные, важные, Сталин в ряде случаев начинает проявлять свой характер, который в будущем станет одним из источников многих бед. Так, будучи членом Реввоенсовета Южного фронта, Сталин разошелся во мнениях с членом Реввоенсовета Республики Смилгой по вопросу о направлении главного удара по войскам Деникина. В рассуждениях Сталин был резок, груб, нетерпим. Для него было важно не просто настоять на своей точке зрения, но и одновременно унизить своего оппонента. Вместо терпеливого обсуждения с товарищами (ведь все они члены Совета) плюсов и минусов тех или иных предложений он занял непримиримую позицию, близкую к озлобленному неприятию других точек зрения. К слову сказать, В.И. Ленин через три года в одной из последних своих записок отметил проявление озлобленности у Сталина при решении важных дел. Но "озлобление вообще, — заметит Ленин, — играет в политике обычно самую худую роль"[88]. Сталин, если с ним не соглашались, спорили, призывал на помощь авторитет Центра, указания, директивы Москвы, выражал сомнения в благонадежности человека. Практически все, с кем у него были конфликты (а их было немало) в гражданскую войну, жестоко поплатились за это через два десятилетия. Сталин обладал злой памятью.

Будучи довольно долго членом Реввоенсовета Юго-Запад-

ного фронта, он очень быстро нашел общий язык с его командующим А.И. Егоровым, будущим Маршалом Советского Союза, крупным военачальником, который с ведома и одобрения Сталина во времена кровавой чистки 1937 года будет репрессирован. На письмо Егорова о пощаде Сталин никак не отреагировал, хотя тот напоминал о том, что в гражданскую войну они не раз вместе "хлебали щи из одной миски". Но был эпизод, когда Сталин (редчайший случай!) заступился за того же Егорова. В Москве рассматривалось предложение Троцкого о замене Егорова на посту командующего фронтом за неудачи в Крыму. Спросили мнение Сталина. Оно оказалось весьма своеобразным и далеко выходило за рамки ответа на вопрос.

"Москва ЦК РКП, Троцкому.

Решительно возражаю против замены Егорова Уборевичем, который еще не созрел для такого поста, или Корком, который как комфронта не подходит. Крым проморгали Егоров и Главком вместе, ибо Главком был в Харькове за две недели до наступления Врангеля и уехал в Москву, не заметив разложения Крымармии. Если уж так необходимо наказать кого-либо, нужно наказать обоих. Я считаю, что лучшего, чем Егоров, нам сейчас не найти. Следовало бы заменить Главкома, который мечется между крайним оптимизмом и крайним пессимизмом, путается в ногах и путает комфронта, не умея дать ничего положительного.

14 июня 20 г. *Сталин*"[89].

Скорее всего, Сталин защитил Егорова потому, что предложение о снятии комфронта исходило от Троцкого. А что касается тех, кто "проморгал Крым", то ведь среди них был и Сталин... Уже в 1920 году Сталин мог безапелляционно заявить о Главкоме С.С. Каменеве "путается в ногах...". Моральная ущербность Сталина давно стала его жизненным атрибутом. По мере упрочения его положения эта ущербность будет становиться все более опасной и зловещей. Следя за этой эволюцией, задаешься мыслью, а было ли у Сталина вообще понятие совести?

Близко знал Сталин со времен гражданской войны не только Егорова, но и многих других советских полководцев, рожденных революцией, — М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича, А.И. Корка... После первых крупных успехов в борьбе с буржуазно-помещичьей Польшей войска Красной Армии, как известно, в 1920 году потерпели серьезное поражение. В будущем, почти через двадцать лет, Сталин вменит в вину

Егорову, Тухачевскому, другим военачальникам "преступную медлительность, продиктованную предательскими замыслами". Ему и в голову не придет, что он, как член Военного совета, также нес полную ответственность и за удачи и за поражения войск фронта.

Когда 2 августа 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение выделить крымский участок Юго-Западного фронта в самостоятельный Южный фронт, Военный совет фронта внес предложение передать Западному фронту 12-ю, 14-ю и 1-ю Конную армии. Быстро осуществить эту операцию не смогли. А 13 августа Егоров и Сталин донесли Главкому, что армии фронта уже втянуты в бои в районе Львов — Рава Русская и "изменение основных задач армиям в данных условиях считаем уже невозможным"[90].

Когда же Главком С.С. Каменев направил командованию Юго-Западным фронтом новую директиву о передаче 12-й и 1-й Конной армий, Сталин отказался подписать директиву о передаче армий Западному фронту. Подписал ее лишь член Военного совета Р.И. Берзин. Пока шли эти препирательства, увязки, согласования, время было упущено. Вывод 1-й Конной армии с Львовского направления начался лишь 20 августа, и оказать помощь Западному фронту она не успела. Конечно, вина за стратегический просчет лежит на Реввоенсовете Республики, на Главкоме, командовании фронта. Но ведь еще 5 августа Сталин был согласен с предложением о передаче трех армий Западному фронту! А в решающий момент затормозил дело, что имело тяжелые последствия. Никаких усилий по реализации собственного предложения, утвержденного в Москве, Сталин не приложил. Он в такой же мере виновен в крупной неудаче, как Троцкий, Тухачевский, Егоров, другие должностные лица. Но, естественно, Сталин и не думал признавать собственного просчета. У него уже тогда рождались задатки "непогрешимости".

Ленин еще раз показал, что в оценке любых ситуаций никогда нельзя отступать от правды. Анализируя истоки неудачи, В.И. Ленин говорил, что "когда мы подошли к Варшаве, наши войска оказались настолько измученными, что у них не хватило сил одерживать победу дальше, а польские войска, поддержанные патриотическим подъемом в Варшаве, чувствуя себя в своей стране, нашли поддержку, нашли новую возможность идти вперед. Оказалось, что война дала возможность дойти почти до полного разгрома Польши, но в решительный момент у нас не хватило сил"[91]. Весьма характерно, что в последующем воен-

ные летописцы, подчеркивая "особые" заслуги Сталина в деле "перелома" на Южном, Восточном, Северо-Западном фронтах, никогда не вспоминали о его роли в польской кампании. Проявить с положительной стороны он себя там не смог. Объективные законы общественного развития, военного искусства "не работают" лишь от одного присутствия любого лица, без обеспечения соответствующих условий их реализации.

Абстрагируясь от всего того страшного, непростительного, что Сталин совершит в будущем, и не считая его злодеем от рождения, можно утверждать, что Сталин имел определенные заслуги в гражданской войне. Но это заслуги "уполномоченного", человека для поручений. Никакого "решающего вклада", как стали писать позже, Сталин не вносил. Вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что Сталин с самого начала революции входит в высшие органы партии; вначале в Бюро ЦК, затем в Политбюро и Оргбюро. Постепенно, исподволь, особенно к исходу гражданской войны, положение Сталина окрепло, он стал одним из основных членов руководящего ядра партии.

Внимательный анализ деятельности Сталина в это время показывает, что он уступал многим партийным лидерам. Как теоретик был не больше чем популяризатор, не славился ораторским искусством, что было важно в моменты исторических революционных потрясений; никто не мог о нем сказать, что это душевный, добрый человек. Моральными качествами, которые принято относить к добродетелям, Сталин был явно обделен. Но он имел нечто другое, чего не имели Зиновьев, Каменев, Троцкий, Рыков, Томский, Бухарин, другие вожди революции и молодого социалистического государства. Сталин неожиданно для многих проявил редкую целеустремленность и одержимость конкретной идеей. При достижении поставленных руководством целей его воля, напор, твердость, решительность производили впечатление на людей, с которыми он работал. Нельзя не видеть, что Сталин как руководитель сформировался в значительной мере в годы гражданской войны. Он почувствовал власть, понял ее механизм в центре и на местах, уверился в том, что нажим, напор, давление в критические моменты способны дать желаемые результаты.

В среде руководителей партии немало товарищей было из интеллигенции или, как однажды с сарказмом (уже в конце 20-х гг.) заметил Сталин, — "были писателями". Сталин никогда публично не развивал эту тему, прежде всего потому что В.И. Ленин был тоже и "интеллигент", и "писатель", и "эмигрант". Но гений этого человека был столь велик, что Сталин,

выдвинув позже концепцию "второго вождя", который был всегда "рядом с Лениным", никогда не допускал каких-либо прямых личных выпадов против действительного, бесспорного вождя партии и революции. Когда Ленин критиковал Сталина (по вопросу "автономизации", монополии внешней торговли, фронтовым делам и другим), тот обычно молча соглашался с ленинскими доводами. Духовная, интеллектуальная власть Ленина над Сталиным была очевидной.

Кто знает, не подстереги так рано смертельная болезнь Владимира Ильича, как дальше пошло бы становление Сталина в качестве руководителя "второго-третьего" ряда на одном из партийных или советских постов?! Кто знает? Исследователь, повторю это еще раз, имеет право противопоставить гипотезу свершившейся судьбе. Хотя для многих из нас, теперь уже немало знающих об этом человеке, сама мысль о Сталине-руководителе (любого масштаба) отзывается болью и протестом.

Тот тонкий "интеллектуальный слой", представлявший "ленинскую гвардию", в решающий момент оказался не на высоте, позволив человеку с диктаторскими, цезаристскими наклонностями узурпировать власть в партии и государстве. Все они считали себя ленинцами, но в критическую минуту оказались неспособными выполнить последнюю волю единственного вождя нашей революции. Как и почему так произошло? Почему не была реализована другая альтернатива? Об этом еще долго будут спорить философы, писатели, историки. А река времени между тем продолжает нести события, которые нам остается лишь анализировать. Прошлое — не театр теней: там царствует не эфемерность, а необратимость.

глава 2

Предостережение вождя

Самое редкое мужество —
это мужество мысли.

А. Франс.

Каждый человек стоит у дверей собственной судьбы. Что за ней, этой дверью, как он туда войдет, что ждет его за порогом и что станет в свое время драмой жизни человека — никто доподлинно не знает. Здесь нет фатальности, но все же... Мог ли кто думать по окончании гражданской войны, что в плеяде блестящих революционеров — соратников Ленина находится и тот, кто станет его преемником, не будучи талантливее, умнее, ярче других? Мог ли сам Сталин при жизни Ленина даже представить себе, что именно он станет во главе партии, а фактически огромной страны и всего народа? Мог ли кто-нибудь тогда предположить, что стечение объективных и субъективных обстоятельств, несостоявшихся решений, исторических случайностей вынесет Сталина на самый высокий гребень власти в гигантском государстве? Едва ли. Скорее всего, и сам Сталин, пока Ленин был здоров, думал лишь о том, чтобы не выпадать из общей, весьма высокой по своему интеллектуальному и нравственному уровню когорты его соратников.

В любые времена — исторических переломов, народных потрясений, революционных катаклизмов — жизнь продолжает течь в бесчисленных сцеплениях человеческих судеб с их надеждами, трагедиями, радостями и разочарованиями. При решающей роли народных масс в конечном счете лидер, руководитель, вождь всегда играет важную роль. То, что во главе революции находился такой общепризнанный вождь, каким был Ленин, создавало обстановку максимально возможной в то время уверенности, оптимизма, своеобразной гарантии от нелепых случайностей. Думалось, что так будет и в дальнейшем.

Ленин редко жаловался на здоровье. Он был крепышом, способным выдерживать колоссальные физические и духовные нагрузки. Достаточно мысленно представить, сколько Ленин написал (сам, без обязательных теперь помощников и референтов!) гениальных вещей только в годы революции и

гражданской войны! Организационные задачи были необъятными. Биографическая хроника Владимира Ильича дает некоторое представление о титаническом объеме работы. И это при том, что на его плечах лежала колоссальная ответственность за судьбы самой революции, ее настоящего и будущего! Пока Ленин был здоров, вопрос о его возможных преемниках, "наследователях" его роли никогда не вставал. Но как только в конце 1921 года появились первые признаки нечеловеческого переутомления, а затем и болезни, все больше людей невольно стали задумываться: кто рядом с Лениным... "Первые слухи о болезни Ленина, — вспоминала Н.И. Седова, жена Л.Д. Троцкого, — передавались шепотом. Никто как будто никогда не думал о том, что Ленин может заболеть. Многим было известно, что Ленин зорко следил за здоровьем других, но сам, казалось, не был подвержен болезни. Почти у всего старшего поколения революционеров сдавало сердце, уставшее от слишком большой нагрузки. Моторы дают перебои почти у всех, жаловались врачи. "Только и есть два исправных сердца, — говорил профессор Гетье. — Это у Владимира Ильича и Троцкого"[1].

Как после трагедии писали в "Известиях" профессора Ферстер, Осипов, Абрикосов, Фельдберг, Вейсброд, Дешин и наркомздрав Семашко, "начало болезни Владимира Ильича Ульянова (Ленина) относится к концу 1921 года; точное время начала болезни определить трудно, так как по всем данным она развивалась медленно и лишь постепенно подтачивала его могучий организм в расцвете его деятельности, причем сам Владимир Ильич не обращал на свою болезнь должного внимания. В марте 1922 года врачи, исследовавшие Владимира Ильича, еще не могли обнаружить никаких органических поражений ни со стороны его нервной системы, ни со стороны внутренних органов вообще, но ввиду сильных головных болей и явлений переутомления ему было предложено отдохнуть в течение нескольких месяцев, вследствие чего он переехал в Горки. Однако скоро вслед за этим, в начале мая, обнаружились первые признаки органического поражения мозга. Первый приступ выразился общей слабостью, утратой речи и резким ослаблением движения правых конечностей... Благодаря сильному организму и заботливому уходу окружающих, в июле уже наступило существенное улучшение, настолько закрепившееся в августе и сентябре, что в октябре Вла-

димир Ильич вернулся к своей деятельности, хотя и не в прежнем размере. В ноябре он произнес три больших программных речи"[2].

По нынешним меркам, Ленин был еще молод. Но фактически с момента возвращения в Россию в апреле 1917 года Ленин не отдыхал. Рабочий день по четырнадцать—шестнадцать часов в сутки. Будучи уже больным, как рассказывают его секретари, он как-то заметил, что лишь дважды отдохнул за все эти годы. Первый раз, скрываясь в Разливе от ищеек Временного правительства (но мы-то знаем, что за это время им был создан гениальный труд "Государство и революция"); второй — по "милости" Фанни Каплан, стрелявшей во Владимира Ильича. Такова, видимо, доля подлинных гениев: сжигать себя быстрее, чем другие люди. Они подобны свече, которая зажжена одновременно с обеих сторон: огромные официальные повседневные обязанности на работе, но и дома, в кругу семьи, никто и никогда не способен снять груз колоссальной ответственности за общество, государство, партию.

Ленин, почувствовав приближение серьезного недуга, понимал, что в его отсутствие может произойти нечто такое, что приведет к расколу в партийном руководстве. Думается, уже в конце 1921 года Владимир Ильич попытался по-особенному взглянуть на своих соратников. Может быть, уже тогда у него впервые родилась идея "Завещания"? В ноябре 1922 года, словно предчувствуя новые приступы жестокой болезни, Владимир Ильич, передавая библиотекарю Ш.М. Манучарьянц просмотренные книги, настоятельно просит оставить у него книгу Ф. Энгельса "Политическое завещание (Из неопубликованных писем)". На обложке пишет: "Сохранить на полке. 30.11.1922. *Ленин*"[3].

Менее чем через месяц, в ночь на 26 декабря, едва оправившись от тяжелого приступа, Ленин продиктует Л.А. Фотиевой третью часть "Письма к съезду". Именно оно, это "Письмо...", свидетельствует, что гений, будучи погруженным в клубок текущих проблем, все время думал о грядущем. О том, что будет после него. Поезд будущего всегда на подходе, и его остановить нельзя. Ленин был вождем без официального статуса, в силу исключительных интеллектуальных и нравственных качеств. Кто же был рядом с ним? Почему они оказались на гребне революции? Что было у этих людей за плечами? Как выглядел Сталин в плеяде ленинских соратников? Попытаюсь ответить на эти вопросы.

Плеяда соратников

Переход от мира к войне всегда труден. Но и переход от войны к миру непрост. Особенно в такой обстановке, какая сложилась в Советской России после гражданской войны и иностранной интервенции. Слова "разруха", "запустение", "голод" еще не полностью передают степень потрясения, деформации, ломки общества в начале 20-х годов. Россия представляла собою огромный революционный остров в море враждебных государств. Изнутри страна сотрясалась конвульсиями мятежей и глухого сопротивления новым порядкам целых губерний и уездов. Пожалуй, никто, как Ленин, не понимал, что новая власть столкнулась с огромной проблемой, от решения которой зависят судьбы страны. Революция победила, выстояла, утвердила власть Советов, но эта власть пока дала и могла дать крайне мало рабочему и крестьянину. Провозглашенные права на труд, отдых, социальное обеспечение, образование "военный коммунизм" обеспечить не мог. Чтобы уйти от перспективы нищенского коммунизма, чреватого крахом всего, нужны были энергичные, смелые идеи и шаги. Осуществить их могла тогда только партия. Она была тем духовным и политическим стержнем, вокруг которого продолжала лихорадочно пульсировать жизнь. В начале 1921 года более 20 тысяч ячеек объединяли свыше 730 тысяч коммунистов. Почти одна четверть из них находилась в рядах Красной Армии.

Подлинным мозгом страны стал Центральный Комитет партии во главе с Лениным. В то время его численный состав был небольшим. Например, X съезд избрал ЦК в составе 25 членов и 15 кандидатов. Незначительно увеличился ЦК и на XI съезде, последнем, которым непосредственно руководил В.И. Ленин: 27 членов и 19 кандидатов. Пленумы Центрального Комитета проводились при жизни Ленина обычно один раз в два месяца. В его составе сложилось ядро, главным образом из московских товарищей, на долю которых ложилась основная тяжесть текущей работы: решение вопросов хозяйственного и военного строительства, налаживание тесных связей с национальными отрядами

партии и определение курса по отношению, допустим, к "децистам"*, "рабочей оппозиции"**, реализация нэповской политики и т.д. При этом некоторые члены этого, как бы теперь сказали, "неформального", не "институционного" ядра сами часто примыкали к тем или иным группировкам, "платформам", фракциям... Все было внове. Партия стала правящей, ее власть — реальной. Поэтому от политических позиций, моральных качеств, профессионализма работников, составляющих руководящее ядро партии, зависело очень многое.

Ленин был единственным, кто на всех послевоенных съездах — X, XI и XII (хотя на нем он не присутствовал) — был избран в состав ЦК единогласно. Его влияние, пример, опыт, решения, теоретические труды, вся линия поведения были уникальны по мощи своего интеллектуального воздействия на Центральный Комитет партии и его руководящее ядро. Особенно остро все почувствовали это, когда Ленин заболел.

Сталин, выступая с организационным отчетом на XII съезде партии 17 апреля 1923 года, подчеркнул: "Внутри ЦК имеется ядро в 10 — 15 человек, которые до того наловчились в деле руководства политической и хозяйственной работой наших органов, что рискуют превратиться в своего рода жрецов по руководству. Это, может быть, и хорошо, но это имеет и очень опасную сторону: эти товарищи, набравшись большого опыта по руководству, могут заразиться самомнением, замкнуться в себе самих и оторваться от работы в массах... Если они не имеют вокруг себя нового поколения будущих руководителей, тесно связанных с работой на местах, то эти высококвалифицированные люди имеют все шансы закостенеть и оторваться от масс"[4]. Так говорил Сталин при жизни Ленина. Содержание этой части доклада пронизано ленинской идеей по-

---

*"Децисты" — группа "демократического централизма" — в 1920 г. фракция в РКП(б), которую возглавляли бывшие "левые" коммунисты В.В. Осинский, Т.В. Сапронов, В.Н. Максимовский и другие. "Децисты" выступали против единоначалия в руководстве предприятиями, за неограниченную коллегиальность, противопоставляли "власть на местах" ее центральным органам, требовали свободы фракций и группировок в партии.

**"Рабочая оппозиция" — фракционная группа в РКП(б) (1920 — 1921 гг.), считавшая высшей формой организации рабочего класса не партию, а профсоюзы и предлагавшая передать им управление народным хозяйством. Участники — А.Г. Шляпников, М.К. Владимиров, А.М. Коллонтай, Ю.Х. Лутовинов, С.П. Медведев и другие.

стоянного обновления руководящего ядра. Через полтора десятка лет эволюция взглядов Сталина приведет его к совершенно другим выводам, хотя даже в 1937 — 1938 годах он нередко будет говорить правильные вещи. А поступать — диаметрально противоположно. Но тогда, в начале 20-х, дуализм слова и дела у него еще "визуально" не просматривался. В докладе на съезде, развивая мысль о руководящем ядре партии, по сути соратниках и учениках Ленина, Сталин сформулировал свою мысль следующим образом: "...Ядро внутри ЦК, которое навострилось в деле руководства, становится старым, ему нужна смена. Вам известно состояние здоровья Владимира Ильича; вы знаете, что и остальные члены основного ядра ЦК достаточно поизносились. А новой смены еще нет, — вот в чем беда. Создавать руководителей партии очень трудно: для этого нужны годы, 5 — 10 лет, более 10-ти; гораздо легче завоевать ту или другую страну при помощи кавалерии т. Буденного, чем выковать 2 — 3-х руководителей из низов, могущих в будущем действительно стать руководителями страны"[5].

Можно, видимо, согласиться с выводами Сталина о необходимости постоянного обновления состава ЦК. Но каким же он, этот состав, был тогда молодым по нынешним меркам! Ленин, которому едва перевалило за пятьдесят, был самым "старым"! Не случайно порой соратники между собою называли его "Стариком". Основная группа членов ЦК — это сорокалетние революционеры. Возраст, который еще древние греки называли периодом акме — счастливым венцом жизни, ибо считалось, что именно к сорока годам достигается гармония умственных и физических сил, пора наивысшего расцвета.

Прежде чем рассмотреть штрихи к портрету некоторых соратников Ленина, бросим им всем, без исключения, запоздалый и бесполезный теперь уже упрек: они не берегли Ленина. Они его любили, ценили, уважали, но... не берегли. Посмотрите, чем занимался Владимир Ильич Ленин в обычные дни своей работы. Конечно, все главные, кардинальные вопросы проходили через него. Однако рядом так много такого, что уже тогда называлось "мелочевкой", "вермишелью", "текучкой"! Ленин занимается вопросами подвоза топлива в Иваново-Вознесенск, ведет переписку с членом коллегии Наркомтруда А.М. Аникстом о снабжении шахтеров одеждой, занимается вопросом изготовления динамомашин, пишет проекты десятков текущих документов, постановлений, торговых договоров, занимается решением вопроса о распределении пайков, рецензирует по просьбе товарищей книги и брошюры, заслушивает вопрос о

работе Гидроторфа, оказывает помощь в налаживании работы завода "Новый Лесснер", выясняет вопросы, поднятые в письме к нему инженером П.А. Козьминым об использовании ветряных двигателей для освещения деревни...

Конечно, все эти вопросы важные. Их решение Лениным навсегда вошло в историю как поразительный пример глубокой, конкретной, непосредственной работы высокого руководителя. Значимость всей этой деятельности нельзя ставить под сомнение. Тем более что некоторые его современники видели большой смысл в занятиях Ильича этими делами. Вскоре после смерти Ленина Ю. Ларин писал в "Экономической жизни": "Ленин занимался, много занимался "мелочами", потому что только таким путем он мог индивидуально обрабатывать и перерабатывать каждого соответственного работника, на его собственном деле уча его искусству управления. Он не хуже других понимал, что эта "вермишель" отнимает, подтачивает его силы — но он прекрасно понимал и громадное историческое значение работы по созданию таким путем необходимого для удержания пролетарской власти людского государственного кадра"[6]. Так считал современник Ленина. Возможно, он тогда еще не мог оценить всей колоссальной значимости вождя для будущего России? Поэтому запоздалый вопрос, на который мы не получим ответа, остается: почему соратники не освободили Ленина от решения многих текущих вопросов? Тот же Троцкий регулярно выезжал на рыбалку и охоту, на отдых в Подмосковье, брал отпуска для написания своих трудов; да и смерть Ленина застала его в санатории, на курорте. Сталин, вроде не жалевший себя на работе, ведавший организационными вопросами в ЦК, не искал путей, чтобы радикально разгрузить гения революции от многих текущих, часто рутинных дел. Бывало даже наоборот. Когда Ленин еще не поправился от приступов болезни, например 28 июля 1922 года, Сталин советовал Владимиру Ильичу принять для беседы корреспондента. Ленин был вынужден отказаться. Хотя позже, когда в декабре 1922 года Пленум ЦК возложит специальным постановлением на Сталина персональную ответственность за соблюдение режима[7], установленного врачами для Ленина, он сочтет возможным угрожать Н.К. Крупской за его "нарушение"...

С определенной степенью точности можно, пожалуй, сказать, что в руководящее ядро партии, в когорту соратников В.И. Ленина в первые годы после революции входили Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, Г.Е. Зиновьев, М.И. Калинин, Л.Б. Каменев, В.В. Куйбышев, Г.К. Орджоникидзе, Я.Э. Руд-

зутак, А.И. Рыков, И.В. Сталин, Я.М. Свердлов, Л.Д. Троцкий, М.В. Фрунзе. Возможно, также стоит причислить к ядру В.М. Молотова, Г.Л. Пятакова, Г.И. Петровского, М.П. Томского, К.Б. Радека, И.Т. Смилгу... Конечно, это были люди с самой разной революционной судьбой, образованием, различными личными симпатиями и антипатиями. Почти половина из ближайших ленинских соратников провела годы в эмиграции, участвовала в многочисленных социал-демократических, социалистических и просто гуманитарно-культурных конференциях, конгрессах, совещаниях. Сталин выпадал из этой "обоймы". Становление Сталина, как уже отмечалось в предыдущей главе, прошло причудливый путь. Природный ум, хитрость, расчетливость, осторожность имели сомнительную "школу". Два десятка лет учебы в духовных заведениях и ссылок, отсутствие пролетарской закалки и какой-либо профессии сформировали Сталина как **функционера идеи**. Он раньше, чем кто-либо другой в ленинском окружении, понял и почувствовал возможности аппарата, его силу. Большинство же тех, кто входил в ленинскую когорту, явно недооценивали роль безличных структур власти. У Сталина исподволь складывалось свое отношение к каждому члену руководящего ядра. Эти люди, которые, по словам Сталина, "навострились в деле руководства", были очень разными.

Сталин, например, как я уже говорил, первое время чувствовал себя весьма неуверенно, сталкиваясь с красноречием Троцкого, его высокомерием, самоуверенностью. Но позже он поймет, что это часто человек позы, фразы, красивого слова. В революции и гражданской войне Троцкий блеснул — качества трибуна ему очень помогли. Пришла большая, широкая популярность, появились сторонники. Нашлись люди, которые видели в нем не просто "второго" человека, но и будущего лидера партии. Троцкий являл собой человека, у которого самая сильная сторона заключалась не столько в организаторском таланте, сколько в ораторских способностях и остром, часто парадоксальном уме. Благодаря этим качествам Троцкий мог вести за собой людей, зажигать их на фронтах гражданской войны, искусно подогревая свою популярность. Но, когда пришла пора монотонных будней, "вождь Красной Армии" стал быстро "линять", тускнеть. Даже некоторые правильные идеи и концепции он выдвигал в вызывающей форме, все больше теряя своих сторонников. Для Троцкого главное — лозунг, трибуна, эффектный жест, а не черновая работа. Будущий генсек, пожалуй, раньше многих разглядел и сильные, и слабые грани этого человека. Сталин, учитывая большую популярность

Троцкого, на первых порах пытался установить с ним если не дружеские, то хотя бы лояльные отношения. Был случай, когда Сталин однажды без приглашения заявился к Троцкому в подмосковное Архангельское, чтобы поздравить того с днем рождения. Но теплой встречи не получилось. Оба чувствовали глухую отчужденность. Известен также эпизод, когда Сталин пытался наладить более тесные, а возможно, и дружеские отношения с Троцким при помощи Ленина. Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма Владимира Ильича Троцкому 23 октября 1918 года. В ней излагалась беседа Ленина со Сталиным, оценки членом Военного совета положения в Царицыне и желание более активно сотрудничать с Реввоенсоветом Республики. В конце телеграммы Троцкому Ленин писал:

"Сообщая Вам, Лев Давидович, обо всех этих заявлениях Сталина, я прошу Вас обдумать их и ответить, во-первых, согласны ли Вы объясниться лично со Сталиным, для чего он согласен приехать, а во-вторых, считаете ли вы возможным, на известных конкретных условиях, устранить прежние трения и наладить совместную работу, чего так желает Сталин.

Что же меня касается, то я полагаю, что необходимо приложить все усилия для налаживания совместной работы со Сталиным"[8].

Однако из этого ничего не получилось. Троцкий не скрывал своего высокомерного отношения к человеку, интеллектуальный уровень которого, по его мнению, во многом был ниже, чем у него. Сам Троцкий пишет о Сталине так: "При огромной и завистливой амбициозности, он не мог не чувствовать на каждом шагу своей интеллектуальной и моральной второсортности. Он пытался, видимо, сблизиться со мной. Только позже я отдал себе отчет в его попытках создать нечто вроде фамильярности отношений. Но он отталкивал меня теми чертами, которые составили впоследствии его силу на волне упадка: узостью интересов, эмпиризмом, психологической грубостью и особым цинизмом провинциала, которого марксизм освободил от многих предрассудков, не заменив их, однако, насквозь продуманным и перешедшим в психологию миросозерцанием"[9]. Сталин в нескольких выступлениях высоко отозвался о роли Троцкого в революции и гражданской войне, но это отнюдь не изменило холодного отношения последнего к Сталину.

Интересные характеристики членов ядра ЦК содержатся в "Революционных силуэтах" А. Луначарского, вышедших в 1923 году, в "Портретах и памфлетах" К. Радека, в книгах и статьях Н. Дуделя, М. Орахелашвили, Н. Подвойского, М. Роша-

ля, В. Бонч-Бруевича, А. Слепкова, И. Левина. В этих работах, как и многих других, раскрывается облик ленинских соратников, портреты тех, кто пришел с Лениным к революции, кто выстоял в ней, кто приступил к созданию первого в мире социалистического государства.

Заметное место среди этой плеяды занимали Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев. В историю они вошли своеобразным "дуэтом". Оба были близки по взглядам друг к другу, почти никогда не полемизировали между собой и, как правило, придерживались одинаковых позиций. Лидером в этом тандеме всегда был Зиновьев, долго занимавший весьма видное положение в партии. В бурной политической карьере Зиновьева были высокие взлеты и оглушительные падения. Вступив в партию еще в 1901 году, Зиновьев долгие годы провел в эмиграции, занимаясь литературным трудом. В дни Октябрьского восстания и Зиновьев и Каменев здорово подмочили свою революционную репутацию, выступив в открытой печати против готовящегося вооруженного восстания. В.И. Ленин позже напишет, что "октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью".

Апогеем политической деятельности Зиновьева было пребывание в течение почти семи лет на посту председателя Исполкома Коминтерна. Его перу принадлежит множество статей, которые он активно пытался издавать отдельными сборниками, брошюрами и даже в специальном собрании сочинений. Вот образчик стиля Зиновьева: "Идущий к своей победе международный пролетариат в лице своих отдельных отрядов еще не раз и не два собьется с пути и, обливаясь кровью, будет искать новую дорогу. Разгромленный в первой мировой империалистической войне, распятый и обманутый лжевождями из Второго Интернационала, — международный пролетариат еще не освободился от кошмарного ощущения бездорожья..."

Многие свои лучшие качества Зиновьев отшлифовал, долгое время близко общаясь с Лениным как в эмиграции, так и уже после революции. Луначарский в своих "Революционных силуэтах" идет особенно далеко в оценке роли Зиновьева. Он считал, что Зиновьев был одной из опор Ленина, что именно он "из тех 4 — 5 человек, которые представляют по преимуществу политический мозг партии". Луначарский пишет, что все считали Зиновьева "ближайшим помощником и доверенным лицом Ленина"[10].

Зиновьев был широко известен в партии, клокотал вулканической энергией. Но в его настроениях были частые перепады.

То необузданный оптимизм, то уныние, вплоть до упадка или "холодной" истерики. Его нужно было постоянно взбадривать, "заводить". Долгое время он относился к Сталину снисходительно, даже высокомерно. Несколько раз, правда беззлобно, где-то в начале 20-х годов Зиновьев подтрунивал над примитивным стилем изложения статей Сталина, страдающих тавтологией и сухостью. Сам же он обладал хорошим "пером", легким, афористичным стилем. Некоторые из его многочисленных статей весьма содержательны. Например, статья "Из первых боев за ленинизм", в которой Зиновьев тонко, аргументированно показывает несостоятельность претензий Троцкого на особое положение в партии.

Будучи руководителем петроградской партийной организации, Зиновьев в свое время пытался продемонстрировать твердость и даже диктаторские замашки, хотя в момент приближения Юденича к колыбели революции откровенно растерялся. И эту растерянность тут же заметил приехавший в Петроград Сталин, мысленно оценивший Зиновьева как "хлюпика", проявлявшего тем не менее тщеславие и обостренное честолюбие. До смерти Ленина Сталин старался поддерживать с Зиновьевым и Каменевым почти дружеские отношения. Когда Ленин проводил в начале ноября 1922 года узкое совещание с Зиновьевым, Каменевым и Сталиным, вполне могло сложиться впечатление, что эта "тройка" очень сплочена, дружна и едина. Но так могло казаться только в течение какого-то времени. У каждого из троицы кроме общих важное место занимали и личные амбициозные планы. Кто мог знать, что именно по инициативе Сталина Зиновьев будет дважды исключен из партии и затем восстановлен; но третий раз, в 1934 году, исключение предвещало лишь скорую гибель. Впрочем, точно такая же судьба в партии ожидала и другую половину "дуэта" — Каменева.

Зиновьева признавали одним из лучших ораторов партии. Не случайно на XII и XIII съездах ЦК поручал ему делать основные политические отчеты. Зиновьев был в числе тех, кто одобрял наличие ядра в политическом руководстве. Выступая в 1925 году на XIV съезде партии, Зиновьев говорил: "...Владимир Ильич хворал... мы должны были первый съезд (т.е. XII. — *Прим. Д.В*) проводить без него. Вы знаете, что были разговоры о сложившемся ядре в Центральном Комитете нашей партии, что XII съезд молчаливо сошелся на том, что это ядро и будет вести, конечно, при полной поддержке всего Центрального Комитета, нашу партию, пока встанет Ильич"[11].

Зиновьев долго считался (как и Каменев) одним из близких

друзей Сталина. Когда его в 1926 году вывели из состава Политбюро, Зиновьев полагал, что это ненадолго. Накануне нового, 1927 года они с Каменевым, захватив бутылку коньяка и шампанское, неожиданно заявились на квартиру Сталина, благо жили близко друг от друга. Казалось, "мировая" достигнута. Говорили на "ты", вспоминали былое, друзей, но ни слова о деле. Коба был хлебосольным, тепло принял старых "друзей", говорил просто, душевно, как будто не он в июле и октябре уходящего года добился их ухода из Политбюро. "Дуэт" ушел окрыленным. Однако Сталин уже давно решил, что эти люди, так много знавшие о нем, больше Генеральному секретарю не нужны.

Будет еще один случай, когда они придут (нет, их приведут!) к Сталину вместе. В 1936 году оба уже сидели в тюрьме, написали письма "вождю", и тот вдруг откликнулся. Бывшие соратники Ленина, бывшие члены Политбюро, не без оснований рассчитывавшие на высокое положение в партии и государстве после смерти Владимира Ильича, вошли в кабинет человека, которого они когда-то так недооценили. Кроме Сталина, там были Ворошилов и Ежов. Поздоровались. Сталин не ответил и не предложил сесть. Расхаживая по кабинету, он предложил сделку: вина их доказана, новый суд может приговорить к "высшей мере". Но он помнит их прошлые заслуги. (Наверное, у Зиновьева и Каменева при этих словах что-то дрогнуло внутри.) Если они на процессе все признают, особенно непосредственное руководство их подрывной деятельностью со стороны Троцкого, он спасет их жизни... Постарается спасти. А затем добьется, чтобы их и освободили. Решайте. Так нужно для дела... Наступило долгое молчание. Зиновьев, более податливый и слабый, негромко сказал: "Хорошо, мы согласны". Он привык решать и за Каменева. Через два месяца их расстреляют.

Вот что рассказывал мне в сорок седьмом в Сибири один заключенный, которого звали Борисом Семеновичем. В селе, где жили мы с матерью, братом и сестрой, в тридцать седьмом быстро построили лагерь. Некоторые заключенные были "расконвоированы", т.е. им разрешалось иногда выходить из зоны. Борис Семенович сапожничал, два-три раза бывал у нас, латая старые кирзовые сапоги, мои и брата. Сам он, до того как "сел" в тридцать восьмом, работал в "органах", в той тюрьме, где сидели бывшие соратники Сталина. Он и сопровождал их на последнее свидание с "вождем". Когда пришли ночью за Зиновьевым и Каменевым, то вели себя они по-разному. Хотя оба (в который раз!) написали Сталину прошение о помиловании и,

видимо, надеялись на милость (ведь обещал же!), почувствовали, что это — конец. Каменев молча шел по коридору, нервно пожимая ладони. Зиновьев забился в истерике, и его вынесли. Менее чем через час еще двое из былого ядра ЦК перешагнули роковую линию. В свое время они, как никто, укрепляли позиции Кобы. Плата за "услуги" — их жизнь.

Напомню читателю, что Каменева Сталин близко знал по ссылке в Туруханском крае. Именно там они встретили весть о февральской революции. Сталин еще тогда отметил в нем хорошую эрудицию и какую-то импульсивность: способность быстро приходить к определенным решениям, но так же быстро и отказываться от них. На отношение Сталина к Каменеву сильно влияло то обстоятельство, что последний был заместителем Ленина в Совнаркоме и часто вел пленумы ЦК, заседания Совнаркома, неоднократно председательствовал на партийных съездах. Еще при Ленине Каменев, как правило, председательствовал на заседаниях Политбюро.

Хотя Зиновьев и Каменев были заметными ораторами и публицистами, эти люди были без твердого "стержня", могли в критическую минуту, в переломный момент, сделать зигзаг в своем поведении, осуществить маневр во имя прежде всего личных целей, амбиций и престижности. К сожалению, свою борьбу со Сталиным они, хотели того или нет, перенесли в сферу партийного аппарата. Но уже тогда у них в этой области шансов на успех было мало. И не в последнюю очередь потому, что, хотя оба руководителя обладали незаурядными способностями, настойчивостью в достижении цели, Сталин их внутреннюю "рыхлость" и непоследовательность "раскусил" довольно быстро.

Ленин, зная о слабостях Зиновьева и Каменева, тем не менее активно на них опирался. Особенно это относится к Каменеву, который не раз выполнял многие личные поручения Ленина. Было известно, что Каменев умело вел переговоры, улаживал различные щекотливые дела в партийной среде. Он был менее популярен, чем Зиновьев, однако более основателен, более интеллигентен. У него были свои идеи, он был способен на достаточно глубокие теоретические обобщения, был смел и решителен. В историю войдут слова, которые Лев Борисович Каменев произнес 21 декабря 1925 года (как раз в день рождения Сталина), выступая на XIV съезде партии:

"Мы против того, чтобы создавать теорию "вождя", мы против того, чтобы делать "вождя". Мы против того, чтобы Секретариат, фактически объединяя и поли-

тику и организацию, стоял над политическим органом. Мы за то, чтобы внутри наша верхушка была организована таким образом, чтобы было действительно полновластное Политбюро, объединяющее всех политиков нашей партии, и вместе с тем, чтобы был подчиненный ему и технически выполняющий его постановления Секретариат... Лично я полагаю, что наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб... Именно потому, что я неоднократно говорил это т. Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба... Эту часть своей речи я начал словами: мы против теории единоличия, мы против того, чтобы создавать вождя!"[12]

Это были мужественные слова. Более того, из публично сказанного против единовластия Сталина, которое тогда еще только-только начинало проглядываться, это были самые вещие слова предупреждения. За одно это Каменев заслуживает уважения. Урок мужества мысли, который преподал партии Ленин, Каменев усвоил, похоже, лучше других. Но почему же тогда "группа товарищей-ленинцев", как их назвал Каменев, не поддержала трезвые, пророческие предложения одного из членов руководящего ядра? В этом виноваты не только "товарищи-ленинцы", близоруко оценившие ситуацию, но и сам Каменев. Его беспринципные шараханья в борьбе со Сталиным то к Троцкому, то от него создали впечатление (недалекое от истины), что движущие мотивы его поведения были в значительной мере связаны с личными амбициями. Каменеву не суждено было стать той личностью, которая "остановила" бы Сталина. Вместо ослабления Сталина произошло укрепление его позиций: ведь Каменев атаковал генсека с позиций "оппозиционера".

Между Троцким, Зиновьевым и Каменевым отношения были сложные. Несмотря на то что Каменев был мужем сестры Троцкого, близких связей между ними, по существу, не было. Все дело в том, что и Троцкий и Зиновьев претендовали на лидерство в партии. Особенно тогда, когда выяснилось, что состояние здоровья вождя критическое. Троцкий, написавший свои сенсационные "Уроки Октября", в самом неприглядном свете показал роль Зиновьева и Каменева в революции. Пос-

ледние, как известно, потребовали выведения автора "Уроков..." из Политбюро и исключения из партии. Но Сталин был еще не совсем тот, каким он станет в 30-е годы. На XIV съезде партии, когда ЦК ограничился снятием Троцкого с поста наркомвоена, он скажет по этому поводу: "Мы не согласились с Зиновьевым и Каменевым потому, что знали, что политика отсечения чревата большими опасностями для партии, что метод отсечения, метод пускания крови — а они требовали крови — опасен, заразителен: сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего, — что же у нас останется в партии?"

Эти слова Сталина съезд встретил аплодисментами. А через три-четыре минуты после этих фраз, продолжая свое заключительное слово, Сталин скажет, комментируя запрещение издания журнала "Большевик" в Ленинграде: "Мы не либералы. Для нас интересы партии выше формального демократизма. Да, мы запретили выход фракционного органа и подобные вещи будем и впредь запрещать"[13]. Эти слова были встречены уже бурными аплодисментами. Делегатам нравилась твердость и решительность Сталина. Знали ли делегаты, что пройдет не так уж много времени и Сталин созреет для "метода отсечения", и на гильотину беззакония взойдут очень многие из них?

Забежим немного вперед... Когда Каменев, выброшенный из руководящей обоймы, стал директором Института мировой литературы, Сталин во время очередного доклада Ягоды бросил:

— Посматривайте за Каменевым... Думаю, что он связан с Рютиным. Лев Борисович не из тех, кто быстро сдается. Я его знаю больше двадцати лет. Это — враг...

И Ягода "посматривал". В 1934 году Каменева арестовали, в 1935 году судили, дали 5 лет. В этом же году — вновь судили: срок увеличили до 10 лет. В конце 1936 года поставили точку. Вечную.

Вскоре после расстрела Каменева Сталину попала в руки книжка "Н.Г. Чернышевский", написанная расстрелянным сотоварищем Кобы. Сталин долго листал томик (один из первых в серии "Жизнь замечательных людей"), внимательно читал оглавление, отдельные страницы. Вспомнил, как Каменев, когда они тряслись в феврале 1917 года в поезде от Ачинска к Петрограду, рассказывал о Плеханове, Мартове, Аксельроде, меньшевистской эмиграции, их вражде к Ленину, делился планами, пребывая в настоящей эйфории от свершившегося. Положив книжку на стол, Сталин подумал: "суета сует". Все проблемы

для Каменева теперь отпали, а ему столько предстоит их решить! Но все это будет через десять с лишним лет.

А пока Зиновьев и Каменев, полагал Сталин, были ему нужны для борьбы с Троцким, которого он считал главным противником, и своим, и партии.

Сталин быстро проявил себя неплохим администратором. Выполняя свои обязанности, он внимательно присматривался прежде всего к членам Политбюро, другим авторитетным товарищам из ЦК. Для себя он отметил, что самую влиятельную часть ядра составили те, кого он про себя называл "литераторами". Так он именовал бывших эмигрантов. Он не мог не признать для себя, что все они отличались большой интеллектуальностью, теоретической подготовленностью, высокой общей эрудицией. Это вызывало у Сталина внутреннее раздражение: "Пока мы тут готовили революцию, они там читали да писали..."

Однажды об этом он сказал почти открыто. При утверждении уполномоченного ЦК при одном из губкомов выяснилось, что товарищ едва умеет читать и писать. Но Сталин бросил на весы решения свое мнение:

— За границей не был, где же ему было выучиться... Справится.

В ленинском окружении было немало выдающихся лиц. Сталин быстро заметил, что Бухарин, Рыков, Томский, хотя и не составляют какой-то особой группы, весьма тяготеют к решению экономических, хозяйственных, промышленных вопросов. Это были хорошие экономисты, "технократы". К сожалению, позже, в 30-е годы, да и целые десятилетия после Великой Отечественной войны настоящим экономистам, "технократам" практически не находилось места в верхних эшелонах власти. Их места, как правило, занимали администраторы-бюрократы типа Кагановича и Маленкова. Впрочем, при директивно-командном стиле работы крупные экономисты, такие, как Вознесенский, и не были нужны; ведь многое делалось не благодаря, а вопреки экономическим законам.

В этой троице (Бухарин, Рыков, Томский), конечно, выделялся Н.И. Бухарин. Уже в своей первой книге "Политическая экономия рантье", написанной им накануне первой мировой войны, чувствовалась глубина проникновения в генезис хозяйственных отношений. В 1920 году появился первый том "Экономики", в которой Бухарин намеревался раскрыть процесс трансформации капиталистической экономики в экономику социалистическую. Захваченный вихрями борьбы, меняющихся

обстоятельств, Бухарин так и не написал второго тома. В "Экономике" он утверждал, что "капитализм не строили, а он строился. Социализм, как организованную систему, мы строим. Самое главное для нас — найти равновесие между всеми элементами системы". Сталин, обладавший лишь примитивными, начальными экономическими знаниями, внимательно присматривался к Бухарину.

Особых осложнений в отношениях между ними в то время не было; ведь Николай Иванович был покладистый, мягкий интеллигент. Порой складывалось впечатление, что Сталин и Бухарин близкие друзья. Да и жили они в Кремле в соседних квартирах. Вскоре будущий генсек понял, что у Бухарина нет амбициозных планов. Бухарину были непонятны и неприятны борьба за лидерство, трения, возникшие между отдельными членами Политбюро. Не случайно довольно долго он старался не занимать определенной позиции в борьбе между "триумвиратом" и Троцким. Его выступления в дискуссиях и речи Троцкий назвал впоследствии "странным миротворчеством". Думается, несостоявшийся лидер не прав: Бухарин превыше всего ценил авторитет Ленина (хотя часто и жарко с ним спорил) и коллективное мнение Политбюро.

К А.И. Рыкову Сталин всегда относился настороженно. Не только потому, что тот после смерти Ленина заменил его на посту Председателя Совнаркома. Рыков был исключительно прямой, откровенный человек. Именно поэтому Рыкову не всегда удавалось устанавливать с сослуживцами нормальные отношения. Например, известен случай, когда Смилга направил жалобу в ЦК РКП(б), в которой просил освободить его от должности заместителя Председателя ВСНХ и начальника Главтопа ввиду невозможности сработаться с Рыковым... Ленин, ознакомившись с письмом Смилги, пишет записку Сталину, в которой рекомендует пока воздержаться от освобождения Смилги, полагая, видимо, что отношения между партийцами могут и должны быть улажены.

Рыков обычно говорил в лицо то, что думал. И писал так же. В 1922 году он написал работу "Хозяйственное положение страны и выводы о дальнейшей работе". По существу, Алексей Иванович выступил в поддержку нэпа, против попыток решить экономические проблемы путем директивных методов. С именем Рыкова связаны ГОЭЛРО, Днепрострой, Турксиб, рост кооперативного движения, первый пятилетний план, другие важные "заделы" социалистического государства. Именно Рыков пытался в последующем убедить Сталина и его сторонни-

ков, что социализм должен совершенствовать, развивать товарно-денежные отношения, не ограничивать хозяйственную самостоятельность непосредственных производителей. Увы, разговор шел словно на разных языках...

Уже когда Сталин в конце 20-х приобрел большой политический вес, Рыков однажды, после обсуждения очередных директив по коллективизации, бросил ему в лицо: "Ваша политика экономикой и не пахнет!" Генсек остался невозмутимым, но реплики не забыл.

Сталин вообще ничего не забывал. Его холодная компьютерная память цепко держала в своих ячеях тысячи имен, фактов, событий. Он не забыл и того, что Ленин очень ценил Рыкова. В сочинениях вождя фамилия Рыкова упоминается 198 раз, немногим меньше, чем Сталина. Будучи Предсовнаркома СССР, с 1926 года Рыков возглавляет Совет Труда и Обороны, комитет по науке и содействию развитию научной мысли. Сталин не забыл, как Рыков, выступая в марте 1922 года на пленуме Моссовета, сказал, что недопустимо вновь скатываться к методам "военного коммунизма", подверг резкой критике тех, кто нападал на нэп, назвав эти наскоки "необычайно вредными и опасными", требовал отказаться от методов насилия в деревне, где нужно, по его словам, соблюдать "революционную законность". Спустя много лет А.И. Рыков в последний раз в своей жизни выступал на Пленуме ЦК, отвергая чудовищные обвинения в шпионаже, диверсиях, терроре. Рыков вошел в первое Советское правительство в качестве наркома внутренних дел, но через несколько дней подал в отставку в знак протеста против того, что все правительство было большевистским, а не коалиционным... Сталин злорадно усмехнулся: "Всегда такой был".

Бухарина и Рыкова как-то особенно волновала судьба русского крестьянства, в то время как Троцкий (да и Сталин в душе с ним соглашался) считал, что "это — материал для революционных преобразований". Нельзя было не видеть, сколь большой популярностью в народе пользовались Бухарин и Рыков. Они ходили без охраны, были очень доступны, отзывчивы. Простые люди всегда эти качества руководителей высоко ценят. Сталин же эту простоту и доступность называл "заигрыванием с народом". Даже естественное поведение порядочного человека для него было подозрительным.

Так же с недоверием Сталин всегда относился к М.П. Томскому (Ефремову). Участник трех революций, видный профсоюзный работник умел постоять за свою точку зрения. Сталин

долго терпел этого "друга Рыкова", пока не ввел в Президиум ВЦСПС Кагановича и Шверника, которые "вытеснили" из Президиума его Председателя. Когда 22 августа 1936 года на даче в Болшево Томский покончил жизнь самоубийством, Сталин сказал:

— Его самоубийство — подтверждение вины перед партией...

Но мы сегодня знаем, что все было наоборот. Это была крайняя форма протеста против единовластия "вождя".

Заметное место в ядре партии занимал Ф.Э. Дзержинский. Бухарин называл его "пролетарским якобинцем". Это был один из старейших членов партии и организаторов социал-демократии Польши и Литвы. К.Радек, оценивая позже роль Дзержинского, отмечал: "Враги наши создали целую легенду о всевидящих глазах ЧК, о всеслышащих ушах ЧК, о вездесущем Дзержинском. Они представляли ЧК в качестве какой-то громадной армии, охватывающей всю страну, просовывающей свои щупальца в их собственный стан. Они не понимали, в чем сила Дзержинского. А она была в том, в чем состояла сила большевистской партии — в полнейшем доверии рабочих масс и бедноты..."[14] У Сталина были неплохие отношения с Дзержинским, особенно после ряда совместных выездов с ним на фронты в годы гражданской войны. Скупой на возвышенные оценки Сталин сказал после преждевременной кончины Дзержинского: "Он сгорел на бурной работе в пользу пролетариата".

Не очень броским внешне, но чрезвычайно обаятельным был М.В. Фрунзе. Сталин, прошедший через тюрьмы и ссылки, с особым уважением относился к Арсению, так иногда и после революции называли Фрунзе старые товарищи. Все знали, что в 1907 году Михаил Васильевич был дважды приговорен к смертной казни, провел долгие недели в камере смертников, затем несколько лет на каторге. Мало кто тогда в деталях знал, сколь большую работу провел Фрунзе для достижения победы на Восточном, Туркестанском, Южном фронтах. Сталин, сам обладавший недюжинной решительностью, поражался спокойной манере руководства этого пролетарского полководца, способного на высшее проявление политической и военной воли. За короткое время пребывания на посту наркомвоенмора Фрунзе очаровал всех глубиной своего интеллекта, новизной подходов к вопросам военной доктрины, реформы вооруженных сил, оперативного искусства в современной войне.

Фрунзе страдал язвенной болезнью желудка, предпочитал

консервативное лечение. Очередное обострение проходило. Но консилиум врачей вновь делает заключение: "нужна операция". По ряду свидетельств (книга И.К. Гамбурга "Так это было", Б.А. Пильняка "Повесть непогашенной луны" и др.) Сталин с Микояном приезжали в больницу, говорили с профессором Розановым и настаивали на операции. Незадолго до операции Фрунзе написал записку жене: "Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не менее оба консилиума постановили ее делать"[15].

Трудно судить о всех возникших после смерти Фрунзе догадках; была ли здесь чья-то "рука" или рок судьбы вынес свой приговор? После смерти Фрунзе многие медики высказывали мнение, что операция, простая даже по тем временам, не была необходимой. Сталин на похоронах М.В. Фрунзе скажет: "Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу. К сожалению, не так легко и далеко не так просто подымаются наши молодые товарищи на смену старым"[16]. Кое-кто увидел в этих словах сокровенный, известный лишь одному Сталину смысл. Гадать не стоит. У нас нет доказательств для каких-то категорических выводов. Ясно одно, не подстереги Фрунзе эта нелепая (или загадочная?) смерть, то этот самородок смог бы сыграть на политической сцене выдающуюся роль. Сталин это почувствовал довольно давно по отношению Ленина к Фрунзе. Все, чем занимался Фрунзе, несло печать его незаурядного, оригинального ума.

Крупным организатором в ЦК был Я.М. Свердлов. У Якова Михайловича, как пишет Луначарский, полностью отсутствовало личное честолюбие. Это был классический, самоотверженный исполнитель. "У него были ортодоксальные идеи на все, он был только отражением общей воли и общих директив. Лично он их никогда не давал, он только их передавал, получая от ЦК, иногда лично от Ленина". Когда он говорил, вспоминал Луначарский, то его речи походили на передовицы официальной газеты. Но он обладал и тем, в чем сравниться с ним могут немногие, — блестящим знанием малейших нюансов положения в партии, великолепными организаторскими способностями. Можно даже сказать, что до момента, когда было принято решение иметь в секретариате первое лицо — Генерального секретаря ЦК, эти обязанности уже выполнял Я.М. Свердлов. Сталину нравилось, как деловито, немногословно Свердлов вел заседания ЦК. Запомнилось одно из заседаний ЦК в марте 1918

года. На повестке дня было много вопросов: положение на Украине, о декларации "левых", об эвакуации "Правды", организации контроля за военными, заявление Крыленко, дело Дыбенко... Страна бурлила. Свердлов достал черную клеенчатую тетрадь для ведения протокола заседания, посмотрел на присутствующих — в комнате были Ленин, Зиновьев, Артем (Сергеев), Сокольников, Дзержинский, Владимирский. Сталин — и буднично попросил говорить по существу...[17] После безвременной кончины Свердлова Ленин дал ему самую блестящую оценку: такие люди незаменимы, их приходится заменять целой группой работников.

Робинзоны существуют только в романах. Те или иные качества человек формирует в себе, находясь в кругу товарищей, единомышленников, соперников. Сталин, входя в когорту ленинских соратников и учеников, должен был воспринять немало ценного, непреходяще важного от общения с вождем, его окружением. Однако далеко не все качества зрелого человека способны трансформироваться. Многое, заложенное в ранние годы, — скрытность, холодный расчет, ожесточенность, осторожность, бедность чувств — со временем не только не ослабло, но и усугубилось до предела. У Сталина уже давно начало просматриваться качество, которое Гегель называл пробабилизмом. Суть его заключается в том, что личность, совершающая какой-либо нравственно неблаговидный проступок, старается для себя внутренне оправдать его и представить добрым. Сталин так и поступал. Убедившись в том, что общепризнанный вождь серьезно болен, он начал исподволь большую "игру" с целью максимального упрочения своего положения в руководстве. На первых порах он пытался доказать себе: это нужно в интересах "защиты ленинизма". Затем все, что он ни делал, считал нравственно оправданным во имя "построения социализма в одной стране". В конце концов принцип пробабилизма займет важное место в арсенале политических средств Сталина. Народ должен знать, полагал Сталин: все, что будет делать он, — во имя народа.

Думаю, что многие из окружавших Ленина людей долго не могли "раскусить" Сталина. Для некоторых он казался просто исполнителем, для других — неплохим представителем национальных отрядов партии, для третьих — обычной посредственностью, коих всегда бывает немало в руководящих кругах любых режимов и систем. Да, соратники Ленина недооценили Сталина. Зато он "раскусил" всех. Даже самых близких соратников Ленина: Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, Томс-

кого, Рудзутака, Косиора, многих других, оказавшихся по его воле "врагами народа". Ведь именно он заметил, что в гражданской войне Красной Армией руководили почти исключительно "враги": Троцкий, Блюхер, Егоров, Тухачевский, Уборевич, Дыбенко, Антонов-Овсеенко, Смилга, Муралов, сотни и тысячи других "предателей". Ленин не догадывался, а Сталин проницательно заметил, что "командиры промышленности" тоже почти сплошь состояли из "вредителей": Пятакова, Зеленского, Серебрякова, Лифшица, Гринько, Лебедя; Семенова, тысяч других. Только Сталин смог рассмотреть, что во главе советского дипломатического ведомства также были сплошь "шпионы": Крестинский, Раковский, Сокольников, Карахан, Богомолов, Раскольников... А сколько других "двурушников" разоблачил практически во всех сферах жизни государства Сталин! Едва ли такой могла быть простая "посредственность"! Троцкий здесь ошибся. Робеспьер, выступая в Конвенте 5 февраля 1794 года, заявил: "...Первым правилом нашей политики должно быть управление народом — при помощи разума и врагами народа — при помощи террора"[18]. Каким дуалистичным и неуниверсальным был метод Робеспьера! Сталин свое "правило" политики сделал монистическим: управлять и теми и другими одним методом — методом насилия. Думаю, ни один из окружавших Ленина соратников не мог и в дурном сне предположить, что в их среде зреет такой монстр. Не где-нибудь, а в самой когорте руководителей.

Скажу еще раз, Троцкий, конечно же, ошибался, что Сталин был "выдающейся посредственностью". Достаточно лишь одного опровергающего аргумента: у посредственности не бывает явных врагов. У Сталина их было предостаточно. Скоро об этом узнает вся партия, весь народ. Сталин оказался исключительно хитрым и коварным политиком, который сумел сделать себя единственным толкователем и "защитником" ленинизма. Ему удалось использовать ленинское окружение для концентрации власти в своих руках. Сыграв незаметную роль в революции, несколько активнее проявив себя в гражданской войне, Сталин почувствовал: люди из ленинского окружения, превосходя его во многом, в чем-то ему и уступают. Если бы он знал Гегеля, то мог хотя бы мысленно произнести: "Человек — господин своей судьбы и своего назначения"[19].

Генеральный секретарь

Ход истории имеет одну особенность. Он необратим. Время не имеет "обратного" хода. Это можно сделать только мысленно. "Как морской песок ложится покровом поверх прежнего, — писал Марк Аврелий, — так прежнее в жизни быстро заносится новым". Ленину суждено было прожить после Октября чуть более шести лет. Но в эти годы спрессовано столько свершений, надежд и разочарований! Ленин успел очертить контуры грядущего, наметить пунктиры движения вперед.

XI съезд партии был последним, на котором Ленин присутствовал. На съезде доклад об организационной деятельности ЦК сделал В.М. Молотов. Охарактеризовав состояние внутрипартийной жизни, Молотов показал, как перегружены работой отделы ЦК. За "год через ЦК прошло 22,5 тысячи партийных работников, т.е. около 60 товарищей в день". Молотов поставил вопрос об упрощении "передвижки" кадров, налаживании должного учета, внесении большей организации в деятельность аппарата ЦК. В докладе подчеркивалось, что за минувший год "увеличилось также количество заседаний ЦК; увеличилось количество вопросов, обсуждавшихся в ЦК, почти на 50%", увеличилось количество конференций, других всепартийных совещаний. Выступавшие на съезде делегаты выражали неудовлетворение работой центрального органа. Так, Осинский упрекал Политбюро за то, что высшая партийная инстанция занималась, в числе других вопросов, рассмотрением "вермишельных дел", как например, "отдать Наркомзему дом "Боярский Двор" или нет, отдать типографию такому-то учреждению или оставить другому"[20]. Делегаты для совершенствования управления партией и страной предлагали иметь в ЦК три бюро: Политбюро, Оргбюро и Экономбюро.

Читая стенограммы первых после Октября съездов партии, восхищаешься открытостью, подлинной гласностью в выражении мнений. Критика была естественна, как воздух. Не было славословия, чинопочитания, лести. Никто не добивался единства ради единства. Были вожди, но культа их не было. Например, на XI съезде доклад Ленина, при общей высокой оценке его положений и выводов, подвергали критике многие делегаты — Скрыпник, Антонов-Овсеенко, Преображенский, Осинс-

кий... Рязанов, например, под общий смех делегатов, критикуя деятельность ЦК, заявил: "Наш ЦК совершенно особое учреждение. Говорят, что английский парламент все может; он не может только превратить мужчину в женщину. Наш ЦК куда сильнее: он уже не одного очень революционного мужчину превратил в бабу, и число таких баб невероятно размножается... Пока партия и ее члены не будут принимать участия в коллективном обсуждении всех этих мер, которые проводятся от ее имени, пока эти мероприятия будут падать как снег на голову членов партии, до тех пор у нас будет создаваться то, что тов. Ленин назвал паническим настроением"[21].

Откровенное, открытое обсуждение всех вопросов, касающихся партийной жизни, было непреложной нормой. К слову сказать, позже, в 30-е годы, все критические выступления, сделанные ранее, уже расценивались как "вредительские". В течение десятилетий можно было только единодушно одобрять, поддерживать, восхищаться... Стенограммы съездов и пленумов, состоявшихся при Ленине, — подлинные учебники партийной демократии, идейного товарищества, гласности самой высокой пробы.

Еще в 1920 году практика работы аппарата ЦК показала, что для организации деятельности секретариата нужно специально выделенное лицо. ЦК РКП(б) на своем Пленуме 5 апреля 1920 года, обсудив этот вопрос, вынес такое решение:

"1. Секретарями избрать тт. Крестинского, Преображенского, Серебрякова. Вопрос о назначении одного ответственного секретаря не предрешать. Представить секретарям, по указанию опыта, через некоторое время вынести в ЦК предложение по этому поводу (так в тексте. — *Прим. Д.В.*).

2. В состав Оргбюро кроме 3-х секретарей ввести тт. Рыкова и Сталина"[22].

Знакомство с протоколами ЦК, которые часто велись на отдельных листочках школьной бумаги в линеечку, показывает, что вопрос о "назначении одного ответственного секретаря" возник не в 1922 году, а значительно раньше. После XI съезда один из секретарей был выделен особо. Ответственные секретари избирались и раньше: Стасова, Крестинский, Молотов. Но теперь речь шла о повышении статуса ответственного секретаря до уровня генерального. Чье это было предложение? Откуда исходило? По имеющимся данным — от Каменева и Сталина. Несомненно и то, что Ленин знал об этом предстоящем нововведении.

Состоявшийся 3 апреля 1922 года Пленум ЦК, сформиро-

ванный на XI съезде партии, избрал, в соответствии с пожеланиями делегатов, Политбюро, Оргбюро и Секретариат. На Пленуме было принято решение ввести должность Генерального секретаря ЦК РКП(б). В этот же день первым генсеком был избран И.В. Сталин. Таким образом, он стал занимать сразу три высоких партийных поста: члена Политбюро, члена Оргбюро и Генерального секретаря. Тогда же секретарями были избраны кандидат в члены Политбюро Молотов и Куйбышев. Сегодня историки, философы, все люди, которых волнует отечественная история, задаются вопросом: почему именно Сталин, а не кто-нибудь другой? Кто предложил кандидатуру Сталина? Какое участие в этом акте принял Ленин? Означало ли назначение Сталина генсеком передачу ему особых полномочий? Ответы на эти и подобные им вопросы — прямое обращение не только к истории партии и страны после Ленина, но и к генезису будущих бед. Итак, обратимся к бесстрастным документам.

На Пленуме ЦК присутствовали его члены: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Дзержинский, Петровский, Калинин, Ворошилов, Орджоникидзе, Ярославский, Томский, Рыков, А.А. Андреев, А.П. Смирнов, Фрунзе, Чубарь, Куйбышев, Сокольников, Молотов, Коротков. Участвовали в заседании и кандидаты в члены ЦК: Киров, Киселев, Кривов, Пятаков, Мануильский, Лебедь, Сулимов, Бубнов, Бадаев и член ЦКК Сольц.

Заслушали и приняли решение по нескольким вопросам. Первый: "Конституирование ЦК". О председателе:

"Подтвердить единогласно установившийся обычай, заключающийся в том, что ЦК не имеет председателя. Единственными должностными лицами ЦК являются секретари; председатель же избирается на каждом данном заседании".

Затем обсудили вопрос: почему на списке членов ЦК, избранных съездом, есть отметки о назначении секретарями тт. Сталина, Молотова и Куйбышева? Каменев разъяснил (Пленум принял к сведению), что "им во время выборов, при полном одобрении съезда было заявлено, что указание на некоторых билетах на должности секретарей не должно стеснять Пленум ЦК в выборах, а является лишь пожеланием известной части делегатов"[23]. Прежде всего это "пожелание" исходило от Каменева, Зиновьева и, негласно, от Сталина.

Хотя официально съезд избирал только членов ЦК, есть основания полагать, что Каменевым была проведена немалая работа, чтобы обеспечить избрание будущих секретарей. Нельзя

не усмотреть в этом (поскольку Каменев знал, что будет рассматриваться вопрос о новой должности Генерального секретаря) стремления провести в Секретариат определенных лиц. А проше говоря, Каменев хотел иметь в качестве "своего" человека руководителя аппарата ЦК. Тогда у него отношения со Сталиным были весьма хорошими. Будущий генсек не раз подчеркивал особое положение Каменева, бывшего заместителем Ленина по Совнаркому. Тогда он котировался выше, чем, пожалуй, кто-либо в партийной иерархии. Многие косвенные свидетельства подтверждают, что Каменев стремился провести Сталина на вновь вводимый пост явно с ведома и желания последнего. Сталину нравилась работа в аппарате, и он раньше других почувствовал те возможности, которые она открывает.

Далее в протоколе Пленума ЦК говорится:

"Установить должности генерального секретаря и двух секретарей. Генеральным секретарем назначить т. Сталина, секретарями тт. Молотова и Куйбышева".

В протоколе, ниже, рукой Ленина записано:

"Принять следующее предложение Ленина:

ЦК поручает Секретариату строго определить и соблюдать распределение часов официальных приемов и опубликовать его, при этом принять за правило, что никакой работы, кроме действительно принципиально руководящей, секретари не должны возлагать на себя лично, перепоручая таковую работу своим помощникам и техническим секретарям.

Тов. Сталину поручается немедленно приискать себе заместителей и помощников, избавляющих его от работы (за исключением принципиального руководства) в советских учреждениях.

ЦК поручает Оргбюро и Политбюро в 2-х недельный срок представить список кандидатов в члены коллегии и замы Рабкрина с тем, чтобы т. Сталин в течение месяца мог быть совершенно освобожден от работы в РКИ..."[24]

На следующий день, 4 апреля, в "Правде" было сообщено:

"К сведению организаций и членов РКП. Избранный XI съездом РКП Центральный Комитет утвердил секретариат ЦК РКП в составе: т. Сталина (генеральный секретарь), т. Молотова и т. Куйбышева.

Секретариатом ЦК утвержден следующий порядок приема в ЦК ежедневно с 12 — 3 час. дня: в понедельник — Молотов и Куйбышев, во вторник — Сталин и Молотов, в среду — Куйбышев и Молотов, в четверг — Куйбышев, в пятницу — Сталин и Молотов, в субботу — Сталин и Куйбышев.

Адрес ЦК: Воздвиженка, 5.

Секретарь ЦК РКП *Сталин*".

На этом же Пленуме было избрано Политбюро в составе семи человек: Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев, Томский, Рыков и трех кандидатов: Молотов, Калинин, Бухарин[25]. Сформировали Оргбюро. На пост генсека была предложена одна кандидатура (Каменевым). Возражений не было ни у кого. Так все это было...

О необходимости улучшения работы ЦК, Политбюро В.И. Ленин говорил на XI съезде, обращая особое внимание на совершенствование организационной работы. При этом Ленин делает ряд очень важных замечаний, которые, к сожалению, ни тогда, ни позже, при Сталине, не были полностью учтены. Одно из них касается культуры, умения управлять. Ленин говорил, что у многих ответственных работников-коммунистов культура управления просто мизерная и жалкая. А один из методологических устоев управления, замечает он, заключается в умении выделить основное звено в общей цепи проблем. На сегодня, говорил Ленин на съезде, таким главным звеном является подбор **нужных людей.**

Сразу после революции секретарские, технические функции были возложены на нескольких товарищей. Ими руководил Я.М. Свердлов. После его смерти все сразу ощутили, сколь велика потеря. Текущие дела захлестнули работу ЦК. После VIII съезда была введена должность ответственного секретаря; им стала член партии с 1898 года Е.Д. Стасова. Затем ее сменил Н.Н. Крестинский, избранный одновременно и членом Политбюро (при этом он исполнял еще и обязанности наркома финансов РСФСР). После IX съезда партии в помощь Крестинскому были избраны еще два секретаря — Е.А. Преображенский и Л.П. Серебряков. На X съезде вместо них секретарями были избраны В.М. Молотов, В.М. Михайлов и Е.М. Ярославский. Но после смерти Свердлова Ленин был часто недоволен работой Секретариата: его медлительностью, рутинностью и ошибками. Так в своей записке В.М. Молотову 19 ноября 1921 года В.И. Ленин выразил неудовлетворение постановлением Оргбюро, определяющим отношение судебно-следственных учреждений к проступкам коммунистов, которое готовил Молотов. Ленин писал:

"т. Молотов!

Я переношу этот вопрос в Политбюро.

Вообще неправильно такие вопросы решать в Оргбюро: это **чисто** политический, всецело политический вопрос.

И решать его надо иначе"[26].

Можно сказать, что введение нового партийного поста диктовалось необходимостью упорядочить работу "штаба" ЦК — Секретариата. Но вместе с тем пост генсека совсем не представлялся главным, ключевым, решающим. Если бы это было так, то, видимо, первым Генеральным секретарем был бы избран Ленин.

В то время когда Сталин стал Генеральным секретарем, врачи продолжали настаивать на серьезном лечении Ленина. Именно в апреле они пришли к выводу, что необходим продолжительный отдых и горный воздух. Решили, что будет полезна поездка на Кавказ. Ленин согласился и даже написал несколько писем И.С. Уншлихту и Г.К. Орджоникидзе, работавшим в это время на Кавказе. Вот одно из этих писем, отправленное 9 апреля 1922 года:

"т. Серго!

По поводу просьбы Камо и в связи с ней я должен еще добавить, что мне надо поселиться *отдельно*. Образ жизни больного. Разговора даже втроем я почти не выношу (однажды были Каменев и Сталин у меня: *ухудшение!)*. Либо отдельные домики, либо только такой большой дом, в коем возможно абсолютное разделение. Это надо принять во внимание. Посещений быть не должно...

Ваш *Ленин*"[27].

Но увы, лечение пришлось отложить. Ленин продолжал работать. Он хотел отладить работу аппарата ЦК без рутины и бюрократизма.

Политбюро заседало, в соответствии с ленинским предложением, раз в неделю, а текущую работу необходимо было осуществлять ежедневно. Секретариат готовил материалы на заседания Политбюро, организовывал доведение его решений до исполнителей, выполнял поручения членов Политбюро. Секретариат непосредственно не занимался вопросами экономики, обороны, государственного аппарата, просвещения. Он играл в значительной мере технически-исполнительную роль в общем механизме управления партийным аппаратом. Поскольку основные ведомства возглавлялись видными большевиками, уделявшими не очень много внимания технической стороне дела, было принято решение сделать одного из членов Политбюро ответственным за всю работу Секретариата в ранге Генерального секретаря. Повторюсь: конкретное предложение по кандидатуре Сталина было внесено Каменевым. Он же и председательствовал на Пленуме ЦК, избравшем генсека. Есть все

основания считать, что предварительно эти вопросы, как теперь принято говорить, были обговорены с Лениным.

Были ли данные у Сталина занять этот пост? Формально, видимо, были. Судите сами. Сталин с 1898 года — член партии, с 1912 года — член ЦК, входит в Бюро ЦК, член Оргбюро и член Политбюро. Единственный из членов Политбюро занимает два государственных поста — наркома по делам национальностей и наркома Рабкрина (РКИ). Член коллегии ВЧК — ОГПУ от ЦК, член Реввоенсовета Республики, член Совета Труда и Обороны... Я назвал еще не все должности Сталина, на которых он находился к моменту его избрания Генеральным секретарем ЦК.

Бесспорно, все это свидетельствовало о признании его вклада в начавшееся дело революционного переустройства общества, об определенном знании Сталиным механизма политического и государственного управления, его склонности к аппаратной работе. Если многие крупные революционеры того времени тяготились или, скажем так, не были склонны к административной работе, то приверженность Сталина к ней была замечена многими. В целом выдвижение Сталина на новый пост не было воспринято как нечто неожиданное. Большинство руководителей продолжали считать этот пост по сути рядовым. Все так и было, пока был здоров и жив Ленин. Просто вопрос о лидере партии, вождe государства тогда не вставал. Лидер был. И лидер бесспорный — Ленин. В новой роли Сталин для партии, для народа был малоизвестен, он был по-прежнему одним из многих. В руководстве же с этого момента все его положительные и отрицательные качества стали видны более рельефно.

Пройдут десятилетия, прежде чем кто-то достаточно полно сможет описать характер Сталина. Этот человек сумел спрятать свои чувства очень глубоко. Даже гнев его видели немногие. Он был способен самые жестокие решения принимать спокойно. В будущем его окружение расценит это как признак великой мудрости и прозорливости. Разве всем дано сохранять спокойствие средь бесконечной сумятицы мира? Жалость была неведома Сталину. Чувства сыновней любви, любви к детям, внукам? Едва ли. Из всех своих внуков он видел по нескольку раз только детей дочери Светланы, да дочь и сына Якова, своего первенца. Личная жизнь была полностью огорожена. Только работа, работа, работа... Решения, совещания, указания, выступления...

Окружающий мир для Сталина был лишь белым или чер-

ным. Все цвета радуги бесконечно богатого мира втиснуты в схему: все, что не соответствует "линии", — враждебно. Полутонов не признавал. Любил, по сути, бинарную логику, вращение вокруг двух категорий: "да" и "нет". Категоричность и однозначность. Но жизнь ведь неизмеримо богаче: между добром и злом есть много волнующих неопределенностей, туманностей, переходов, игры красок бытия... Сталину было это не дано. Категоричный, телеграфный стиль записок, речей, докладов. Уже тогда это многим нравилось: человек дела, человек долга. Никаких сентиментальностей. Он не любил слово "гуманизм". Но об этом и многом другом пока никто и ничего еще толком не знает... Все в ЦК видят: выше партийной дисциплины, партийного долга и генеральной линии РКП(б) для Сталина ничего не существует.

В течение 1922 — начале 1923 годов, пока болезнь окончательно не лишила Ленина возможности писать и диктовать, им было направлено Сталину несколько десятков записок, проектов документов, писем. Из них видно, что Ленин озабочен организационным и политическим решением ряда вопросов. Совсем не случайно через девять (!) месяцев после избрания Сталина на пост генсека Ленин приходит к выводу, что выбор сделан неудачно и его, Сталина, следует переместить на другой пост. В этом Ленина убедил ряд опрометчивых шагов, сделанных Сталиным на посту генсека еще при его жизни.

Так, например, ошибочным было решение Сталина в поддержку предложения Сокольникова и Бухарина об отмене государственной монополии внешней торговли. В своей записке Сталину Ленин категоричен:

"т. Сталин! Предлагаю... *опросом* членов Политбюро провести директиву: "ЦК подтверждает монополию внешней торговли и постановляет прекратить всюду разработку и подготовку вопроса о слиянии ВСНХ с НКВТ. Секретно подписать всем наркомам" и вернуть оригинал Сталину, копий не снимать.

15.V *Ленин*"[28].

В сентябре, когда Ленин поправился после первого тяжелого приступа, Сталин выступил с идеей об "автономизации", т.е. об объединении национальных республик через их вступление в РСФСР. Фактически эта линия была на создание не Союза Советских Социалистических Республик, а Российской Советской Социалистической Республики, в которую на правах автономии войдут другие национальные образования. Сталин уже успел провести свое предложение через комиссию ЦК, занимавшуюся

этим вопросом. Ленин среагировал немедленно в своем письме Каменеву, адресованном членам Политбюро:

"т. Каменев! Вы, наверное, получили уже от Сталина резолюцию его комиссии о вхождении независимых республик в РСФСР...

По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться. Надо Вам (Вы когда-то имели намерение заняться этим и даже немного занимались) подумать хорошенько; Зиновьеву тоже..."[29]

Пожалуй, никто так часто не бывал у Ленина в Горках во время его болезни, как Сталин. Иногда Владимир Ильич приглашал его сам, желая получить информацию о текущих делах, часто генсек приезжал по своей инициативе. Во время многочисленных бесед В.И. Ленин подробно расспрашивал о работе аппарата, ходе выполнения решений ЦК, интересовался здоровьем неважно чувствовавших себя Дзержинского, Цюрупы, других товарищей. Известно, например, что Ленин обсуждал и здоровье самого Сталина, побеседовав предварительно по телефону с лечащим врачом Сталина В.А. Обухом.

После опрометчивых шагов Сталина по продвижению идеи об "автономизации" Ленин приглашает 26 сентября генсека в Горки и около трех часов беседует с ним[30]. Владимир Ильич подчеркивает, что объединение советских республик — вопрос архиважный, не допускающий торопливости при его решении. Ленин предлагает принципиально новую основу для создания союзного государства: добровольное объединение независимых республик, в том числе и РСФСР, в Союз Советских Социалистических Республик с сохранением полного равноправия каждой из них. Сталин публично никогда не спорил с Лениным, обычно принимая его аргументы. Хотя, судя по некоторым источникам 20-х годов, позицию Ленина по национальному вопросу Сталин характеризовал как "либеральную"[31].

Частые беседы вождя с генсеком были не просто способом получения информации, передачи советов, предложений больного лидера, но и одновременно учебой руководителя аппарата ЦК, его изучением. Думается, что Ленин в ходе многочисленных встреч и бесед со Сталиным смог хорошо понять сильные и слабые стороны этого человека. Поэтому оценки и предложения в отношении генсека, сделанные им в конце 1922 — начале 1923 годов, — результат глубокого анализа и размышлений. Национальный вопрос, попытки Сталина решить его по-своему открыли для Ленина не только некоторые новые политические грани этой личности, но и прежде всего грани нравственные. В

своих записках "К вопросу о национальностях или об "автономизации" В.И. Ленин расценил сталинскую идею "автономизации" как отступление от принципов пролетарского интернационализма. Как бы резюмируя, Ленин обобщает политические и нравственные характеристики генсека:

"Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого "социал-национализма". Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль"[32].

Достается здесь и Орджоникидзе за "рукоприкладство" во время его поездки на Кавказ с комиссией. Орджоникидзе по заданию Политбюро ездил во главе комиссии, чтобы урегулировать конфликт, возникший в руководстве компартии Грузии. Орджоникидзе не справился с заданием, более того, во время выяснения ситуации ударил одного из членов ЦК компартии Грузии Мдивани. Ленин со всей определенностью пишет, что "никакой провокацией, никаким даже оскорблением нельзя оправдать этого русского рукоприкладства и что тов. Дзержинский непоправимо виноват в том, что отнесся к этому рукоприкладству легкомысленно"[33]. В этом конфликте Сталин не занял принципиальной позиции, что позволило Ленину публично отметить у генсека не только "торопливость и администраторское увлечение", но и, что особенно важно, увидеть у него "озлобление" при решении политических дел.

Ленин неоднократно возвращался к этому делу, о чем свидетельствует "Дневник дежурных секретарей В.И. Ленина", в котором есть записи Л.А. Фотиевой о том, что Владимир Ильич распорядился о доставке дополнительных материалов по "инциденту". Сталин ответил отказом, ссылаясь на необходимость оградить больного от ненужных волнений. Но Ленин настойчив. За пять дней до нового обострения болезни, в результате которого Ленин утратит речь, он 5 марта 1923 года продиктовал по телефону письмо Троцкому.

"Уважаемый тов. Троцкий!

Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив"[34].

В этот же день Ленин продиктовал еще одно письмо. На этот раз Сталину. Письмо внешне носит личный характер. Но только внешне. Предыстория его такова. В декабре 1922 года В.И. Ленин диктует Н.К. Крупской ряд важнейших для судеб партии писем. После одной из таких диктовок, по-видимому

письма Троцкому по вопросу о монополии внешней торговли, в ночь с 22 на 23 декабря происходит ухудшение в состоянии здоровья Владимира Ильича — наступает паралич правой руки и правой ноги. Об этом докладывают членам Политбюро. Сталин на следующий день в самой грубой, бесцеремонной форме отчитал по телефону Надежду Константиновну за "нарушение режима больного вождя". Сделано это было в предельно бестактной, грубой манере. Надежда Константиновна Крупская, потрясенная бесцеремонностью генсека, в тот же день пишет письмо Каменеву:

"Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т.к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина". Н.К. Крупская просила оградить ее "от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз". "В единогласном решении Контрольной комиссии, — писала далее Крупская, — которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности. *Н. Крупская*"[35].

Сталин, в соответствии с решением Политбюро, "оберегал" вождя от волнений. Но можно предположить, что изоляция Ленина от информации, ограничение его влияния на положение дел в партии входили в его планы укрепления своего положения в период болезни Ленина.

Каменев довел содержание письма Крупской до Сталина. Тот без всяких споров написал письмо с извинениями Надежде Константиновне, объясняя свое поведение исключительно заботой об Ильиче. Насколько здесь был искренен генсек — судить трудно. Ведь нормы морали он исповедовал исключительно прагматично: если было ему выгодно, он мог переступить любую. Как бы то ни было, о выходке Сталина в отношении своей жены Ленин узнал лишь через два с лишним месяца от Надежды Константиновны — 5 марта 1923 года. В этом поступке генсека вождь увидел не только личное, а нечто большее. Вскоре после разговора с женой Ленин вызывает М.А. Володичеву, диктует ей письмо Троцкому по поводу предстояще-

го обсуждения "грузинского вопроса" на Пленуме ЦК РКП(б), просит передать письмо по телефону и как можно скорее сообщить ему ответ, а затем продиктовал письмо И.В. Сталину. Вот его содержание.

"Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением. *Ленин.* 5-го марта 23 года"[36].

Ленин резок. Никто в партии еще не знает, что им в декабре 1922— январе 1923 года написано "Письмо к съезду", где он дает оценки личным качествам руководящих деятелей партии, предлагает переместить Сталина с поста генсека. Поэтому письмом Сталину от 5 марта он лишь дополняет политическую и нравственную картину обстоятельств своего отношения к нему. Ленин окончательно пришел к выводу о том, что моральная ущербность Сталина, нежелательная, но вынужденно терпимая в обиходе между рядовыми товарищами, является абсолютно недопустимой для руководителя. Ленин провидчески усмотрел в нравственных аномалиях сталинского характера опасность для политики, всего дела партийного руководства. К сожалению, в долгие последующие годы моральные характеристики по сравнению с классовыми, политическими, вообще стали мало что значить.

Но это не все. На следующий день Ленин диктует свой последний в жизни документ, в котором фигурирует Сталин.

"тт. *Мдивани, Махарадзе и др.* Копия — тт. *Троцкому* и *Каменеву.*

Уважаемые товарищи!

Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для Вас записки и речь.

С уважением. *Ленин.* 6-го марта 23 г."[37].

К великой горечи, ни записок, ни речи Ленин не приготовил. Через четыре дня новый удар лишит его возможности не только писать, но и диктовать. Однако есть все основания предполагать, и об этом говорят последние три записки, продиктованные Лениным 5 и 6 марта, что действия Сталина

в отношении "грузинского инцидента" еще больше убедили его в верности выводов, сделанных им в "Письме к съезду". Ленину было нелегко убедиться и разочароваться в том, что выбор, сделанный ЦК в начале апреля 1922 года (при большой активности Каменева и, видимо, явной заинтересованности самого Сталина), оказался глубоко ошибочным. Ошиблись тогда все, в том числе и он. Однако есть возможность ошибку поправить. Нельзя допускать, чтобы во главе аппарата ЦК стоял человек глубоко безнравственный, потенциально опасный для дела. Если Сталин способен на грубость, двуличие, проявление озлобленности в отношении самых близких Ленину людей, то каким он может быть с остальными? Может быть, не случайно состояние здоровья Ленина резко ухудшилось именно в эту первую декаду марта? У меня нет оснований категорически утверждать, что "грузинский инцидент" или конфликт со Сталиным ускорили роковое течение болезни Ленина, но такое драматическое стечение обстоятельств именно в эти мартовские дни убеждает, что такая возможность велика. Моральное потрясение Ленина в условиях его болезненного состояния ускорило трагический удар.

Здесь остается добавить лишь, что идеи, за которые боролся Ленин в области национальных отношений, были осуществлены. Сталинская идея автономизации была отвергнута. На I съезде Советов, открывшемся 30 декабря 1922 года, было провозглашено образование Союза Советских Социалистических Республик. С докладом, в основу которого были положены идеи письма В.И. Ленина "К вопросу о национальностях или об "автономизации", выступил И.В. Сталин. (Хотя само ленинское письмо не увидело света почти тридцать четыре года!) В выступлении Сталина, как и в Декларации об образовании СССР, которую огласил Генеральный секретарь ЦК РКП(б), стержневой идеей была мысль о пролетарском интернационализме, приверженности всех национальностей Союза дружбе, классовой солидарности, верности революционным идеалам. На нынешнем этапе, повторял он ленинские идеи, но не ссылаясь на вождя, особая задача нового Союза заключается в ликвидации фактического неравенства наций, унаследованного от прошлого.

Ленин был болен, но смог с исключительной настойчивостью отстоять самое верное решение национального вопроса в такой огромной стране, являющейся родиной более чем ста национальностей. Едва ли и Сталин хотел другого решения;

просто ему не хватило прозорливости и теоретической мудрости в подходе к столь сложному вопросу.

Многочисленные зарубежные биографы Сталина типа А. Авторханова делают прямое заключение о виновности Сталина в кончине Ленина. Примерно так же считает и Троцкий, утверждая в мемуарах, что только болезнь "помешала ему (Ленину) политически разгромить Сталина". Он пишет, что своеволие генсека часто выводило больного вождя из себя, в результате чего болезнь стала прогрессировать. У меня нет конкретных данных о намерении Ленина "разгромить" генсека. Не вызывает сомнения, что, будь жив Ленин, его воля была бы безусловно исполнена. Сам факт, что после избрания Сталина на этот пост 3 апреля 1922 года, всего через девять месяцев, а именно 4 января 1923 года, Ленин пришел к твердому выводу о необходимости "перемещения" его с этого места, говорит о многом. В этом смысле ленинское "Письмо к съезду", известное вместе с другими последними статьями и письмами как его "Завещание", имеет ключевое, методологическое значение для понимания политического и нравственного лица И.В. Сталина.

"Письмо к съезду"

Жизнь и смерть отделяет тонкая, невидимая линия. Перешагнуть через нее можно лишь в одном направлении. Обратного пути нет. Резкое ухудшение общего состояния, последовавшее в ночь с 22 на 23 декабря 1922 года, жестко напомнило Ленину, что идеи могут быть вечными, а человек смертен.

Стоя у роковой черты, он проявил поразительное человеческое и политическое мужество. Уже утром 23 декабря Ленин просит врачей разрешить ему (всего в течение пяти минут!) продиктовать несколько строк, ибо его "волнует один вопрос". Он настойчив. Он просит. Он требует. Разрешение получено. Ленин начинает диктовать свое знаменитое "Письмо к съезду". То было величайшее мужество мысли.

В минуты, когда никто не мог быть уверен, что не возобновится приступ, не последует новый удар, Ленин думает о будущем. Кто знает, может быть, он вспомнил Дидро, который в своем письме Фальконе писал: "Вы начинаете, быть может, для себя; но только для других вы завершаете". Да, великий Ленин

завершал дело своей жизни для других. Его письмо было философским напутствием-предостережением. Он чувствовал опасность. Предвидел, что тот, кто попытается увидеть себя эпицентром бытия, может погубить дело, которому он, Ленин, отдал всю жизнь.

Уходят люди — исчезают и безбрежные миры. О чем думал гений, готовясь диктовать свои бессмертные последние статьи и письма? Не о том ли, что вопреки ожиданиям и прогнозам пожар Октября не перекинулся на другие страны Европы, не получилось и "революционного прорыва на восток"? И теперь России, не ставшей детонатором мировой революции, предстоит утвердить, защитить себя в национальных границах? А может быть, о том, что только теперь, когда большевики держат власть в руках, во всей гигантской сложности перед ними предстала бездна труднейших проблем? Может быть, он думал и об этом. А может, и о другом. О том, что жизнь жестока, остановив его в самом начале пути созидания нового общества? Или вспомнил слова патриарха русских социал-демократов Плеханова, с которыми тот обратился к Ленину:

— В новизне твоей мне старина слышится!

— Почему?

— Время плебейской революции не пришло...[38]

Да, отпал от революции Плеханов, отпал... Но, пожалуй, остался в истории научного социализма рядом с Каутским, Лафаргом, Гедом, Бебелем, Либкнехтом... Остался навсегда. Да, пожалуй, и с Герценом. Кстати, Герцен... Как он прекрасно сказал о новом и старом:

"Новое надобно созидать в поте лица, а старое само продолжает существовать и твердо держится на костылях привычки. Новое надобно исследовать; оно требует внутренней работы, пожертвований; старое принимается без анализа, оно готово, — великое право в глазах людей; на новое смотрят с недоверием, потому что черты его юны, а к дряхлым чертам старого так привыкли, что они кажутся вечными"[39]. Как сказано! Какое пиршество мысли!

А может, вспомнился Мартов. Когда-то за рубежом говорили о "троице": Ленин, Потресов, Мартов... За убийственно скучными речами Мартова скрывался тонкий, даже изящный ум, способный "расчленить" все, что сказал противник, и использовать абсолютно каждый промах и каждый мельчайший уклон. Пожалуй, он был певцом философского импрессионизма, испытывавший удовольствие от бесконечной перемены своих взглядов, колебаний, сомнений. Это был тот случай, ког-

да утонченность личной культуры не опиралась на прочные социальные, мировоззренческие устои. Пожалуй, в последний раз о союзе с Мартовым Ленин думал в июне 1917-го. Но тот, вечно клонящийся направо, как писал Луначарский, "сам решил свою судьбу: быть непризнанным ни в сех, ни в тех и вечно прозябать в качестве более или менее кусательной, более или менее благородной, но всегда бессильной оппозиции"[40]. Так ведь и остался блестящий марксист на задворках революции! Почти два года назад на заседании ЦК в длинном перечне вопросов, подлежащих обсуждению, увидел и такой:

"10. Письмо ЦК РСДРП в Совет Народных Комиссаров о разрешении выехать за границу Мартову и Абрамовичу...

Решили: ходатайство ЦК РСДРП — удовлетворить"[41]. Бежал в чужие веси. Пожалуй, Троцкий прав, дав в апреле 1922 года меткую и убийственную характеристику Мартову в VIII томе своих сочинений "Политические силуэты". Как всегда категорично, но не без интеллектуального изящества Троцкий писал:

"Мартов, несомненно, является одной из самых трагических фигур революционного движения. Даровитый писатель, изобретательный политик, проницательный ум, прошедший марксистскую школу, Мартов войдет тем не менее в историю рабочей революции крупнейшим минусом. Его мысли не хватало мужества, его проницательности недоставало воли... Это погубило его... Лишенная волевой пружины, мысль Мартова всю силу своего анализа направляла неизменно на то, чтобы теоретически оправдать линию наименьшего сопротивления. Вряд ли есть и вряд ли когда-нибудь будет другой социалистический политик, который с таким талантом эксплуатировал бы марксизм для оправдания уклонений от него и прямых измен ему. В этом отношении Мартов может быть, без всякой иронии, назван виртуозом... Необыкновенная, чисто кошачья цепкость — воля безволия, упорство нерешительности — позволяла ему месяцами и годами держаться в самых противоречивых и безвыходных положениях"[42]. Жесткая, но по существу справедливая оценка...

У революции есть не только задворки, есть и авангард, передовая линия, есть "штаб". О нем сейчас речь. Ленин сам стоит у роковой черты; в любую минуту может ее перешагнуть туда, откуда возврата нет. А в ЦК, в Политбюро положение тревожно. Нужны изменения. Нужно единство. Нужно утверждать демократические начала в работе ЦК. Его мнение уважают. Он должен его высказать. Ленин еще раз требует, чтобы

ему разрешили диктовать. Его план грандиозен. Он не только намерен сказать о путях укрепления руководства партией, но и продиктовать свое видение путей строительства социалистического общества.

Судьба последних ленинских работ драматична. Значительная их часть была скрыта от партии, окутана саваном сталинской тайны. Исключительно глубокие работы "О придании законодательных функций Госплану", "К вопросу о национальностях или об "автономизации", "Письмо к съезду", некоторые другие ленинские записи увидели свет лишь после 1956 года, после XX съезда партии. А статью "Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложения к XII съезду партии)" хотели вначале отпечатать лишь в ... одном экземпляре, чтобы показать Ленину. Но и опубликовав (с купюрами), Политбюро и Оргбюро направило специальное письмо в губкомы, что это-де страницы из дневника больного Ленина, которому разрешили в силу невыносимости умственной бездеятельности писать... Эту бестактность подписали Андреев, Бухарин, Куйбышев, Молотов, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий 27 января 1923 года.

Ленинский поиск, основанный на осознании опасностей авторитаризма, не был понятен Сталину, да и не только ему. Ленин стоял настолько выше своих соратников в интеллектуальном отношении, что довольно часто его голос словно не доходил до их сознания. Ленин шел далеко впереди. Соратники явно не поспевали за его мыслью, не оценили в полной мере его пророческое озарение.

Главная идея, прослеживающаяся во всех последних работах, глубоко оптимистична: у социализма в России есть будущее. Все кардинальные вопросы — индустриализация, переустройство сельского хозяйства на добровольных кооперативных началах, превращение культуры во всенародное достояние, вопросы создания государственного механизма управления — рассматриваются через призму подлинного народовластия, непременной демократизации всех сторон жизни общества. Изложенные контуры плана созидания нового общества требовали и новых людей, которые могли бороться за его реализацию. Сейчас для Ленина это было главным.

Внимательное изучение последних писем, заметок, статей Ленина дает основание говорить о том, что он раньше других увидел опасность авторитарного правления. А. Грамши, рассуждая об истоках цезаризма, высказал однажды интересную мысль о том, что, когда противоборствующие силы истощают друг друга, может вторгнуться третья сила, которая подчинит

себе соперничающие стороны[43]. Но, думается, речь здесь должна идти не только и не столько о конкретных группировках людей, сколько об основных социальных силах страны. Они, эти силы, были представлены рабочим классом, крестьянством и партией, а точнее, как говорил Ленин, "громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией"[44]. Строить социализм можно было лишь на основе исключительно мудрого социального компромисса, предложенного Лениным, — нэпа и постепенной добровольной кооперации деревни. Любой другой путь вел к столкновению с крестьянством, к эрозии свободы, утверждению тоталитарных методов правления. А тоталитарности всегда нужны цезари. Сталин, как и некоторые другие лидеры из окружения Ленина, не смог понять ленинских слов, что наша партия — "маленькая группа людей по сравнению со всем населением страны"[45], что нэп становится главным условием движения к социализму.

Большевики — это продукт городского пролетариата. Союз с крестьянством, если и не мог тогда быть еще равноправным, должен был исходить из возможности крестьянина владеть землей и вести свободную торговлю. Приблизить крестьянина к социализму, как провидчески увидел Ленин, могла только добровольная кооперация, а сцементировать союз двух сил можно было с помощью нэпа. Даже в "тончайшем слое" партии не все поняли глубину замыслов вождя и величину тех опасностей, с которыми народ мог столкнуться на любом ином пути. Другой путь не мог обойтись без насилия, прямого движения к авторитаризму и цезаризму. Так, к несчастью, все и случилось.

Ленин, будучи очень больным, спешил. Судьба могла и не дать ему времени для размышлений о грядущем.

Хотя однажды как будто и блеснул луч надежды: осенью 1922 года ведь смог же Ленин вернуться к активной деятельности! Может, и победит он болезнь?!

Бухарин вспоминал, какое это было для окружающих счастье — видеть Ленина вновь в строю! "У нас сердце замирало, когда Ильич вышел на трибуну: мы все видели, каких усилий стоило Ильичу это выступление. Вот он кончил. Я подбежал к нему, обнял его под шубейкой: он был весь мокрый от усталости — рубашка насквозь промокла, со лба свисали капельки пота, глаза сразу ввалились, но блестели радостным огоньком: в них кричала жизнь, в них пела песнь о работе могучая душа Ильича!

В великой радости, в слезах (выступление состоялось на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г. — *Прим. Д.В.)*, к Ильичу подбежала Цеткин и стала целовать стариковы руки. Смущенный, потрясенный Ильич неловко стал целовать руку Клары. А никто, никто не знал, что болезнь съела уже мозг Ильича, что близок ужасный, трагический конец..."[46]

Видимо, он это чувствовал. Поэтому... Ленин настаивал, просил. Утром 24 декабря Сталин, Каменев и Бухарин обсудили ситуацию: они не имеют права заставить молчать вождя. Но нужны осторожность, предусмотрительность, максимальный покой. Принимается решение:

"1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5 — 10 минут, но это не должно носить характера переписки и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются.

2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений".

Во время болезни у Ленина находились дежурные секретари. Он диктовал записки в Политбюро, просил передать что-либо по телефону товарищам, запрашивал различные данные, материалы, документы. Обычно по очереди у него бывали Н.С. Аллилуева (жена Сталина), М.А. Володичева, М.И. Гляссер, Ш.М. Манучарьянц, Л.А. Фотиева, С.А. Флаксерман. 23 декабря, когда Ленин начал диктовать "Письмо к съезду", дежурила М.А. Володичева. Ее запись в дневнике лаконична:

"В продолжение 4-х минут диктовал. Чувствовал себя плохо. Были врачи. Перед тем, как начать диктовать, сказал: "Я хочу продиктовать письмо к съезду. Запишите!" Продиктовал быстро, но болезненное состояние его чувствовалось"[47].

Глядя в окно, за скрытые заснеженными деревьями дали, Ленин произносит:

— Письмо к съезду...

Ведь в апреле следующего, 1923 года должен состояться очередной, XII съезд партии. Если он не поднимется к его началу, пусть прочтут его письмо делегатам... Фразы отточены, продуманы, давно выношены.

"Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе".

Сделаю отступление. Ленин категоричен: "...ряд перемен в нашем политическом строе". При первом чтении мысль "спотыкается" — речь идет об изменениях в "политическом строе"... Но уже через несколько строк читатель начинает пони-

мать, что Ленин ведет разговор-обращение о самом насущном: о демократии в партии, народовластии в обществе, путях их достижения. Великий мыслитель прозорливо увидел в демократизме важнейший рычаг, средство, наконец — способ существования нового строя. Но давайте процитируем дальше "Письмо к съезду":

"Мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными.

В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни. Мне думается, что нашему Центральному Комитету грозили бы большие опасности на случай, если бы течение событий не было бы вполне благоприятно для нас (а на это мы рассчитывать не можем), — если бы мы не предприняли такой реформы...

Мне думается, что 50 — 100 членов ЦК наша партия вправе требовать от рабочего класса и может получить от него без чрезмерного напряжения его сил.

Такая реформа значительно увеличила бы прочность нашей партии и облегчила бы для нее борьбу среди враждебных государств, которая, по моему мнению, может и должна сильно обостриться в ближайшие годы. Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз.

23.XII.22 г. *Ленин*

Записано М.В."[48].

Замысел Ленина — исторического значения: предпринять "ряд перемен в нашем политическом строе". Как я уже говорил, главная суть этих перемен — обеспечение подлинной демократизации всех сторон жизни партии и государства. Первый шаг на этом пути — шире представить в штабе партии главную силу революции — рабочих. Нужно увеличить состав ЦК в 2 — 3 раза. Шире представительство, полнее обновление, ближе к массам, меньше возможность непомерного влияния конфликтов малых групп на судьбы всей партии. И еще: Ленин предупреждает, международная обстановка в ближайшем, обозримом будущем будет обостряться. Нужно спешить! К слову сказать, даже такие выдающиеся деятели партии, как Бухарин, не поняли этого предостережения, выступили в последующем против достаточно быстрого строительства социализма. Как далеко видел Ленин, а ведь смотрел, казалось, лишь поверх верхушек русских берез!

Думаю, оценивая гений Ленина, следует не забывать, что часто, слишком часто он не был полностью понят его соратни-

ками. Или если и понят, то не вполне поддержан. Вспомним октябрь 1917 года, Брест-Литовск, стратегию нэпа, предложение о расширении ЦК за счет рабочих... Но это, пожалуй, не вина ленинского окружения, а его беда. То, что видел Ленин, не видели соратники. В последний раз он не будет понят и поддержан и после своей смерти: многие его грозные предостережения будут недооценены. Это чрезвычайно дорого обойдется партии и народу. Раньше, даже когда Ленин оставался в меньшинстве, силы его аргументов, страсти и воли было достаточно, чтобы повести за собой верным путем весь революционный караван... Теперь его не будет. Он никогда не узнает о том, что его последняя воля в отношении Сталина не будет исполнена.

Но вернемся к "Письму..."

24 декабря 1922 года:

"Я имею в виду устойчивость, как гарантию от раскола на ближайшее время, и намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства.

Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек".

До сих пор некоторые исследователи недооценивают политический вес Троцкого в то время. "Большая половина опасности" — это отношения между Троцким и Сталиным. Ленин видел, что Троцкий был более популярен, чем генсек, но уже убедился, какой хваткой обладает последний. Натянутые отношения этих центральных теперь фигур грозят вылиться в конфликт, который может расколоть партию.

"Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью"[49].

В чем заключалась "необъятная" власть генсека? На его плечи легло решение всех текущих вопросов, часто жизненно важных для партии. Но главное, в чем проявлялась эта власть, — в подборе, выдвижении партийных кадров в центре и на местах. Тысячи работников... Вначале политические возможности, связанные с расстановкой нужных партработников, не всеми были замечены. К тому же Сталин, в ряде случаев это

уже просматривалось, аппарат отождествлял с партией. Ленин разглядел это раньше других.

"С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела"[50].

Возможно, размышляя перед произнесением очередной фразы, Ленин задумался: "Был бы тверже революционный стержень у этого человека, вышел бы большой руководитель российского масштаба!" Внутренне улыбаясь, Ленин мог вспомнить доклад Троцкого о Красной Армии на последнем съезде. Уже завершая свой анализ, Троцкий вместо обобщающих выводов о путях совершенствования военного строительства заговорил об "элементарном военно-культурном воспитании солдат". Под общее оживление зала Троцкий провозгласил: "Давайте, добьемся, чтобы у солдат не было вшей. Это — огромная важнейшая задача воспитания, ибо тут нужно настойчивостью, неутомимостью, твердостью, примером, повторением освободить массы людей от неопрятности, в которой они выросли и которая в них въелась. А ведь солдат с вошью — не солдат, а полсолдата... А неграмотность? Это — духовная вшивость. Мы должны ее ликвидировать, наверное, к 1-му мая, а затем продолжать эту работу с неослабным напряжением"[51]. Ленину понравилось выражение: "неграмотность — это духовная вшивость". Троцкий был способен на ходу рождать великолепные афоризмы. Как часто в Троцком публицист брал верх над политиком, самолюбование — над здравым смыслом, стремление нравиться окружающим — над элементарной скромностью. Нет, со Сталиным они не уживутся... Оба так амбициозны... То, что он сказал о Сталине, а затем о Троцком, говорит определенно об их полярности...

"Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу...

Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому.

Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы

(из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)"[52].

В дневнике дежурных секретарей М.А. Володичева после ленинской диктовки записала: "На следующий день (24 декабря) в промежутке от 6 до 8-ми Владимир Ильич опять вызывал. Предупредил о том, что продиктованное вчера (23 декабря) и сегодня (24 декабря) является абсолютно секретным. Подчеркнул это не один раз. Потребовал все, что он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать категорически секретным..."[53] К сожалению, Фотиева, работавшая заведующей Секретариатом Совнаркома и также записывавшая диктовки Ленина, несмотря на указания вождя, проинформировала вскоре Сталина (как и некоторых других членов Политбюро) о декабрьских записях... Поэтому "Письмо..." Ленина для руководства партии уже не было неожиданным.

На следующий день Ленин продолжал диктовать свой уникальный документ, который захватит воображение миллионов, но... спустя многие годы.

"25.XII. Затем Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе...

25.XII.22 г. *Ленин*

Записано М.В."[54].

26 декабря Ленин продолжал диктовать "Письмо к съезду", развивая идею расширения внутрипартийной демократии. В этом он видел залог улучшения работы и государственного аппарата. А "он у нас, — писал Ленин, — в сущности, унаследован от старого режима, ибо переделать его в такой короткий срок, особенно при войне, при голоде и т.п., было совершенно невозможно"[55]. При этом Ленин делает важное добавление, что расширение ЦК должно осуществиться не только за счет рабочих, но и крестьян. Владимир Ильич считает необходимым их присутствие и на заседаниях Политбюро. Однако, диктуя эти идеи, он по-прежнему возвращается к конкретным лицам.

Дав исчерпывающую в своем лаконизме характеристику ядру ЦК, Ленин продолжал размышлять над вопросом: кто может стать лидером в случае его ухода? Для него во всей ясности предстало, что пост генсека в его отсутствие становится решающим, с "необъятной властью". Он — признанный вождь де-факто, не в силу должностей, а в силу интеллектуальных и моральных данных. Болезнь властно отстранила его от непосредственного руководства Центральным Комитетом. Автоматически на первые позиции выходил один из членов Политбюро. Сталин не только член Политбюро, но и генсек, ведающий всей работой Секретариата, текущей работой. Становилось ясно, что в случае непоправимого (а Ленин это вполне допускал, иначе не стал бы готовить "Завещание") Сталин попытается закрепить свое положение потенциального лидера. Но этого же может добиваться и Троцкий... Будет борьба, возможен раскол... Нужен еще более конкретный совет-предостережение. И спустя несколько дней, уже в январе 1923 года, В.И.Ленин диктует судьбоносной важности "Добавление к письму от 24 декабря 1922 г.".

"Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.

4 января 1923 г. *Ленин*

Записано Л.Ф."[56].

Знаменательное добавление. Полная определенность в главном: Сталина нужно переместить с поста генсека на другое место. К нему, Сталину, нет пока крупных политических претензий. Он, пожалуй, верен большой идее. Правда, понимает, похоже, ее не так, как надо бы. В то же время политическое реноме Сталина пока не запятнано. Но с политикой всегда рука об руку идет мораль. Если здесь нет гармонии, то родится либо

политиканство, либо диктаторство. В ленинском добавлении — глубокая озабоченность будущим, но нет личной неприязни. Ленин умел подниматься выше нее. "В отношении его к противникам, — писал А.В. Луначарский, — не чувствовалось никакого озлобления, но тем не менее он был жестоким политическим противником... В политической борьбе пускал в ход всякое оружие, кроме грязного"[57]. Прозорливая мысль Ленина увидела в нравственных изъянах сталинского характера нечто такое, что в будущем может вылиться в источник многих бед. Великий провидец не ошибся в своих самых худших предположениях.

Но беспокоит и Троцкий. И главное не только в том, что это чрезмерно самоуверенный человек, у него есть изъяны и в политическом плане. Долгий "небольшевизм" Троцкого не мог пройти бесследно. Амбициозность последнего известна всей партии, его левацкий экстремизм уже не раз приводил Троцкого к противопоставлению всему ЦК. Бонапартистские амбиции Троцкого так сильны, что он счел обидным и неприемлемым для себя принять предложение, сделанное ему в сентябре 1922 года, занять пост заместителя Председателя Совнаркома, заместителя Ленина... Троцкий рассчитывал на особое положение. Он почти не скрывал своего мнения о себе как о гении. Как писал биограф Троцкого И. Дейчер, "реализация ленинского завещания о перемещении Сталина с неизбежностью привела бы Троцкого на пост руководителя партии. Он, Троцкий, был в этом уверен".

Обжигающие в своей откровенности и прямоте оценки Лениным "двух выдающихся вождей" — непреходящий пример партийной принципиальности. К слову сказать, товарищеская прямота всегда была характернейшим качеством настоящих коммунистов. Ее не смогли полностью ликвидировать и годы культа личности. Вот лишь пример из 1942 года, далеко отстоящего от событий, которые рассматриваются на этих страницах.

Полковой комиссар ПУРККА Верхорубов, выезжая на фронты, по существовавшей тогда практике после завершения работы писал краткие характеристики на политработников, чью работу он проверял. Вот что содержит его отзыв о начальнике политотдела 18-й армии бригадном комиссаре Л.И. Брежневе, сохранившийся в личном деле будущего генсека. В первой части характеристики говорится о преданности комиссара идеям партии Ленина — Сталина, о готовности выполнить свой долг. А далее следует несколько фраз такого

содержания: "Черновой работы чурается. Военные знания т. Брежнева — весьма слабые. Многие вопросы решает как хозяйственник, а не как политработник. К людям относится не одинаково ровно, склонен иметь любимчиков". Всего несколько фраз. Но они свидетельствуют, что давняя ленинская традиция выражать свое мнение прямо, честно, открыто, была жива. Читатель сам имеет возможность судить об объективности или субъективности вывода полкового комиссара Верхорубова...

Замечу, что Ленин, предлагая переместить Сталина с поста генсека, не отвечает на вопрос: кто вместо него? И в этом, на мой взгляд, — большая мудрость вождя. Указание конкретной фамилии "принца" походило бы на буквальное "наследование". Этого Ленин позволить не мог. Владимир Ильич верит в мудрость партии, ее ЦК, способных в своем составе, а не только в ядре, о котором упоминал Сталин на XII съезде, найти достойного преемника. Думаю, что попытки делать перестановки возможных альтернативных фигур на шахматной доске истории после уже сыгранной партии — довольно беспредметны. Уверен, что Ленин, охарактеризовав в своем "Письме..." наиболее известных деятелей революции, дал понять, что ни один из них не подходит на роль лидера партии. Ни один! Это ясно из текста его "Завещания". Ясно также и то, что он не предлагает искать этого лидера и среди других руководителей. По моему мнению, Ленин вложил более глубокий смысл в свое "Завещание", чем кажется на первый взгляд. Наиболее вероятно, что гений революции предполагал: тончайший слой "старой гвардии" должен, обязан, способен выступить коллективным вождем. Этот коллективный вождь, создав, сформулировав правовые, политические и нравственные гарантии, предохраняющие от попыток передать власть одному лицу, мог избрать на первую роль любого из одного-двух десятков известных политических деятелей. Тогда не имело бы решающего значения: очень талантлив или менее талантлив выдвинутый руководитель. "Работала" бы прежде всего демократическая система, которая поддерживала бы, в соответствии с конституционными и партийными нормами, только то, что соответствует интересам народа, государства, партии. Только в этом случае можно обеспечить интересы общества, а не аппарата.

Но Сталин смог с помощью именно "старой гвардии" создать не демократическую, а бюрократическую систему. До сих пор никто не может дать удовлетворительного ответа, почему это произошло, почему Сталин неожиданно для всех оказался

на вершине пирамиды власти. Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить историю России с ее самодержавными традициями, надо представить тот низкий уровень политической культуры народа и партии: не забывать отсутствие демократических традиций в новом обществе, однопартийность, которая предъявляет особо высокие требования к социальной зрелости масс, отсутствие правовых гарантий от злоупотреблений властью, как и особенность классовой структуры в СССР.

В ряду этих причин есть еще одна "тайна неуязвимости" Сталина. Думаю, что это оказалось (в личностном плане) решающим: он узурпировал право представлять, толковать, комментировать идеи Ленина. В конце концов его систематическая "защита" ленинизма создала устойчивое представление у миллионов людей, что рядом с вождем всегда был Сталин, его соратник, ученик, продолжатель. Феномен Сталина — это феномен социальный, исторический, духовный, нравственный, психологический. Ленин, готовя "Завещание", как бы чувствовал: генсек способен, используя "необъятную власть", так трансформировать нарождающуюся систему, что она станет олицетворением тоталитарной бюрократии.

Ленину было ясно, что Сталин, говоря словами Ф. Энгельса, "дальше идти" в руководящем ядре партии не должен. Значимость ленинского предостережения в полной мере может быть понята лишь на фоне грядущего триумфа "вождя" и трагедии народа.

За два месяца до XII съезда состоялся Пленум ЦК. На нем были рассмотрены тезисы о реорганизации и улучшении работы центральных органов партии, составленные на основе ленинской статьи "Как нам реорганизовать Рабкрин" (идеи этой статьи были продолжены и развиты Лениным в другой — "Лучше меньше, да лучше"). Исходя из пожеланий Владимира Ильича, было решено организационный вопрос рассмотреть особым пунктом повестки дня съезда. В тезисах указывалось, что целесообразно увеличить состав ЦК с 27 до 40 членов, ввести регулярную подотчетность Политбюро пленумам ЦК. Предполагалось, чтобы на заседаниях Политбюро присутствовали три постоянных представителя ЦКК. Эта группа представителей, писал в своей статье Владимир Ильич, должна будет следить, невзирая на лица, "за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека (разрядка моя. — *Прим. Д.В.*), ни коголибо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел"[58].

Ленин считал, что, кроме контроля съезда над выборным руководящим органом, нужно чтобы в промежутках между форумами коммунистов специальная комиссия контролировала работу ЦК, Политбюро. Пленум в основном согласился с ленинскими выводами и признал необходимым расширить состав Центральной Контрольной Комиссии, установить самую тесную связь между органами государственного и партийного контроля. (Кто мог знать, что в будущем роль ЦКК будет низведена до малозначащих регистраций партийных дел наверху, а затем этот орган будет Сталиным и вообще упразднен?)

Хотя Сталин был генсеком уже около года, его положение внешне ничем не выделялось. Когда участники Пленума ЦК стали рассматривать представленные Сталиным тезисы доклада "Национальные моменты в партийном и государственном строительстве", они были подвергнуты серьезной критике. Пленум принял тезисы лишь за основу, а в постановлении высказал целый ряд принципиальных замечаний. Было решено тезисы после доработки показать Ленину. Текст тезисов, подготовленных самим Сталиным, подтвердил, что и в вопросе, где генсек считался "специалистом", у него много пробелов. Для окончательной разработки тезисов Пленум создал комиссию в составе Сталина, Раковского, Рудзутака[59].

На Пленуме, как бывало часто, особую позицию занял Троцкий. По его словам, расширение состава ЦК лишит его "необходимой оформленности и устойчивости" и в конечном счете "грозит нанести чрезвычайный ущерб точности и правильности работы ЦК". Он предложил создать "Совет партии" из двух-трех десятков выборных лиц. Этот орган, по мысли Троцкого, давал бы директивы ЦК и контролировал его работу. Фактически Троцкий предлагал "двоевластие", "двоецентрие" в партии. Пленум ЦК без долгих дискуссий отверг эти предложения. Сегодня мы знаем, что XII съезд поддержал предложение Ленина и создал объединенный орган ЦКК—РКИ. Так документы ленинского "Завещания" начали "работать" уже при его жизни. Правда, далеко не все.

Известно, что "Письмо к съезду", перепечатанное в пяти экземплярах, было положено в несколько запечатанных конвертов: один — для секретариата Ленина, три экземпляра — для Надежды Константиновны и пятый — для Владимира Ильича. Ленин сказал, чтобы стенографистка М.А. Володичева написала на конвертах: вскрыть может только Ленин, а после его смерти — Крупская. Слова "после смерти" Володичева не решилась отпечатать. Лишь первая часть письма (об увеличении

состава ЦК) была передана Сталину. Предложение об увеличении численности Центрального Комитета было доложено съезду как одно из положений доклада Сталина об организационной деятельности ЦК, однако опять авторство Ленина не упоминалось. Ленин был жив, и конверты с его "Завещанием" не вскрывались. Делегаты съезда единогласно (только его одного!) избрали Ленина в состав нового ЦК и направили теплое приветствие вождю. Председательствующий на заседании съезда Л.Б. Каменев зачитал его под бурные аплодисменты. Хотелось бы привести его полностью.

"От глубины сердца партии, пролетариата, всех трудящихся съезд посылает своему вождю, гению пролетарской мысли и революционного действия, привет и слова горячей любви Ильичу, который и в эти дни тяжелой болезни и длительного отсутствия не менее, чем всегда, сплачивает съезд и всю партию своей личностью.

Более чем когда-либо партия сознает свою ответственность перед пролетариатом и историей. Более чем когда-либо она хочет быть и будет достойной своего знамени и своего вождя. Она твердо верит, что недалек день, когда кормчий вернется к кормилу.

Съезд посылает свое товарищеское и братское сочувствие Надежде Константиновне, жене-соратнице, и Марии Ильиничне, сестре-другу Ильича, и просит их помнить, что все тяжкие тревоги переживаются вместе с ними изо дня в день той великой семьей, которая называется РКП"[60].

В марте 1923 года новый страшный удар потряс Ленина. Отныне непосредственно влиять на положение дел в партии, в частности вмешаться в реализацию своего "Завещания", Владимир Ильич уже не мог. Вопрос о будущем лидере партии встал во весь рост.

Сталин или Троцкий?

Недостаточно выяснен вопрос: к какому съезду готовил Ленин свое "Завещание"? Мы помним, что оно начинается словами: "Я советовал бы очень предпринять на этом (разрядка моя. — *Прим. Д.В.)* съезде ряд перемен..." Можно предположить, что к XII съезду. Но прямо об этом нигде не сказано. В то же время в период работы

самого съезда, в апреле 1923 года, состояние здоровья Ленина было столь тяжелым, что едва ли он мог настоять на том, чтобы "Письмо..." было доведено до делегатов. Возникло положение, не предусмотренное в ленинских распоряжениях. Но есть свидетельства, что он завещал вскрыть конверты лишь после своей смерти. Не исключено, что "Письмо..." адресовалось и к XII и к XIII съезду. Поскольку на XII съезде партии вопрос о генсеке не поднимался, он с новой силой встал перед ЦК после мартовского приступа болезни Ленина, в результате которого он потерял фактически возможность активно общаться.

После марта 1923 года Сталин, продолжая исполнять обязанности генсека, предпринял целый ряд мер по упрочению своего положения. Авторитет Сталина в определенной мере укрепился после XII съезда партии, на котором он выступил с организационным отчетом ЦК и с докладом о национальных моментах в партийном и государственном строительстве, а также с заключениями по этим докладам. Пожалуй, он больше всех был на виду у делегатов съезда. В доклады ЦК Сталин привнес немало личных моментов, и прежде всего ярко выраженный схематизм. Он всегда любил все раскладывать "по полочкам", выстраивать мысли по ранжиру. Это обычно производит впечатление, т.к. усиливает ясность, четкость, определенность идеи. Так, именно он ввел в оборот идею о "приводных ремнях", соединяющих партию с народом. Первым, основным "приводным ремнем" он назвал профсоюзы, где теперь, по его словам, "у нас сильных противников нет". Второй "ремень" — кооперативы: потребительские, сельскохозяйственные. Но здесь, признал Сталин, "мы все еще не в силах высвободить первичные кооперативы из-под влияния враждебных нам сил", имея в виду кулака. Третьим "приводным ремнем", по мнению докладчика, являются союзы молодежи. Атаки противника в этой области особенно настойчивы. Далее он перечисляет, раскладывает по нишам другие "ремни": женское движение, школа, армия, печать... При этом Сталин старается давать всем этим элементам свои, по-своему крылатые выражения: печать — "язык партии", армия — "сборный пункт рабочих и крестьян" и т.д.[61] Характерно, что генсек в своем докладе очень мало говорит собственно о *содержании* работы этих "приводных ремней", но зато очень много о том, какие враждебные силы "здесь нам противостоят". Бесспорно, классовая борьба продолжалась, но теперь уже больше в скрытых, неявных формах, однако Сталин по-прежнему жил исключитель-

но борьбой, схватками, противоборствами с явными и мнимыми противниками...

Еще несколько лет назад, в бурные дни Октября, в годы гражданской войны, он не мог и предположить, что обстоятельства сложатся таким образом, что он станет реально претендовать на самые высшие посты в партии и государстве. Судьба причудлива. Человек, у которого не было ни образования, ни профессии, ни обаяния или вулканической энергии революционера, неожиданно для всех оказался у самых вершин пирамиды власти. Вот здесь-то он и показал потенциальным соперникам, что тонкий расчет, помноженный на умелое манипулирование аппаратом, значит очень много. Особенно если активно "защищать" ленинизм. Разумеется, так, как его понимал Сталин.

К слову сказать, нынешние оппоненты Сталина часто атакуют его за сокрытие положения дел. До конца 20-х годов этого еще не было — ленинская традиция гласности умерла не сразу. В этом можно убедиться, взяв в руки общедоступные партийные документы, газеты тех лет. Так, в докладе на XII съезде партии Сталин с горечью говорил о голоде в 1922 году, его последствиях, "ужасающей депрессии промышленности", распылении рабочего класса и других горьких вещах. Что было, то было. Сталин тогда все это не скрывал. После мартовского приступа у Ленина Сталин стал проявлять повышенную активность, все реже советуясь с Зиновьевым, Каменевым, еще реже с Бухариным и крайне редко — с Троцким. Политический авторитет Сталина в партии стал медленно, но неуклонно расти, что прежде всего выразилось в усилении влияния генсека в Политбюро. А этого он добился путем постепенной изоляции Троцкого, чего, в свою очередь, нельзя было осуществить без поддержки Зиновьева и Каменева.

"Однажды на Политбюро, — рассказывал мне А.П. Балашов, старый большевик, работник секретариата Сталина, — вспыхнула перепалка между Зиновьевым и Троцким. Все поддержали точку зрения Зиновьева, который бросил Троцкому: "Разве вы не видите, что вы в "обруче"? Ваши фокусы не пройдут, вы в меньшинстве, единственном числе". Троцкий был взбешен, но Бухарин постарался все сгладить. Часто бывало, — продолжал Балашов, — когда до заседания Политбюро или какого-то совещания у Сталина предварительно встречались Каменев и Зиновьев, видимо, согласуя свою позицию. Мы в секретариате между собой эти встречи "троицы" у Сталина так и называли — "обруч". В 20-е годы у Сталина было всегда

7 1305

по два-три помощника. В разные годы это были Назаретян, Каннер, Двинский, Мехлис, Бажанов... Все они знали о резко отрицательном отношении Сталина к Троцкому и действовали в аппарате соответственно..."

Сталину удалось привлечь Зиновьева и Каменева на свою сторону без особого труда, ибо и тот и другой, вынашивавшие весьма честолюбивые планы, особенно Зиновьев, больше опасались Троцкого, чем Сталина. Поэтому, когда 8 октября 1923 года Троцкий направил письмо членам ЦК, содержавшее резкую критику партийного руководства, Сталин не преминул этим воспользоваться, тем более что объективно он во многом был прав, выступая против домогательств своего оппонента.

Троцкого поддержала группа большевиков, подписавших так называемую "платформу 46-ти". Среди них находились и такие известные в партии люди, как Преображенский, Пятаков, Косиор, Осинский, Сапронов, Рафаил, и другие. В качестве главного упрека ЦК Троцкий выдвигает тезис о том, что "партия не имеет плана дальнейшего движения вперед". Вновь повторяет свои идеи "о жесткой концентрации промышленности", предусматривавшей закрытие ряда крупных заводов, "ужесточении политики в отношении крестьянства", вновь настаивает на политике "милитаризации труда". На этом стоит остановиться подробнее.

Еще на IX съезде РКП(б) в своей речи Троцкий провозгласил: "...Рабочая масса не может быть бродячей Русью. Она должна быть перебрасываема, назначаема, командируема точно так же, как солдаты. Это есть основа милитаризации труда, и без этого ни о какой промышленности на новых основаниях серьезно говорить, в условиях разрухи и голода, мы не можем"[62]. Спустя три года Троцкий по-прежнему будет считать, что в своей основе применение военных методов в промышленности и сельском хозяйстве не утратило своего значения. Будучи певцом "казарменного коммунизма", Троцкий часто противоречил себе: с одной стороны, любил говорить об отсутствии демократии в партии, с другой — настаивал на использовании методов милитаризации как универсальных в переходный период. Так или иначе, затеянная Троцким осенью 1923 года дискуссия по экономическим вопросам в условиях, когда Ленин был тяжело болен, в известной мере компрометировала политику ЦК по этим вопросам, но прежде всего Сталина как генсека. Но получилось все наоборот: авторитет Троцкого падал, влияние Сталина росло.

В октябре 1923 года объединенный Пленум ЦК и ЦКК

РКП(б) осудил Троцкого. Его поддержали лишь два человека из 114 участвовавших в заседании. Фактически еще до начала борьбы за место лидера в партии Троцкий оказался в одиночестве. Поражение Троцкого было полное. Тогда он попытался опереться на армию, где еще имел немалый авторитет. С помощью начальника ПУРа Антонова-Овсеенко, своего давнего сторонника, Троцкий намеревался использовать вооруженные силы для демонстрации несогласия с линией ЦК. Однако и коммунисты армии и флота, за небольшим исключением, не поддержали Троцкого. Итоги дискуссии подвела XIII партконференция (январь 1924 г.), не только осуднвшая Троцкого, но и принявшая ряд важных решений в области экономической политики. Впоследствии Троцкий признавал, что атаки на ЦК, днскуссии, затеваемые им, имели цель стать лидером РКП(б). Однако бросается в глаза, что каждую свою дискуссию Троцкий начинал в крайне неудачный для себя момент, практически заранее зная, что его ждет поражение. Троцкий, переоценивая свое интеллектуальное влияние, явно недооценил "хватки" Сталина, его умения вести политическую борьбу с использованием любых средств.

Символично, что именно тогда, когда Троцкий разжег в октябре 1923 года междоусобный костер борьбы в партии, Ленин последний раз посетил Москву. Как будто чувствуя, что его опасения в отношении раскола в руководстве партии могут стать реальностью, он вопреки воле врачей 18 октября приезжает на автомобиле в столицу. Глядя на здание ЦК, Совнаркома, Ленин, вероятно, думает, что октябрьский выпад Троцкого — это новый этап борьбы за лидерство в партии. Почему у этих людей столь сильные личные амбиции? Что питает их властолюбие? Неужели они не понимают, что революция может победить, лишь уняв цезаристские мотивы?.. На следующий день он внимательным взором последний раз, из автомобиля, окинул площадь и соборы Кремля, улицы Москвы, павильоны Сельхозвыставки. Вернувшись в Кремль, Ленин отобрал в библиотеке книги и возвратился в Горки. Встреч с соратниками не было. Его безмолвное и полутайное посещение Москвы, Кремля было как бы прощанием вождя со столицей, со всем тем, что его связывало с этим беспокойным и смятенным миром...

Правомочно спросить, каково политическое лицо Троцкого, человека, претендовавшего после смерти Ленина на самую первую роль? Известно, что со II съезда партии он примкнул к меньшевикам. В июле 1917 года Троцкий в составе т.н. "меж-

районцев" (около 4 тыс. человек) на VI съезде партии был принят в ее ряды и сразу же избран в состав ЦК. В дни Октября, будучи председателем Петроградского Совета, Троцкий проделал большую работу. Это отмечал и Сталин. В своей речи на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС "Троцкизм или ленинизм?" он подчернул, что "далек от того, чтобы отрицать несомненно важную роль Троцкого в восстании... Да, это верно, тов. Троцкий действительно хорошо дрался в период Октября. Но в период Октября хорошо дрался не только тов. Троцкий...".

Действительно, Троцкий в революции, в гражданской войне быстро завоевал себе большую популярность благодаря незаурядным организаторским и ораторским качествам, мастерству публициста. Известна высокая оценка, которую дал Троцкому Ленин осенью 1917 года. Говоря о выдвижении кандидатов партии в Учредительное собрание, Ленин сказал, что "никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Троцкого, ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во-вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата"[63].

Видимо, будет исторической правдой сказать, что на определенном этапе — накануне и после Октябрьского восстания, в ходе гражданской войны и сразу после нее — Троцкий по популярности уступал только Ленину. Это был один из самых известных вождей Октября. При перечислениях фамилий тогда не пользовались алфавитным принципом, и Троцкий всегда (или почти всегда) шел вторым после Ленина. В протоколах пленумов ЦК за 1918 — 1921 годы присутствовавшие на них члены руководящего партийного органа, как правило, перечислялись следующим образом: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Рудзутак, Томский, Рыков, Преображенский, Бухарин, Калинин, Крестинский, Дзержинский, Радек, Андреев... Так были перечислены, например, члены ЦК на заседании Пленума ЦК РКП(б) от 20 — 21 ноября 1920 года[64]. Но популярность Троцкого не выражалась в большом количестве его личных сторонников. Складывалась парадоксальная картина: Сталин, не будучи лично популярным, олицетворял "линию" партии. Троцкий, заметно более популярный деятель, рано приобрел печать "фракционера", что не могло серьезно прибавить ему единомышленников. К тому же, как писал И. Дейчер, "Троцкий был настолько уверен в своем положении в партии и

в стране, в своем превосходстве над противником, что долго не хотел ввязываться в открытую борьбу за преемственность". Он был убежден, что после Ленина партия обязательно остановит выбор на нем.

Однако при внимательном анализе работ Троцкого видно, что многие основополагающие идеи Ленина он не всегда разделял. Например, в своей борьбе со Сталиным, вспыхнувшей после смерти Ленина, он пытался взять на вооружение идеи социалистической демократии, оставаясь приверженцем авторитарных методов. Складывалось впечатление, что он ближе стоял к бонапартизму, цезаризму, военному диктаторству, чем к идее подлинного народовластия. Они были ровесниками со Сталиным (оба родились в 1879 г. с интервалом в полтора месяца). Но интеллект Троцкого был более изощренным, более ярким и богатым. Ему были свойственны, как свидетельствуют люди, знавшие его, и многочисленные биографы Троцкого, живость мысли, солидная европейская культура, неукротимая энергия, широкая эрудиция, блестящая манера оратора. Но, переоценивая значимость своей персоны, Троцкий был со всеми (за исключением Ленина) высокомерен, заносчив, авторитарен, категоричен, нетерпим к другим мнениям. А за это люди, естественно, недолюбливали его. Троцкий оказался слабым политиком и далеко не всегда глубоким теоретиком. Отсутствие прочных марксистских убеждений сделало его "героем момента", наивным пророком, несостоявшимся диктатором.

Сталин постепенно нащупал слабые пункты натуры Троцкого и с максимальной последовательностью использовал их в борьбе с ним. Троцкий не очень заботился о "причесанности" и взвешенности своих многочисленных выступлений, замечаний, высказываний, думая больше об их афористичности, парадоксальности и образности. Однажды в разговоре с Лениным Троцкий бросил "крылатую фразу", которая стала известна Сталину: "Кукушка скоро прокукует смерть Советской Республике". Другой раз, в беседе с делегатами Конгресса Коминтерна, он заметил, что если не вспыхнет революция в Европе или Азии, то "может погаснуть факел в России". Отныне у Сталина появился "железный" аргумент для обвинения Троцкого в неверии и капитулянтстве. И чем больше впоследствии оправдывался Троцкий, тем больше он в глазах других обвинял себя. Сталин уже тогда проявил себя исключительно цепким и изощренным бойцом, устоять против которого политическому или идеологическому противнику было очень непросто.

Если практическая деятельность Троцкого в годы революции и гражданской войны заслуживает в значительной мере положительной оценки, правда, с рядом существенных оговорок, то в политическом отношении этот "выдающийся вождь" часто преследовал лишь свои узкоэгоистические, карьеристские цели. Это был сторонник жестких методов, репрессий и смертной казни на фронте. В своих мемуарах он так излагает свое кредо: "Нельзя армию строить без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. Надо ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади"[65].

В.И. Ленин, как и многие другие руководители партии, отмечая большие организаторские и литературные способности, крайнее честолюбие Троцкого, видел его политическую ограниченность, заключавшуюся в левацком понимании многих важнейших идей марксизма. С особой силой это выразилось в известной работе Троцкого "Перманентная революция".

А.М. Горький вспоминает, что он был удивлен высокой оценкой, которую дал Ленин организаторским способностям Троцкого. "Заметив мое удивление, Владимир Ильич добавил:

— Да, я знаю, о моих отношениях с ним что-то врут. Но — что есть — есть, а чего нет — нет, это я тоже знаю. Он вот сумел организовать военных специалистов.

Помолчав, он добавил потише и невесело...

— Честолюбив. И есть в нем что-то... нехорошее, от Лассаля"[66].

Действительно, Троцкий с редкой настойчивостью проводил в жизнь ленинскую идею об использовании старых специалистов в интересах революции. Именно по его инициативе и предложению на заседании ЦК 25 октября 1918 года было принято решение освободить из-под ареста всех офицеров, взятых в качестве заложников. В постановлении ЦК указывалось, что те из них, в отношении которых не будет обнаружена принадлежность к контрреволюционному движению, могут быть приняты в Красную Армию. Правда, здесь же было оговорено, что они "должны предоставить список своих семейств", и им указывается, что "семьи будут арестованы в случае их перехода к белогвардейцам". Сталин запомнил это заседание ЦК. Предложения Троцкого о бывших царских офицерах тогда поддержали, а проект Сталина о привлечении к военному трибуналу командующего и члена Военного совета Южного фронта отклонили. Сталин оба эти решения расценил как "интеллигентский либерализм", особенно в отношении бывших офицеров.

Карл Радек в первом издании своих "Портретов и памфлетов" в статье "Лев Троцкий" пишет, что ему "благодаря своей энергии удалось подчинить бывшее кадровое офицерство... Он сумел завоевать себе доверие лучших элементов специалистов и превратить их из врагов Советской России в ее убежденных сторонников. Я помню ночь, когда пришел ко мне в комнату покойный адмирал Альтфатер, один из первых офицеров старой армии, который начал не за страх, а за совесть помогать Советской России, и сказал мне просто: "Я приехал сюда потому, что был принужден. Я вам не верил, теперь буду помогать вам и делать свое дело, как никогда я этого не делал, в глубоком убеждении, что служу родине".

Троцкий, пишет Радек, был беспощадным человеком. Когда возникла смертельная опасность Советской России, Троцкий не останавливался ни перед какими экономическими, материальными и людскими жертвами. В этом он был похож на Сталина. Троцкий, вспоминает Радек, сказал парадоксальную фразу: "Мы ограбили всю Россию, чтобы победить белых". В своем очерке Радек идеализирует Троцкого, приписывает ему много из того, что отличало не только его. Но сегодня ясно, что Ленин, видя ум и большие организаторские и пропагандистские способности Троцкого, долго пытался "довернуть" его в нужную сторону. И наверняка, живи дольше Ленин, судьба Троцкого была бы иной.

Почти по всем основным вопросам Троцкий расходился со Сталиным, часто и с партией. Как пишет известный американский историк С. Коэн, Троцкий, например, в "нэпе увидел первый признак вырождения большевизма и утраты радикального характера русской революцией". Его предложения о "диктатуре промышленности", развертывании "трудовых армий", необходимости "крови и нервов" для достижения цели при внешнем левачестве были крайне опасны. Троцкий, продолжает С. Коэн, "почувствовал, что, когда гражданская война закончилась, завершилась и кульминационная точка его судьбы"[67].

Задним числом, уже в эмиграции, Троцкий будет усиленно распространять версию, что Ленин хотел привлечь его в "блок" против Сталина и вместе с ним, Троцким, сместить генсека на XII съезде партии. В книге "Моя жизнь" Троцкий пишет: "...Ленин систематически и настойчиво ведет дело к тому, чтобы нанести на XII съезде, в лице Сталина, жесточайший удар бюрократизму, круговой поруке чиновников, самоуправству, произволу и грубости... Ленин успел в сущности только **объявить** войну Сталину и его союзникам, причем и об этом узна-

ли лишь непосредственно заинтересованные, но не партия"[68]. Зачем понадобились эти, не лишенные здравого смысла откровения Троцкому? А прежде всего затем, чтобы заявить: Ленин видел его, Троцкого, своим преемником. С этой целью он по-своему комментирует ленинское "Письмо к съезду" и делает вывод: бесспорная цель завещания — облегчить ему руководящую работу. Вот в этих словах весь потаенный (да и потаенный ли?) смысл долгой борьбы Троцкого. Он никогда не сможет смириться с горечью личного краха. Ведь он уже видел себя лидером, диктатором, вождем.

О сомнительности версии Троцкого говорят сами ленинские строки. Ленину совсем ни к чему был "блок" с Троцким для смещения Сталина. Авторитет Ленина был непререкаемым. Другое дело, что иногда в силу разных "высот" интеллектов его не понимали. Когда Владимир Ильич заболел, это непонимание кое-кто пробовал объяснить последствиями болезни, трудностью общения, оторванностью вождя от жизни. Однако не вызывает сомнений: если бы Владимир Ильич был здоров, одно его личное предложение о замене генсека на заседании Политбюро, подкрепленное, как всегда, глубокими аргументами, сделало бы свое дело. Ленин счел неудачной фигуру Сталина на посту генсека, но, видимо, не менее неудачной была бы и кандидатура Троцкого. Оба "выдающихся вождя" не должны были подниматься на капитанский мостик гигантского российского корабля.

До смерти Ленина отношения Сталина с Троцким были сложными. Сталин вначале даже внутренне восхищался "трибуном", но впоследствии довольно быстро понял, что "форма" Троцкого еще не отражает всей глубины его вождистского содержания. Сталин, возможно, раньше других, не считая, разумеется, Ленина, почувствовал, понял, что Троцкий замахнулся на роль преемника вождя. Постепенно внутренняя неприязнь Сталина к Троцкому усилилась, а затем вылилась в тщательно скрываемую (до поры до времени) ненависть. Для себя Сталин своего врага мысленно называл "авантюристом", "жуликом", перефразируя ленинские слова о "жульничании" бывшего меньшевика Троцкого. Сталин, обладая отличной памятью, нанизывал многочисленные ошибки, зигзаги, повороты, авантюры Троцкого на нить своих будущих аргументов, разоблачений, критики, осуждения... Он не забыл левацкой "революционной" фразы Троцкого во время Бреста; помнил, как Троцкий отдал приказ расстрелять большую группу политработников Восточного фронта за измену нескольких военспецов (трагедию уда-

лось предотвратить лишь благодаря вмешательству Ленина); держал в уме нелепое предложение Троцкого о посылке корпуса кавалерии в Индию для инициирования революции; памятовал о "кукушке" Троцкого, которая была готова куковать конец Советской власти...

Сталина до сих пор возмущало поведение Троцкого как наркомвоенмора, разъезжавшего в гражданскую войну по фронтам в специальном поезде, в сопровождении одного, а то и двух бронепоездов, заполненных затянутыми в кожу молодыми приверженцами "пролетарского вождя". Не нравилось генсеку, да и не только ему, что вскоре после революции Троцкий окружил себя большим штатом помощников и секретарей. Глазман, Бутов, Сермукс, Познанский, другие "оруженосцы" помогали Троцкому вести большой архив, переписку, готовить тезисы и материалы к бесчисленным статьям и выступлениям, давали ему нередко и творческие импульсы. Троцкий в этом отношении предвосхитил роль интеллектуального окружения политических деятелей конца XX века, которые нередко просто беспомощны без такого аппарата.

Генсек был убежден, что Троцкий в революции, гражданской войне, в первые годы перехода на мирные рельсы смотрел на все многочисленные проблемы России в немалой мере лишь через призму своих узкокарьеристских, эгоистических, властолюбивых интересов, не учитывал всей сложности сложившейся социально-политической ситуации. Вскоре их отношения характеризовались уже глубокой взаимной неприязнью. К слову сказать, у Троцкого сложились плохие отношения не только со Сталиным. Не скрывая обычно своего "превосходства" над другими, он фактически никогда не имел в руководстве близких сторонников. Даже кратковременный союз с Зиновьевым и Каменевым, который возникнет позже, будет "склеен" на беспринципной, антисталинской основе. Но, надо сказать прямо, Троцкий сильно недооценил Сталина, эту "выдающуюся посредственность", как он стал говорить открыто после того, как его вывели в 1926 году из состава Политбюро.

После мартовского приступа болезни Владимира Ильича Сталин внутренне считал себя просто обязанным не допустить Троцкого к руководству партией. Поражение последнего в развязанной его сторонниками дискуссии заметно уменьшило шансы Троцкого, независимо от того, какое решение принял бы съезд по ленинскому "Письму..." Сталин был убежден, о чем он впоследствии не раз говорил в узком кругу (возможно, для своего оправдания), что, приди к руководству партией Троц-

кий, революционным завоеваниям угрожала бы смертельная опасность.

Троцкий не только недооценил волю и изощренный ум Сталина, но и своими бесконечными выпадами, дискуссиями, полемическими статьями невольно поднял авторитет Сталина, который в этих условиях уже выступал как защитник ленинского наследия, хранитель единства партии. Чем больше "наскакивал" Троцкий на Сталина, тем сильнее падала его популярность. И дело здесь не в Сталине, а в сложившемся общественном мнении о том, что Троцкий атакует линию партии. По существу, Троцкий сам помог Сталину укрепить его политические позиции. Сталин в глазах членов партии как будто ни разу не "качнулся" вправо или влево, проявляя "гибкость" (а порой и изощренную хитрость), опираясь в борьбе с Троцким на своих будущих противников Зиновьева и Каменева.

Январь 1924 года навсегда останется для трудящихся мира, всех советских людей горьким до острой боли временем. Еще 19 января М.И. Калинин докладывал на Политбюро, что врачи, которые лечат, наблюдают за здоровьем Ленина, выражают определенный оптимизм, что он сможет постепенно вернуться к политической деятельности. Он ходит, ему читают материалы, появились проблески надежды... Но все надежды рухнули в одночасье...

Кому нужно в полуразрушенной стране вечно спорящее руководство? Именно об этом парадоксе напомнила XIII партконференция, которая состоялась в середине января 1924 года. Она обсудила очередные задачи экономической политики и дала политическую оценку троцкистской оппозиции.

19 и 20 января Н.К. Крупская постепенно, "дозами", читала В.И.Ленину материалы партконференции. Когда в субботу, вспоминала позднее Надежда Константиновна, во время моего чтения Владимир Ильич стал волноваться, я сказала ему, что резолюции приняты единогласно. Обсуждение вопроса об оппозиции шло остро. Зиновьев и Каменев, будущие союзники Троцкого, требовали на конференции его вывода из состава Политбюро и ЦК. Возможно, Ленин увидел в этом факте признаки раскола, истоки усиления одной личности? Нетрудно представить, как было тяжело Ленину, находясь на протяжении многих месяцев в полной ясности сознания, не принимать активного участия в партийных делах! Все видеть, слышать, понимать, много думать и быть бессильным... Могучая мысль была в немом заточении... Можно только догадываться

о глубине духовной трагедии гения. Ленин понимал, что его предположения о возможности обострения фракционной борьбы в партийном руководстве — грозная реальность.

Днем 21-го произошло резкое ухудшение в состоянии здоровья В.И.Ленина.

Евдокия Смирнова, работница швейной фабрики, которая со дня мартовского приступа Ленина помогала Надежде Константиновне ухаживать за больным Лениным, вспоминала:

— Утром, как всегда, подала я ему кофе, а он поклонился приветливо и прошел мимо стола, а пить не стал, ушел к себе в комнату и лег. Я ждала его до 4 часов с горячим кофе, все думала проснется, выпьет. А уж ему плохо стало. Спросили у меня горячие бутылки... Пока их наливали да принесли, они уж не нужны ему были...

Вечером, в 18.50, Ленина не стало. Патологоанатомическое исследование подтвердило диагноз врачей, что основой болезни явился резко выраженный склероз сосудов мозга от чрезмерной напряженной умственной деятельности, непосредственной причиной смерти — кровоизлияние в мозг. Троцкий, находившийся на юге, по каким-то неясным причинам не прибыл на похороны, хотя в его распоряжении было достаточно времени. С Тифлисского вокзала 22 января он передал по телеграфу в "Правду" коротенькую статью. В ней есть такие строки:

"И вот нет Ильича. Партия осиротела. Осиротел рабочий класс. Именно это чувство порождается прежде всего вестью о смерти учителя, вождя.

Как пойдем вперед, найдем ли дорогу, не собьемся ли?..

Наши сердца потому поражены сейчас такой безмерной скорбью, что мы все, великой милостью историн, родились современниками Ленина, работали рядом с ним, учились у него...

Как пойдем вперед? — С фонарем ленинизма в руках..."[69].

Было бы кощунственно ставить под сомненне искренность скорбных слов Троцкого. Перед Лениным не мог не преклоняться и Троцкий.

Ночью 22-го состоялся экстренный Пленум ЦК, а 27 января гроб с телом Ильича был установлен в Мавзолее на Красной площади. На II Всесоюзном съезде Советов, открывшемся 26 января, были приняты решения об увековечении памяти В.И.Ленина. Траурное заседание II съезда Советов проходило в затянутом в креп Большом театре.

В 6 часов 20 минут вечера Председатель ЦИК СССР М.И. Калинин обращается с предложением к членам Президиума ЦИК СССР и членам ЦК РКП(б) занять места за столом

президиума. В нашей литературе до недавнего времени дело изображалось так, будто на заседании выступал один Сталин со своей "клятвой". Но все было иначе. Первым выступил Калинин, затем Крупская, Зиновьев. Председатель Исполкома Коминтерна Зиновьев прямо спросил присутствующих: "...Сумеем ли мы провести нашу страну дальше, в тот край обетованный, который предносился (так в тексте. — *Прим. Д.В.)* духовному взору Владимира Ильича? Сумеем ли мы, хотя бы с грехом пополам, напрягая все силы коллективного разума и коллективной организованности, выполнить то, чему учил нас Владимир Ильич?" Выступали Бухарин, Клара Цеткин, Томский, Ша-Абдурасулев, Краюшкин, Сергеев, Нариманов, Зверева, Каменев. В выступлении последнего была выражена интересная мысль: "Он никогда не боялся остаться один, и мы знаем великие поворотные моменты в истории человечества, когда этот вождь, призванный руководить человеческими массами, был одинок, когда вокруг него не было не только армий, но и группы единомышленников... Единственно, что не оставляло его никогда, — это вера в творчество подлинных народных масс"[70]. Держали слово на заседании Ольденбург, Ворошилов, Смородин, Рыков. Сталин выступал четвертым, после Зиновьева.

Речь Сталина (как обычно, текст готовил он сам, с последующим ознакомлением с ней членов Политбюро) была выдержана в патетической манере клятвы. "Катехизисное" мышление и здесь дало о себе знать. Все разложено по "полочкам". Призвал создать "царство труда на земле, а не на небе". Но в его речи было и нечто такое, что всегда, до последних дней его жизни, будет присуще ему, Сталину, — гимн силе, готовности к жертвам: "мы не пощадим сил", "отражая бесчисленные удары", "сила нашей страны", "в этом наша сила", "не пощадим своей жизни"[71]. Сталин от имени партии клялся хранить звание члена партии, ее единство, укреплять диктатуру пролетариата, крепить союз рабочих и крестьян, укреплять союз братских республик, верность интернационализму. В речи не было упомянуто ни о народовластии, ни о социалистической демократии, ни о свободе. Возможно, они подразумевались в русле упрочения диктатуры пролетариата? Ведь она имеет не только насильственную сторону! Однако, скорее всего, Сталин просто в этих "тонкостях" не нуждался.

Начиналась новая глава истории. Преемником Ленина на посту Председателя Совнаркома стал А.И. Рыков, на пост Председателя Совета Труда и Обороны был выдвинут Л.Б. Ка-

менев. Сталин, оставаясь генсеком, стал ждать решения XIII съезда партии, где согласно воле умершего Ленина должны были зачитать его "Письмо к съезду". Но знал ли он об этом "Письме..."? На этот счет есть разноречивые свидетельства.

Дальние истоки трагедии

Есть события, которые до поры до времени остаются в тени истории, хотя они заслуживают неизмеримо большего. Это касается, в частности, судьбы ленинского "Письма к съезду". Я уже говорил, что, вероятнее всего, письмо было адресовано делегатам XII съезда партии, но до них, в силу ряда причин, доведено не было. По-моему, Марк Аврелий писал: по-разному летают мысль и стрела; мысль, даже когда она осторожна, рассматривая что-либо, несется тем не менее прямо к своему предмету. Мысли Ленина, изложенные в его "Письме...", "неслись к своему предмету", встречая немало препон. Похоже, для конкретного исторического момента они не смогли, в силу противодействия, сыграть ту роль, на которую были рассчитаны, но для будущего их роль неоценима. В истории политической мысли они останутся как предупреждение-пророчество, гласящее: самые высокие и благородные цели требуют для своей реализации моральной чистоты.

Письмо Ленина от 24 — 25 декабря 1922 года, как и добавление от 4 января 1923 года, перепечатанные и уложенные в конверты, Крупская в соответствии с волей Владимира Ильича передала в ЦК партии 18 мая 1924 года, за пять дней до открытия очередного, XIII съезда РКП(б). В специальном протоколе, фиксирующем передачу этих бесценных документов, рукой Крупской записано: "Мною переданы записи, которые Владимир Ильич диктовал во время болезни с 23 декабря по 23 января, — 13 отдельных записей. В это число не входит еще запись по национальному вопросу (в данную минуту находящаяся у Марии Ильиничны).

Некоторые из этих записей уже опубликованы (о Рабкрине, о Суханове). Среди неопубликованных записей имеются записи от 24 — 25 декабря 1922 года и от 4 января 1923 года, которые заключают в себе личные характеристики некоторых членов Центрального Комитета. Владимир Ильич выражал твердое желание, чтобы эта его запись после его смерти была

доведена до сведения очередного партийного съезда. *Н. Крупская*"[72].

Пленум, состоявшийся накануне съезда, по докладу комиссии, принимавшей ленинские бумаги, принял следующее постановление: "Перенести оглашение зачитанных документов, согласно воле Владимира Ильича, на съезд, произведя оглашение по делегациям и установив, что документы эти воспроизведению не подлежат, и оглашение по делегациям производится членами комиссии по приему бумаг Ильича"[73].

Это был первый съезд без Ленина. Политический доклад делал Зиновьев. Начал чтение доклада необычно взволнованно, сказав: "...В сегодняшней "Правде" один из наших родных рабочих-поэтов прекрасно изобразил настроение партии, относящееся как раз к данному моменту съезда:

Видно, у мыслей
Дрогнули колени,
В омуте глаз
Заблудилась тоска.
— Политотчет Цека...
Читает... читает...
Не Ленин...

Без Ленина, без светильника, без самой гениальной головы на земле приходится нам разрешать теперь те громадной важности вопросы, от которых зависят судьбы нашей партии..."[74]

В пространном докладе Зиновьева рассматривался широкий комплекс вопросов: об итогах года, о факторе времени в социалистических преобразованиях, о работе ЦК и Политбюро, об итогах дискуссии, о национальном вопросе, международном положении, работе РКП(б) в Коминтерне, о результатах нэпа, о ленинском плане кооперации. В докладе есть специальный раздел и о том, чтобы РКП(б) "не была только партией города", о "культурных ножницах" и т.д. Однако ни в докладе Зиновьева, ни в орготчете Сталина вопросы, поднятые Лениным в его последних письмах, фактически не были затронуты. Едва ли это было сделано умышленно. Просто интеллектуальный уровень соратников Ленина (хотя он и был в целом высоким) не мог, повторю, обеспечить такого глубокого и прозорливого взгляда в будущее, как у Владимира Ильича. Ленин ведь не просто изложил "план построения социализма", как принято было у нас говорить, в области индустриализации, коллективизации и культуры. Здесь тоже сказался схематизм мышления Сталина, привыкшего все расчленять и упрощать до неузнаваемости. Ленинское "Завещание" — это его концепция социализма, в центре которой — человек, а также вопросы,

рассматривающие гарантии народовластия, демократии и гуманизма нового строя. По сути, Ленин искал пути: как не допустить отчуждение рабочего человека, труженика от его власти? Как победить нарождающуюся бюрократию? Как сделать демократичным, гибким аппарат, как поднять роль общественного контроля? Как сделать плоды свободы доступными для всех? Все эти вопросы и составляли суть ленинского намерения о "ряде перемен в нашем политическом строе".

К великому сожалению, Политбюро, его ядро — Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Бухарин или не поняли, или не захотели, а может быть, не смогли в полной мере понять гениальных замыслов Ленина. XIII съезд партии, рассматривая многие важные вопросы текущей жизни, решал задачи сегодняшнего дня, а не завтрашнего. Центральная идея ленинского "Завещания" о развитии народовластия не стала главной идеей работы съезда. Здесь едва ли не главный исток будущих бед.

Вопросы расширения демократической стороны диктатуры пролетариата, обновления руководящих органов, широкое привлечение масс к решению государственных вопросов фактически не поднимались. Сталин лишь коснулся вопроса расширения ЦК. Однако мы помним, Ленин говорил о расширении ЦК за счет рабочих и крестьян. В то же время и на XII и на XIII съездах это расширение было осуществлено, пусть и за счет достойных людей, но в подавляющем большинстве — профессиональных революционеров. Новых членов ЦК из числа рабочих и крестьян избрано было очень мало. А это, согласитесь, далеко не одно и то же.

В политическом докладе Зиновьева вопросы социалистической демократии, о которой так заботился Ленин, были освещены своеобразно, а точнее — односторонне. Докладчик привел высказывание одного инженера завода, специалиста, заявившего, что мало дать людям предметы первой необходимости, им нужно дать "права человека". Пока не имеем этих прав, заявил инженер, мы будем инертны. Пока не будет признано, что "человек — высшая ценность в государстве", у людей будет низкая общественная и трудовая активность. Нельзя не признать проницательности этих суждений. Правда, наряду с этими глубокими мыслями специалист высказал немало и неверных суждений. Зиновьев на подобное настроение интеллигенции реагировал следующим образом: "...Незачем по этому вопросу терять лишние слова. Совершенно ясно, что таких прав они (специалисты. — *Прим. Д.В.)*, как своих ушей без зеркала, в нашей республике не увидят. Это бесспорно"[75]. Так

думал не только Зиновьев, но и многие в ЦК, не имевшие возможности глубоко постичь гуманистическую концепцию социализма, в центре которой должны были быть проблемы свободы, демократии и гуманизма. В этом неведении также кроются истоки будущих бед. Слов нет, после революции прошло лишь шесть с половиной лет. Без диктатуры пролетариата Союз советских республик просто не устоял бы под напором внутренних и внешних врагов, но забвение демократических начал, народовластия, о чем так заботился Ленин, не могло рано или поздно не сказаться.

Ленинское "Письмо..." не заняло на съезде того места, какое оно должно было занять. Отдельные делегации были ознакомлены с ним специально выделенными людьми. Особенно активничал Каменев, переходя из делегации в делегацию. Никаких обсуждений не было. По завершении "читки" вносилось заранее подготовленное устное предложение (товарищами из комиссии по приему ленинских документов): рекомендовать Сталину в своей практической работе учесть критические замечания Ленина. На этом все заканчивалось. По существу, "благодаря" такой форме доведения ленинского "Письма..." оно фактически недооценивалось. Так документ исторического значения не стал основой для утверждения демократических норм в партийной жизни, основой организационных изменений в руководящем эшелоне партии и выдвижения нового лица на пост Генерального секретаря. Нужно учесть при этом, что с момента написания "Письма..." прошло почти полтора года. За это время Сталину пришлось возглавить борьбу с Троцким, который еще незадолго до смерти Ленина повел яростные атаки на курс партии, на политику нэпа. Сталин выступил решительно против этих нападок, в действительности защищая и себя. Его поддержало большинство партии. Все это не могло не сказаться на отношении делегатов к Сталину. Многие могли рассуждать так: убрать Сталина — это значит признать правоту Троцкого...

Многие делегаты съезда слабо разбирались в хитросплетениях реальной политики, часто форму принимали за содержание. Ведь не случайно Троцкий благодаря своим запоминающимся речам долго сохранял популярность. В делегациях при зачтеиии "Письма..."не возникали сомнения: почему этот важнейший документ не обсуждают непосредственно на съезде? зачем эта келейность? почему открыто не обнародовать ленинские предложения? Все это явилось не только результатом определенной обработки и давления, но и прежде всего невысокой

политической культуры многих делегатов. Одна из причин будущих бед — в неразвитости, на определенном этапе, политической культуры не только большей части населения, но и членов партии. Едва ли многие из них догадывались, что именно сейчас, отказавшись после революции от бога на небе, они сделали шаг к тому, чтобы создать его на Земле. Не знали они и того, что бог на небе был символом и требовал чаще символических жертв. А бог на Земле не удовлетворится этим и жертв потребует страшных. Увы, такие провидцы, как Ленин, — уникальная, историческая редкость.

Но ведь не у всех же была невысокой политическая культура? Разве Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский, Дзержинский, Калинин, Рудзутак, Сокольников, Фрунзе, Андреев, многие другие большевики не понимали, что нужно самым внимательным образом проанализировать "Завещание" вождя? Думаю, что понимали. Но лозунг "единства", часто понимаемый формально, глушил голос интеллектуальной совести. Можно даже сказать, что ее, **совести, шанс** не был использован. Так будет еще не раз в будущем. Возвышение нового вождя будет происходить не только в условиях непрерывного урезания, кастрирования реальной демократии, превращения партии в машину власти, но и глушения голоса совести многих из тех, кто должен был публично, открыто протестовать против узурпации власти одним человеком. Все знают, чем бы это кончилось для конкретного человека. Но в том-то и дело, что использовать этот шанс совести можно лишь в союзе с мужеством мысли... Но внутреннее рабство, как правило, оказывалось сильнее. Свобода в сознании людей часто была на положении "золушки".

Когда Сталину стало известно о ленинском "Письме...", он заявил о своей отставке. Если бы она была принята, возможно, многое пошло бы по-другому. Это был правильный шаг. Только так должен был бы поступить любой большевик на его месте. Но отставка не была решительной. К слову сказать, в 20-е годы Сталин дважды заявлял о своей отставке. После XV съезда, например, в более категоричной форме. Троцкистско-зиновьевская оппозиция потерпела поражение, съезд организационно это оформил. На первом Пленуме после съезда Сталин обратился к членам ЦК с просьбой:

"Я думаю, что до последнего времени были условия, ставящие партию в необходимость иметь меня на этом посту как человека более или менее крутого, представлявшего известное противоядие против оппозиции. Сейчас оппозиция не только разбита, но и исключена из партии. А между тем у нас имеется

указание Ленина, которое, по-моему, нужно провести в жизнь. Поэтому прошу Пленум освободить меня от поста Генерального секретаря. Уверяю вас, товарищи, что партия от этого только выиграет". Но к этому времени авторитет Сталина возрос, и он олицетворял собой в партии человека, борющегося за единство, непримиримо выступающего против различных фракционеров. Отставка вновь была отклонена. Но похоже, Сталин в этом был уже уверен, и просьба об отставке имела замаскированную цель укрепить свое положение.

Каменев и Зиновьев на XIII съезде предприняли все меры, чтобы ленинская настоятельная рекомендация о смещении Сталина с поста генсека не была выполнена. Пожалуй, это самая недостойная страница в их политической биографии, учитывая их близость к Ленину. Сталина уговорили взять свое устное заявление обратно и выработали сообща линию, согласно которой Сталину предлагалось учесть пожелания и критические замечания умершего вождя. Зиновьев и Каменев лично проводили эту работу в крупных делегациях, фактически дезавуируя идеи Ленина. Знали бы они, что обеляли своего будущего могильщика!

Не лишенные способностей и заслуг перед революционным движением, партией, на данном этапе Зиновьев и Каменев считали, что главное — не допустить Троцкого на первые роли. Они сами рассчитывали на них. Не судьбы революции, судьбы ленинского "Завещания" и будущее страны интересовали их в первую очередь. Старый, как сам мир, императив вышел на первый план: личные интересы, амбиции, тщеславие. Сталина они оба, как и Троцкий, явно недооценивали. Известно, например, что Зиновьев в начале 20-х годов в узком кругу говорил: "Сталин — хороший исполнитель, но им всегда нужно и можно управлять. У самого Сталина этих способностей к самоуправлению нет". Видимо, Зиновьев, а с ним и Каменев в своих планах рассчитывали, что Сталин останется в роли генсека лишь как руководитель Секретариата, а в Политбюро роль первой скрипки будет играть другой человек. Конечно, Зиновьев! Сталин понял замысел "дуэта" и до поры до времени делал вид, что такой расклад его устраивает. Ведь не случайно же Сталин добился, чтобы докладчиком по основному, политическому вопросу на XIII съезде выступил Зиновьев! Зиновьев и Каменев опасались Троцкого и не считали опасным Сталина. Троцкий же на съезде был пассивным. Похоже, он просто ждал, когда его позовут... Такова была обстановка в руководящем ядре ЦК.

Сегодня, спустя десятки лет, можно сказать, что главными

лицами, ставшими на пути реализации указания Ленина, были Зиновьев и Каменев (разумеется, и Сталин, но один он ничего бы не смог сделать). Именно эти два политика, руководствуясь сиюминутными личными интересами, фактически пошли наперекор последней воле вождя. Они выступили против его идеи о вооруженном восстании в 1917 году, выступили против и тогда, когда его не стало. А ведь Зиновьев любил публично с гордостью говорить, что до революции, на протяжении целых десяти лет (с 1907 до 1917 г.) он был ближайшим учеником Ленина! Что, мол, никто так не поддерживал Ленина в Циммервальде и Кинтале, как он, Зиновьев! Каменев был лично близок семье Ульяновых и не скрывал этого. Как бы то ни было, эти два политических близнеца уверовали в свою особую роль после Ленина. Именно они совместно со Сталиным приняли решение не предавать гласности ленинское "Письмо к съезду". И хотя на XV съезде партии (декабрь 1927 г.) этот документ по предложению Орджоникидзе был опубликован в текущем бюллетене, до широких слоев партии, до народа он не дошел.

Антидемократичность шага с "Письмом..." была хорошо усвоена Сталиным, и он в последующем еще не раз воспользуется уроком Зиновьева и Каменева. Они хотели прошлое оставить прошлому. Но это не всегда можно сделать. Прошлое может мстить. Сами не ведая, эти люди посеяли конфликт прошлого с будущим. В кровавой жатве падут со временем и их головы... Сталин сразу же, как только одолеет с их помощью Троцкого, потеряет к ним всяческий интерес. А через десять с небольшим лет хладнокровно санкционирует их физическое уничтожение. Нетрудно представить, сколько раз в будущем мысль Зиновьева и Каменева с отчаянием возвращалась к времени, когда они, презрев ленинское "Письмо...", сами подтолкнули наверх диктатора, своего будущего палача. Правда, когда между Сталиным, с одной стороны, и Зиновьевым и Каменевым — с другой, произошел разрыв, тут они стали "принципиальными". Поскольку речь зашла о личном положении, они, забыв о недавней защите Сталина, выступили против него. Уже на XIV съезде партии, в декабре 1925 года, один из лидеров "новой оппозиции" обратился к делегатам, сказав верные, но запоздалые слова: "...Я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба..." Но делегаты съезда это заявление оценили лишь как очередной выпад фракционеров. То, что сделали эти политики раньше, сохранив Сталина вопреки ленинскому пожеланию на посту генсека, изменить им, к со-

жалению, не удастся. Как, впрочем, и никому другому. И мы можем, пожалуй, воскликнуть, как Плутарх о Македонском: будет неверно, если мы сочтем, что власть Александру досталась как подарок судьбы. Сталину власть взять помогли. Прежде всего Зиновьев и Каменев. Вопреки воле Ленина.

В этих условиях Троцкий, потерпевший безоговорочное поражение в прошедшей дискуссии, попытался "сохранить лицо", временно заняв гуттаперчевую позицию. Его выступление на XIII съезде Зиновьев назвал не "съездовской" речью, а "парламентской". По его словам, Троцкий обращался не к делегатам, а к партии и пытался "говорить совсем не то, что думает". Действительно выступление Троцкого было необычным. Его основное содержание было направлено против бюрократизации партийного аппарата. Для убедительности он ссылался на Ленина, Бухарина, атакуя руководство ЦК с позиций новатора, борца за сохранение революционных традиций в партии. "Масса мыслит медленнее, чем мыслит партия", — утверждал Троцкий. Чтобы сохранить способность партии "мыслить быстро и верно", надо освободиться от "недомоганий" в виде бюрократии партийного аппарата. Но оказывается, Троцкий свои стрелы против бюрократизма пускал с иной целью: именно бюрократия плодит фракционность, утверждал Троцкий. Бюрократия, стало быть, оправдывает идеологические и политические атаки штаба партии. Другими словами, дискуссия, навязанная им партии, была своего рода ответом на бюрократию в ЦК, губкомах, всех эшелонах партийной иерархии. Известное рациональное зерно в этих суждениях есть. Но Троцкий пекся больше не о партии, а о себе. Он остался самим собой: тога борца за демократию ему понадобилась как словесная косметика для оправдания своих нападок на курс ЦК. Хотя в партии не забыли, что именно Троцкий был одним из инициаторов методов "казарменного коммунизма", с неизбежностью рождающего бюрократические извращения.

Можно сказать, что XIII съезд не пошел вперед в деле развития ленинских идей демократизации. Здесь кроется источник многих будущих трагедий. Делегаты съезда не выполнили последней воли Ленина о перемещении Сталина с поста генсека на другое место. Непоследовательность членов ЦК в этом вопросе, уступка доброхотам Сталина (в то время!) — Каменеву и Зиновьеву дорого обошлась в будущем партии.

Справедливости ради следует сказать, что, возможно, многие члены ЦК понимали: если сместить Сталина, то невольно создастся впечатление правоты Троцкого. И кто знает, не ском-

прометируй Троцкий себя октябрьским (1923 г.) вызовом, его шансы были бы довольно высокими. Однако альтернатива Троцкого не устраивала большинство соратников Ленина. Так что с известной долей допущения можно сказать, что Сталин сохранил свой пост генсека и благодаря "помощи" Троцкого.

Демократические основы государственного и партийного строительства были лишь заложены Лениным, но он не успел их развить. Возьмем лишь одну грань демократии: ротация руководящих работников. Ведь если бы даже Сталин был оставлен на посту генсека, но его пребывание было ограничено установленным уставным сроком, культового уродства в будущем можно было не допустить. Вполне понятно, когда королева Виктория, императрица Екатерина II, негус Хайле Селассие или шах Ирана Реза Пехлеви находились на троне десятилетиями, — они монархи! Но пребывание Сталина во главе партии и государства десятилетия, фактически ничем и никем не ограниченное, не могло не привести к деформациям. Не могло! В ленинском предложении XII съезду партии "Как нам реорганизовать Рабкрин" просматривается мысль об обязательном обновлении руководящих партийных органов, о разграничении функций ЦК и Советов. Первые ростки демократии не были ухожены. Постепенно их полностью заглушили более мощные побеги догматизма, бюрократии, механического администрирования. Будущий культ "великого вождя" не был случайностью.

На первых порах не было никаких внешних признаков узурпации партийной власти. Наоборот. Сталин вел борьбу с Троцким под лозунгом коллективной борьбы с его бонапартистскими, диктаторскими замашками, претензиями на единоличное лидерство и непомерными амбициями. Троцкий продолжал эксплуатировать политический капитал, нажитый им в годы гражданской войны, не замечая, что он, этот капитал, стремительно таял. Сталин, критикуя претензии Троцкого на особую роль в руководстве, формально предлагал другую, более прогрессивную и демократическую альтернативу — "коллективное руководство". Правда, это руководство постепенно трансформировалось в сторону, выгодную самому генсеку. Сталин уже наметил для себя план постепенного изменения руководящего ядра партии. Первый, кого он должен устранить из руководства, конечно же, Троцкий. А пока важно не форсировать события. Так, состав Политбюро после XIII съезда фактически не изменился, даже Троцкий сохранил в нем свое место. Новым членом оказался лишь быстро завоевывающий авторитет в партии Бухарин. Ленинская характеристика Бухарина как

"любимца партии" ускорила его избрание в высший партийный орган. Кандидатами в члены Политбюро стали Дзержинский, Сокольников, Фрунзе. Секретариат же предстал в новом виде: генсек — Сталин, второй секретарь — Молотов, секретарь — Каганович. Новый состав ядра ЦК стал более прочным с точки зрения поддержки Сталина. Пожалуй, самые трудные часы партийной карьеры Сталиным были пережиты. Его не только не сместили с поста генсека, на чем настаивал Ленин, но, более того, ему удалось упрочить свое положение в партийном руководстве.

Ленинское "Письмо к съезду" на целые десятилетия исчезло из поля зрения партии. Оно не было опубликовано в "Ленинском сборнике", хотя Сталин сам обещал добиться этого. Правда, в середине 20-х годов "Письмо..." несколько раз "всплывало" в связи с внутрипартийной борьбой. Оно даже было опубликовано в Бюллетене № 30 XV партийного съезда (тираж более 10 тыс. экз.) с грифом "Только для членов ВКП(б)", разослано в губкомы партии, коммунистические фракции ЦИК и ВЦСПС, часть письма была опубликована в "Правде" 2 ноября 1927 года. Поэтому нельзя говорить, что партия совсем не знала об этом документе. Но не исполнив волю Ленина сразу, позже это было сделать труднее. Прежде всего потому, что на первых порах Сталин пытался, хотя бы внешне, изменить свое поведение. А главное, в глазах партии он стал во главе большинства ЦК в борьбе с оппозиционерами. Хотя часто оппозиция лишь выражала идейные расхождения, иные взгляды и альтернативы. Но Сталин добился того, что слова "оппозиция", "фракция" стали синонимом враждебности.

Как известно, партия, последующие поколения коммунистов о ленинском "Завещании" узнали лишь после XX съезда КПСС. Такие "тайны" опасны: они, как коррозия, разъедают демократические основы, невольно создавая ложные представления у людей, что правда может быть в заточении. Кстати, К. Радек в своей брошюре "Итоги XII съезда РКП", вышедшей в 1923 году, пишет, что некоторые лица хотели "нажить капитал" на последних письмах Ленина, говоря, "что тут есть какая-то тайна", не дающая возможности их опубликовать[76].

Чем больше прячется от света правда, как об этом свидетельствует опыт истории, тем больше возможностей для злоупотреблений. В конечном счете все подобные попытки сокрыть правду обречены на провал. Но прежде чем это выясняется, ущерб общественному сознанию, политической культуре, духовным ценностям наносится огромный. История

"Письма..." еще раз напоминает, что ложь всегда делают, фабрикуют, создают. А правду "фабриковать" не надо. Ее просто нужно открыть, найти, высветить, защитить. В этом, в частности, одиа из противоположностей правды и лжи. Для правды нужен свет, много света; ложь всегда ищет темноту, закрытость и "секретность". А Сталин страшно любил "секреты". Множество грифов скоро появятся на "делах", папках, элементарных документах. Конечно, государственные и партийные секреты существовали и, видимо, будут существовать. Но превращение в некую тайну простой переписки, отчетов, телеграмм, элементарных сведений создавало как бы особый пласт жизни для некоторых. Никто не задумывался, что чрезмерная засекреченность государственной и общественной жизни — почва для продажности. В центре всех "тайн" стоял сам Сталин, находивший время лично реагировать на непрерывный поток сообщений.

Не без участия Троцкого текст ленинского "Письма к съезду" на Западе неоднократно публиковался. Вначале в США его давний сторонник М. Истмэн опубликовал текст документа с пространными антисоветскими комментариями. Затем в 30-х годах во Франции Б. Суварин, французский гражданин русского происхождения, сотрудник "Юманите", вернулся к этому документу. Троцкий прилагал постоянные усилия, чтобы привлечь внимание к "Письму...", вырывая из него отдельные фрагменты и изменяя их до неузнаваемости. В конце своей жизни он фактически толковал этот ленинский документ однозначно: Ленин предложил сместить Сталина с поста генсека и рекомендовал делегатам выдвинуть в качестве лидера партии его, Троцкого, как самого способного и умного. Он так часто повторял в своих книгах, статьях этот тезис, что, видимо, стал в него верить и сам.

Ленинские идеи, содержащиеся в "Завещании", предусматривали широкий спектр демократических шагов в первом в мире социалистическом государстве. Предполагалось усиление притока свежих сил в руководстве партии и государства, повышение роли профсоюзов, Советов, общественных организаций, народных и контрольных органов, подотчетности руководителей перед трудящимися. Пусть еще не стояли конкретно вопросы о плебисцитах, референдумах, опросах, обязательной отчетности руководителей, о строгой ротации партийных кадров, других аспектах "технологии" демократии. Важно, чрезвычайно важно, что суть социализма Ленину виделась в синтезе демократии, гуманизма, свободы и справедливости.

Постепенный отход от ленинских исходных позиций широкого демократизма не мог не сказаться на всех сферах жизни Советского государства. Именно здесь находятся глубинные истоки всех будущих деформаций, культовых уродств, злоупотреблений властью. Но идейный заряд Октября был столь неодолим, что его не смогли полностью погасить и заглушить все фильтры и изоляторы догматизма и бюрократии. Нам нужно это всегда помнить и знать. И совсем не потому, чтобы уяснить: ни настоящее, ни будущее не вечны. И то и другое проходит. Вечно, видимо, лишь прошлое. А оно очень часто дает свои предписания грядущему. Оно, будущее, сегодня таково, что, с одной стороны, пока мы не утолим голод в постижении того, что было, нам трудно будет реализовать в действительности наши идеалы. А с другой, стоит видеть, что прошлое учит мужеству и способности защитить правду. У настоящей совести всегда есть свой шанс.

Нужно отдать должное: создававшаяся политическая система общества огромное значение придавала воспитанию населения, подрастающих поколений на идеалах революции, социализма и коммунизма. В ходу был образ идеального "нового человека", некий образец-модель личности грядущего. Уже в 20-е годы, несмотря на то что начали усиливаться бюрократические тенденции, идеологической стороне переустройства общества придавалось первостепенное значение. Простота, скромность в быту, непритязательность в повседневном общежитии, готовность откликнуться на любой призыв общества, глубокая неприязнь к мещанству, накопительству, высокая одухотворенность людей, чуждых меркантильным расчетам, — все эти черты человека 20-х, 30-х и 40-х и более поздних годов свидетельствовали: бюрократизм не убил лучшее в человеке первой страны социализма. Люди были сильны верой в идею.

Ленинские начала не потерялись полностью в иерархии бюрократических напластований и догматических штампов. Его идеи, пусть порой и в усеченном, неполном виде, были главным оружием в борьбе за выбор путей и методов созидания нового. При всей противоречивости, драматичности этого процесса в стране были силы, готовые отстаивать ленинскую стратегию и тактику на начальном этапе социалистического строительства.

Гегель полагал, что судьба царит над всем в виде слепой, неразумной силы. Теологи добавляют, что это некая внешняя сила, которая знает будущее каждого человека и ведет его по определенной тропе к своему финалу. После смерти Ленина Сталин, вместо того чтобы уйти в какой-либо наркомат с капи-

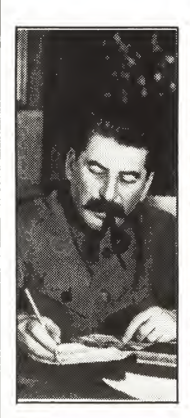
танского мостика партии, вопреки Гегелю, которого он так никогда и не сможет осилить, взял судьбу в свои руки. В то время, однако, никто не мог и предположить, какую роль сыграет в истории Сталин — первый генсек партии большевиков.

Дальние истоки трагедии среди тех, что были названы, видятся и в том, что создававшаяся строго централизованная система уже в потенции несла опасность. Человек, сосредоточивший в своих руках необъятную власть, функционер идеи, еще тогда поставил перед собой цель — взять в руки единоличное управление этой системой. Ему в этом не помешали. Предостережение Ленина не было оценено. "Старая гвардия", занятая междоусобной борьбой, не взяла на себя историческую роль коллективного лидера. Завоеванная свобода затуманила видение грядущего. Как писал Николай Бердяев в своем опыте философской автобиографии: "Опыт русской революции подтверждал мою давнюю уже мысль о том, что свобода не демократична, а аристократична. Свобода не интересна и не нужна восставшим массам; они не могут вынести бремени свободы"[77]. Спорная мысль, верная, однако, в такой плоскости: распорядиться завоеванной свободой так, как учил Ленин, ни массы, ни "старая гвардия" не смогли и не сумели. Грядущее, как всегда, было в дымке...

Рукотворность будущего не менее загадочна, чем необратимость и тайны ушедшего.

глава 3

Выбор и борьба

Истина есть дочь времени,
а не авторитета.

Ф. Бэкон.

Муки родов нового общества продолжались. А жизнь текла. В сцеплениях многих судеб, обстоятельств, конфликтов. После XIII съезда партии к Сталину стала возвращаться утраченная было им уверенность. До смерти Ленина его вряд ли посещали серьезные честолюбивые намерения. А после... Едва ли с полной определенностью можно утверждать, что уже тогда он поверил в возможность реализации, казалось бы, невозможного шанса. Мир человека во многом и часто — загадка.

В 1793 году голова короля Франции Людовика XVI скатилась в корзину после гильотинирования. За минуту, возможно меньше, до того как нож гильотины упал на шею короля, Луи Капет спросил у палача: "Нет ли вестей о Лаперузе?" (шел пятый год, как исчезла кругосветная экспедиция Лаперуза, и, как позже выяснилось, — навсегда). Тайники сознания воистину непроницаемы: еще мгновение и Людовик XVI канет в небытие, но он интересуется не собственной судьбой, а Лаперузом... Сталина никто не собирался гильотинировать, но и никто не мог знать его дальнейших планов. Да и были ли они у него?

В библиотеке Сталина, которая стала потихоньку создаваться в его маленькой кремлевской квартире уже с 1920 года, большая часть литературы была дореволюционного издания: сборники трудов Маркса, Энгельса, Плеханова, Лафарга, Люксембург, Ленина, утопистов, книги Толстого, Гаршина, Чехова, Горького, Успенского, малоизвестные теперь работы Бинштока, Зонтера, Гобсона, Кенворти, Танхилевича... Многие из них не являлись лишь антуражем скромного обиталища. В книгах карандашные пометки, подчеркивания, сделанные, возможно, Сталиным.

В "Мыслях" Наполеона жирно отчеркнута на полях фраза из воспоминаний императора: "Именно вечером у Лоди* я уве-

* Во время итальянской кампании 1796—1797 гг. молодой Бонапарт одну из своих блистательных побед одержал у городка Лоди.

ровал в себя как в необыкновенного человека и проникся честолюбием для совершения великих дел, которые до тех пор представлялись мне фантазией"[1]. Пережил ли Сталин свое "Лоди", сохранив за собой, вопреки воле Ленина, пост генсека? Пожалуй, для политической карьеры Сталина это действительно был кульминационный момент: 45-летний Генеральный секретарь почувствовал, что после смерти Ленина он отнюдь не слабее своих сотоварищей по Политбюро и ЦК.

Об этом Сталин все чаще задумывался в редкие минуты отдыха, приезжая на свою загородную дачу в Зубалово. В начале 20-х годов в Подмосковье оказались сотни заброшенных особняков, дач, загородных домов, покинутых "бывшими". Большинство из них бежали за границу, иные пали в кровавой рубке гражданской войны, у третьих эти атрибуты "буржуазной роскоши" просто экспроприировали. Многие из этих домов отдали под больницы, приюты для беспризорников, склады и дома отдыха многочисленных госучреждений, которые начали быстро плодиться. Недалеко от станции Усово стояло с десяток дач. Одну из принадлежавших раньше нефтепромышленнику Зубалову выделили Сталину. Здесь же поселились Ворошилов, Шапошников, Микоян, немного позже Гамарник, другие партийные, государственные и военные руководители страны.

В семье у Сталина в 1921 году родился Василий, через несколько лет появилась Светлана, позже приехал сюда и сын от первой жены Яков. Надежда Сергеевна, жена Сталина, — а она, как мы помним, была моложе своего мужа на двадцать два года — с самоотверженностью и рвением молодой хозяйки взялась за устройство бесхитростного быта. Жили скромно на зарплату Сталина, пока его жена не пошла работать в редакцию журнала "Революция и культура", потом в секретариат Совнаркома, а затем на учебу в Промакадемию. Как-то за столом Сталин неожиданно сказал жене: "Я никогда не любил денег, потому что у меня их обычно не бывало". Знакомясь с документами сталинского архива, интересно было читать расписки Сталина, переданные им Стасовой в подтверждение того, что он получал в партийной кассе авансы по 25, 60, 75 рублей "в счет жалованья" за следующий месяц. Этот человек о безденежье знал не понаслышке.

Постепенно в доме появились няня и экономка. Не было тогда ни многочисленной охраны, ни комендантов, ни курьеров, ни десятков других должностей, которые возникнут позже, и сами вожди будут называть этих людей "обслугой", чтобы не повторять буржуазного — "прислуга".

Первые годы после революции Сталин, как и все руководители партии, жил просто и скромно, в соответствии с семейным бюджетом и партийными установками. Еще в октябре 1923 года ЦК и ЦКК РКП(б) подготовили и разослали во все партийные комитеты специальный документ, в котором излагались меры, выработанные еще на IX партконференции РКП(б) (сентябрь 1920 г.). В нем говорилось о недопустимости использования государственных средств на благоустройство частных жилищ, оборудование дач, выдачу премий и натуральных вознаграждений ответственным работникам. Предписывалось самым строжайшим образом следить за моральным обликом партийцев, не допускать большого разрыва в заработной плате "спецов" и ответработников, с одной стороны, и основной массой трудящихся — с другой. Игнорирование этого положения, говорилось в циркуляре, "нарушает демократизм и является источником разложения партии и понижения авторитета коммунистов". Подтверждалось ленинское положение, что "ответственные работники-коммунисты не имеют права получать персональные ставки, а равно премии и сверхурочную оплату"[2]. При Ленине существовала даже негласная традиция передачи членами ЦК своего литературного гонорара в партийную кассу.

У руководителей партии тогда не было ценных вещей, и даже разговоры о чем-либо подобном были признаком дурного, мещанского, даже антипартийного тона. Сталину долгое время был присущ внешний аскетизм. После смерти у него фактически не оказалось личных вещей, кроме нескольких мундиров, подшитых валенок и залатанного крестьянского тулупа. Он любил не вещи. Любил власть. Только власть!

Иногда по воскресеньям, если позволяла обстановка, собирались вместе, чаще у Сталина. К нему приезжали Бухарин с женой, бывали здесь Орджоникидзе, Енукидзе, Микоян, Молотов, Ворошилов, Буденный, часто с женами и детьми. Под аккомпанемент гармоники Буденного пели русские и украинские песни, даже плясали... Но к Сталину на дачу никогда не приезжал Троцкий.

Сидя за столом, вели долгие разговоры о положении в стране, партии, текущих внутренних и международных делах. Обычно бывал здесь и старый большевик С.Я. Аллилуев, которого весьма уважал его зять. Как правило, Аллилуев вставлял лишь реплики о "старине" (он был членом партии с момента ее основания, чем очень гордился). Частенько спорили, порой резко. Все обращались на "ты". Сталин — равный среди равных.

Никаких признаков чинопочитания, тем более славословия или заискивания.

Встречались люди, которые еще менее десяти лет назад были париями общества, а теперь волею исторических обстоятельств оказались во главе гигантского государства, едва-едва оправлявшегося от бесчисленных ран, нанесенных ему мечами войны, междоусобиц, мятежей. Многие вопросы, обсуждавшиеся здесь, нередко затем выносили на Политбюро. Так, например, Молотов однажды за столом привел любопытную справку: столько-то в России зерна уходит на самогон, столько-то денег недосчитывает от этого казна. Через несколько дней, 27 ноября 1923 года, на заседании Политбюро после сообщения Молотова постановили:

"Поручить секретариату создать постоянно действующую Комиссию для борьбы с самогоном, кокаином, пивными и азартными играми (в частности, лото) в составе: председатель — т. Смидович, заместитель — т. Шверник, члены — тт. Белобородов, Данилов, Догадов, Владимиров.

Секретарь ЦК *Сталин*"[3].

Так же обсуждая в узком кругу причины болезни и смерти Ленина, решили предпринять некоторые меры по улучшению медицинского обслуживания руководства партии. На Пленуме ЦК 31 января 1924 года Ворошилов доложил вопрос "Об охране здоровья партверхушки". Постановили:

"Просить Президиум ЦКК обсудить необходимые меры по охране здоровья партверхушки, причем предрешить необходимость выделить специального товарища для наблюдения за здоровьем и условиями работы партверхушки"[4].

Думаю, при Ленине вопрос был бы поставлен иначе, шире; через призму заботы о здоровье всего народа, в том числе и руководящего состава. С таких "мелочей" все начиналось. Элитное мышление "партверхушки", исповедовавшей уравнительные принципы, породило и появление привилегий: различные доплаты ("конверты"), личные вагоны для руководства, дачи на юге, многочисленная "обслуга". Все начиналось постепенно...

Часто спорили: как "внедрять социализм". Пунктирная линия движения за горизонт, в будущее, намеченная Лениным, словно траектория, терялась где-то в дымке. Вектор движения, его направление были ясны. Но как идти, какими должны быть темпы, методы, способы строительства нового общества — все это выглядело смутно. Проводив гостей, Сталин долго ходил в сумерках отгоравшего дня с думами о дне завтрашнем. В нем

зрели не только ответственность и тревога за будущее. Рядом крепли тщеславие и честолюбие: может быть, эта полоса борьбы и неопределенности и есть его "Лоди"?

Как строить социализм?

Идеально, когда между силой и мудростью существует гармония. Так бывает очень редко. Чаще будущее принадлежит сильным, не обязательно, к сожалению, мудрым. Обычно одно из начал берет верх на каком-то отрезке исторического пути. Осознаем мы или не осознаем этот феномен, он существует наряду с другими. В эти исторические моменты выбора в соотношении мудрости и силы бывает всякое. Сталин не знал и не читал древних мыслителей. А один из них, Сократ, высказал, помнится, мысль, актуальную не только для его времени: "Философы должны быть правителями, а правители — философами". Силе всегда нужна мудрость. Сталин обладал силой, но не обладал мудростью. (Хотя все мы долго его хитрость, изощренность, коварство ума принимали за мудрость.) В момент выбора средств, путей реализации великих идей это сыграло трагическую роль.

Энергия масс первого в мире государства рабочих и крестьян была освобождена. Как направить ее к цели, к идеалу, к вершинам, которые даже Ленину казались близкими? Как строить социализм? Партийная печать полна статей старых и новых теоретиков, дающих советы, указания, как идти дальше. Все было впервые. Часто казалось: достаточно верного лозунга — и дело пойдет.

Напомню, Троцкий в конце 1924 года написал в Кисловодске "Уроки Октября". В них он вновь попытался принизить роль других лидеров революции, с тем чтобы "теоретически" обосновать свои претензии на лидерство. Троцкий, как отмечалось в статье журнала "Большевик" (1924, № 14), с позиций "летописца" в своих "Уроках..." перешел на позицию пристрастного прокурора. Он доказывал, что в ходе революции "ЦК прав тогда, когда он согласен с Троцким, а Ленин неправ тогда, когда несогласен с Троцким...". В революции, писал Троцкий, бывает своего рода паводок, и если упустить его, то не будет ни паводка, ни революции. Он, Троцкий, мол, умел уловить пик паводка... Революция "состоялась", потому что,

вопреки большинству "старого большевизма", во главе ее стали Ленин и Троцкий. Такова была историческая версия бывшего меньшевика.

Троцкий вновь ставит вопрос о том, что судьбы революции в России в решающей мере зависят от того, "в какой последовательности будет происходить революция в разных странах Европы..."[5]. В своей работе "Перманентная революция" Троцкий говорит еще более определенно, что завершение социалистической революции в одной стране немыслимо, что "сохранение пролетарской революции в национальных рамках может быть лишь временным режимом, хотя бы и длительным, как показывает опыт Советского Союза". На вопрос, как строить социализм, Троцкий, по существу, отвечал — "ожидая мировую революцию", подталкивая ее. Он верил, что "октябрьские революции" пойдут в мире одна за другой, что Красная Армия должна помочь другим странам в этом великом переломе. Это было явное левачество, но которое, конечно, не было преступлением, как стало впоследствии квалифицироваться. Помимо всего прочего, Троцкому была не чужда и революционная романтика, которая всегда была чужда Сталину.

По вопросу о теории "перманентной революции" Троцкий пишет: "Самостоятельно Россия не может, разумеется, прийти к социализму. Но открыв эру социалистических преобразований, она может дать толчок социалистическому развитию Европы и, таким образом, прийти к социализму на буксире передовых стран"[6]. Так Троцкий считал до 1917 года. После революции он отчасти изменил свою позицию. Мысленно полемизируя со Сталиным, Троцкий высказал свою точку зрения в виде такого диалога:

Сталин: Итак, вы отрицаете, что наша революция может привести к социализму?

Троцкий: Я по-прежнему считаю, что наша революция может и должна привести к социализму, приняв международный характер...

Далее он объясняет эти расхождения так: "Секрет наших теоретических противоречий в том, что вы очень долго отставали от исторического процесса, а теперь пытаетесь его обогнать. В этом же, к слову сказать, и секрет ваших хозяйственных ошибок".

Теория построения социализма в отдельной стране, считал Троцкий, несовместима с теорией "перманентной революции". Только сверхиндустриализация за счет крестьянского сектора,

писал Преображенский, поддерживая Троцкого, может дать государству промышленную основу, шансы на социализм.

Сталин очень поверхностно знал экономику. Однако он видел, в каком тяжелом положении находится страна. Полоса дискуссий и споров в партии, длившаяся почти десятилетие, была периодом борьбы не только за определение уровня и характера демократического общества, но и за поиск путей развития экономики. Если бы у Сталина была экономическая проницательность, то он смог бы увидеть в последних статьях Ленина концепцию социализма, которая включает в себя индустриализацию и добровольную кооперацию страны, мощный подъем культуры широких масс, совершенствование социальных отношений, непреложное развитие демократических начал в обществе. Ленинские пророческие слова о том, что нэп многие из этих проблем связывает в один узел — смычка города и деревни, "освобождение" экономических рычагов, торговля, извечная предприимчивость делового человека, — что "из России нэповской будет Россия социалистическая"[7], Сталиным никогда не были до конца поняты.

Первые годы его интересовали экономические воззрения Бухарина, Преображенского, Струмилина, Леонтьева, Брудного, но Сталин с трудом понимал суть хитросплетений экономических терминов, законов, тенденций. Человек, который никогда не был на производстве, не ведавший запаха весенней пашни, не одолевший азбуки экономической политграмоты, в конце концов согласился, например, с неизбежностью "товарного голода" при социализме, который сопровождает нас до сих пор. Правда, Сталин пытался что-то понять в экономике. В библиотеке, например, хранилась книга О. Ерманского "Научная организация труда и система Тейлора". Известно, что Ленин похвалил автора за то, что он смог дать изложение "системы Тейлора, притом, что́ особенно важно, и ее положительной и *ее отрицательной* стороны..."[8]. Должно быть, поэтому Сталин и читал эту книгу?

Однако, основываясь на его работах, записках, высказываниях, а главное, практических действиях, убеждаешься, что экономическое кредо Сталина было более чем простым. Страна должна быть сильной. Нет, не просто сильной, а могучей. Прежде всего — всемерная индустриализация. Затем — максимально приобщить крестьянство к социализму. Путь, метод, средство — широчайшая опора на диктатуру пролетариата, в которой Сталин признавал только "силовую" сторону. Во время одного из совещаний в ЦК он высказал такую формулу: "Чем

крупнее будут стоять перед нами задачи, тем больше будут трудности". В "Большевике" (1926, № 9 — 10) эту идею сформулировали так: "Мы ставим перед собой все более серьезные и крупные задачи, разрешение которых обеспечивает все более успешные шаги по направлению к социализму, но укрупнение задач сопровождается и ростом трудностей". Как это все перекликается с будущей зловещей формулой об "обострении классовой борьбы по мере ускорения продвижения к социализму"! В середине 20-х годов Сталин очень туманно представлял пути социалистического строительства, но метод у него, несомненно, уже был: сила, команда, директива, указание. Разве это противоречит диктатуре?

Сталин, читая многочисленные выступления видных деятелей партии, чувствовал, что широкий спектр взглядов на судьбы социализма в СССР обусловлен не только дифференциацией идейных и теоретических позиций их авторов, но и тем, что действительность оказалась намного сложнее, чем предполагали большевики. Вот правильно ведь пишет Бухарин в "Большевике": "...Раньше мы представляли себе дело так: мы завоевываем власть, почти все захватываем в свои руки, сразу заводим плановое хозяйство, какие-то там пустячки, которые топорщатся, мы частью берем на цугундер, частью преодолеваем, и на этом дело кончается. Теперь мы совершенно ясно видим, что дело пойдет совсем не так"[9].

Да, дело идет "совсем не так"... Перелистывая статьи, читая доклады, справки, донесения, Сталин чувствовал, что наиболее опасен в этой полосе неопределенности Троцкий. Даже при мысленном упоминании этого имени Сталина охватывало состояние глубокой неприязни, переходящей в озлобление. На днях ему сказали, что, выступая в кругу своих приверженцев, Троцкий заявил, что "некоторые новые вельможи в партии" не могут простить ему, Троцкому, ту историческую роль, которую он "сыграл в Октябре". Конечно, "вельможа" в устах Троцкого это он, Сталин. До него доходили и более нелестные эпитеты Троцкого и его сторонников в свой адрес.

Хотя у Сталина продолжали оставаться внешне неплохие отношения с Зиновьевым и Каменевым, он чувствовал, что его прямолинейность и постепенно растущее влияние не по душе "дуэту". Особенно остро он это понял после XIII съезда партии. В своем докладе на курсах секретарей укомов Сталин подверг критике высказывание Каменева о существовании "диктатуры партии". Но ведь у нас, товарищи, заключил Сталин под одобрительный гул слушателей, есть диктатура пролетариата,

а не партии. Справедливости ради следует сказать, что и Бухарин в то время разделял идею "диктатуры партии". На январском Пленуме ЦК 1924 года он заявил: "Наша задача — видеть две опасности: во-первых, опасность, которая исходит от централизации нашего аппарата. Во-вторых, опасность политической демократии, которая может получиться, если демократия пойдет через край. А оппозиция видит одну опасность — в бюрократии. За бюрократической опасностью она не видит политической демократической опасности. Но это меньшевизм. Чтобы поддержать диктатуру пролетариата, надо поддержать диктатуру партии". Радек к этому добавил: "Мы диктаторская партия в мелкобуржуазной стране"[10].

Но Сталин стал критиковать лишь Каменева. Ему совсем ни к чему было "воевать" со многими. Главное — постепенность, поочередность. Всему свое время. Тут же среагировал политический тандем. На заседании Политбюро критика Сталина в адрес Каменева была осуждена как "нетоварищеская" и неточно выражающая "суть позиции критикуемого". Сталин сразу же заявил о своей отставке. Вторично в качестве генсека, но не в последний раз. Отставка была вновь отклонена... Самим же Каменевым при поддержке Зиновьева. Сталин почувствовал в этом акте растущую неуверенность своих оппонентов — они по-прежнему боялись Троцкого. А генсек еще раз убедился во "флюгерности" мышления как Каменева, так и Зиновьева. Чего только стоит книга последнего "Ленинизм"! Фактически Зиновьев еще раз попытался закамуфлировать, оправдать свое с Каменевым капитулянтство в период Октября, свои разногласия с Лениным. Сталин обладал злой памятью. Он обязательно использует эти факты. В будущем. Когда он нанесет разящий удар по Троцкому, настанет очередь Зиновьева и Каменева, если они не станут ручными. А факты эти надо приберечь, выписать, сохранить. Вот они, эти факты, зафиксированные в документах:

— Нашу позицию по отношению к Временному правительству и войне надо оберегать "как от разлагающего влияния "революционного оборончества", так и от критики т. Ленина";

— Что касается "общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую";

— Тезисы (Апрельские) Ленина ничего не говорят о мире. Ибо совет Ленина — "разъяснять широким слоям неразрыв-

ную связь капитала с империалистической войной" — решительно ничего не разъясняет...[11]

Сталин уже тогда принял решение: как только будет покончено с Троцким как потенциальным соперником, он уберет этих "беспринципных говорунов". Даже его, превратившего свою грубость в достоинство, иногда коробила безапелляционность Зиновьева. Выступая на вечернем заседании Пленума ЦК 14 января 1924 года по поводу "дискуссионного листка", Зиновьев развязно давал характеристики многим членам ЦК, другим большевикам — участникам дискуссии, словно он оценивал, будучи командиром эскадрона, своих подчиненных. "Пятаков, — самоуверенно говорил Зиновьев, — большевик. Но его большевизм еще незрелый. Зелено, незрело". Еще несколькими часами раньше, говоря о поправках Пятакова к резолюции по экономическим вопросам, Зиновьев без тени сомнения заявил: "Это не поправки, а платформа, которая отличается от хорошей платформы тем, что она плоха. Больше ничего". Говоря о Сапронове, назвал его "почвенным человеком. Он стоит обеими ногами на земле и представляет что угодно, но только не ленинизм". Осинский — "представитель уклона более интеллигентского, который ничего общего с большевизмом не имеет". Даже не преминул лягнуть Троцкого, что Сталину явно понравилось, хотя без какой-либо видимой связи: "Когда мы приехали в свое время на конгресс в Копенгаген, нам дали номер газеты "Форвертс" с анонимной статьей, где говорится, что Ленин и вся его группа — уголовники, экспроприаторы. Автором этой статьи был Троцкий"[12].

Сталин слушал и думал: уже считает себя вождем, лидером. Выскочка, пустозвон! Конечно, на том Пленуме Сталин никак не отреагировал на выступление Зиновьева. Но через два года Сталин не оставит от позиции Зиновьева камня на камне. В мае 1926 года, например, разбирая одно из очередных заявлений Зиновьева, Сталин написал записку членам бюро делегации ВКП(б) в Коминтерне — Мануильскому, Пятницкому, Лозовскому, Бухарину, Ломинадзе и самому Зиновьеву. Сталин, в частности, пишет, что "натолкнулся на целых восемь сплетен и одно смехотворное заявление т. Зиновьева". По каждому пункту — о Профинтерне, об ультралевом уклоне в Коминтерне и т.д. — генсек дает свои категорические оценки. А о самом Зиновьеве — следующее (убийственное) резюме:

"Тов. Зиновьев с бахвальством заявляет, что не тт. Сталину и Мануильскому учить его необходимости борьбы против ультралевого уклона, ссылаясь на свою 17-летнюю литературную

деятельность. Что т. Зиновьев считает себя великим человеком, это, конечно, не требует доказательств. Но чтобы партия также считала т. Зиновьева великим человеком, в этом позволительно усомниться.

За период с 1898 года вплоть до февральской революции 1917 года мы, старые нелегалы, успели побывать и поработать во всех районах России, но не встречали т. Зиновьева ни в подполье, ни в тюрьмах, ни в ссылках...

Наши старые нелегалы не могут не знать, что в партии имеется целая плеяда старых работников, вступивших в партию много раньше т. Зиновьева и строивших партию без шума, без бахвальства. Что такое так называемая литературная деятельность т. Зиновьева в сравнении с тем трудом, который несли наши старые нелегалы в период подполья в продолжении двадцати лет?"[13]

Уже в середине 20-х годов основные оппоненты Сталина поймут, что "выдающаяся посредственность" — незаурядный политик: жесткий, хитрый, коварный, волевой. Скоро это поймут все его противники, а через годы — руководители партий и государств, которые будут иметь с ним дело.

У читателя может сложиться впечатление, что я слишком много внимания уделяю личной борьбе в процессе выбора. К сожалению, все так и было. Иногда ловишь себя на мысли о том, что главные вопросы исторического выбора нередко оказывались на втором плане под напором амбиций "вождей".

Развернувшаяся после Ленина борьба за определение методов социалистического строительства сильно осложнилась личным соперничеством, борьбой за лидерство. В эту борьбу включились прежде всего Сталин, Троцкий, Зиновьев. За ней, конечно, стояли конкретные вопросы политики и экономики, отношение к крестьянству, пути индустриализации, теория и практика международного коммунистического движения. Иногда различия во взглядах на эти проблемы носили второстепенный характер, их можно было достаточно легко привести к "общему знаменателю". Но личные амбиции, соперничество, воинственная непримиримость, особенно Сталина и Троцкого, придали драматический характер этой борьбе, способствовали тому, что любые отличающиеся от сталинских идеи, взгляды, позиции рассматривались только как "классово-враждебные", "капитулянтские", "ревизионистские", "предательские" и т.д.

То обстоятельство, что Сталин все время "защищал" Ленина, вовсе не означает, что генсек был всегда прав. Ленина "защищали" и оппозиционеры, те, кто выступал против Сталина.

Все дело в том, *как* интерпретировались ленинские идеи, ленинские установки. В нашей исторической науке долго господствовало представление, что Сталин не отступал от ленинских взглядов, по крайней мере в 20-е годы. Это не так. Достаточно сказать об ошибочных установках Сталина в национальном вопросе, нэпе, путях социалистических преобразований в деревне, насаждении бюрократического стиля управления в партии и государстве и т.д. Отход Сталина от ленинизма во многих вопросах наметился еще тогда, в 20-е годы. Если не сказать это со всей определенностью, то можно подумать, что все, что делал Сталин, соответствовало ленинской концепции социализма. А это, разумеется, далеко не так. А во многих случаях — абсолютно не так.

Думаю, не правы те, кто считает, что ошибались только оппозиционеры, а партия, Сталин всегда были правы. Многие ошибочные решения Сталина, к сожалению, освещены, закреплены партийными документами. Ведь если бы партия не ошибалась и принимала только верные решения, то не было бы культа личности, кровавого террора, волюнтаризма и субъективизма в руководстве, не было бы многих лет застоя, и сегодня мы бы не провозглашали жизненную необходимость обновления: "Больше социализма, больше демократии!" Решения и практические шаги ни у одного человека, ни у одной организации никогда не могут быть всегда абсолютно верными, правильными. Жизнь идет вперед через противоречия, конфликты, преодоление. Реальность богаче схем, которые так любил Сталин. Поэтому выбор путей и методов строительства нового общества, достижения и ошибки на этом пути нельзя связывать только со Сталиным. Другое дело, что Сталин стал олицетворением административно-бюрократической модели социализма и ее главным поборником.

Еще одно соображение. Сталин не сразу остановился на какой-то определенной концепции строительства нового общества. Он не всегда понимал, а возможно, и не разделял взгляды Ленина, особенно изложенные в его последних письмах и статьях. Сталин мысленно часто возвращался и обращался к идеям "военного коммунизма", был вынужден какое-то время "терпеть" нэп, понимал, что без тесного, органичного союза рабочего класса и крестьянства решить многочисленные проблемы страна не сможет. И постепенно сползая к цезаризму, единовластию, диктаторству, он сделал свой выбор. Сталин не был теоретиком. Его выводы опирались чаще на цитаты, помноженные на волевые импульсы. Сталину внутренне были

близки "силовые" методы Троцкого. По сути, он в этом отношении был к нему ближе, чем к кому-либо из других большевистских лидеров. Но это внутреннее сходство, окрашенное личной непримиримостью, поддерживало постоянное "отталкивание", напряжение между двумя полюсами амбиций.

Сталин, перебирая в мыслях перлы Зиновьева и Каменева, усмехнулся: "И эти люди пишут о ленинизме!" О ленинизме напишет он. Напишет так, чтобы все почувствовали полную противоположность понимания ленинизма Сталиным и его временными попутчиками. А пока нужно ударить по Троцкому. Сталин особенно тщательно готовился к своему плановому выступлению на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС 19 ноября 1924 года. Он выступил после доклада Каменева, озаглавив свою речь "Троцкизм или ленинизм?".

Все свое выступление генсек посвятил беспощадной критике Троцкого, взяв, правда, мимоходом под защиту (пока!) Каменева и Зиновьева. "Октябрьский эпизод" у этих деятелей Сталин охарактеризовал как случайный: мол, "разногласия длились всего несколько дней потому и только потому, что мы имели в лице Каменева и Зиновьева ленинцев, большевиков". Здесь он покривил душой; он не считал их ни ленинцами, ни большевиками. Просто пока они были нужны ему для борьбы с Троцким и упрочения собственного положения. Сталин бросает в зал слова-вопросы:

— Для чего понадобились новые литературные выступления Троцкого против партии? В чем смысл, задача, цель этих выступлений теперь, когда партия не хочет дискутировать, когда партия завалена неотложными задачами, когда партия нуждается в сплоченной работе по восстановлению хозяйства, а не в новой борьбе по старым вопросам? Для чего понадобилось Троцкому тащить партию назад, к новым дискуссиям?

Сталин после этой длинной тирады обводит глазами зал и глухим, ровным голосом жестко отвечает:

— А "умысел" этот состоит, по всем данным, в том, что Троцкий в своих литературных выступлениях делает еще одну (еще одну!) попытку подготовить условия для подмены ленинизма троцкизмом. Троцкому "до зарезу" нужно развенчать партию, ее кадры, проведшие восстание, для того чтобы от развенчивания партии перейти к развенчиванию ленинизма[14].

Доля истины здесь есть. Троцкий, награждая Ленина, ленинизм лестными эпитетами (в которых они не нуждаются), исподволь, но неоднократно ставит под сомнение некоторые ленинские выводы о построении социализма. По Троцкому, без

поддержки других стран социализм в России невозможен; индустриализация — только за счет крестьянства; нэп — начало капитуляции; кооперативный план — преждевременен; Октябрь — это просто продолжение февральской революции; без воспитания населения в "трудармиях" оно не поймет "преимуществ социализма" и т.д. Учитывая, что уже и Зиновьев и Каменев побежали навстречу Троцкому, сколачивая т.н. "новую оппозицию" с целью "осадить" Сталина, выступление последнего сначала против Троцкого, а потом и против его "новых" союзников квалифицировалось на этом этапе как "защита ленинизма". Сталин боролся пока еще дозволенными методами. Но "защищал" чаще цитаты, без их творческого осмысления. В его словах мало конструктивного, нового, тем более что и Троцкий не во всем был не прав, особенно если говорить о бюрократической опасности. Все речи Сталина этого периода — сплошное цитирование. Завершая свое выступление на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС, Сталин однозначно сказал: "Говорят о репрессиях против оппозиции и о возможности раскола. Это пустяки, товарищи. Наша партия крепка и могуча. Она не допустит никаких расколов. Что касается репрессий, то я решительно против них"[15].

Сталин пока "пощаднл", не подверг критике Зиновьева и Каменева, даже взял под свою защиту от нападок Троцкого. Однако основатели "новой оппозиции" не приняли оливковой ветви генсека. На одном из заседаний Политбюро в начале 1925 года Каменев, поддержанный своим единомышленником, заявил, что техническая, экономическая отсталость СССР в сочетании с капиталистическим окружением становятся непреодолимым препятствием для построения социализма. По существу, в главном вопросе Зиновьев и Каменев сблокировались с Троцким, которого они еще несколько месяцев назад за тот же самый тезис подвергали уничтожающей критике. Выступление "новой оппозиции" против политики РКП(б) требовало отпора, выработки общепартийной директивы о дальнейших действиях в области социалистического строительства. В этом смысле важное место занимает XIV партконференция РКП(б), состоявшаяся в конце апреля 1925 года. Сталин не выступал на ней ни с докладом, ни в прениях. Стержневыми на конференции были вопросы о кооперации (докладчик Рыков), о металлопромышленности (Дзержинский), о сельхозналоге (Цюрупа), о партийном строительстве (Молотов), о революционной законности (Сольц), о задачах Коминтерна и РКП в связи с расширенным пленумом ИККИ (Зиновьев). Каменев по традиции (или

по инерции?) вел конференцию. Так же, как обычно, он вел заседания Совнаркома, заседания Политбюро. Но это было в последний раз. Больше ему с Зиновьевым не председательствовать на таких форумах... Пожалуй, главное, что определила конференция, это положение, вопреки первоначальным тезисам Зиновьева, о возможности победы социализма в СССР даже в условиях замедления темпов развития мировой пролетарской революции. Однако окончательной победа социализма может считаться лишь тогда, сделала вывод конференция, когда будут созданы международные гарантии от реставрации капитализма.

Важным было обсуждение вопроса о революционной законности. Докладчик Сольц, сидевший когда-то вместе со Сталиным в туруханской ссылке, отметил, что после победы революции мы "более остро чувствовали потребность в улучшении нашего хозяйства, чем в установлении революционной законности". Теперь же, проницательно говорил Сольц, "надо членам партии, надо тем, кто осуществляет Советскую власть, понять, что наши законы во всех своих проявлениях также утверждают и укрепляют то строительство, которое мы хотим осуществить и укрепить, и нарушение наших законов разрушает это строительство"[16]. Жаль только, что примерно через десятилетие эти верные мысли, закрепленные в постановлении конференции, будут основательно забыты.

Через несколько дней после XIV партконференции Сталин выступил с докладом на партактиве Московской организации РКП(б). Специальный раздел своего доклада генсек назвал "О судьбах социализма в Советском Союзе". Сталин еще раз подверг ядовитой критике Троцкого, упомянув многие его работы, высмеяв (в который раз!) его теорию "перманентной революции". С большим пафосом и убежденностью Сталин объяснял партактиву суть полной и окончательной победы социализма в СССР. Но при этом уже стали появляться первые признаки его особой роли и особого места в партии. Так, например, он счел возможным, отбросив скромность, пространно цитировать самого себя. Излагая (пока!) в основном верные положения, Сталин постепенно готовил партию к тому, что он один обладает правами на провозглашение истины.

Сталин пытался опробовать свое понимание путей перехода к социализму не только в выступлениях в ЦК, в печати, но и в очень редких — перед рабочими. Помощник Сталина Товстуха записал одну такую речь, с которой генсек выступил в Сталин-

ских мастерских Октябрьской железной дороги 1 марта 1927 года.

Разглядывая лица сотен рабочих, с любопытством рассматривающих малоизвестного человека, Сталин неспешно, размахивая рукой в ритм своей речи, рассуждал:

"Мы совершаем переход из крестьянской страны в промышленную, индустриальную, обходясь без помощи извне. Как проходили этот путь другие страны?

Англия создавала свою промышленность путем грабежа колоний в течение целых 200 лет. Не может быть и речи, что мы могли бы стать на этот путь.

Германия взяла с побежденной Франции 5 миллиардов. Но и этот путь — путь грабежа посредством победоносных войн — нам не подходит. Наше дело — политика мира.

Есть еще третий путь, которым следовало царское правительство России. Это путь внешних займов и кабальных сделок за счет рабочих и крестьян. Мы на этот путь стать не можем.

У нас есть свой путь — путь собственных накоплений. Без ошибок здесь нам не обойтись, недочеты у нас будут. Но здание, которое мы строим, столь грандиозно, что эти ошибки, эти недочеты большого значения в конечном счете не имеют..."[17]

На другой день "Рабочая Москва" поместила отчет: "Пулеметная дробь аплодисментов. Человек в солдатских хаки, с трубкой в руке, в стоптанных сапогах остановился у кулис. "Да здравствует Сталин! Да здравствует ЦК ВКП(б)!" Записки Сталину. Покручивая черный ус, прилежно изучает записки. Смолкает прибой зала, и Сталин, Генеральный секретарь партии большевиков, именем которого названы мастерские, начинает свой разговор с рабочими..." Замечу — чрезвычайно редкий. Он больше любил выступать на совещаниях, в Кремле, на пленумах ЦК. Свои "явления" народу Сталин сделал в последующем еще более редкими. Загадочный, таинственный вождь всегда дает больше пищи для легенд.

В условиях достижения первых успехов в хозяйственном и культурном строительстве проходила подготовка к XIV съезду партии. В 1925 году удалось достичь, а по ряду показателей превзойти довоенный уровень в области сельского хозяйства. Так, валовой объем сельхозпродукции превысил 112% от довоенного уровня. Это очень примечательно. Нэп — как смычка города и деревни — начал давать плоды. Промышленное производство, находившееся более пяти лет в полном развале, превысило три четверти довоенного. Появились первые новые стройки, прежде всего электростанции. А ведь крупнейшие за-

рубежные экономисты предрекали достижение довоенного уровня не ранее чем через 15 — 20 лет! Значительные результаты были получены в борьбе с неграмотностью. Росла сеть школ, особенно в национальных республиках. Были сделаны крупные шаги по созданию системы высшего образования в стране, принят ряд важных постановлений по форсированию культурно-просветительной и образовательной работы в государстве. Российская академия наук была преобразована во Всесоюзную. Уже в это время появились работы мирового уровня В.И. Вернадского, Н.И. Вавилова, В.Р. Вильямса, Н.Д. Зелинского, И.М. Губкина, М.Н. Покровского, А.Ф. Иоффе, А.Е. Ферсмана и многих других пионеров советской науки. Успешно осуществлялся перевод Красной Армии на мирное положение, одновременно проводилась военная реформа. Особенно быстро эта работа стала проводиться после освобождения в январе 1925 года на Пленуме ЦК с поста наркомвоенмора Троцкого и назначения комиссаром по военным и морским делам председателя РВС СССР М.В. Фрунзе.

Стоит, видимо, напомнить один эпизод, происшедший на этом Пленуме. Зиновьев и Каменев сделали неожиданный ход. Каменев предложил вместо Троцкого на пост наркомвоена и председателя Реввоенсовета... Сталина. Это можно расценить по-разному. Не исключено, что Зиновьев и Каменев, чувствуя неконтролируемый рост влияния Сталина, решили перевести его на почетное, ответственное место, что позволило бы им на предстоящем съезде убрать его с поста генсека, вновь "подняв" ленинское "Письмо к съезду". Возможно, политический тандем этим шагом хотел убить сразу двух зайцев: окончательно устранить Троцкого и ударить по Сталину. Но, увы, если Троцкий и сыграл роль одного из "зайцев", то Сталин на нее не согласился. Генсек публично не скрыл своего удивления и даже неудовольствия предложением Каменева, что заметили на заседании многие члены ЦК. Большинством голосов инициатива Каменева была отклонена.

Вопрос решался без Троцкого: он сказался больным. В самые решающие моменты борьбы этот политик делал крайне неудачные ходы, облегчая задачу Сталину "бить врагов по частям"... В целом этот Пленум для Сталина значил многое. Позиции Троцкого еще более ослабли. Пленум, по сути, отказал также в поддержке Зиновьеву и Каменеву. В "игре комбинаций" генсек смог сделать то, что не смогли его оппоненты: убил двух зайцев, то бишь ослабил и Троцкого и старый дуэт. По су-

ществу, влиятельная тройка в лице Сталина, Зиновьева, Каменева распалась. Генсек в ней больше не нуждался.

Страна шла к XIV съезду партии, который стал важной вехой в выборе путей индустриализации народного хозяйства. Но к декабрю 1925 года, когда состоялся съезд, с трудом верилось, что то, о чем писали газеты, сбудется. Днепр пока спокойно катил свои воды, не будучи обуздан плотиной; там, где протянется Турксиб, песчаные бури гнали тучи песка; на месте будущего знаменитого Сталинградского тракторного завода лежал пустырь; никто не мог и думать, что у вековой горы через пятилетку взметнутся ввысь домны Магнитки; кто мог предположить, что пионеры ракетостроения приближали эру космических полетов — в начале 30-х произойдет запуск первой советской ракеты "ГИРД-Х"...

Да, обстановка постепенно улучшалась. Новая экономическая политика давала исторические шансы большевикам. По сути, это была начальная модель рыночного социализма, способная сохранить в новых условиях двигатель предприимчивости. Нэп помог быстро поднять сельское хозяйство. Промышленность приблизилась к довоенному уровню. Проницательные люди видели в плане ГОЭЛРО не просто путь электрификации страны, а способ поднять социалистическую экономику до высот нового политического уклада. Но это было только начало, связанное с преодолением многих трудностей.

Промышленные тресты, начав действовать на основах коммерции, сами устанавливали цены. Появились перекосы. Например, за кусок мыла, аршин ситца, ведро керосина крестьянин должен был продать зерна в 3 — 4 раза больше, чем в 1913 году. Усиливалось недовольство. Это было тревожным симптомом. Надежды на развитие концессий не оправдались: ожидаемых займов от капиталистических государств получить не удалось, а объем внешней торговли не достиг и половины довоенного уровня. У бирж труда толкалось полтора миллиона безработных. Каждый второй взрослый человек в стране еще не умел читать и писать. Не на что было покупать станки и машины. Почти не было новых крупных строек. Но люди, следившие за газетами, чувствовали: страна накануне огромных перемен. У молодого государства, похоже, не было иного выбора; чтобы выжить в этом сложном, опасном мире, нужно было ускорение. Как и за счет чего?

На таком фоне состоялся XIV съезд партии. Самой видной фигурой на съезде уже был Сталин, и прежде всего потому, что политический доклад, который был сделан генсеком, занимал

основное место в работе делегатов. Съезд подтвердил решение XIV партконференции о возможности полного построения социалистического общества. В резолюции съезда отмечалось, что "вообще победа социализма (не в смысле окончательной победы) безусловно возможна в одной стране"[20]. Съезд провозгласил переход к индустриализации как ключевой задаче социалистического переустройства общества. Делегаты отдавали себе отчет в том, что этот курс потребует сверхнапряжения и жертв. Встал вопрос о темпах. Полной ясности у многих, в том числе и руководителей, в этом вопросе не было.

Наряду с рассмотрением главного вопроса экономического характера в центре работы съезда вновь оказались и вопросы борьбы с "новой оппозицией". Известно, что основные силы оппозиции представляла ленинградская делегация, возглавляемая Зиновьевым. Именно он выступил с содокладом от оппозиции. Однако его речь на съезде прозвучала весьма бледно. Аргументы Зиновьева и его единомышленников были слабыми и неубедительными. Зиновьев, Каменев, Сокольников вместе с тем не без оснований предупреждали об опасности бюрократизации партии. По их мнению, она уже началась. Однако их выступления носили слишком личный характер, чтобы произвести должное впечатление на делегатов. Как уже отмечалось, Каменев на съезде впервые прямо сказал, что он "пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роль объединителя большевистского штаба". Но когда Каменев произнес эти слова, большинство делегатов съезда стали скандировать: "Сталина! Сталина!", фактически устроив овацию генсеку. Сталин почувствовал, что его линия на "защиту ленинизма", о чем он не уставал повторять, получает все большую поддержку партии. Именно в этой монополии на "защиту ленинизма" и его трактовке кроется "тайна" популярности генсека плюс — невысокий уровень политической культуры многих партийцев... Авторитет Сталина незаметно, исподволь достиг общепартийного уровня. Думается, что здесь сыграло решающую роль и то обстоятельство, что все прошедшее после смерти В.И. Ленина время Сталин выступал от имени "коллективного руководства", боролся за реализацию наиболее понятных массам заветов Ленина: восстановление экономики страны, развития кооперации, оживления торговли, распространения грамотности.

Я уже говорил, что Сталин как будто ни разу не "качнулся" ни к одной из оппозиций. Но такое впечатление складывается потому, что любой свой шаг, решение, критику, предложение он выдавал только за ленинские! Хотя в то же время

анализ практической деятельности Сталина убеждает, что он допускал немало самых различных ошибок, часто поддерживал то одну, то другую группировку, но умел быстрее других "корректировать" свои позиции. Сталин, как никто другой, научился на словах отождествлять свою линию, свою политику с ленинской. Здесь, подчеркну еще раз, кроется одна из тайн поддержки партией Сталина. Конечно, по многим (но не по всем!) вопросам Сталин действительно выступал в защиту ленинских идей. Но чем дальше, тем становилось очевиднее, что его, Сталина, видение этих идей все больше приобретало автократический характер. Многие большевики курс партии, работу ЦК очень часто связывали с конкретным лицом. И поскольку в отсутствие Ленина не было явного лидера, "объединитель большевистского штаба" Сталин выступил личностным выразителем первых успехов в народном хозяйстве, курса на единство партии, на оживление, благодаря закону о продналоге, сельского хозяйства. Большинству делегатов было ясно, что Зиновьев, Каменев и остававшийся на этом съезде в тени Троцкий все свои атаки на ЦК, его курс вели, исходя прежде всего из своего стремления занять лидирующее положение. Но поражение оппозиции было безоговорочным.

Очередной этап борьбы в партии нашел и организационное выражение. ЦК ВКП(б) — так стала именоваться теперь партия — отозвал Зиновьева с поста председателя Исполкома Коминтерна, а вскоре по инициативе советской делегации этот пост был упразднен. Руководителем Ленинградской партийной организации стал С.М. Киров. Каменева освободили от обязанностей заместителя Председателя Совнаркома и Председателя Совета Труда и Обороны. Правда, еще некоторое время Зиновьев и Каменев сохранили свое членство в Политбюро. Впервые в его состав вошли Ворошилов и Молотов, что резко усилило позиции Сталина.

В своем более чем часовом заключительном слове по Политическому отчету Центрального Комитета Сталин еще раз подверг уничтожающей критике Зиновьева, Каменева, Сокольникова, Лашевича, других их сторонников. Основное внимание в заключительном слове было уделено утверждению курса партии на строительство социализма, на укрепление единства ее рядов. Но вместе с тем от внимания наблюдательных людей не могло ускользнуть, в частности, то обстоятельство, что Сталин постоянно цитировал собственные статьи, записки, обращения и делал это без какого-либо смущения. Люди, обладающие высокой политической культурой, которых, к сожалению, тогда

было не так много, не могли не заметить бесцеремонности Сталина, которую он проявил во время критического анализа. Так, в оскорбительном тоне Сталин отозвался о выступлении Крупской, назвав ее взгляды "сущей чепухой". Потом он еще раз вернется к Крупской, заявив не без доли демагогии и кощунства: "А чем, собственно, отличается тов. Крупская от всякого другого ответственного товарища? Не думаете ли вы, что интересы отдельных товарищей должны быть поставлены выше интересов партии и ее единства?" Для нас, большевиков, демагогически, под аплодисменты закончил тираду Сталин, "формальный демократизм — пустышка, а реальные интересы партии — все". Лашевича назвал "комбинатором", Сокольникова — склонным беспредельно "куролесить" в своих речах, Каменева — "путаником", Зиновьева — "истериком" и т.д.[18] Похоже, что Сталин уже тогда стал сползать к позиции, когда и неформальная демократия для него будет "пустышкой". А непростительную грубость в адрес Надежды Константиновны нужно объяснить не просто политической бестактностью по отношению к ней и памяти Ильича, но и подспудной местью Крупской за те памятные письма, звонки, разговоры, к которым она имела отношение при жизни Ленина. Сталин никогда и ничего не прощал.

Сталин, видимо, чувствуя, что в ряде мест своего заключительного слова он "перехлестнул", "перебрал" в оценках, прибег к приему, который использует еще не раз. Поясняя свой грубый критический отзыв на слабую статью Зиновьева "Философия эпохи", Сталин заметил, что его грубость проявляется лишь к враждебному, чуждому, но это — от прямоты его характера. Генсек постепенно свою отталкивающую черту характера превращал в общепартийную добродетель, чуть ли не революционное качество. Но уже сейчас, на XIV съезде, в 1925 году, не нашлось, к сожалению, кроме Каменева, коммуниста, делегата, члена ЦК, способного спокойно, но по достоинству оценить личность Сталина и его сползание к разносной критике, которая, придет время, будет звучать как приговор. Как река берет свое начало из незаметного ключа, так то или иное нравственное качество начинается у человека с отдельного поступка и отношения к нему окружающих.

Сталин, последовательно подвергнув критике многих оппозиционеров, естественно, не обошел и Троцкого. Почувствовав настроение большинства делегатов, генсек отмел предложение Каменева о превращении Секретариата в простой технический аппарат, отметив вместе с тем, что он против "отсечения" от-

дельных членов руководства от ЦК. Бравируя расположением делегатов, Сталин счел уместным вновь заявить, что, если товарищи будут настаивать, он "готов очистить место без шума...". Сталин вел свою речь как опытный политик, добиваясь снова и снова поддержки делегатов, показывая свое бескорыстие и заботу об общепартийных интересах. Высмеивая, критикуя фракционеров, генсек смог тонко показать свое "великодушие", обрамляя свою речь словечками типа "что ж, бог с ним". Хотя Сталин уже решил, что с Зиновьевым и Каменевым "пора кончать", он тем не менее продемонстрировал свое миролюбие: "Мы за единство, мы против отсечения. Политика отсечения противна нам. Партия хочет единства, и она добьется его **вместе** с Каменевым и Зиновьевым, если они этого захотят, **без них** — если они этого не захотят"[19].

Замечу, что в заключительном слове Сталин сформулировал ряд положений, которые, если бы они выполнялись, могли бы предотвратить самый тяжелый период в истории нашей партии. Под аплодисменты и явное одобрение делегатов Сталин, в частности, заявил: "Пленум решает у нас все, и он призывает к порядку своих лидеров, когда они начинают терять равновесие... Если кто-либо из нас будет зарываться, нас будут призывать к порядку, — это необходимо, это нужно. Руководить партией вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича, глупо об этом говорить.

Коллегиальная работа, коллегиальное руководство, единство в партии, единство в органах ЦК при условии подчинения меньшинства большинству, — вот что нам нужно теперь"[20].

Конечно, все это правильные слова. Но если бы эти идеи о коллективности были подкреплены реальными делами, демократическими нормами, то можно было бы предотвратить будущие злоупотребления властью. Но все дело в том, что верные тезисы не нашли своего закрепления в уставных положениях о ротации руководства, сроках пребывания генсека и других лидеров на высших партийных должностях, подотчетности руководителей и т.д. А именно к этому вели ленинские идеи о совершенствовании партийного аппарата, упрочении демократических начал в партии и обществе. XIV съезд был, пожалуй, последним при Сталине, когда критика и самокритика были еще неотъемлемыми элементами атмосферы форума. На последующих съездах критики было все меньше и меньше. В дальнейшем мог критиковать только Сталин или по его указанию. А отсутствие свободного изъявления идей и взглядов с неиз-

бежностью вело к застою, догматизму, бюрократическому формализму.

Утвердив курс на социалистическое строительство, индустриализацию, съезд стал важной исторической вехой на этом пути. Но демократические начала в партии не получили своего развития. Великое едва ли ведало, что рядом с ним рождается его отрицание. В борьбе этих начал и кроются истоки грядущего триумфа "вождя" и трагедии народа. Не все тогда понимали, что за могущество придется платить личной свободой. Это не парадокс, а закон единовластия.

"Популяризатор" ленинизма

Слова "теория", "теоретик" в молодости у Джугашвили вызывали внутренний трепет. "Верная теория, — говаривал Мартов, — всегда дружит с истиной". Теперь ему эта фраза была понятна; он приобщился, прикоснулся и к теории, и к теоретикам. В 1907 году, в Лондоне, входя в церковь Братства, где проходил V съезд РСДРП, и, глядя на непривычные для православного готические очертания храма, Сталин вдруг вспомнил одну из притч Соломона: "Милость и истина да не оставляют тебя; обвяжи ими шею твою, напиши их на скрижали сердца твоего..." Он был в юности прилежным семинаристом, и годы скитаний не выветрили из сознания библейских постулатов. Милость была ему ни к чему: сентиментальности он никогда не любил. А вот истина... Ему казалось, что на съезде он не очень обогатился ею. Долгие споры "об отношении к буржуазным партиям", "о классовой солидарности", "о роли пролетариата в буржуазной революции" казались ему отвлеченными, плохо связанными с русской действительностью.

А она напомнила о себе, эта действительность, во время работы съезда весьма властно. Прервав заседание съезда, председательствующий вдруг объявил, что на завершение работы, оплату помещения, проживание в гостинице и обратный путь делегатам не хватает денег в партийной кассе; и что один либерал согласился дать вексель на три тысячи фунтов стерлингов при условии возвращения под немалый процент и если под векселем подпишутся все делегаты... После паузы все громко заго-

ворили соглашаясь. Более десяти лет пришлось ждать этому добровольному меценату возвращения своих фунтов. Он рисковал: далеко не все революции в истории свершались как по заказу.

Однажды в перерыве заседания Джугашвили оказался рядом с Лениным, Розой Люксембург и Троцким, спорившими о "перманентной революции". Но раздался звонок, приглашавший на заседание, и Ленин шуткой закончил спор:

— Наверное, Роза знает русский язык немного хуже, чем марксистский, поэтому у нас с ней и есть кое-какие разногласия... Но это дело поправимо!

Джугашвили смутно понимал суть "перманентной революции" и не включился в этот мимолетный спор. А ведь здесь тоже должна быть истина. А сколько таких истин нужно революционеру? Они ему теперь, пожалуй, особо нужны, хотя он и не собирался писать их на скрижали сердца своего. К этому времени делегат съезда с совещательным голосом Джугашвили уже был автором двух-трех десятков простеньких статей и первой своей, как он считал, крупной теоретической работы "Анархизм или социализм?". Сталин этой работой в душе гордился, хотя еще никто из "литераторов" в Лондоне с ней не был знаком.

Мог ли Сталин знать, что через тридцать с небольшим лет он будет единогласно избран почетным академиком Академии наук могущественной страны? Мог ли он даже подумать, что светила мировой науки — члены Академии преподнесут ему в день 70-летия фолиант-панегирик почти в восемьсот страниц, где слова "гениальный ученый", "гениальный теоретик", "величайший мыслитель" будут повторены бесчисленное множество раз?! Академики М.Б. Митин, А.Я. Вышинский, Б.Д. Греков, А.В. Топчиев, А.Ф. Иоффе, Т.Д. Лысенко, А.И. Опарин, В.А. Обручев, А.В. Винтер и другие скажут в этой величественной книге, сколь огромен вклад И.В. Сталина в развитие теории научного коммунизма, философии, политической экономии, сколь велико методологическое значение его идей для науки вообще.

"Величайший мыслитель и корифей науки", как было записано в протоколе № 9 общего собрания Академии наук СССР от 22 декабря 1939 года, между тем был и остался на долгие годы догматическим популяризатором марксизма, примитивным толкователем ленинских идей. Но к тому времени, когда он станет академиком, когда будут приниматься решения, прославляющие Сталина, как "светоча мировой науки", не воля

разума будет руководить этими почтенными людьми. Коронация генсека интеллектуальным венцом станет лишь одним из проявлений тех уродств, которые породило обожествление "вождя".

Ирония судьбы! В 1949 году академик П.Н. Поспелов напишет статью "И.В. Сталин — великий корифей марксистско-ленинской науки", а спустя несколько лет он же, по поручению ЦК, подготовит ошеломляющие разоблачительные выводы, которые лягут в основу знаменитого доклада Н.С. Хрущева на XX съезде партии... Ну а пока вернемся в 20-е годы...

Оказавшись во главе ядра ЦК, Сталин быстро почувствовал, что кроме организаторских качеств, которыми он обладал, "твердой руки", которую уже почувствовали многие в аппарате, ему нужно проявить себя и как теоретику. С одной стороны, переход к новому этапу борьбы за созидание нового общества требовал теоретического осмысления широкого круга вопросов. Все было внове: в экономической, социальной и культурной областях. Ленинская концепция социалистического строительства давала возможность видеть завтрашний день, но и требовала конкретизации применительно к практике ближайшего будущего.

С другой стороны, Сталин понимал, что лидер партии, а он хотел им стать не формально, а фактически, должен иметь устойчивую репутацию теоретика-марксиста. Он понимал, что подавляющее большинство его статей не оставили какого-либо следа в общественном сознании. Многие из них были посвящены тому или иному эпизоду, моменту многоцветной действительности. В этой мозаике лозунгов, идей, призывов, которые выплеснула революция, сталинские скучноватые статьи просто терялись. Правда, ко времени, когда Сталин стал постепенно утверждаться в руководстве партии после Ленина, им было опубликовано и несколько теоретических работ. Одну я уже называл — "Анархизм или социализм?". О том, каков ее теоретический, философский уровень, можно судить лишь по одному фрагменту: "...Буржуазия постепенно теряет почву под ногами, — писал Сталин, — и с каждым днем идет вспять... как бы сильна и многочисленна ни была она сегодня, в конце концов она все же потерпит поражение. Почему? Да потому, что она как класс разлагается, слабеет, стареет и становится лишним грузом в жизни. Отсюда и возникло известное диалектическое положение: все то, что действительно существует, т.е. все то, что изо дня в день растет, — разумно, а все то, что изо дня в день разлагается, — неразумно и, стало быть, не избегнет пора-

жения"[21]. Удручающий примитивизм и наивность этих умозаключений очевидны. Правда, это не помешало академику Митину назвать данный фрагмент "классической характеристикой нового"...

Малозаметными остались и такие его теоретические работы, как "Марксизм и национальный вопрос" (1913 г.), "Октябрьский переворот и национальный вопрос" (1918 г.), "К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов" (1923 г.), и некоторые другие. Сталин довольно скоро почувствовал, что он не в состоянии внести нечто принципиально свое в теорию марксизма, что могло бы стать подлинно новым словом в великом учении. Он все больше убеждался, что гений Ленина предвосхитил очень многое; мысль Владимира Ильича приподняла завесу над дальними далями. К какой бы сфере деятельности ни приходилось прилагать свои усилия, Сталин видел в ней следы ушедшей далеко-далеко вперед тени вождя. Мысль генсека не смогла даже приблизиться к мысли гения.

Ожесточенная междоусобица, которая не переставала потрясать партию в те годы, потребовала от Сталина максимально прибегнуть к широкой пропаганде ленинского наследия, его идей и выводов. Так к нему пришла идея прочесть небольшой курс лекций "Об основах ленинизма" в Свердловском университете. Вскоре после смерти Ленина эти лекции были прочитаны. В апреле и мае 1924 года их опубликовала "Правда". Пожалуй, именно они принесли Сталину определенное признание как "теоретику".

Образованность не только основной массы населения — крестьянства, но и рабочего класса, партийцев была невысокой. Им была нужна азбука ленинизма. Только предельная популярность, доходчивость, ясность, простота могли обеспечить понимание ленинских идей. Сталин к решению этой задачи оказался готов. Его "бинарное" мышление пригодилось как нельзя лучше. Телеграфно короткие фразы. Никаких мудреных терминов. Отсутствие глубины. Но ясность, ясность, ясность... Лекции после публикации были хорошо приняты. Их широко использовали агитпропы для ликвидации политического невежества населения. В последующем "Вопросы ленинизма", "Об основах ленинизма" были канонизированы и превращены усердными сталинскими пропагандистами в догматический цитатник. Работы и впрямь походили на мозаику из цитат. Пожалуй, если их убрать из сборников, то в некоторых из них остались бы одни знаки препинания. Однако одно издание следовало за другим...

В этих работах Сталина немало положений, на которых формировалось мировоззрение миллионов советских людей. Хотя существенно, что генсек, трактуя ленинские идеи, серьезно перекроил многие из них. Так, раскрывая сущность диктатуры пролетариата, он фактически сделал акцент лишь на ее насильственной стороне, начисто "освободив" ее от демократического содержания. Сегодня, например, нельзя без содрогания читать страницы сталинской работы "О политике ликвидации кулачества как класса", зная, что стояло за этим.

Сборник за сборником выходил в Государственном издательстве политической литературы. Редакторы не смели без Сталина что-либо менять, уточнять, поправлять. Поэтому, читая, например, выпущенный одиннадцатым изданием в 1945 году сборник "Вопросы ленинизма", сталкиваешься с местами, от которых берет оторопь. Сталин полемизирует, ругает, критикует, шельмует Зиновьева, Троцкого, Каменева, Сорина, Слуцкого, Бухарина, Рыкова, Радека, многих, многих других, будто они живы: "давайте послушаем Радека", "Троцкий говорит уже два года", "Каменев имеет в виду", "А как говорит Зиновьев?", "Эти факты известны Зиновьеву", "Бухарин опять говорит"... Конечно, мы знаем, что эти работы Сталин написал тогда, когда все эти люди, как тысячи и миллионы других, были живы. Но с тех пор прошли годы, а Сталин продолжает полемизировать со своими оппонентами, которых он распорядился уничтожить. Аргументы, которые выдвигает Сталин, борясь теперь уже с тенями ушедших людей, предстают не просто научно несостоятельными, но и в высшей степени кощунственными. И хотя в книге то и дело жирным шрифтом набрано: "Аплодисменты переходят в овацию", "Гром аплодисментов", "Все встают и приветствуют любимого вождя", "Громовое "ура"!" (и все это было) не покидает ощущение, что сама книга — из кошмарного сна. Уничтожить своих теоретических оппонентов и продолжать измываться над мертвыми мог лишь человек, полностью преступивший общечеловеческие нормы морали. Поэтому даже верные суждения, которые встречаются в примитивном популяризаторстве Сталина, не могут не восприниматься как кощунство.

Когда Сталин готовился прочесть, а затем опубликовать свои лекции, он еще не был полностью в плену идеологических предрассудков, которые затем сам усиленно культивировал. Так, например, невозможно представить, чтобы Сталин мог позволить в конце своей жизни то, что он написал о ленинском стиле в 1924 году. В середине 20-х годов он мог не греша про-

тив истины утверждать, что стиль ленинизма состоит в соединении русского революционного размаха и американской деловитости. "Американская деловитость — это та неукротимая сила, — писал генсек, — которая не знает и не признает преград, которая размывает своей деловитой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело..."[22] Думаю, что если бы кто-нибудь публично сказал в более поздние годы сталинские слова: "Соединение русского революционного размаха с американской деловитостью — в этом суть ленинизма в партийной и государственной работе"[23], то ему пришлось бы об этом горько пожалеть. В 20-е годы мысль Сталина, пусть и без полета и озарения, все же еще не была полностью стянута обручем воинствующего догматизма.

Здесь в самую пору сказать о складе интеллекта Сталина, хотя к этому вопросу я еще вернусь. Он сформировался под влиянием догматической религиозной пищи, практики революционной борьбы, выборочного ознакомления с работами основоположников научного социализма. Можно утверждать, особенно по "знаменитой" четвертой главе "Краткого курса" истории партии, что он до конца так и не разобрался в соотношении теории и метода, взаимосвязи объективного и субъективного, сути законов общественного развития. Его утверждения, что все в природе и обществе запрограммировано железной необходимостью, явно смахивают на фатализм: "социалистический строй последует за капиталистическим как день за ночью". Марксистская теория — это компас на корабле, который обязательно доплывет до другого берега, но с компасом — быстрее. Сталин высмеивает тех, кто прислушивается к "требованиям разума", "всеобщей морали" и воспевает вульгарный материализм, замешанный на насилии. Конечно же, он утверждает, что "примером полного соответствия производственных отношений характеру производительных сил является социалистическое народное хозяйство в СССР..."[24] Его аргументация всегда звучит либо как утверждение, либо как приговор.

Вся история, изложенная в "Кратком курсе", это цепь побед одних и поражений других — шпионов, двурушников, врагов, преступников. Сталин все уложил в прокрустово ложе схемы: в жизни должно быть так, как в теории. Той, которую он излагает. Подобный подход, говорили Маркс и Энгельс, может свести идеологию к "ложному сознанию". К счастью, в конечном счете судьба марксистско-ленинской идеологии не подвластна Сталину. Все, что происходит, по логике Сталина, — это закономерность: рост коммунистических партий — да; раз-

гром "правого уклона" — несомненно; "предательство" социал-демократических партий — естественно и т.д. Творчеству, воле, игре воображения, дерзости сознания в главе не оставлено места.

Сталинский интеллект — в плену схемы. Судите сами: три основные черты диалектики, четыре этапа развития оппозиционного блока, три основные черты материализма, три особенности Красной Армии, три основных корня оппортунизма и т.д. Да, в учебных целях это, пожалуй, и неплохо. Но "инвентаризировать" всю теорию и сводить ее к нескольким чертам, особенностям, этапам, периодам — все это обедняет обществоведение, делает мировоззрение догматическим.

В сталинских работах с определенного времени стали просматриваться ритуальные элементы. В мышлении Сталина трудно выделить оттенки, переходы, оговорки, оригинальные идеи, парадоксы. Мысль "вождя" однозначна: все, что выходит из-под его пера, — это развитие марксистско-ленинской теории. Каждое его изречение — программа. Все, что не согласуется с его установками, — подозрительно, а скорее всего — враждебно. Вульгаризация, упрощенчество, схематизм, прямолинейность, безапелляционность придали взглядам Сталина примитивно-ортодоксальный характер. Есть все основания утверждать, что у Сталина не возникало сомнений в "гениальности" того, что он говорил. Одно из доказательств подобного вывода — уже упоминавшаяся любовь к собственному цитированию. Однако при всем этом интеллекту Сталина была, пожалуй, присуща и сильная черта: его практический характер. Каждое теоретическое положение (часто весьма механически) генсек пытался увязать с конкретными запросами и потребностями социальной практики. Скажу сразу, не всем работам других марксистов присуща эта конкретно-практическая направленность. Но у Сталина эта практическая заостренность, подчеркну еще раз, не носила диалектического характера. Механицизм, автоматизм действия, часто смахивающий на фатализм, нередко придавали карикатурный характер сталинским трудам. Выступая на первом Всесоюзном совещании стахановцев, Сталин говорил: "Очень трудно, товарищи, жить одной лишь свободой. *(Одобрительные возгласы, аплодисменты.)* Чтобы можно было жить хорошо и весело, необходимо, чтобы блага политической свободы дополнялись благами материальными. Характерная особенность нашей революции состоит в том, что она дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и

возможность зажиточной и культурной жизни. Вот почему жить стало у нас весело, и вот на какой почве выросло стахановское движение"[25]. Комментировать такую "аргументацию" источников стахановского движения, думаю, нет нужды. Вульгарность и примитивизм долго насаждались в сознание. Мы порой еще не отдаем отчета в том, сколь тяжелые и далекие последствия влекло за собой такое "засорение" сознания людей.

Выбор методов борьбы за социалистическое переустройство общества сопровождался в 20-е годы активизацией теоретической работы руководителей партии. В "Правде", "Большевике" регулярно появлялись статьи Троцкого, Зиновьева, Каменева, Сталина, Калинина, Ярославского, других деятелей партии, пытавшихся взглянуть на ситуацию и перспективы социалистического строительства. Некоторые из них весьма преуспели в публикации своих трудов. Так, Троцкий за десять лет после революции успел издать 21 том своих сочинений. "Правда" 4 декабря 1924 года сообщала о начале издания ленинградским отделением Госиздата сочинений Зиновьева в 22 томах. Комиссия по изданию сочинений оценила их как своего рода "рабочую энциклопедию". Здесь же, в "Правде", помещена информация о выходе сборника "Октябрь. Избранные статьи В.И. Ленина, Н.И. Бухарина и И.В. Сталина". Особенно много появлялось в это время материалов, подготовленных Бухариным, — "Противоречия современного капитализма", "О новой экономической политике и наших задачах" и другие статьи.

Сталин стремился не отставать. Однако бо́льшая часть его статей в 20-е годы была посвящена не столько популяризации ленинизма, сколько полемике с руководителями различных группировок, оппозиций, фракций. Здесь Сталин чувствовал себя как рыба в воде. Пожалуй, благодаря борьбе с оппозициями, напористой, громкой критике своих вчерашних сотоварищей он и стал "теоретиком". Об этом, кстати, писал и Троцкий в своей книге "Сталинская школа фальсификаций". В ней отмечалось, что на борьбе с троцкизмом Сталин стал "теоретиком". В полемике, бесчисленных схватках, разоблачениях "оттачивалось" мышление Сталина. Выступления на партийных съездах и конференциях, пленумах, заседаниях Политбюро были жесткими, решительными, по большей части непримиримыми. Хотя порой Сталин, исходя из тактических соображений, и позволял себе либеральные "послабления". Так 11 октября 1926 года Сталин выступил на

заседании Политбюро с докладом "О мерах смягчения внутрипартийной борьбы". Правда, эти "смягчающие меры" свелись к формулированию пяти ультимативных пунктов, которые должны принять лидеры оппозиции, если они хотят остаться в ЦК.

В полемике с идейными оппонентами Сталин преображался: появлялось красноречие, хлесткость выражений, подчас носящие личный, оскорбительный характер. Характеристики "болтун", "клеветник", "путаник", "невежда", "пустозвон", "подпевала" Сталин употреблял без всякого смущения. Генсек даже гордился репутацией грубого, но непримиримого борца за единство партии, против фракционности, за чистоту ленинизма. Выступая с заключительным словом на XIV съезде партии, Сталин, как мы помним, подверг резкой критике Каменева, Зиновьева, Сокольникова. Словно присваивая себе право на грубость, как атрибут генсека, Сталин под одобрительный смех делегатов заявил: "Да, товарищи, человек я прямой и грубый, это верно, я этого не отрицаю"[26].

Повторяю, часто эти "прямота и грубость" носили попросту оскорбительный характер. Так, в ответе юристу С. Покровскому, пытавшемуся выяснить отношение Сталина к теории пролетарской революции, генсек в самом начале своего письма называет его "самовлюбленным нахалом". На такой же ноте Сталин и заканчивает свой ответ: "...Вы ни черта, — ровно ни черта, — не поняли в вопросе о перерастании буржуазной революции в революцию пролетарскую... Вывод: надо обладать нахальством невежды и самодовольством ограниченного эквилибристика, чтобы так бесцеремонно переворачивать вещи вверх ногами..."[27] Такими были стиль и язык критики Сталина. Даже серьезные аргументы, которые он использовал в борьбе против оппозиции, часто обрамлялись грубыми эпитетами. Генсек с полной уверенностью судил: здесь истина, а здесь заблуждение. Основоположники научного социализма никогда себе не позволяли такого. Ведь иначе бы получилось, как писал Рабиндранат Тагор:

Перед ошибками захлопываем дверь.
В смятенье истина: как я войду теперь?

По мере утверждения своего авторитета и повышения политической значимости поста генсека Сталин все чаще прибегал к использованию в качестве аргументов собственных высказываний. В этом случае они уже представали как истина в высшей инстанции. Но чем дальше, тем меньше Сталин это замечал.

Так, дав определение ленинизма в своих лекциях в Свердловском университете, Сталин в работе "Вопросы ленинизма" фактически превозносит эту дефиницию как совершенную и универсальную. Далее он многократно прибегает к собственному обильному цитированию, сопровождаемому неизменными оценками: "все это правильно, т.к. целиком вытекает из ленинизма" и т.д. Порой поражаешься, сколь высоко ставит и ценит собственные выводы генсек. В последующем это станет правилом: отсылать читателей к своим статьям и книгам. Так, в ответе Покоеву "О возможности построения социализма в нашей стране" он не только полностью умалчивает, что эта идея целиком принадлежит В.И. Ленину, но и не скрывает, что именно он, Сталин, является автором этой концепции. Не утруждая себя особыми аргументами, генсек в *post skriptum* без обиняков говорит: "Взяли бы "Большевик" (московский) № 3 и прочли бы там мою статью. Это облегчило бы Вам дело". А что касается собственно ответа Покоеву, то наряду с верными положениями Сталин напирает на одну идею: "рабочий класс в союзе с трудовым крестьянством может **добить** (выделено мною. — *Прим. Д.В.)* капиталистов нашей страны"; "оппозиция же говорила, что добить своих капиталистов и построить социалистическое общество мы не сможем"; "если мы не рассчитывали **добить** (выделено мною. — *Прим. Д. В.)* наших капиталистов... то мы зря брали власть..."[28] и т.д. Акцент на "добивание" в 1926 году остатков эксплуататорских классов слишком очевиден. Представляется, что в то время это не было главной задачей. Со временем "добивание" созреет до глубоко ошибочного тезиса об обострении классовой борьбы по мере продвижения вперед, к социализму. "Битье" и "добивание" скоро станут едва ли не главным занятием Сталина.

Несмотря на весьма посредственный, примитивный уровень теоретических обобщений, выходивших из-под пера Сталина, он очень любил давать определения, формулировать дефиниции. Можно было бы назвать такие широко известные его определения: о сущности ленинизма, о сущности наций, о политической стратегии и тактике, о сути уклонов и т.д. Возможно, какую-то роль в популяризации основ ленинизма они сыграли. Но как человек, весьма склонный к догматическому мышлению, Сталин буквально канонизировал определения, мог построить целую речь на доказательстве непонимания тем или иным оппозиционером какого-либо вопроса.

Но, пожалуй, самое негативное в теоретическом "творче-

стве" Сталина заключается в том, что он фактически отбросил гуманистическую сущность социализма, постепенно обосновал, если так можно выразиться, "жертвенный социализм". Эти мировоззренческие установки генсека со временем позволят ему с легким сердцем пойти на неслыханные массовые репрессии, на широкое применение насилия как главного социального рычага в строительстве социализма. По сути, анализ теоретических взглядов Сталина и особенно способов и методов их материализации позволяет сделать вывод, что генсек постепенно отошел от ленинизма. Звучит парадоксально, но это факт: Сталин, оставаясь большевиком, в конце концов не станет ленинцем! И это — руководитель партии! Среди многих разновидностей социализма — утопического, мелкобуржуазного, казарменного, научного — Сталин создал нечто свое. Его социализм — это социализм бюрократический, несущий в себе черты и догматического, и казарменного. Одним словом — сталинский. Нет, он не смог, не сумел, не успел все деформировать в живой ткани социализма, который строили миллионы. Но сегодня мы знаем, что считать социалистическим общество, где только высока степень обобществления, где коллективное выше личного, где все планируется "сверху", нельзя. Подлинный социализм, каким его видел Ленин, это когда в центре внимания — ЧЕЛОВЕК. Ленинская концепция социализма — это демократия, гуманизм, человек, социальная справедливость. Подобный подход никогда не может сочетаться с насилием, отчуждением народа от власти, вождем-полубогом. А это свидетельствует, что на определенном этапе Сталин все больше отходил от ленинской концепции социализма.

Справедливости ради нельзя не отметить, что над своими статьями, речами, репликами, ответами генсек трудился сам. Свидетельства его помощников, в разное время работавших с ним, других ответственных лиц из аппарата Генерального секретаря дают основания сделать вывод: при огромной загруженности Сталин весьма много работал над собой. Ему ежедневно по его специальным заказам делали подборку литературы, вырезки из статей, сводки по материалам местной партийной печати, обзоры зарубежных изданий, наиболее интересные письма.

Однажды он долго сидел над письмом из Берлина с обратным адресом: Целлендорф, Вальдемарштрассе, 11, "Вилла Нина", В.П. Крымову. Это было довольно необычное письмо. Его автор — один из "бывших", писатель, бежавший из России в 1917 году, но пристально, до боли в глазах и в сердце всмат-

ривавшийся в новую Россию. Читая, Сталин отчеркивал строки: "Я пишу Вам, как одному из самых крупных государственных деятелей в современной России. Я пацифист и интернационалист, но все-таки я люблю Россию больше всякой другой страны. Мне отсюда м.б. видно кое-что, что Вам не так ясно, при всей Вашей осведомленности изнутри (здесь красный карандаш проделал двойной путь. — *Прим. Д.В.)*...

Нужно во что бы то ни стало сохранить власть в ваших руках, вожаков пролетариата, ничего не щадя. Помните: "Кто не способен на злодейство, тот не может быть государственным человеком". Прежде всего армия. Она не должна воевать, но она должна быть. Все должны знать о ней преувеличенное. Чем больше всяких военных демонстраций, тем лучше... Никаких средств не надо щадить в заботах об увеличении населения России и полном его воспитании. Это самое страшное оружие против капиталистического мира. Сегодня ясно, что современная Россия может дать новый закон истории: размаха маятника в другую сторону может и не быть; он может навсегда остаться слева... Не нужно лжи, но нужны две правды, и о большей умолчать на время и тем заставить верить в меньшую; а когда понадобится, малая отступит перед большой... Не надо притеснять религию, это укрепит ее. Привлекайте частный капитал. Пока государственная власть у вас — это не представляет никакой опасности... Проявление современного русского творчества нужно поддержать, не жалея затрат. Скажем, литературу, м.б. балет. Нужно бросить в остальной мир яркие кристаллики современной России: этим можно иногда сделать больше, чем самой широкой пропагандой... Революция сделала уже колоссально много. Но эксперимент затягивается, нужны какие-нибудь реальные результаты. Нужны какие-то выполнения обещанного благополучия пролетариата. А пока у вас волокиты больше, чем в царском строе. Есть случаи, когда тянуть выгодно, но сплошь эта система гибельна..."[29]

Сталин долго сидел над письмом, перестав подчеркивать, ибо почти каждая строка была, как ему казалось, умной, взвешенной, выстраданной. Взглянул еще раз на подпись: размашисто — "Вл. Крымов", "опубликование моего письма нежелательно". Сталин отложил письмо в папочку, где лежали бумаги, к которым он еще возвращался.

В 1924 — 1928 годах Сталин неоднократно приглашал к себе профессоров из Промышленной и Коммунистической академий, которые консультировали его в области обществознания.

Особенно он чувствовал свою слабость в философии. Историю знал заметно лучше. К углублению своих экономических знаний особого рвения не проявлял. Вместе с тем длительный опыт работы на посту генсека, где ему приходилось заниматься самыми разнообразными проблемами, сформировал довольно тонкое чутье, весьма практичный ум, способный быстро оценивать ситуацию, правильно ориентироваться в калейдоскопе проблем и выделять в нем главные звенья. Природная наблюдательность, отличная память на лица, фамилии, факты, богатый опыт общения с целой когортой образованнейших людей из ленинского окружения не могли не выработать у Сталина и нечто свое, неповторимое. Например, не будучи теоретиком, он превосходил многих своих сотоварищей в прагматическом подходе к теории, умению максимально полно "состыковать" ее с практическими задачами.

Уже через несколько месяцев после смерти Ленина многие почувствовали "твердую руку" Сталина. Генсек ничего не забывал и не прощал. Однажды поставив цель, сформулировав задачу, он проявлял порой поразительную изощренность и упорство в их реализации. Эта же линия была видна и в его литературных трудах. В статьях, брошюрах, естественно, были "довороты", некоторые коррективы, но в основном он с упорством повторял то, что сказал ранее. На окружающих это производило впечатление и со временем невольно приобретало хрестоматийный оттенок. Так, сказав однажды, что "ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности"[30], Сталин канонизировал определение. Бесспорно, на этапе непосредственной борьбы за выживание нового строя это определение сыграло свою роль, позволило полнее понять сущность идеалов и целей Ленина. Но эта формула у Сталина так и осталась застывшей на долгие годы, хотя очевидно, что она явно беднее содержания теории и практики ленинизма. Сведение ленинских идей только к теории и тактике диктатуры пролетариата было предпосылкой многих изъянов в последующей практике социалистического строительства.

В то же время было очевидно, что ленинизм — это целостная научная система философских, экономических и социально-политических взглядов на пути познания и революционного преобразования мира. Однако даже малейшие отступления от сталинской трактовки сути ленинизма рассматривались как оппортунистическая ересь со всеми вытекающими из этого последствиями.

Сталин был большим мастером упрощения теории марксизма-ленинизма, часто до примитивизма. Кажется, Ремарк сказал, что каждый диктатор начинает с того, что упрощает. Именно Сталину, повторюсь, принадлежит "заслуга" насаждения схематизма в теории, истории партии. Возможно, в тех условиях такое упрощение, порой даже легковесное понимание сути диктатуры пролетариата, классовой борьбы, стратегии и тактики рабочего класса, революционного метода, основных законов диалектики было необходимым, учитывая уровень общей и политической культуры трудящихся. Но вскоре, к концу 20-х годов, другие, более серьезные и глубокие труды уже просто не могли появиться. Оставалось только комментировать, разбирать, славословить сталинские работы. На целые десятилетия теоретическая мысль в обществоведении впала в состояние глубокой стагнации, застоя. Именно Сталин положил начало подгонке тех или иных выводов теории к реалиям жизни, общественному бытию. Сведение марксизма-ленинизма к элементарным схемам, а часто и его препарирование резко затормозило развитие общественной мысли. На ниве простеньких концепций, часто ошибочных, стали бурно расти догматические взгляды. Догматизм можно сравнить с судном, сидящим на мели. Волны бегут, а корабль стоит, но видимость движения сохраняется. Сталин к идеологии подходил сугубо прагматически, полагая, что настоящая идеология внутри страны должна функционировать подобно цементу, а вне ее — как взрывчатка...

Многие из его теоретических выводов стали со временем источником больших социальных бед. Иногда мне думается, что интересная, оригинальная мысль имеет как бы окраску: оранжевую, фиолетовую, пурпурную, изумрудно-лазурную... Это все равно как если бы луч пронизал туман, мрак, сумерки, очерчивая силуэт, контуры желанной Истины. Пожалуй, мир мысли не только многострунен, но и многоцветен. Но эти краски надо уметь видеть. У Сталина мысль была серой, которая со временем, на практике проявляла себя в самых мрачных тонах. Судите сами.

14 — 15 января 1924 года состоялся Пленум ЦК, рассмотревший целый ряд вопросов. О международном положении доклад сделал Зиновьев. Докладчик и выступающие подвергли критическому анализу неудачи в Германии, где, по мнению многих, не была использована революционная ситуация. В своем выступлении Сталин остановился на роли Радека в этих событиях, бывшего в то время в Германии. "Я против

того, чтобы применять к Радеку репрессии за его ошибки в германском вопросе. Он допустил их целый ряд, из которых я выделяю здесь семь штук". Любимое занятие Сталина — нанизывать ошибки других на длинную бечеву. Я не буду перечислять все, назову лишь ту ошибку, которую Сталин пронумеровал, как в инвентарной описи, "четвертой". Радек считает, продолжал генсек свое перечисление, "главным врагом в Германии фашизм и полагает необходимой коалицию с социал-демократами. А наш вывод: нужен смертельный бой с социал-демократией..."[31]. Это не просто невинная теоретическая ошибка в анализе. Политическая близорукость Сталина в оценке фашизма и социал-демократии дорого обойдется коммунистам, всем демократическим силам в будущем. Его "серое", а точнее ложное, восприятие острейшей проблемы свидетельствует о явном неумении анализировать многозначные связи.

Или еще пример его теоретической недалекости. Во время октябрьского Пленума ЦК РКП(б) 1924 года обсуждался вопрос о работе в деревне. Докладчиком был Молотов. С длинной речью выступил Зиновьев (плохо ориентировавшийся, как Молотов и Сталин, в аграрных вопросах). Но и он довольно верно оценил общую обстановку: "Мы обсуждаем сейчас не только вопрос о работе в деревне, но и об отношении к крестьянству вообще, т.е. гораздо более общий вопрос, который, вероятно, не сойдет с очереди в течение ряда лет, т.к. он целиком упирается в проблему о проведении диктатуры в данной обстановке"[32]. В своем выступлении Сталин попытался дать ряд политических и теоретических рекомендаций, в которых можно рассмотреть зародыши будущих крупных ошибок. Первое, что нам надо делать, — "это завоевать крестьянство заново". Во-вторых, видеть, что "изменилось поле борьбы". В-третьих, "надо создать в деревне "кадры"[33]. Идет 1924 год, а речь Сталина звучит как будто уже из 1929-го... "Проницательность" и последовательность в утверждении тяжких ошибок. Таким был Сталин как "интерпретатор" ленинизма.

Я еще коснусь теоретических воззрений Сталина в последующие годы. Но сейчас, во времена выбора и борьбы за распространение идей ленинизма в массах, он впервые ощутил силу общественного влияния на людей не только научных концепций, но и литературы и искусства.

Интеллектуальное смятение

Последователь Вл. Соловьева философ Е. Трубецкой в работе "Два зверя" развивал идею о том, что России угрожают две крайности: "черный зверь реакции и красный зверь революции". Для многих деятелей культуры эти "звери" оказались реальными. Художественно-идейные колебания шли по самой большой амплитуде. От прямого, откровенного неприятия самой идеи революции (З. Гиппиус, Д. Мережковский, И. Бунин) до ее восторженного прославления (Д. Бедный, А. Жаров, И. Уткин, М. Светлов). Однако далеко не все быстро определили свои идейные позиции.

У Киплинга есть прекрасные строки, суть которых такова: сила продолжающейся ночи уже сломлена, хотя никакой рассвет не грозит ей ранее часа, назначенного рассвету... Сила старого была сломлена, но было бы неестественным ждать, что все художники станут приветствовать наступающий рассвет. И на главной улице большой литературы, и на ее задворках шло глухое, а иногда и бурное брожение. Основными вопросами, терзавшими художественную интеллигенцию, были: место культуры в "новом храме", проблема творческой свободы, отношение к духовным ценностям прошлого. Кое-кто из писателей всерьез считал, что у русской литературы одно будущее — ее прошлое. Многих мастеров слова революционный шквал напугал, в нем они увидели угрозу не только себе, но и всей культуре. Хотелось бы высказать свой взгляд на отношение интеллигенции к революции, к социализму, к той нови, которая рождалась в страшных муках на нашей многострадальной земле.

Большинство интеллигенции не приняло социалистическую революцию. Разумеется, не все непринявшие стали ее врагами. Нет. Пожалуй, многих интеллигентов устроили бы результаты февральской буржуазно-демократической революции с каким-нибудь парламентом и другими атрибутами либерального многовластия. Растерянность, интеллектуальное смятение русской интеллигенции продолжалось несколько лет. Затем стали вырисовываться диаметрально противоположные тенденции: полное принятие идей Октября и их полное отрицание, долгие колебания и постепенные повороты. Весьма характерен в этом смысле небольшой сборник "Смена вех", вышедший в июле 1921 года в Праге. Выступившие в нем авторы, в основном кадетской ориентации, активные деятели лагеря белых, призвали пойти на

капитуляцию. Ключников, Потехин, Бобрищев-Пушкин, Устрялов заявляли, что по "роковой иронии истории" большевики сделались "хранителями русского национального дела". Кстати, в своих выступлениях в 20-е годы Сталин неоднократно упоминал Устрялова и само "сменовеховство" как символ разложения вражеского лагеря. Авторы "Смены вех" не скрывали, что считают большевизм утопией, но понимали, что с ними, российскими беглецами, "расправится и уже расправляется история". Ностальгические мотивы, окрашенные в славянофильские тона, знаменовали нечто более важное: поворот части интеллигенции к поддержке социалистической России. Эта смутная тяга к Родине глушила классовые инстинкты, мирила, хотя и с болью, с новыми реальностями в России.

Но большая часть интеллигенции не приняла большевизма. Журнал "Политработник" в 1922 году в статье "Беглая Россия" писал: "Великая Октябрьская революция имеет свой "Кобленц"... Известны "патриотические" подвиги и образ жизни и мышления этой беглой России. Она не имеет даже и налета той печальной красоты глубокой осени, отпечаток которой можно уловить на представителях погибающего феодального общества в Кобленце Великой французской революции. Здесь господствует гниль, мерзость запустения, склока, мелкое и крупное интриганство и подхалимство, громко именуемые "деланием политики"..."[34]

Выразителем крайнего неприятия Октября стала Гиппиус. В своих "Серой книжке" и "Черном блокноте" она полностью отрицала идеи революции, которая, по ее мнению, похоронила культуру России:

Напрасно все: душа ослепла,
Мы червю преданы и тле,
И не осталось даже пепла
От Русской Правды на земле.

Гиппиус олицетворила революцию с "пустоглазой рыжей девкой, поливающей стылые камни". Гиппиус, характеризуя свою и мужа (Мережковского) политическую позицию, с гордостью говорила: "Пожалуй, лишь мы храним белизну эмигрантских риз". В своей Родине они увидели "царство Антихриста".

Даже Троцкий, довольно терпимо относившийся ко всем этим метаниям и считавший неизбежным интеллектуальное смятение интеллигенции, бросил злую реплику по поводу "нытья" Гиппиус. Ее искусство, в котором преобладала проповедь мистического и эротического христианства, писал Троц-

кий, сразу же трансформировалось, стоило "подкованному сапогу красноармейца наступить на ее тонкий носок. Она немедленно стала завывать криком, в котором можно было узнать голос ведьмы, одержимой идеей о святости собственности"[35].

Спектр эстетических интересов Сталина был неизмеримо у́же эрудиции Троцкого, и декадентские, иконоборческие традиции и тенденции его мало волновали. Едва ли Сталин хорошо знал творчество Гиппиус, Бальмонта, Белого, Лосского, Осоргина, Шмелева и многих других интеллектуалов, так или иначе оставивших след в истории отечественной культуры. Его ум, эмпирический и лишенный эмоционального богатства, на весь храм культуры смотрел сугубо с прагматических позиций: "помогает", "не помогает", "мешает", "вредит". Художественные критерии, если они у него и были, не имели решающего значения. В полной мере свое кредо в отношении литературы и искусства Сталин выразит через два десятилетия в печально известном постановлении о журналах "Звезда" и "Ленинград". Для него литература и искусство всегда оставались замкнутыми в примитивную биполярную модель: "свои" и "чужие".

Справедливости ради нужно сказать, что, хотя волна эмиграции за рубеж была весьма большой, возможно, более 2 — 2,5 миллиона человек, в основном представителей состоятельных слоев, интеллигенции, в том числе художественной (Марк Алданов, К. Бальмонт, П. Боборыкин, И. Бунин, Д. Бурлюк, З. Гиппиус, А. Куприн, Д. Мережковский, И. Северянин, А. Толстой, Саша Черный, Вяч. Иванов, Г. Иванов, В. Ходасевич, И. Шмелев, М. Цветаева, В. Набоков-Сирин и многие другие), далеко не все были враждебно настроены против Советской России. Различна и их судьба. Немало таких, кто нашел свою смерть в трущобах Шанхая, ночлежках Парижа или вернулся в края родные. Одних ждала возможность возрождения литературного творчества, другие не смогли адаптироваться в новой социальной среде и навсегда замолчали. Третьи попали под жернова беззакония.

Художественная интеллигенция, оставшаяся в России, вела себя тоже по-разному. Стали быстро возникать творческие союзы, объединения — "Союз крестьянских писателей", "Серапионовы братья", "Перевал", "Российская ассоциация пролетарских писателей" (РАПП), "Ассоциация художников революционной России" (АХРР), "Кузница", "Левый фронт искусств" (ЛЕФ), другие творческие альянсы. В стенах холодных клубов и дворцов шли жаркие дискуссии о пролетарской культуре, литературе и политике возможностях использования ценностей

буржуазной культуры. В процессе этого литературного брожения, а порой и интеллектуального смятения рождались спорные концепции, иногда — ошибочные взгляды. Возник уникальный шанс в создании и утверждении творческого плюрализма в художественном сознании. В то время еще не были в ходу командные методы, которые для искусства, литературы равнозначны творческой атрофии.

Сталин, мало интересовавшийся поначалу этими вопросами, не видел какой-то опасности в мозаике литературных школ, направлений, тем более что большинство художников (на свой лад) говорили о революции, новом мире, новом человеке, "зовущих далях". Даже авангардистские, часто сектантские увлечения "радикальными методами" творчества казались только наивными, забавными, не более. В ЦК еще не было идей и политических доктрин ждановского толка. Все это придет позже. Этот творческий плюрализм, естественный, как само искусство, за короткий срок смог дать в кино, литературе, живописи произведения, навсегда вошедшие в сокровищницу нашей духовной культуры.

В целом этот период (20-е гг.) характеризуется раскрепощенностью мысли, творческими поисками, смелым новаторством. Художники, мастера слова, сцены, кинематографа много говорили о свободе творчества. У писателей было рожденное революцией стремление постичь тайны великого, вечного, непреходящего. Много говорили о гениях, гениальности, часто "перехлестывая" в своих суждениях через край. А впрочем, самая высокая вершина пирамиды творчества — гениальность, и почему бы мастеру слова не стремиться к ней? Может быть, и прав был крупный русский писатель и философ Н. Бердяев, не оцененный по-настоящему и сейчас, что "культ святости должен быть заменен культом гениальности"?

Революция форсировала творческое созревание многих, и, видимо, были естественны и плодотворны частые дискуссии, споры, соревнования различных художественных школ. Как жаль, что через несколько лет эта атмосфера исканий в значительной мере испарится в каменоломнях бюрократического слога, однодумства, как духовной униформы, родит множество книг с "грибной жизнью", книг-однодневок, о большей части которых сейчас никто и не вспомнит. В двух номерах журнала "Большевик" (1926 г.) была опубликована статья П. Ионова о пролетарской культуре и "напостовской путанице", в которой давался критический анализ воззрений столпов "напостовства" Вардина и Авербаха, выражавших свои взгляды в журнале "На

посту" (отсюда — "напостовцы"). "Большевик" доказывал невозможность существования "чистого искусства", не подверженного влиянию социальных бурь, экономических потрясений, классовых схваток. Через некоторое время "Большевик" поместил ответ П. Ионову Леопольда Авербаха, сводящийся к тому, что культурная революция будет сопровождаться обострением классовой борьбы: "Кто кого переработает — массы ли старую культуру сумеют разбить на кирпичи и нужное им взять, или здание целостной старой культуры окажется сильнее пролетарского культурничества"[36].

Вскоре будет провозглашен тезис о необходимости административного управления процессами культуры. Весьма характерна в этом отношении, например, передовая статья в журнале "Большевик", озаглавленная "Командные кадры и культурная революция". В ней постулируется, что проблема "воспитания культурных командных кадров строителей социализма" — проблема политическая[37]. Ну а как только "подвоспитались культурные командные кадры", стали рушиться церкви, исчезать самобытные творческие объединения, замолкать неповторимые индивидуальности. Такой, например, оказалась судьба целой группы "крестьянских поэтов", ярким представителем которых был С. Есенин. Судьба их печальна. Очень жаль, но к этому приложил руку, видимо, не освободившись от своих ранних радикальных воззрений, и Бухарин... Свобода творчества все более программировалась, а значит, сужалась. А искусство, отчужденное от свободы и духовной сути человека, уже становится суррогатом культуры.

Конечно, сомнительно методы идейного руководства подменять директивным стилем. У политики есть много областей, где она диктовала и будет диктовать, но есть и такие сферы, где она может лишь взаимодействовать. Существуют и такие, где "политический скальпель" противопоказан, иначе он в процессе своего применения добивается противоположного, чем ждали, результата.

Сталин внимательно наблюдал за процессами брожения в литературе. Он чувствовал, что культурная революция, вызвавшая огромные изменения в общественном сознании, с неизбежностью вызовет и повышенный интерес к культурным ценностям вообще и к художественной литературе в частности. К середине 20-х годов грамотность населения страны заметно повысилась. Особенно поразительными были перемены в национальных республиках. К 1925 году по сравнению с 1922 годом число трудящихся, овладевших грамотой, возросло в Гру-

зии в 15 раз, в Казахстане — в 5 раз, в Киргизии — в 4 раза. Аналогичной была картина и в других регионах. Подлинными очагами культуры, грамотности становились рабочие клубы в городах, избы-читальни в деревнях. В 3 раза по сравнению с 1913 годом выросли тиражи периодических изданий. Начался массовый процесс строительства библиотек. Были созданы киностудии в Одессе, Ереване, Ташкенте, Баку. Больше издавалось художественной литературы.

Политбюро неоднократно рассматривало вопрос о создании лучших условий для приобщения масс к художественной культуре, об усилении на нее идейного, большевистского влияния. В июне 1925 года Политбюро одобрило резолюцию "О политике партии в области художественной литературы". В постановлении отмечалась необходимость бережного отношения к старым мастерам культуры, принявшим революцию, а также, по предложению Сталина, подчеркивалась важность продолжения борьбы с тенденциями сменовеховства. Более того, в документе указывалось, что "партия должна всемерно искоренять попытки самодельного и некомпетентного административного вмешательства в литературные дела"[38].

Как видим, в первые годы после революции ЦК партии следовал ленинскому завету о том, что для подлинного социализма нужна "именно культура. Тут ничего нельзя поделать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще"[39]. Не забыты были слова Ленина о том, что новая культура не может быть создана на голом месте. К сожалению, в 30-е годы эти ленинские идеи будут преданы забвению.

Помощники Сталина докладывали генсеку о новых книгах, статьях пролетарских писателей. Все, естественно, генсек читать не мог. Но в его библиотеке (которая позже была расформирована, и в ней остались лишь книги с его пометками) сохранились тома, книжки тех лет в дешевых переплетах, с отметками красным, синим, простым карандашом. К слову сказать, большинство своих резолюций, пометок он делал красным карандашом. Многие из его соратников вольно или невольно подражали Сталину (в частности, Ворошилов). Судя по пометкам, различным замечаниям, написанным лично им, есть основания полагать, что Сталин ознакомился с "Чапаевым" и "Мятежом" Д. Фурманова, "Железным потоком" А. Серафимовича, повестями Вс. Иванова, "Цементом" Ф. Гладкова, творчеством М. Горького, которого генсек любил, стихами поэтов А. Безыменского, Д. Бедного, С. Есенина, других извест-

ных мастеров слова. Сталин заметил А. Платонова с его повестью "Впрок". Но, судя по всему, талантливый писатель, проникший в глубокие пласты человеческого духа, остался непонятым. "Бессонный сатаноид" поисков писателя вызвал раздражение генсека, о чем он, в частности, поведал однажды Фадееву. Сталин очень слабо был знаком с классической западноевропейской литературой, подозрительно относился к Западу вообще, к его "разлагающей" демократии.

Сталин любил театр и кинематограф. Но "любил" по-своему, как помещик свой крепостной театр. В 30-е и 40-е годы он был частым посетителем Большого театра, регулярно смотрел по ночам в Кремле или на даче новые фильмы. При его затворничестве они, особенно кинохроника, были своеобразным окном в мир. Живопись любил меньше и не скрывал, что не обладает должным вкусом. Вопросы художественной культуры нередко обсуждал не только в кругу членов Политбюро, где большинство были невысокими ценителями искусства, но и с мастерами слова — Горьким, Демьяном Бедным, Фадеевым и, конечно, с Луначарским.

В его речах художественные образы присутствуют неизмеримо реже, чем у Ленина, Бухарина, Троцкого, некоторых других деятелей партии. Они ему нужны, как правило, лишь для усиления критического начала своих выступлений. Одним из редких примеров такого использования можно было бы назвать выступление Сталина на объединенном заседании Президиума ИККИ* и ИКК** в сентябре 1927 года. Отвечая члену Исполкома югославскому коммунисту Вуйовичу, Сталин бросает:

— Критика Вуйовича не заслуживает ответа. — И дальше говорит:

— Мне вспомнилась маленькая история с немецким поэтом Гейне. Однажды он был вынужден ответить своему назойливому критику Ауфенбергу следующим образом: "Писателя Ауфенберга я не знаю; полагаю, что он вроде Дарленкура, которого тоже не знаю".

И, продолжая, Сталин добавил:

— Перефразируя слова Гейне, русские большевики могли бы сказать насчет критических упражнений Вуйовича:

---

* ИККИ — Исполком Коминтерна.

** ИКК — Интернациональная контрольная комиссия.

"**большевика** Вуйовича мы не знаем, полагаем, что он вроде Али-баба, которого тоже не знаем"[40].

Но, повторяю, его обращение к классике было очень редким, что отражало и весьма ограниченное знакомство генсека с шедеврами мировой и отечественной литературы.

В ряде своих публичных выступлений Сталин не упускал возможности выразить свое отношение к тем или иным писателям и их произведениям. Суждения генсека, как всегда, были категоричны и безапелляционны. Например, в своем письме к В. Билль-Белоцерковскому Сталин однозначно осудил дирижера Большого театра Д. Голованова за то, что тот выступал против механического обновления репертуара за счет классики. Генсек тут же охарактеризовал "головановщину" как "явление антисоветского порядка"[41]. В 30-е годы такая оценка могла стоить головы. Здесь же Сталин оценил и "Бег" Булгакова как антисоветское явление, добавив, правда, смягчающую тираду такого содержания: "Впрочем, я бы не имел ничего против постановки "Бега", если бы Булгаков прибавил к своим восьми снам еще один или два сна, где бы он изобразил внутренние социальные пружины гражданской войны в СССР, чтобы зритель мог понять, что все эти, по-своему "честные" Серафимы и всякие приват-доценты, оказались вышибленными из России не по капризу большевиков, а потому, что они сидели на шее у народа..."

Продолжая "разбор" творчества Булгакова, Сталин вопрошает:

"Почему так часто ставят на сцене пьесы Булгакова? Потому, должно быть, что **своих** пьес, годных для постановки, не хватает. На безрыбье даже "Дни Турбиных" — рыба".

И далее дает пьесе такую оценку: пьеса эта "не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление благоприятное для большевиков: если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, — значит большевики непобедимы"[42].

Эти фразы Сталина еще раз высвечивают старую истину о том, что окончательную оценку тому или иному произведению дает время. Вельможный вердикт может спустя годы оказаться смешным, наивным, поверхностным. Даже учитывая конкретность исторического момента. А ведь как часто в нашей истории некоторые пытались давать "окончательные" оценки! Именно так, например, делал Сталин. Но в подобной катего-

ричности — весь он: не сомневающийся, уверенный в себе, презирающий интеллектуальные раздумья художника.

Генсек мог быть жестким даже к тем, к кому обычно относился как будто с уважением, например к Демьяну Бедному, большевику с 1912 года, быстро ставшему после революции признанным пролетарским поэтом. Множество его басен, частушек, песен, стихотворных фельетонов, повестей, притч пользовались неизменным успехом у широких масс. Актуальность и злободневность каждой строки народного поэта постоянно поддерживали его популярность. Но вот в ряде произведений ("Перерва", "Слезай с печки", "Без пощады") Бедный подвергает критике косность и чуждые нам традиции, которые словно шлейф тянутся из прошлого. В отделе пропаганды ЦК это было расценено как антипатриотизм. Поэта вызвали в ЦК для "разговора". Д. Бедный пожаловался на окрик в своем письме Сталину. Ответ генсека был быстрым и безжалостным.

— Вы вдруг зафыркали и стали кричать о петле...

— Может быть, ЦК не имеет права критиковать Ваши ошибки?

— Может быть, решения ЦК не обязательны для Вас?

— Может быть, Ваши стихотворения выше всякой критики?

— Не находите ли, что Вы заразились некоторой неприятной болезнью, называемой "зазнайством"?

После этих уничтожающих вопросов Сталин резюмирует, что критика в произведениях Д. Бедного является клеветой на русский пролетариат, на советский народ, на СССР. "В этом суть, а не в пустых ламентациях перетрусившего интеллигента, с перепугу болтающего о том, что Демьяна хотят якобы "изолировать", что Демьяна "не будут больше печатать"[43] и т.п.

Вот так. Жестко и однозначно. Всего несколькими годами раньше, в июне 1925 года, Сталин сам редактировал постановление ЦК о политике в области художественной литературы, где говорилось, что нужно изгонять "тон литературной команды", "всякое претенциозное, полуграмотное и самодовольное комчванство"[44]. Уже в конце 20-х годов эти верные положения были Сталиным забыты. "Командные кадры" в культуре действовали все более активно. Интеллектуальное брожение, порой смятение тоже постепенно проходило по мере ранжирования, администрирования.

Ведь всего за три-четыре года до этого Сталин просил передать благодарность Бедному за "верные, партийные" стихи о Троцком. Они были помещены 7 октября 1926 года в "Правде"

под заголовком "Всему бывает конец". Пожалуй, стоит привести хотя бы часть стихотворения, чтобы полнее почувствовать атмосферу, политический колорит того сложного времени:

Троцкий — скорей помещайте портрет в "Огоньке".
Усладите всех его лицезрением!
Троцкий гарцует на старом коньке,
Блистая измятым оперением,
Скачет этаким краснопёрым Мюратом
Со всем своим "аппаратом",
С оппозиционными генералами
И тезисо-моралами, —
Штаб такой, хоть покоряй всю планету!
А войска-то и нету!
Ни одной пролетарской роты!
Нет у рабочих охоты —
Идти за таким штабом на убой,
Жертвуя партией и собой.
. . . .
Довольно партии нашей служить
Мишенью политиканству отпетому!
Пора, наконец, предел положить
Безобразию этому!

Генсек с удовольствием прочитал стихи, позвонил Молотову, еще кому-то. Все с одобрением оценили политическую сатиру Бедного. Сталин заметил: "Наши речи против Троцкого прочитает меньшее количество людей, чем эти стихи". В этом он, пожалуй, был прав. Но стоило поэту чуть "сбиться с тона", не скрыть "обиду", Сталин стал совсем другим: холодным, злым, повелевающим, указующим.

Зная, как сильно зависит от его оценки судьба того или иного произведения, мастера художественного слова часто писали ему с просьбой высказать свое мнение. Чаще его резюме было снисходительным, с обязательным указанием "слабостей" работы. Иногда он поднимался до похвалы. Так, в письме А. Безыменскому Сталин начертал: "Читал и "Выстрел", и "День нашей жизни". Ничего ни "мелкобуржуазного", ни "антипартийного" в этих произведениях нет. И то и другое, особенно "Выстрел", можно считать образцами революционного пролетарского искусства для настоящего времени"[45].

Свидетельства лиц, близко знавших Сталина, подтверждают: генсек очень внимательно следил за политическим лицом наиболее крупных писателей, поэтов, ученых, деятелей культуры. Сталин чувствовал, что в среде художественной интеллигенции не все приняли революцию. Примеры тому — не только

многочисленная эмиграция. Его насторожило письмо крупного русского писателя В. Короленко Луначарскому, опубликованное уже после его смерти в Париже, в котором писатель выражал тревогу о том, что насилие в послереволюционной России затормозит рост социалистического сознания[46]. Сталин посчитал письмо фальшивкой. Его возмутила и статья Е. Замятина "Я боюсь", опубликованная в одном из небольших петроградских журналов "Дом искусств". Писатель, который в начале 30-х годов станет невозвращенцем, запальчиво, но по существу верно писал: "Настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благонадежные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики. Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока не перестанут смотреть на демос российский как на ребенка, невинность которого надо оберегать. Я боюсь, — продолжал Замятин, — что настоящей литературы у нас не будет, пока мы не излечимся от какого-то нового католицизма, который не менее старого опасается всякого еретического слова..."[47] Позже он напишет Сталину, что не может, отказывается работать "за решеткой". О мировоззренческих настроениях некоторых писателей свидетельствовала книга известного марксистского теоретика А. Богданова, который утверждает, что творчество настоящее возможно лишь в случае, если будет устранено принуждение между людьми, если в общественной системе не допустят веры в фетиши, мифы и штампы[48]. Богданов явно намекал на недопустимость диктатуры по отношению к художественному творчеству. Это было уже слишком. Сталин почувствовал, что такие, как Богданов, понимают: революционный миф, если его без конца повторять, мало чем отличается от постулатов Библии. Ведь многие из мифов, которые Сталин в будущем изложит в "Кратком курсе", принимались на веру без критического и рационального осмысления. Нужно было "осадить" этих "проницательных" интеллектуалов.

Сталин стал обдумывать, как полнее канализировать художественную мысль, направить ее на подъем народа, масс, на решение тех бесчисленных проблем, которые стояли перед страной. Но формы воздействия на творческих людей, в понимании Сталина, были в основном административные: постановления, высылка неугодных, введение цензуры. Кстати, в этом он согласен с Троцким, хотя обнародовать это единодушие не собирается. Троцкий в своей работе (о чем только этот плодовитый беллетрист не писал!) "Литература и революция" безапелляционно утверждал, что в стране победившего

пролетариата должна быть "жесткая цензура"[49]. Этот совет Сталин учтет. Он поможет художникам сделать правильный выбор! Как? Он подумает. Но политическая цензура в этом деле займет не последнее место. Ему было трудно понять, что и здесь особую роль в выборе должна сыграть интеллектуальная совесть, непременный атрибут подлинной демократии. Но, увы, соображения этого порядка тогда не учитывались.

В то время пока Ленин болел, по инициативе ГПУ и при поддержке Сталина была предпринята необычная акция: 160 человек, представлявших ядро, цвет русской культуры (писатели, профессура, философы, поэты, историки), были высланы за границу. Среди них были Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, Ф.А. Степун, Л.П. Карсавин, Ю.И. Айхенвальд, М.А. Осоргин и другие. "Правда" 31 августа 1922 года опубликовала статью под многозначительным заголовком "Первое предостережение", в которой обосновывалась необходимость более решительной борьбы с контрреволюционными элементами в области культуры. Рождение и утверждение принципа социалистического реализма сопровождалось борьбой, непониманием, духовным смятением многих творческих работников. Делая акцент на прагматических гранях этого принципа, работники "идеологического фронта" превращали его в директиву, вместо того чтобы помочь осознать сердцем и умом каждому художнику его место в революционной перестройке Отечества.

Безусловно, высылка была сигналом. Вместо широкого демократического вовлечения деятелей науки, литературы и искусства в процесс социалистического строительства, терпеливой работы с ними, Сталин дал понять, что намеревается применить диктаторские методы и в области культуры. Недостатка решимости использовать власть, силу у Сталина никогда не было. Пожалуй, только с М. Горьким он не мог себе позволить снисходительного, порой грубого тона, каким он говорил нередко с другими писателями. Почти в то же время, когда он разносил Д. Бедного за критику-"клевету", генсек совсем поиному писал Горькому. Тот в письме Сталину из-за рубежа выражал сомнение в целесообразности излишней критики и самокритики наших недостатков. Сталин отвечал писателю убежденно:

— Мы не можем без самокритики. Никак не можем, Алексей Максимович. Без нее неминуемы застой, загнивание аппарата, рост бюрократизма...

И продолжает:

— Конечно, самокритика дает материал врагам. В этом Вы совершенно правы. Но она же дает материал (и толчок) для нашего продвижения вперед...[50]

Как видим, Сталин был способен выражать достаточно зрелые суждения по вопросам демократизации общественной жизни, в том числе и в области литературы. Но все дело в том, что постепенно правильные выводы и оценки все больше расходились с социальной и литературной практикой.

Помощники иногда докладывали "вождю" о литературе русских эмигрантов. Когда ему показали многотомный роман белогвардейского генерала П. Краснова "От двуглавого орла к красному знамени", вышедший в Берлине в 1922 году, Сталин не стал даже брать его в руки, заметив:

— И когда успел, сволочь?

Не без его участия было разрешено возвратиться в СССР в разное время А. Куприну, А. Толстому, некоторым другим, менее известным поэтам и писателям. Когда Сталину сказали в 1933 году, что И. Бунин стал первым русским, который удостоен Нобелевской премии, генсек заметил:

— Ну, теперь он и вовсе не захочет вернуться... О чем же он сказал там, в своей речи?

Прочитав коротенькое сообщение — "выжимку" из традиционной речи нового лауреата Бунина на банкете после церемонии награждения в Стокгольме, где великий русский писатель сказал, что "для художника главное — свобода мысли и совести", Сталин промолчал, задумался. Для него это было непонятно: разве Бунину здесь не дали бы возможности думать, мыслить сообразно его интеллектуальной совести? Разве он, Сталин, против свободы мысли, если она служит диктатуре пролетариата? Сталин, правда, не мог вспомнить, что принадлежит перу Бунина, но смутно и, пожалуй, не очень ошибаясь, подумал: "Что-то о тайне смерти и божьем мире вещал этот дворянский писатель". Больше Бунин его не занимал. Правда, помощники однажды положили ему стопку зарубежных журналов, в одном из которых — "Современные записки" — был опубликован рассказ Бунина "Красный генерал", посвященный русской революции. Но Сталину было некогда...

Поэзией он вообще мало интересовался. Хотя в юношестве, как я уже упоминал, написал десятка три наивных стихотворений. Революционная борьба не дала времени постичь ему музыку и философию стихотворного ритма. Стихи читать ему почти не приходилось. Правда, однажды, еще в Царицыне, в качестве основы для шифра взяли какое-то пушкинское стихотворе-

ние. С его помощью сообщали в Москву количество отправленных эшелонов с хлебом, их литеры и т.д.

Пожалуй, еще об одном эмигранте-поэте ему докладывали. О В. Ходасевиче. Что очень талантлив, "может быть даже более, чем Д. Бедный...". Прочли даже какие-то строки об "усыхании творческого источника на чужбине". Но этот безысходный тупик В. Ходасевича, Вяч. Иванова, И. Шмелева, А. Ремизова, М. Осоргина, П. Муратова и других беглецов был ему неинтересен. Он и своих поэтов знал плохо. Было не до этого. Слышал, что "кулацкие поэты" Н. Клюев, С. Клычков, П. Васильев скатились на путь хулиганства и контрреволюции. Но то ли Авербах, то ли кто-то из агитпропа ЦК их здорово "осадил".

Вспомнил как-то, что в "Правде" за 30 декабря 1925 года был опубликован некролог по поводу смерти С. Есенина, этого "народника революции". Вот эта газета:

"Вряд ли кого-нибудь из поэтов наших дней так читали и любили, как Есенина".

"В лице Есенина русская литература потеряла, быть может, своего единственного подлинного лирика".

"Города не мог Есенин принять и понять до конца... Он остался романтиком соломенной России. И есть что-то символическое в его гибели: Лель, повесившийся на трубе от центрального отопления. И оно ведь — достижение культуры". Самоубийцы были ему непонятны. Это что-то вроде добровольной сдачи в плен... Да и вообще, он где-то читал, что "Пегас должен быть в узде".

Его больше интересовало отношение писателей, поэтов, драматургов, режиссеров, находившихся здесь, в Москве, Ленинграде, других городах, к тому, что происходит в стране. Противоречивые чувства он испытал от "Голого года" Б. Пильняка, "Конармии" И. Бабеля, сочинений А. Платонова, В. Кина, А. Веселого, Ю. Тынянова, В. Хлебникова... Ему были сразу по душе ясные работы Д. Фурманова, К. Федина, А. Толстого, Л. Леонова... Сталин по достоинству оценил ряд фильмов Д. Вертова, Л. Кулешова, С. Эйзенштейна, Вс. Пудовкина, Ф. Эрмлера. Говорят, хорошо идут пьесы А. Луначарского "Оливер Кромвель", К. Тренева "Любовь Яровая", Вс. Иванова "Бронепоезд 14-69", Л. Сейфуллиной "Виринея". Его жена Н. Аллилуева смотрела эти спектакли вместе с сотрудниками Наркомнаца. Хорошо, что такие большие режиссеры, как Вл. Немирович-Данченко и К. Станиславский, обратились к советским пьесам. Революция на сцене укреп-

ляет революцию в жизни. Хотя и в ней мы все играем те роли, которые нам уготовила судьба.

Что происходило в живописи, музыке, Сталин знал хуже. С пренебрежением смотрел на все изыски "индустриальной живописи", авангардистов, конструктивистов, футуристов, кубистов. Люди, стоявшие за этими, малопонятными для него (а он был уверен, что и для других) "вывертами", не были, по его мнению, "приставлены" к настоящему делу.

Среди художников, мастеров кисти и резца, поэтов и писателей не прекращались жаркие споры. Спорили часто не о том, поддерживать или не поддерживать революцию. Дискуссии шли о формах искусства, свободе выражения, "точках отсчета" нового творчества и т.д. Как пестрая мозаика, мелькали с газетных страниц названия все новых и новых творческих союзов и объединений. Сталин считал, что в этом калейдоскопе нужно навести порядок. Правда, руки до этого у него не доходили; шла борьба то с одной, то с другой оппозицией. Луначарский, по его мнению, допускал слишком много "вольностей".

В партии нужно единство, нужен согласованный, принятый большинством курс. Последний съезд многое сделал в этом направлении. Сталину становилось все более ясно, что без индустриализации, коллективизации партия может не дать народу всего того, что обещала. Пока был ненавистный царь, помещики, буржуазия, тяготы борьбы были оправданны. Но ведь скоро — десятилетие со дня Октябрьского революционного восстания! Да, мы сбросили эксплуатацию. Дали крестьянину землю. Рабочие получили доступ к управлению заводами. Но почему так много недовольных? Почему дело идет медленнее, чем хотелось бы? Может быть, права в чем-то оппозиция?

Все говорят о бюрократии. Вот и сегодня в "Правде" опубликован доклад Лебедя "Меры к улучшению госаппарата и по борьбе с бюрократизмом". Вон как хлестко пишет: "Какие недостатки имеются в нашем госаппарате? Основные из них: раздутые штаты и низкая квалификация работников, причем последнее особенно надо отнести к низовому советскому аппарату. Громоздкость структуры, параллелизм в работе, бюрократизм и волокита, подбор специалистов не всегда правильный, основанный на слабом учете квалификации этих специалистов, наконец, плохой, а иногда и совершенно отсутствующий контроль исполнения заданий высших органов и контроль за работой самих учреждений"[51]. Вот об этом и Маяковский пишет...

У Сталина зреет мысль (правда, пока он не знает, как ее

осуществить) ускорить разгром всех этих, изрядно всем надоевших оппозиций на платформе ускорения социалистических преобразований. Вот здесь-то и можно будет активнее нажать на интеллигенцию, полнее впрячь ее в общее дело индустриализации, переустройства сельского хозяйства. Тогда и брожений умов у этих художников будет меньше. В классовом обществе нет и не может быть нейтрального свободного искусства. Нужно, думал Сталин, привлекая известных старых мастеров, воспитывать своих, рабоче-крестьянских писателей. Антипролетарским элементам в культуре делать нечего...

Интеллектуальное смятение художников духа все чаще представлялось Сталину просто контрреволюционной ересью. Правда, менее опасной, чем та, которую проповедовал Троцкий. Похоже, борьба с ним достигла кульминации.

Прежде чем перейти к анализу последнего этапа борьбы с Троцким в стране, сделаю еще одно резюмирующее замечание. Мы сейчас говорили о культуре, интеллигенции и отношении к ним Сталина. Наиболее характерной чертой этого отношения стало полное неуважение свободы. Свободы творчества, свободы выражения, свободы постижения. Это не случайно. Сталин признавал лишь свободу власти. Он считал естественным отказ от свободы духа во имя силы, во имя могущества. Он, не задумываясь, мог пожертвовать личной свободой миллионов. В 30-е годы проблемы свободы для него уже не существовало. Свободой обладал только он (хотя и был пленником своей Системы). Даже формальный глава государства не имел "отношения" к свободе.

В начале 20-х годов Н. Бердяев был на приеме у М.И. Калинина с прошением об освобождении из тюрьмы писателя М. Осоргина, арестованного по "делу комитета помощи голодающим и больным". Выслушав знаменитого русского философа-идеалиста (с его трудами знакомы едва ли не во всем цивилизованном мире, но не на родине), М.И. Калинин заявил: "Рекомендация Луначарского об освобождении не имеет никакого значения; все равно, как если бы я дал рекомендацию своей подписью, — тоже не имело бы никакого значения. Другое дело, если бы тов. Сталин рекомендовал". Итак, уже тогда Калинин считал (и говорил!), что он, глава государства, по сравнению со Сталиным не "имеет никакого значения". А все это означает торжество несвободы. Так началось торжество свободы власти генсека.

Н. Бердяев в своей книге "Царство духа и царство кесаря" пишет, что "кесарь имеет непреодолимую тенденцию требо-

вать для себя не только кесарева, но... и подчинения себе всего человека. Это есть главная трагедия истории, трагедия свободы и необходимости... Государство, склонное служить кесарю, не интересуется человеком, человек существует для него лишь как статистическая единица"[52]. Интеллектуальное смятение интеллигенции, часто протест, творческое молчание были результатом покушения на свободу. Кесарь и свобода несовместимы. То, что составляло ленинское видение социализма, исключало идолопоклонство. А единовластие — наоборот, предполагает и требует его.

Сталин никогда не обращался к философской категории свободы. Он мыслил утилитарно, прагматически. Но с его времени мы привыкли надежды и чаяния людей связывать главным образом с будущим. Да, человек должен видеть перспективы, свои и общества. Но без конца говорить о прогрессе, судьбах людей только в контексте "блаженства грядущих поколений" — это и есть иллюзорная свобода. Гармония, совершенство, изобилие, процветание, перенесенные только в будущее, немного стоят. Нужно найти оптимальное соотношение нынешнего, реального с грядущим. Будущее имеет смысл только в связи с ныне живущими. Об этом как раз говорили и писали многие из тех художников, которых не мог или не хотел понять Сталин. Пройдут годы, и искусство, литература будут главным образом заниматься тем, чтобы славить его, "вождя". Останется тень свободы. А ее возвращение будет долгим и трудным. Как у Байрона:

Но средь мильонов стал ты властелином,
Ты меч обрел в восторге толп едином,
А Диогеном не был ты рожден,
Ты мог скорее быть Филиппа сыном,
Но циник, узурпировавший трон,
Забыл, что мир велик и что не бочка он[53].

Поражение "выдающегося вождя"

Троцкий любил путешествовать. Любил хорошо отдыхать. Заботился о своем здоровье. Даже в самые трудные годы после гражданской войны умудрялся ездить на курорты, охоту, рыбалку. За его здоровьем постоянно следили несколько врачей. Он не стеснялся своих аристократических, бар-

ских привычек. Весной 1926 года он с женой решил осуществить вояж в Берлин для консультаций с врачами. В Политбюро отговаривали Троцкого от поездки. Но он настоял, и поездка состоялась. Документы Троцкому были оформлены на имя члена Украинской коллегии комиссариата народного просвещения Кузьменко. Попрощавшись на вокзале с Зиновьевым и Каменевым, он отбыл с женой и бывшим начальником своего фронтового поезда Сермуксом.

Я уже говорил, что Троцкий был посредственным политиком, и прежде всего из-за переоценки своего влияния, личной популярности. В борьбе со Сталиным Троцкий, повторюсь, нередко принимал самые худшие для него решения: не приехал на похороны Ленина, не являлся на ряд заседаний пленума ЦК, Политбюро. И каждый раз его отрывали от этих важных политических дел поездки на отдых, путешествия, охотничьи вылазки, литературная деятельность. Его отсутствие Сталин каждый раз максимально целеустремленно использовал для усиления собственных позиций.

В последующем у Троцкого было много времени описать свою жизнь. В одной из работ он напишет, что во время поездки в Берлин пришел к выводу, что компромисса со Сталиным быть не может. Один из них должен будет уступить дорогу. Но он продолжал верить, что на обочине окажется Сталин. К нему, вспоминал Троцкий, стали льнуть Зиновьев с Каменевым, и они решили, что вместе могут вырвать инициативу из рук генсека. "Я думал, что мы еще сможем не дать произойти термидорианскому перерождению, — высокопарно писал Троцкий. — Сталина нужно было заставить выполнить ленинскую волю".

Может быть, эти мысли родились у Троцкого под стук колес поезда, а может быть, в часы прогулок по улицам Берлина, но только тогда он, видимо, не вспомнил строки английского поэта-священника XVII века Джона Донна: "... не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе". Будущее готовило ему участь пораженца.

Кроме публичных выступлений против Троцкого, Сталин исподволь вел работу по ограничению его влияния. Как свидетельствует работник секретариата Сталина А.П. Балашов, нередко до заседания Политбюро у генсека собирались его сторонники, где обсуждались меры по ослаблению влияния Троцкого. На эти предварительные совещания не приглашались лишь Троцкий, Пятаков и Сокольников. "Мы уже знали, — го-

ворил мне Алексей Павлович, — что Сталин готовит очередное антитроцкистское блюдо".

Сталин однажды обнаружил, что в программе политучебы для красноармейцев Троцкий по-прежнему называется "вождем РККА". Реакция была незамедлительной. Сохранилась записка Сталина Фрунзе от 10 декабря 1924 года с предложением как можно быстрее пересмотреть эти программы. Через несколько дней они были уточнены. В записке Фрунзе с приложенным рапортом начальника агитпропа политуправления РВС Алексинского говорится, что "Троцкий в политучебе больше не фигурирует как вождь Красной Армии". Сталин "приложил руку" и к тому, что со второй половины 1924 года имя Троцкого больше не присваивалось населенным пунктам и предприятиям, меньше фигурировало в печати в апологетическом стиле. Известны и другие шаги Сталина по постепенному уменьшению популярности и влияния бывшего "вождя РККА".

Сталин, а его поддерживало большинство ЦК, в период между XIV и XV съездами партии последовательно и настойчиво инициировал проведение нескольких объединенных пленумов ЦК и ЦКК, пленумов Центрального Комитета, заседаний Политбюро, на которых обсуждались действия оппозиции, выносились соответствующие решения. По отношению к Троцкому и его союзникам применялись самые различные меры воздействия: предупреждения, вынесение партийных взысканий, выведение из состава партийных органов. Линия оппозиционеров, однако, была неизменна: борьба за "правильный" курс партии шла одновременно с борьбой за лидерство. Но в стане оппозиции скоро появились крупные бреши. По инициативе Сталина, поддержанной другими партийными руководителями, Зиновьев был выведен из состава Политбюро в июле, а Троцкий — в октябре 1926 года. Каменев был освобожден от обязанностей кандидата в члены Политбюро. Пленум ЦК признал невозможной дальнейшую работу Зиновьева в Коминтерне. Были освобождены от партийных и государственных постов и ряд других оппозиционеров.

Во время XV партконференции, состоявшейся в октябре — ноябре 1926 года, Сталин сделал доклад "Об оппозиции и внутрипартийном положении", в котором оппозиционная троица и ее соратники подверглись жесткой критике. Эти же идеи Сталин изложил и в своем докладе на VII расширенном Пленуме ИККИ в декабре того же года. По черновикам докладов видно, как тщательно Сталин готовился к изобличению фракционе-

ров. На специальных листочках были выписаны все слабые пункты оппозиции, ее "грехи":

1) Троцкий, Зиновьев, Каменев: нет фактов, а есть лишь измышления и сплетни.

2) Пусть Троцкий объяснит, к кому он примыкал до Октября: левым меньшевикам или правым меньшевикам?

3) Почему Троцкий не состоял в рядах левой Циммервальда?

4) Разве преследует Сталин полуменьшевика Мдивани? Сплетня.

5) Каменев говорил на IV съезде партии, что допущена ошибка в том, что "открыт огонь налево". Это Каменев левый?

6) Троцкий утверждает, что "предвосхитил" апрельские тезисы Ленина... Сравнил муху с каланчой!

7) Телеграмма Каменева Михаилу Романову.

8) Зиновьев настаивал на принятии кабальных условий концессии Уркарта*.

9) Зиновьев: "диктатура партии" и т.д.

Сталин пунктуально, тщательно собрал все известные ему крупные и мелкие прегрешения оппозиционеров (а их действительно было немало) и в своих долгих докладах неутомимо подбрасывал в костер борьбы все новые и новые изобличающие факты. На Пленуме ИККИ его доклад "Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии" (вместе с заключением) продолжался около пяти часов! Основной бой оппозиции Сталин дал по пункту "Ленинизм или троцкизм?". Собрав в кучу все прошлые ошибки, вихляния, многочисленные "платформы", генсек поставил оппозиционеров в безвыходное положение глухой обороны. Сталин не критиковал, а "бил" словами. При этом генсек не замечал, что, громя своих противников, все чаще сам оказывается в оппозиции ленинизму. В его выступлениях было много мелкого, второстепенного. Ортодоксальность генсека душила саму идею борьбы мнений. Сталин уже тогда считал, что любое, даже честное, инакомыслие — недопустимо.

Руководители оппозиции, разумеется, имели возможность защищаться. Но Зиновьев, Каменев, Троцкий, оправдываясь, говорили неубедительно, подолгу, уговаривая, например, деле-

---

*Лесли Уркарт — английский финансовый магнат. В 1923 г. пытался заключить договор на крупную концессию в СССР на кабальных условиях. Совнарком отказался утвердить этот договор.

гатов партконференции вначале дать им для выступления по часу, затем еще просили по полчаса, потом — еще по десять — пятнадцать минут... Стенограмма конференции свидетельствует, что кроме множества цитат основоположников марксизма-ленинизма, да и своих собственных они практически ничего не смогли противопоставить обвинениям в фракционности. Даже Троцкий, славящийся своим красноречием, не мог найти удовлетворительных аргументов, оправдывающих его бесчисленные атаки на ЦК, партию. В конце чрезвычайно пространного, путаного заявления он лишь подтвердил: "Мы не принимаем навязываемых нам взглядов". Выступавший следом за ним делегат Ю. Ларин метко заметил, что все они присутствуют при моменте, когда "революция перерастает часть своих вождей". Ларин верно сказал, что в долгих докладах лидеров оппозиции был лишь "литературный спор о цитатах и различных толкованиях различных мест различных сочинений". Троцкий, Зиновьев и Каменев "вели себя не как политические вожди, а как безответственные литераторы"[54]. Выступавшие также отмечали, что индустриализацию эти лидеры хотели бы осуществить лишь за счет крестьянства, не думая о социальных последствиях.

Бои с Троцким шли не только в ЦК и ЦКК, в печати, но и в Коминтерне. Троцкий был членом ИККИ, и, когда в мае 1927 года обсуждался вопрос о китайской революции, Сталин решил нанести Троцкому удар и здесь. Приведу фрагмент выступления Сталина на X Пленуме ИККИ 24 мая 1927 года, малоизвестного широкому читателю.

"Я постараюсь, по возможности, — говорил Сталин, — отмести личный элемент в полемике. Личные нападки тт. Троцкого и Зиновьева на отдельных членов Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ИККИ не стоят того, чтобы останавливаться на них. Видимо, т. Троцкий хотел бы изобразить из себя некоего героя на заседаниях Исполкома с тем, чтобы превратить работу Исполкома по вопросам военной опасности, китайской революции и т.д. — в работу по вопросу о Троцком. Я думаю, — продолжал Сталин, — что т. Троцкий не заслуживает такого большого внимания *(голос с места: "Правильно!")*, тем более что он напоминает больше актера, чем героя, а смешивать актера с героем нельзя ни в коем случае. Я уже не говорю, что нет ничего оскорбительного для Бухарина или Сталина в том, что такие люди, как тт. Троцкий и Зиновьев, уличенные VII расширенным Пленумом Исполкома в социал-демократическом уклоне, поругивают почем зря большевиков. Наоборот, было

бы для меня глубочайшим оскорблением, если бы полуменьшевики типа тт. Троцкого и Зиновьева хвалили, а не ругали меня"[55].

Неглубокое по существу выступление Сталина было тем не менее напористым, злым, приклеивало ярлыки оппозиционерам, унижало их как практических деятелей. Исполком готовился к исключению Троцкого из своих рядов, и это произошло 27 сентября того же года. Он остался в одиночестве, но продолжал совершенно бесперспективную борьбу. Троцкий, после его высылки из СССР, окажется, пожалуй, единственным, кто до 1940 года будет изобличать, шельмовать, обвинять Сталина. Но чем дольше и яростней будет раздаваться его одинокий голос, тем очевидней будет становиться: Троцкий борется прежде всего уже не столько за революцию и ее идеалы, сколько за себя. Он никогда, до последнего дня не сможет примириться со своим фиаско, когда его, почти "гения", вытолкает за кордон, как он скажет, "коварный осетин". Скоро для Троцкого марксизм, социалистические ценности будут иметь значение постольку-поскольку: главное — как их использовать для развенчания Сталина. В свою очередь, для генсека Троцкий до самой гибели в Мексике будет олицетворением зла, символом перерождения, самой глубокой личной ненависти. Пожалуй, в своей жизни он испытает чувство ненависти такого же накала только к Гитлеру, "обманувшему", обхитрившему Сталина в 1939 — 1941 годах. А пока борьба продолжалась.

Выводы оппозиционерами сделаны не были. Весной 1927 года ими была направлена в ЦК новая платформа, подписанная 83 сторонниками Троцкого. После нескольких заседаний ЦК и ЦКК Троцкий и Зиновьев в октябре 1927 года были исключены из ЦК ВКП(б). А в следующем месяце — и из рядов партии. XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 г.) подтвердил исключение из партии Троцкого и Зиновьева. Одновременно в числе 75 активных деятелей оппозиции из партии был исключен и Каменев. Правда, Зиновьев и Каменев, в очередной раз покаявшись, вновь будут восстановлены в партии и даже выступят с покаянными речами на XVII съезде.

Следует сказать, что эта борьба с оппозицией шла в условиях заметного обострения международной обстановки, а во внутреннем плане — в условиях развертывания индустриализации народного хозяйства. Добавлю к этому, что сам Сталин часто провоцировал эту борьбу. Бесконечные дебаты отвлекали партию от жизненно важных дел. Неоднократно вопрос о внутреннем положении в ВКП(б) обсуждался и в рамках Коминтерна, где Троцкий и его сторонники также в конце концов не

нашли необходимой поддержки, за исключением отдельных представителей. Ореол Троцкого как "героя революции" окончательно "полинял" и померк. В глазах партии и международного рабочего движения он все больше представал как фразер и несостоявшийся лидер.

Навязывая партии дискуссию за дискуссией в борьбе со Сталиным, Троцкий помимо своего желания все больше укреплял его авторитет как нового лидера партии. Этот вывод парадоксален, но, пожалуй, никто не способствовал так укреплению положения Сталина во главе партийной "колонны", как Троцкий. Характерно, что, когда слово для доклада (как и заключительное слово на XV партконференции) было предоставлено Сталину, ему (только одному) делегаты устроили овацию.

Здесь еще вряд ли можно обвинять Сталина в "организации", подготовленном "сценарии", "спектакле" и т.д. В глазах большей части делегатов генсек постепенно становился реальным вождем партии. Это впечатление заметно усиливалось на фоне неубедительных выступлений представителей оппозиции, которым вдобавок уже не хватало и мужества. Каменев, например, защищаясь одними цитатами, старался одновременно заигрывать со Сталиным, называя его доклад "обстоятельным", с "правильным цитированием", "верными выводами" и т.д. "Единственной заботой Зиновьева и его друзей стало теперь, — зло вспоминал Троцкий, — своевременно капитулировать... Они надеялись, если не заслужить благоволение, то купить прощение демонстративным разрывом со мной"[56].

Для всех стало ясно, что объединение Троцкого со своими бывшими противниками, что очень умело использовал Сталин, произошло лишь на платформе концентрации усилий против генсека. Сталин, в ком честолюбивые мотивы и вера в свое особое предназначение все более крепли, не упустил этого исключительно благоприятного шанса. Начав с борьбы идейной, он решил завершить разгром Троцкого политически. Об этом, в частности, свидетельствует его речь на заседании объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 октября 1927 года, на котором обсуждались вопросы повестки дня предстоящего XV съезда партии. На Пленуме было решено, в частности, обсудить на съезде вопрос о троцкистской оппозиции. Во время заседания раздалось несколько выкриков из зала, в президиум передали записки, суть которых в том, что ЦК скрыл "Завещание" Ленина и не выполнил его волю. Сталину больше молчать по этому вопросу уже было нельзя.

Его часовая речь на Пленуме была полна гнева и неприкрытой ненависти к Троцкому. Сталин заученно вновь вспомнил все грехи отверженного лидера начиная с 1904 года. Выступление Сталина не было импровизацией; он всегда тщательно готовился к публичному общению с людьми, особенно на партийных форумах. Видя, что Троцкий свою главную стратегическую линию борьбы против него ведет, опираясь на ленинское предостережение о негативных качествах генсека, Сталин нанес удар Троцкому именно по этой позиции.

"Оппозиция думает "объяснить" свое поражение личным моментом, грубостью Сталина, неуступчивостью Бухарина и Рыкова и т.д. Слишком дешевое объяснение! Это знахарство, а не объяснение... За период с 1904 года до февральской революции 1917 года Троцкий вертелся все время вокруг да около меньшевиков, ведя отчаянную борьбу против партии Ленина. За этот период Троцкий потерпел целый ряд поражений от партии Ленина. Почему? Может быть, виновата тут грубость Сталина? Но Сталин не был еще тогда секретарем ЦК, он обретался тогда вдали от заграницы, ведя борьбу в подполье, против царизма, а борьба между Троцким и Лениным разыгрывалась за границей, — при чем же тут грубость Сталина?"[57]

Генсек атаку вел под флагом защиты Ленина, которого Троцкий в начале века называл "Максимилиан Ленин", намекая на диктаторские замашки Робеспьера. Генсек буквально добил Троцкого, упомянув о том, что его ранняя брошюра "Наши политические задачи" была посвящена меньшевику П. Аксельроду. Сталин торжествующе прочитал посвящение Троцкого под гул зала: "Дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду".

"Ну, что же, — резюмировал Сталин, — скатертью дорога к "дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду!". Скатертью дорога! Только поторопитесь, достопочтенный Троцкий, так как "Павел Борисович", ввиду его дряхлости, может в скором времени помереть, а вы можете не поспеть к "учителю"[58].

Сталин, вспомнив также июльско-августовский (1927 г.) Пленум ЦК и ЦКК, с сожалением заметил, что тогда он отговорил товарищей от немедленного исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК. "Возможно, что я тогда передобрил (разрядка моя. — *Прим. Д.В.*) и допустил ошибку..." Да это просто редчайший случай, когда Сталин "передобрил" и вообще использовал слово "добро"! Редчайший! Тогдашняя кратковременная слабость была эпизодом. Теперь же он призвал к

поддержке "тех товарищей, которые требуют исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК"[59].

Что касается ленинского "Письма к съезду", то Сталин дал ему свою трактовку, заявив: "Было доказано и передоказано, что никто ничего не скрывает, что "Завещание" Ленина было адресовано XIII съезду партии, что оно, это "Завещание", было оглашено на съезде, что съезд решил единогласно не опубликовывать его, между прочим, потому, что Ленин сам этого не хотел и не требовал"[60]. Я уже пытался анализировать последние письма Ленина, поэтому кратко еще раз скажу, что Сталин в октябре 1927 года пошел на искажение исторической правды. В отношении того, к какому съезду обращался Ленин — к XII или XIII, ясности нет. "Завещание" было оглашено лишь по делегациям, а не на съезде. Съезд не принимал решения, тем более единогласного, о неопубликовании "Письма..." В отношении того, что "Ленин сам этого не хотел", утверждение полностью лежит на совести Сталина.

В данном случае генсек, ощущая свою крепнущую силу и почувствовав практически полную поддержку участников Пленума, решил дать бой по самому уязвимому для себя пункту, не останавливаясь перед явной фальсификацией. Сталин использовал факт публикации в "Большевике" по настоянию Политбюро (прежде всего по его настоянию) в сентябре 1925 года специального заявления Троцкого по поводу "Завещания" В.И.Ленина. Троцкий, поддавшись нажиму Сталина, написал тогда, что "Владимир Ильич со времени своей болезни не раз обращался к руководящим учреждениям партии и ее съезду с предложениями, письмами и пр. Все эти письма и предложения, само собою разумеется, всегда доставлялись по назначению, доводились до сведения делегатов XII и XIII съездов партии и всегда, разумеется, оказывали надлежащее влияние на решения партии... Никакого "Завещания" Владимир Ильич не оставлял, и самый характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключали возможность такого "Завещания", что "всякие разговоры о скрытом или нарушенном "Завещании" представляют собой злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича..."[61].

Мог ли знать тогда Троцкий, что, пытаясь отмежеваться от циркулирующих на Западе слухов о том, что "секретные документы Ленина попали на Запад через руки Троцкого", он окончательно загонит себя в угол, борясь со Сталиным? Колокол, выходит, звонил прежде всего по нем. В глазах Пленума лидер

оппозиции предстал вновь как политический интриган, и Сталин не упустил возможности покончить с Троцким.

Приведя цитату Троцкого из "Большевика", Сталин пошел напролом:

"Это пишет Троцкий, а не кто-либо другой. На каком же основании теперь Троцкий, Зиновьев и Каменев блудят языком, утверждая, что партия и ее ЦК "скрывают" "Завещание" Ленина?..

Говорят (?! — *Прим. Д. В.),* что в этом "Завещании" тов. Ленин предлагал съезду ввиду "грубости" Сталина обдумать вопрос о замене Сталина на посту Генерального секретаря другим товарищем. Это совершенно верно. Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю. Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается. Я на первом же заседании Пленума ЦК после XIII съезда просил Пленум ЦК освободить меня от обязанностей Генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос (?! — *Прим. Д.В.*)... Все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своем посту. Что же я мог сделать? Сбежать с поста? Это не в моем характере, ни с каких постов я никогда не убегал и не имею права убегать, ибо это было бы дезертирством... Через год после этого я вновь подал заявление в Пленум об освобождении, но меня вновь обязали остаться на посту. Что же я мог еще сделать?"

Далее Сталин продолжал: "Характерно, что ни одного слова, ни одного намека нет в "Завещании" насчет ошибок Сталина. Говорится там только о грубости Сталина. Но грубость не есть и не может быть недостатком политической линии или позиции Сталина"[62].

Троцкий, большой мастер интриги и перевоплощения, сидя в зале заседания Пленума, почувствовал, что эта уничтожающая и торжествующая тирада Сталина означает для него политический конец. Троцкий, как он напишет позже, в Мексике, после речи Сталина физически почувствовал над головой нож гильотины. Троцкий, как и другие революционеры того времени, хорошо знал историю Великой французской революции. Он вряд ли отказал себе в мрачном удовольствии вспомнить 9 термидора и последние слова Робеспьера в Конвенте: "Республика погибла! Настало царство разбойников!" Разумеется, в Робеспьере Троцкий видел только себя. Разница была в том, что Троцкий, как Робеспьер, не мог рассчитывать на санкюлотов

Парижа, плебейство столицы. Троцкий оказался фельдмаршалом без войск. Партия была к нему настроена враждебно. Она устала от его интриг. Все было кончено.

Внутренний диалог поверженного кандидата в диктаторы, лидеры партии, был, наверное, самоуничтожающим: как мог он, Троцкий, в смятении думал бывший кумир митинговой толпы, недооценить этого усатого осетина? Почему-то вспомнились слова из речи вечно хитрящего Зиновьева, с которым он поневоле спутался, на последней партконференции:

Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых наших лапах?

При чем тут Блок? Какое отношение ко всему этому имеет Зиновьев, когда добивают его, Троцкого?! Свой шанс он упустил, роились мрачные мысли в мозгу поверженного "фельдмаршала Троцкого" (как с иронией называл его в годы гражданской войны Л. Красин), еще при жизни Ленина. Но мог ли он предположить, что его публично растопчет этот малозаметный в те годы человек?

Уже за рубежом Троцкий прочтет книжонку эмигранта Эссада Бея, в которой так будет изображено противостояние "двух выдающихся" вождей: "Сталин и Троцкий — два противоположных полюса в коммунистической партии. Ни в области личной, ни политической у них не было никаких точек соприкосновения. Троцкий — блестящий европеец, искушенный, тщеславный журналист и Сталин — типичный азиат, человек без всякой суетности, без личных потребностей, с холодным мрачным умом восточного заговорщика, — эти два человека должны были возненавидеть друг друга. Сталин не переносил Троцкого уже чисто физически, точно так же как Троцкому внушал глубокое отвращение один вид Сталина и его изрытое оспой лицо"[63]. Теперь эмигранту до конца жизни добавить было нечего.

На октябрьском Пленуме 1927 года состоялось последнее выступление Троцкого как политического деятеля партии. Речь его была сумбурной, но страстной. Позже Троцкий писал, что он хотел, но не смог в полной мере предупредить "слепцов", что "триумф Сталина долго не продлится и крушение его режима придет неожиданно. Победители на час чрезмерно полагаются на насилие. Вы исключите нас, но вы не предотвратите нашей победы". Всю речь Троцкий, нагнувшись за трибуной, быстро читает по тексту (а ведь Сталина и других руководителей партии в своем кругу он часто пренебрежительно называл

"шпаргальщиками"), стараясь перекричать шум в зале. Его плохо слушают, перебивая возгласами: "клевета", "ложь", "болтун". Кто-то выкрикнул: "Долой фракционера!.." Троцкий спешит выпалить все, что он написал: об ослаблении революционного начала в партии, засилье аппарата, создании "правящей фракции", которая ведет страну и партию к термидорианскому перерождению... В речи нет убедительных аргументов, нет ясных тезисов о социализме, хотя не все в ней ошибочно. Видна ненависть к руководству ЦК, злоба к Сталину, но это совсем не находит отклика ни у участников Пленума, ни у коммунистов, которые имели возможность ознакомиться с этой речью Троцкого из дискуссионного листка к XV съезду партии.

Попытка провести в десятую годовщину Октября демонстрацию сторонников Троцкого была вызовом, поставившим его вне партии. Окружение Троцкого решило, что его сторонники должны выйти на демонстрацию отдельными колоннами. Лозунги были таковыми, что их оппозиционный смысл мог понять только посвященный: "Долой кулака, нэпмана и бюрократа!", "Долой оппортунизм!", "Выполнить завещание Ленина!", "Хранить большевистское единство!". Пытались нести портреты Троцкого и Зиновьева. Но Сталин заранее принял надлежащие меры. Милиция рассеяла группки троцкистов. Зиновьев, специально выехавший в Ленинград, и Троцкий в Москве (объехавший на автомобиле столичные улицы и площади в центре) убедились: за ними идут единицы. Игра окончательно проиграна. Партия и рабочий класс полностью отвернулись от оппозиционеров. Троцкий мог бы позволить себе вспомнить, как десять лет назад на II съезде Советов под овацию зала бросил вслед уходящему Мартову: "Ваше место в мусорной яме истории!" Теперь такие же слова адресовались ему, когда он пытался на площади Революции апеллировать к колонне демонстрантов, идущих на Красную площадь. В Троцкого полетели камни. Окна машины были разбиты. Он ясно понял: теперь Сталин спускает его в сточную канаву истории. 14 ноября Троцкий был исключен из ВКП(б). Дальнейшие события развивались стремительно.

Причудливая партийная карьера этого политика, начавшаяся в 1917 году феерическим взлетом, завершилась полной катастрофой через десять лет. Троцкий еще раз пытался публично обратиться к массе. Поводом стала смерть его давнего единомышленника А.А. Иоффе, покончившего жизнь самоубийством. В прошлом — меньшевик, вступивший в партию вместе с Троцким в 1917 году. Был кандидатом в члены ЦК,

член ВЦИК. С 1918 года — на дипломатической работе. Постоянный и убежденный сторонник Троцкого, член оппозиции. Иоффе написал предсмертное обращение к Троцкому. Формально речь в письме идет об обиде за то, что на этот раз ЦК партии отказал ему в денежных средствах для лечения за границей. Но политическая суть письма иная. Иоффе пишет, что "цензура Политбюро" не дает возможности сказать правду в литературе о квазивождях, ныне "возведенных в сан". Я не сомневаюсь, писал Иоффе, что моя смерть "является протестом борца", убежденного в правильности пути, который избрали Вы, Лев Давидович. "...Политически Вы всегда были правы, а теперь более правы, чем когда-либо". Иоффе утверждал, что "собственными ушами слышал, как Ленин признавал, что и в 1905 году не он, а Вы были правы. Перед смертью не лгут, и я еще раз повторяю Вам это теперь... Залог победы Вашей правоты — именно в максимальной неуступчивости, в строжайшей прямолинейности, в полном отсутствии всяких компромиссов..." Письмо стало ходить по рукам, давая повод для кривотолков. По решению ЦК оно было опубликовано в журнале "Большевик" (1927, № 23 — 24) с сопроводительной статьей Ем. Ярославского "Философия упадничества", в которой, в частности, дается справка, что Иоффе регулярно и многократно ездил для лечения за границу за счет государства. Суть письма заключается в том, что исключение Зиновьева и Троцкого, по мнению Иоффе, может стать именно тем толчком, который пробудит партию и остановит ее на пути к термидору.

На похоронах Иоффе было много троцкистов, молодежи, перед которыми выступили Троцкий, Зиновьев, Каменев, их единомышленники. Это было последнее публичное выступление Троцкого в СССР и последняя публичная демонстрация оппозиции. Но резонанса, на который рассчитывали разгромленные оппозиционеры, их речи уже не произвели. Их шансы теперь принадлежали прошлому. Троцкий окончательно убедился, что он вождь без сторонников, полководец без армии.

Троцкий был надломлен, но не сломлен. Сталин искал пути и способы изоляции своего самого ненавистного соперника. Он торжествовал победу, но чувствовал, что борьба не окончена. На нескольких аппаратных совещаниях Сталин давал указание "следить за троцкистами", "ослабить еще больше их влияние", "добить политически". Начались аресты и ссылки. Троцкий, еще три года назад уверенный, что в конце концов он станет во главе партии большевиков, оказался в положении полностью отверженного вождя. Его платформы, несмотря на некоторые

правильные идеи, не могли скрыть главного: Троцкий постепенно всю свою борьбу сводил к противоборству со Сталиным. Но позиции генсека были уже прочными. Постепенно это поняли очень многие. Шансов возглавить партию у Троцкого давно не было.

Зиновьев и Каменев уже после исключения Троцкого из партии уговаривали его покаяться, прийти с повинной. Но нужно сказать: что бы ни говорили и ни писали о Троцком, он, живя в настоящем, всегда смотрел на себя сквозь призму будущего. Будучи чрезвычайно честолюбивым и даже тщеславным человеком, он нередко задумывался о том, что скажут о нем историки, принося сиюминутный успех в жертву приговору истории в грядущем.

Свою горькую чашу испили до дна и члены обеих семей Троцкого. Первая жена Троцкого Александра Соколовская и две ее дочери Зина и Нина (как и их мужья) были горячими сторонниками троцкизма. Троцкий оставил первую семью еще в 1902 году, когда младшей дочери шел лишь четвертый месяц. Вначале он писал Александре Львовне из-за границы, но затем время и новая семья отодвинули Соколовскую с двумя дочерьми, по его словам, в "область невозвратного". Правда, понимая, что историки вспомнят и о его первой жене, он напишет в 1929 году в первом томе своих воспоминаний: "Жизнь развела нас, сохранив непорушимо идейную связь и дружбу". Обе дочери после революции оказались в лучах славы отца; затем, через несколько лет, — в положении глубокого остракизма. Судьба первой семьи Троцкого в последующем печальна. Сталин не только за политическое инакомыслие, но и за принадлежность к "роду врагов" (в 30-е гг. писалось: "социально опасные элементы по происхождению") заставил заплатить одну страшную цену.

Вторая жена Троцкого — Наталья Седова, тоже начинала "революционеркой". Одно время они с Троцким жили в Петербурге под фамилией Викентьевых. Седова в дальнейшем постоянно была с мужем, разделив с ним и триумф его взлета в годы революции и гражданской войны, и бесконечные метания на чужбине. Замечу, однако, что до 1917 года Троцкий, будучи сыном очень состоятельных родителей, не нуждался так, как другие русские эмигранты.

От второго брака у Троцкого было два сына. Старший сын, Лев, был всегда рядом с отцом, стал активным троцкистом и умер при загадочных обстоятельствах в Париже уже после изгнания отца, еще весьма молодым. Младший, Сергей, ушел из

дома, когда Троцкие жили еще в Кремле, заявляя, что ему "противна политика"; не стал вступать в комсомол, погрузился в науку. Отказавшись уехать с отцом в изгнание, Сергей, естественно, в последующем, как сын Троцкого, был обречен. В январе 1937 года в "Правде" появилась статья: "Сын Троцкого Сергей Седов пытался отравить рабочих". С. Седов, сосланный к этому времени в Красноярск, был объявлен "врагом народа". На митинге в кузнечном цехе машиностроительного завода мастер Лебедев говорил: "У нас в качестве инженера подвизался сын Троцкого — Сергей Седов. Этот достойный отпрыск продавшегося фашизму своего отца пытался отравить генераторным газом большую группу рабочих завода". Говорили на митинге и о племяннике Зиновьева Заксе, их "покровителе" директоре завода Субботине... Судьба этих людей такими "обвинениями" была предрешена.

Трагедия семьи Троцкого, где в конечном счете погибли все дети в результате кровавого водоворота, в который втянула их борьба отца со Сталиным, придала изгнаннику ореол мученика в глазах Запада. Наталья Седова пережила мужа и Сталина, "неразлучного врага" ее супруга и дожила до XX съезда партии.

Генсек вначале, тоже "для истории", публично распоряжался, чтобы "не трогали родственников Троцкого", однако судьба всех их горька. Кое-кто из дальних родственников Троцкого уцелел. Живут в Москве. Мне довелось с ними встречаться. Носят они, естественно, другие фамилии. Политическое поражение бывшего предреввоенсовета Республики было окрашено глубокой личной трагедией, которая придет в его семью позже, после его высылки из СССР.

В своих многочисленных книгах, а в изгнании Троцкий напишет их еще около полутора десятка, — нередко, особенно накануне гибели, он будет все чаще обращаться к личной судьбе. "История русской революции" (в трех томах), "Что дальше?", "Скрытое завещание Ленина", "Их мораль и наша", "Дневник в изгнании", "Моя жизнь", "Третий Интернационал после Ленина" и другие книги несут на себе печать трагического эгоцентризма. Троцкий уже не сможет жить без того, чтобы о нем не говорили, писали, спорили. Известность, популярность, слава станут для него важнее хлеба. Его бывшие единомышленники — меньшевики будут частенько "щипать" поверженного вождя. Некий Д. Долин в "Социалистическом вестнике" уже после изгнания Троцкого напишет:

"Изо всех сил старается Троцкий, чтобы его — упаси боже

— не стали забывать. Он пишет и день и ночь толстые книги и маленькие статейки, выпускает семейные бюллетени и варьирует на всех языках все те же мотивы о вероломстве Сталина, о предательстве китайской революции и о нежной любви Ленина к Троцкому. Но человечество неблагодарно — и о Троцком чем дальше, тем меньше вспоминают и говорят"[64]. Но эти слова Троцкий прочтет уже на Принцевых островах...

В Политбюро несколько раз обсуждался вопрос: как поступить с Троцким, продолжавшим инициировать не просто антипартийные настроения, но теперь уже, по сути, и антисоветские. В конце концов пришли к выводу о необходимости высылки Троцкого из Москвы. Вначале лидер оппозиции был выселен из Кремля. Были отселены также Зиновьев, Каменев, Радек и другие бывшие руководители. Иоффе, как уже отмечалось выше, предпочел застрелиться. Зиновьев и Каменев решили обратиться к очередному съезду с покаянием: "Лев Давидович, — твердили они Троцкому, — пришло время, когда мы должны иметь мужество сдаться". Партия была проиграна окончательно, но они пытались зацепиться на подножке поезда истории. Вскоре было принято решение об отправке Троцкого в Алма-Ату. Руководить высылкой, по некоторым данным, было поручено Бухарину.

Во время отъезда сторонники опального вождя пытались осуществить акцию политического протеста. Троцкий отказался выйти и сесть в автомобиль сам. Его вынесли на руках, также внесли на руках в вагон. Старший сын все время кричал: "Товарищи, смотрите, как несут Троцкого!" Вот как описывается этот момент его женой с явным налетом мелодрамы, преувеличения и картинности: "На вокзале была огромная демонстрация. Ждали. Кричали: "Да здравствует Троцкий!" Но Троцкого не видно. Где он? У вагона, назначенного для нас, бурная толпа. Молодые друзья выставили на крыше вагона большой портрет Л. Д. Его встретили восторженным "ура". Поезд дрогнул. Один, другой толчок... подался вперед и внезапно остановился. Демонстранты забегали вперед паровоза, цеплялись за вагоны и остановили поезд, требуя Троцкого. В толпе прошел слух, будто агенты ГПУ провели Л. Д. в вагон незаметно и препятствуют ему показаться провожающим. Волнение на вокзале было неописуемое. Пошли столкновения с милицией и агентами ГПУ, были пострадавшие с той и другой стороны, произведены были аресты"[65].

Сталин, находясь в это время в Кремле, напряженно следил за высылкой Троцкого. Ему часто звонили и докладывали по

телефону. Генсек молча выслушивал, в конце лишь бросал: "Не миндальничать! Никаких уступок! Помощников Троцкого отсечь! Быстро и без волынки!"

Кончив говорить, нервно расхаживал по кабинету, что-то напряженно обдумывая. Через несколько лет, сидя за столом на даче со своими соратниками, после обсуждения поступившей информации о последнем выступлении Троцкого за рубежом, бросит:

— Тогда совершили две ошибки. Нужно было оставить до поры в Алма-Ате... Но за границу ни в коем случае нельзя было выпускать... И еще: как мы ему разрешили вывезти столько бумаг?

Но это все будет сказано позже, в 30-е годы.

Находясь в Алма-Ате, Троцкий продолжал политическую деятельность. Из ссылки по разным адресам, по его же данным, он ежемесячно направлял сотни писем, телеграмм, обмениваясь информацией и стараясь поддержать затухающий огонь фракционной борьбы. В мемуарах Троцкий признает, что была налажена и секретная переписка со своими сторонниками. Старший сын в своих записях раскрывает объем переписки. "За апрель — октябрь 1928 г. нами послано было из Алма-Аты 800 политических писем... отправлено было около 550 телеграмм. Получено свыше 1000 политических писем, больших и малых, и около 700 телеграмм..."[66] Кроме того, шла почта и конспиративная с нарочными. Троцкий пытался активизировать оппозиционные силы. Роль опального вождя давала Троцкому некоторые моральные преимущества. Ссылка лидера оппозиции не изменила образ его мыслей, не заставила отказаться от попыток вызвать брожение в партии. Для проницательного Троцкого Сталин стал олицетворением термидорианского зла и всех будущих бед. Несостоявшийся лидер в этом был недалек от истины.

Через год, в январе 1929 года, по решению Политбюро, после долгих обсуждений различных вариантов, Троцкий с женой и сыном Львом был выслан через Одессу в Константинополь. Подплывая 12 февраля 1929 года на пароходе "Ильич" к Константинополю, Троцкий решил привлечь к себе внимание мирового общественного мнения. В его заявлении президенту Турции Кемаль-паше говорилось:

"Милостивый государь!

У ворот Константинополя я имею честь известить Вас, что на турецкую границу я прибыл отнюдь не по своему выбору и что перейти эту границу я могу, лишь подчиняясь насилию.

12 февраля 1929 г. *Л. Троцкий*[67].

Вскоре несостоявшийся "фельдмаршал" мировой революции начал свое "путешествие" по ряду стран, завершив его последней остановкой в Мексике. Для Троцкого наступило десятилетие самой активной борьбы против Сталина, а порой вольно или невольно и против государства, которое на первых порах он помогал активно создавать и защищать.

Главная причина личной драмы Троцкого заключается в том, что он, в конечном счете, на первый план ставил личные амбиции. "Небольшевизм" Троцкого, о котором говорил Ленин, в конце концов опять дал о себе знать. Развязка была ускорена острой личной схваткой "двух выдающихся вождей". Сильный и своеобразный интеллект со слабыми, однако, мировоззренческими "кристаллами" при исключительно высокой амбициозности натуры, постепенно привел Троцкого в стан непримиримых врагов сталинского социализма. Личная ненависть, даже злоба к Сталину нередко подавляли элементарную порядочность и по отношению к тем идеалам и ценностям, которые он сам еще недавно превозносил.

Едва прибыв на свинцовый февральский рейд Константинополя, Троцкий передал буржуазной прессе сборник из шести своих статей под названием "Что и как произошло". Центральное место одной из статей занимало утверждение, которое Троцкий всего лишь год-полтора назад пытался маскировать, что теория о возможности построения социализма в одной стране есть реакционный вымысел, "главный и наиболее преступный подкоп под революционный интернационализм". Эта "теория" имеет административное, а не научное обоснование[68]. Сталин, прочитав через две недели эти строки из утренней почты, которую ему подаст один из его помощников, скажет: "Наконец, подлец, перестал притворяться".

Оказавшись за рубежом, Троцкий все время старался заботиться о "реноме революционера". Он продолжил издание своих сочинений, часто не останавливаясь перед фальсификациями, натяжками, измышлениями с единственной целью: больнее уколоть Сталина и представить себя в историческом зеркале как человека, которого Ленин хотел сделать своим преемником, однако Сталин, нарушив волю Ленина, вероломно помешал этому. Нельзя не признать, что Троцкий раньше, чем многие, рассмотрел Сталина изнутри, не согнулся перед ним. Но, борясь со Сталиным, Троцкий походя считал возможным оскорбить и целый народ. В XX томе своих сочинений Троцкий позволил издевательские пассажи в адрес русского народа. В его представлении "ни один государственный деятель России

никогда не поднимался выше третьеразрядных имитаций герцога Альбы, Меттерниха или Бисмарка", а что касается науки, философии и социологии, "Россия дала миру круглый ноль..." Думается, что эти славянофобские, по сути шовинистические высказывания углубляют понимание политического облика человека, априори решившего, что он призван играть в истории лишь первые роли. За границей Троцкий называл себя человеком, для которого стала доступна вся планета без визы. Он по-прежнему пытался играть роль "второго гения". Ему принадлежат слова: "Ленина везли в революцию в пломбированном вагоне через Германию. Меня помимо воли привезли на пароходе "Ильич" в Константинополь. Поэтому свою высылку я не считаю последним словом истории". Он надеялся на возвращение. Но этому не суждено было сбыться. Один из "выдающихся вождей" навсегда оказался за околицей Отечества.

"Личная жизнь" генсека

А может ли быть "личная жизнь" у человека, находящегося на виду у своих сограждан, сотоварищей? Но Сталин не был "на виду". До конца 20-х годов газеты упоминали о нем редко. Правда, губкомы ежемесячно получали не одну директиву, указание, циркулярное распоряжение за лаконичной подписью "*И. Сталин*". С ним еще могли не соглашаться, публично критиковать. Так, в журнале "Большевик" (1925, № 11 — 12) появилась статья М. Семича, выражавшего свое несогласие с позицией Сталина по национальному вопросу. Тогда это было обычным делом. В начале 1926 года в "Большевике" (№ 4) была напечатана реплика Вл. Сорина, не согласного с оценкой Сталиным его подхода к вопросу о взаимоотношениях партии и класса. Сталин в ответе, опубликованном в том же номере журнала, фактически принес извинения Сорину. Это не воспринималось как нечто необычное. Инерция движения общества после Октября была исключительно сильной, и ростки демократии, ухоженные Лениным, еще не были заглушены. Сталин казался всем, кто знал и кто не знал его, о б ы к н о в е н н ы м человеком. У такого обыкновенного индивидуума должна была быть и своя, обыкновенная личная жизнь, под которой подразумевают все то, что остается человеку вне службы, вне работы. Для политического портрета Сталина эти гра-

ни не являются главными, определяющими, но они позволяют лучше понять его натуру.

Мне довелось побеседовать со многими людьми, видевшими, знавшими Сталина, если так можно выразиться, в "домашней обстановке": врачами, охранниками, работниками его секретариата, писателями, военачальниками и другими так или иначе общавшимися с ним людьми. Скажу сразу, за редким исключением "личной жизнью" генсека была все та же работа. Для него не существовало выходных дней; распорядок дня мало менялся, будь то понедельник или воскресенье. Другое дело, что в конце своей жизни, когда годы, работа и нечеловеческая слава стали пригибать Сталина к земле, он не всегда ездил в Кремль, в Москву, а продолжал работать на даче. Здесь проходили редкие заседания Политбюро, здесь он принимал министров и военачальников, здесь он проводил встречи с иностранными гостями, здесь изредка выходил в парк, чтобы почувствовать свежесть ночного воздуха.

Привычка работать без выходных родилась в трудные послереволюционные годы. Передо мной записка Ленину от товарищей Ровио и Гюллинга с просьбой принять их по карельскому вопросу. Из Совнаркома ее передают наркому по делам национальностей. Резолюция Сталина на записке лаконична: "Могу принять в воскресенье в $3^1/_2$ часа в Наркомнаце. *Сталин.* 4 февраля 1922 года". В фонде документов Сталина множество других подобных свидетельств (записки, распоряжения, телефонограммы и т.д.), подтверждающих, что для этого человека не существовало понятия "выходной день". Правда, иногда по воскресеньям Сталин с членами Политбюро и другими приглашенными за полночь засиживался за обеденным столом. Но за столом шло то же, хотя внешне и "вольное", обсуждение бесчисленных проблем и вопросов, встававших перед страной и партией.

В 20-е годы руководители жили скромно. Сталин, получивший, по распоряжению Ленина, небольшую квартиру, первое время жил в ней. Сохранилось письмо А.В. Луначарского от 18 ноября 1921 года с предложением найти Сталину более удобную квартиру. В.И. Ленин, ознакомившись с письмом, направляет записку начальнику охраны А.Я. Беленькому:

"Тов. Беленький. Для меня это новость. Нельзя ничего иного найти? *Ленин.* Вернуть"[69].

Кроме этой записки имеется короткое письмо В.И. Ленина секретарю ВЦИК А.С. Енукидзе с просьбой ускорить предоставление квартиры наркому по делам национальностей

И.В. Сталину и сообщить по телефону об исполнении. Вскоре квартира Сталину в Кремле — помещение для слуг в старое время — была подобрана. Она редко видела жильца, который появлялся здесь поздно вечером или глубокой ночью и рано уходил на работу. Бесхитростный быт: остатки старой мебели, вытоптанный пол, маленькие окна. В начале 20-х годов Сталин стал жить на даче в Зубалово, а позже, в 30-е, — в Кунцево. Дачу, по приказанию Сталина, все время перестраивали. В последние годы рядом с большим домом построили небольшой деревянный; Сталин перебрался туда. А.Н. Шелепин, в прошлом известный партийный и государственный деятель, рассказывал мне: "После смерти Сталина, когда переписывали имущество генсека, то выяснилось, что работа эта довольно простая. Не оказалось никаких ценных вещей, кроме казенного пианино. Даже ни одной хорошей, "настоящей" картины не было. Недорогая мебель. Обтянутые чехлами кресла. Ничего из антиквариата. На стенах висели бумажные репродукции в деревянных простеньких рамочках. В зале, на центральном месте, висела увеличенная фотография, где запечатлены Ленин и Сталин, сделанная в сентябре 1922 года в Горках М.И. Ульяновой. (Кстати, та самая, которую вдруг ныне стали дружно объявлять фальшивой, смонтированной. — *Прим. Д.В.*)

На полу два ковра. Спал Сталин под солдатским одеялом. Кроме маршальского мундира, из носильных вещей, — говорил Шелепин, — оказалась пара простых костюмов (один парусиновый), подшитые валенки и крестьянский тулуп..." Правда, этот аскетизм, как я уже говорил, — внешний. "Хозяин" располагал несколькими дачами под Москвой и на юге, многочисленной прислугой. Любая его прихоть тут же исполнялась. Но Сталин делал все для того, чтобы подчеркнуть скромность своего быта.

Еще несколько слов о даче генсека. В кабинете, у большого письменного стола, — вертящееся кресло. Прислуга рассказывала, что Сталин, устав работать, поворачивался в кресле к окну и подолгу молча смотрел в парк. Сталин не любил густого леса. Как говорил мне А.Т. Рыбин, охранявший Сталина, по весне генсек сам указывал деревья, которые надо было вырубить. Сохранилась фотография: ссутулившийся Сталин держит за руку дочку, а человек из "обслуги", по указанию "Хозяина", метит топором деревья, какие вырубать. На фоне деревьев, пока стоящих, но обреченных, — фигура "вождя", спиной к объективу... Сталин, как мы знаем, любил "прореживать" не только леса...

Генсек не любил ничего импортного. Свою неприязнь к иностранному, к "Европе" перенес и на свой быт. Многие годы он подчеркивал свою "пролетарскую простоту", хотя вся жизнь Сталина подтверждает, что нет прямой зависимости между политическими, нравственными параметрами человека и его отношением к быту, ценностям, вещам. Все значительно сложнее. Просто Сталин умел "выделять" главное. А самым главным в его жизни была власть, как цель, средство, непреходящая ценность. Бытовая "оправа" этой власти не имела для Сталина большого значения. В 1938 году Сталину подобрали в Кремле другую квартиру, в великолепном здании, которое строил Казаков в XVIII веке, предназначенном для сената. Квартира занимала почти весь второй этаж. Комнаты для гостей. Для охраны. Для приемов. Этажом выше — служебные помещения. Великолепные окна, высокие потолки, крутые лестницы. Но в этой квартире Сталин почти не жил, предпочитая ей ближнюю дачу. Была и дальняя, где он тоже не жил.

К 70-летию Сталина Берия в качестве подарка преподнес ему дачу на берегу водохранилища под Москвой, уговорил "вождя" посмотреть ее. Стареющий "вождь" сдался, приехал. Красивый дом едва просматривался среди высоких сосен и елей.

— Это что за мышеловка? — подозрительно бросил Сталин Берии. Не раздеваясь, походил по комнатам, обошел вокруг, посмотрел на сопровождающих, сел молча в машину и уехал. Больше он там никогда не появлялся. Менять привычки и привязанности в преклонном возрасте трудно. Они словно невидимый поводырь ведут человека по нахоженным тропкам, превращаясь в неотъемлемую часть загадочного мира каждой личности.

Образ жизни генсек вел нездоровый. Уже в 20-е годы он предпочитал работать по ночам. Очень много курил. За год (или немного меньше) до смерти Сталин бросил курить и очень этим гордился.

Сталин обычно любил выпить перед обедом немного сухого грузинского вина. Мало гулял. У него не было, как он говорил, "аристократической привычки" проводить долгие часы на охоте или рыбалке. Помнится, А.И. Герцен, говоря о цели жизни человека, видел эту цель в многогранности личности, которая, как он писал Н.П. Огареву, умеет "жить во все стороны". Сталин же жил лишь "в одну сторону". Работа, дело, вновь работа и дело, невиданные по своей сложности и масштабности, превратили его в раба своей должности.

Люди, окружавшие Сталина, вспоминают, что в редкие минуты, когда он появлялся в парке, ссутулившаяся фигура описывала один-два круга по асфальтовой дорожке, затем застывала где-нибудь у клумбы или куста сирени. Сталин как бы рассматривал вечное чудо природы, а в действительности думал о своем. У каждого человека ассоциации, идеи, размышления с чем-то связаны. У многих людей мысли о бытии, совести и себе рождаются, когда они смотрят в бездну неба и облаков, колдовские глаза лесного костра или когда слушают дыхание моря. Сталин, бывая в Сочи, любил стоять на берегу и слушать шуршание гальки во время вздохов прибоя. Море представало перед ним как огромное, фантастическое существо, которому неведомы ни страдания, ни радости, которого не мучает прошлое и не заботит грядущее... Усмехнувшись, глядя на буйство куста сирени, соотнес вечный порядок в Великой Природе со своими делами: "суета сует..."

Вот только что просмотрел папку с бумагами от Ворошилова. Чем только не приходилось заниматься: испрашивалось разрешение об освобождении от военных сборов трактористов и комбайнеров, вносилось предложение о постройке нового дома для РККА, сообщалось о выступлении Пилсудского, передавалось сообщение чехословацкой буржуазной газеты, докладывалось письмо командира 26-го кавполка о недоразумении с уполномоченным Гостинцевым, письмо т. Ильина о необходимости развертывания дирижаблестроения, о строящихся новых объектах оборонного назначения и т.д. А сколько он продиктовал сегодня телеграмм! Последнюю помнит дословно:

"Рязань, секретарю Сасовского района, село Просяные Поляны.

От учительницы Ширинской получена телеграмма. Защитить учительницу татарской школы от ненужных грубых бесчинств уполномоченного Кадомского РИКа Иванова, врывающегося в квартиру под видом ликвидации имущества отца, требующего выдать никому не нужный шкаф, мешающего спокойно работать, навязывающего мысль покончить с собой.

Прошу немедля вмешаться, оградить Ширинскую от каких бы то ни было насилий и сообщить ЦЕКА (так в тексте. — *Прим. Д.В.*) о результатах.

Секретарь ЦК *И. Сталин*"[70].

За каждой бумагой, телеграммой, сообщением — судьба, судьбы. А сколько дел в других папках завтра подбросит Товстуха? И так каждый день...

Со временем всю такую работу возьмут на себя помощни-

ки, секретари, аппарат. Но Сталин до конца дней любил решать сам часто мелкие вопросы, отдельные судьбы, особенно связанные с назначениями, "своевольством", инакомыслием, строптивостью некоторых людей.

Чем больше повышался вес Сталина в партийных и государственных делах, тем ретивее многие стремились доложить "на его личное решение" множество вопросов... Что, о трактористах, их призыве, не может решить сам нарком? А строительство нового дома в столице? Разве судьбой учительницы Ширинской не может заняться один из секретарей? Но где-то у Сталина крепла торжествующая мысль: не могут без меня... А я все могу... Может быть, такова доля всех высших руководителей?!

Сталин подспудно чувствовал, что всемерная централизация, обрамляемая сложнейшими бюрократическими ритуалами, делает его пленником такой системы управления, может быть, тормозит, губит дело. А зачем же наркоматы, где их гибкость? Что решают многочисленные всесоюзные ведомства, "конторы"? Он понимал, но не хотел другого. Единовластие, если его "разделить", уже не единовластие. Постепенно все замыкалось на нем. И от его решения и в какой-то степени его окружения зависело: пойдет поток предложений в плоскость дел или будет отгорожен плотиной отрицания.

Живя сегодняшним, Сталин иногда мысленно обращался к недавнему прошлому, пытался заглянуть и за горизонт завтрашнего дня. Совсем как в одном из писем Сенеки к Луцилию: "Нас же мучит и будущее и прошедшее. Из наших благ многие нам вредят: так память возвращает нас к пережитым мукам страха, а предвиденье предвосхищает муки будущего. И никто не бывает несчастен только от нынешних причин"[71]. Думал ли об этом же Сталин? Едва ли. Сенеку он не читал. В его библиотеке книг древних мыслителей не было. Дела сегодняшние держали генсека в своих объятиях железной хваткой. А будущее, полагал Сталин, надо не предвосхищать, а делать. В соответствии с его установками на последнем съезде или пленуме.

Пожалуй, ради одного он жертвовал работой: ради кино и театра. Уже с конца 20-х годов постепенно вошло в привычку смотреть один-два фильма в неделю, обычно после двенадцати ночи. Ни один фильм, о котором начинали говорить в народе, не минул небольшого кинозала в Кремле, а позже и киноустановки на даче Сталина. При встрече с руководителями агитпропа как-то бросил: "Кино — не что иное, как иллюзион, но

жизнь диктует свои законы". Сталин всегда признавал в кинематографе лишь одну, воспитательную функцию, как, впрочем, и в искусстве вообще.

С 20-х годов его начала приобщать к театру жена. Нечасто бывал он с ней в московских театрах. Но после ее смерти театр прочно вошел в его жизнь, а если конкретно, то Большой театр. Думаю, что большинство его постановок он видел по многу раз. Как рассказывал мне А.Т. Рыбин, один из его телохранителей, а позднее комендант ГАБТа, в начале 50-х годов, накануне инсульта Сталин смотрел "Лебединое озеро". Возможно, двадцатый или тридцатый раз. Обычно бывал в театре один. Занимал место, когда в зале гасили свет. Садился в углу ложи, в глубине. После премьер передавал благодарность артистам, даже бывал на генеральных репетициях, вспоминал Рыбин. Видимо, духовное образование, кроме любви к теоретическим постулатам, воспитало у Сталина и потребность к общению с музыкой. Кино и театр, пожалуй, были единственными "лирическими отступлениями" в его жизни, целиком заключавшейся в насаждении личной власти и единоначалия в решении множества дел. Это личное участие в решении всех мало-мальски важных вопросов только наверху постепенно цементировало устои бюрократии, которую в своих речах он по инерции поругивал, а в действительности повседневно насаждал и упорно укреплял.

Конечно, личная жизнь — это всегда семья. Надежда Сергеевна Аллилуева, как я уже говорил, была моложе мужа на двадцать два года. По существу, сразу, из гимназисток, она стала женой одного из руководителей партии. Документы, человеческие свидетельства, в том числе и ее дочери — Светланы, говорят о том, что Аллилуева была цельной натурой. Со временем она стала членом партии, работала в Наркомате по делам национальностей, училась. Приходилось ей бывать в качестве дежурного секретаря и в Горках, у Ленина. Когда решился вопрос о перенесении столицы из Петрограда в Москву, Сталин забрал с собой и родителей жены, которые долго жили с дочерью и зятем в небольшой кремлевской квартире.

Надежда Сергеевна быстро адаптировалась к той атмосфере бесконечных совещаний, митингов, борьбы, поездок, в которой жил ее муж. Знакомство с документами сталинского архива показывает, что многие письма, распоряжения, указания, телеграммы написаны не только помощниками и работниками секретариата Сталина — Назаретяном, Товстухой, Каннером,

Мехлисом, Двинским, но и Надеждой Сергеевной. Ее большие, полудетские глаза вчерашней гимназистки жадно смотрели на мир, которым жил ее муж: съезды, пленумы, бесконечные телефонные переговоры, ночные совещания, споры, горы документов. Аллилуева видела, что муж принадлежит делу. И только ему. Она еще не понимала вначале, как мало места отведено ей в его жизни. Счастливый брак — это ведь мост от одного человека к другому, на котором они непрерывно общаются всю жизнь. Сталину некогда было общаться. Нередко на обращения жены к Сталину: "Тебя не интересует семья, дети..." муж грубо обрывал Надежду Сергеевну, иногда — с бранью. В какой-то степени дефицит общения Аллилуевой восполняли работа, учеба, частые встречи с женами соратников мужа: Полиной Семеновной Жемчужиной (женой Молотова), Дорой Моисеевной Хазан (женой Андреева), Марией Марковной Каганович, Эсфирью Исаевной Гурвич (второй женой Бухарина).

В 20-е годы у Сталина и Аллилуевой появилось двое детей; сначала, в 1921 году, Василий, а спустя четыре года Светлана. Затем приехал и стал жить у них и сын Яков (от первой жены Сталина — Екатерины Сванидзе). Он был лишь на семь лет моложе своей мачехи, которая, однако, любила этого, не избалованного отцовской лаской, юношу. Поскольку Аллилуева работала, детьми занималась няня. В кремлевской квартире или на даче в Зубалово всегда было много народу, родственников. Кроме родителей жены, здесь часто бывали братья Аллилуевой Федор и Павел, сестра Анна со своими близкими. Приезжали и родственники Сталина по линии первой жены. В 30-е годы, после смерти жены, этот шумный хор родственников, который Сталин видел не часто, заметно поредел и распался. Только родители Аллилуевой умрут своей смертью. Многие из близких Сталину людей сложат свои головы как "враги народа". Павел, брат Надежды Сергеевны, несколько раз пытался завести с генсеком разговор об ошибочности многих арестов, репрессий, в том числе и родственников Сталина, — все было безрезультатно. Но все это будет в 30-е, роковые годы.

Сам Сталин не смог, да, видимо, и не хотел по-настоящему заниматься воспитанием своих детей. Он их и видел-то крайне редко: иногда в воскресенье, когда их привозили на дачу, или на юге, где до войны генсек неоднократно отдыхал, — в Сочи, Ливадии или Мухалатке. Это не столь уж редкий случай, когда у крупных исторических фигур вырастают дети, ущербные уже в силу того, что их родители — знаменитости. Дети мало что

знали об отце. У него не было на них времени. Василий, по свидетельству Светланы, однажды ей выдал "тайну", сказав: "Знаешь, наш отец в молодости был грузином", по-детски непосредственно отразив сильное обрусение отца.

Наиболее трагически сложилась судьба старшего сына Сталина — Якова. У него были тяжелые отношения с отцом. Тот считал его слабым человеком и, как оказалось впоследствии, ошибся. Сталин был недоволен выбором Якова первой да и второй жены, Юлии Исааковны Мельцер. От этих браков у него осталось двое детей. Светлана Аллилуева вспоминает, что доведенный до отчаяния холодным отношением отца к нему Яков даже пытался застрелиться. Но пуля, к счастью, прошла навылет, и он остался жив, хотя долго болел. Сталин, увидев Якова после этого крайнего выражения полной отчужденности отца от сына, лишь издевательски бросил ему:

— Ха, не попал!

Все, особенно Надежда Сергеевна, были потрясены ледяной безжалостностью Сталина. Но политическому деспоту трудно было стать иным дома. Другое дело, что Сталин, общаясь с руководителями страны, принимая делегации, выступая на совещаниях, беседуя с деятелями культуры, мог быстро перевоплощаться. Назвав однажды в книге Сталина за эту способность "великим Артистом", я подумал: не принижаю ли я невольно одну из древних и великолепных профессий? Может быть, эта способность быстрого, с умыслом, перевоплощения дает основания назвать Сталина "великим Лицемером"? Но таким он являлся на людях, а не в семье. Здесь он был самим собой.

Яков с согласия отца окончил Институт инженеров железнодорожного транспорта в Москве, работал на электростанции завода имени Сталина (что чувствует человек, работая на предприятии, носящем имя отца?), затем пожелал стать военным. По распоряжению помощников Сталина Яков Джугашвили был зачислен на вечернее отделение, а затем сразу переведен на четвертый курс первого факультета Артакадемии РККА.

При знакомстве с личным делом старшего лейтенанта Я.И. Джугашвили невольно (в который раз!) бросились в глаза вопросы, на которые должен ответить каждый офицер, составляя собственную автобиографию. Их несколько десятков, но, чтобы полнее почувствовать духовный колорит того времени, приведу два-три вопроса из типового бланка автобиографии:

— Состоял ли в троцкистской правой, национал-шовинист-

ских и прочих контрреволюционных организациях, в каком году и где?

— Были ли отклонения от генеральной линии партии, колебания? Если колебался, то по каким вопросам и как долго продолжались эти колебания?

— Служил ли в белой армии и армии интервентов, в антисоветских националистических отрядах (учредиловцы, петлюровцы, мусаватисты, дашнаки, меньшевики Грузии, банды Махно, Антонова и других), где, когда, в качестве кого, как попал туда, когда, в какой части служил, сколько времени?..

Вот такое было время... Выворачивающее все наизнанку. Могли придраться к пустяку, который стал бы роковым...

Но к Якову Джугашвили не придирались. Хотя и в то время было немало людей, не торговавших своей совестью. Например, офицеры академии Иванов, Кобря, Тимофеев, Шереметов, Новиков (инициалов в деле нет) в аттестациях и характеристиках писали сыну Сталина то, что он, видимо, заслуживал: "Политическое развитие удовлетворительное. Дисциплинирован, но недостаточно овладел знанием воинских положений о взаимоотношениях с начальниками. Практических занятий не проходил. Со стрелково-тактической подготовкой знаком мало. Имеет большую академическую задолженность. Государственные экзамены сданы на удовлетворительно и хорошо". И это писали сыну всесильного "вождя"! И хотя непосредственные начальники рекомендовали назначить Джугашвили на должность командира дивизиона и присвоить ему звание капитана, начальник факультета Шереметов был другого мнения: "С аттестацией согласен, но считаю, что присвоение звания "капитан" возможно лишь после годичного командования батареей".

В одном единодушие полное: Яков был порядочный, честный и застенчивый человек, как бы "обожженный" неприязнью отца. Джугашвили переживал, что, "перепрыгнув" через несколько курсов, учился слабо, чувствовал себя неуверенно в роли командира. Может, это тоже сыграло в решающий момент роковую роль в его судьбе на фронте.

С первых же дней войны Яков оказался на фронте. По имеющимся документальным свидетельствам, он храбро сражался, до конца выполнял свой долг, но часть, где он служил, попала в окружение, и он оказался в плену. Есть редкая фотография из немецких архивов, где группа гитлеровских офицеров, окружив капитана Я. Джугашвили, с нескрываемым любопытством разглядывает старшего сына Сталина. Самое инте-

ресное в этом снимке — выражение лица, сама поза Якова; со сжатыми кулаками, с ненавистью смотрит он на врагов. Фашисты пытались использовать пленение Якова в пропагандистских целях: разбрасывали листовки с фотографией Джугашвили, но советские люди относились к ним как к фальшивкам.

Сталин переживал не столько за жизнь сына, сколько боялся, что в концлагере могут сломить его волю и заставят сотрудничать с немцами. В воспоминаниях Долорес Ибаррури, вышедших отдельной книгой в Барселоне в 1985 году, приводится малоизвестный факт, не получивший ни подтверждения, ни опровержения. Она пишет, что в 1942 году за линию фронта была заброшена специальная группа, которая должна была вызволить из плена Якова Джугашвили, находившегося к тому времени в Заксенхаузене. В составе спецгруппы был и испанец Хосе Парро Мойсо с документами на имя офицера франкистской "Голубой дивизии". Но операция закончилась неудачей. Группа погибла[72]. Яков оказался значительно более сильной личностью, чем о нем думал отец. Джугашвили-младший также боялся, что в результате пыток, психологической обработки, использования особых препаратов он может быть сломлен и в глазах отца и народа станет предателем. Сама мысль эта была невыносима, страшнее смерти. Круги ада, пройденные им в лагерях Хаммельбурга, Любека, Заксенхаузена, не сделали Якова предателем. Но силы были на исходе. 14 апреля 1943 года Яков Джугашвили бросился на колючую проволоку лагерного ограждения, и часовой застрелил его.

Сталин ошибся в сыне, как и во многих других людях. По словам С. Аллилуевой, ее отец уже после победы под Сталинградом как бы невзначай сказал ей:

— Немцы предлагали обменять Яшу на кого-нибудь из своих... Стану я с ними торговаться! Нет, на войне — как на войне.

Судьба другого сына "вождя" так же горестна. Не смог отец сделать его сильным, твердым, умным человеком. После смерти матери воспитателем мальчика фактически стал Власик — начальник охраны Сталина. Однако обстановка лести, вседозволенности сформировала безвольного, капризного, слабого человека. Он, правда, неплохо воевал, но не настолько хорошо, чтобы начать войну капитаном, а в 1947 году стать уже генерал-лейтенантом. Личное дело генерал-лейтенанта Сталина Василия Иосифовича весьма красноречиво и свидетельствует о кадровом произволе, который творило окружение "вождя",

хотя все делалось с его согласия. Приведу просто несколько выдержек и фактов из тощей папки личного дела:

— В двадцать лет В.И. Сталину сразу присваивается звание полковника (Приказ НКО № 01192 от 19 февраля 1942 г.);

— В двадцать четыре года В.И. Сталин — генерал-майор авиации (Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 2 марта 1946 г.), через год он — генерал-лейтенант;

— Будучи совсем "зеленым", посредственным летчиком, в 1941 году назначается начальником Инспекции ВВС РККА;

— В январе 1943 года назначается командиром 32-го гвардейского истребительного авиаполка; через год — командиром 3-й, в феврале 1945 года — командиром 286-й истребительной авиационной дивизии. В 1946 году В.И. Сталин — командир корпуса, затем заместитель, а позднее и командующий ВВС МВО. Феерический взлет, не основанный, однако, на деловых и моральных данных. За время войны, как указывают в деле его начальники, он совершил двадцать семь боевых вылетов и сбил один самолет противника типа ФВ-190; награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, орденом Суворова II степени, медалями.

Вот что писали в аттестации на В.И. Сталина генерал-лейтенант авиации Е.М. Белецкий и генерал-полковник авиации Н.Ф. Папивин:

"По характеру горяч и вспыльчив, допускает несдержанность: имели место случаи рукоприкладства к подчиненным... В личной жизни допускает поступки, несовместимые с занимаемой должностью командира дивизии, имелись случаи нетактичного поведения на вечерах летного состава, грубость по отношению к отдельным офицерам, имелся случай легкомысленного поведения — выезд на тракторе с аэродрома в г. Шяуляй с конфликтом и дракой с контрольным постом НКВД. Состояние здоровья слабое, особенно нервной системы, крайне раздражителен, это оказало влияние на то, что за последнее время в летной работе личной тренировкой занимался мало, что приводит к слабой отработке отдельных вопросов... Все эти перечисленные недостатки в значительной мере снижают его авторитет как командира и несовместимы с занимаемой должностью командира дивизии".

Последующие аттестации аналогичны, однако везде их венчает вывод: "Желательно послать на учебу в Академию". Прославленные генералы С.И. Руденко, Е.Я. Савицкий (в последующем маршалы) не видели в то время иного способа избавить подчиненные им соединения от "беспутного принца".

Доброхоты, преследуя свои цели, осыпали благами и чинами сына Сталина, который незаметно для всех стал хроническим алкоголиком. Можно представить, сколько горя принес своим многочисленным женам (не менее четырех!) этот постепенно опускавшийся человек. Он мало интересен сам по себе. Но на примере этой беспутной (и несчастной!) судьбы можно еще раз убедиться: злоупотребление властью калечит все в окружении, в том числе и собственных детей. Так уже бывало в истории. Цезари, достигая высот владычества, часто оставляли после себя детей хилых духом и плотью, морально убитых еще при жизни диктатора торжествующей безнравственностью.

После докладов о компрометирующем его поведении В.И. Сталин лишился высокого поста командующего авиацией столичного округа и покатился вниз. Не случайно, что уже через двадцать один день после смерти "вождя" Приказом Министра обороны СССР № 0726 генерал-лейтенант В.И. Сталин был уволен из армии в возрасте тридцати двух лет без права ношения военной формы... Все махнули на него рукой, и бывший военный летчик Василий Иосифович Сталин кончил жизнь еще молодым, разрушив себя алкоголем.

О проделках Василия мне рассказывал А.Н. Шелепин. "После смерти отца В. Сталина посадили: вспомнили какие-то грехи, злоупотребления и т.д. (Хотя дочь В.И. Сталина Надежда Васильевна утверждает, что суда и следствия не было. Дали 8 лет, и дело с концом. Хотели скорее упрятать человека, который везде говорил, что отца отравили. — *Прим. Д.В.*) Хрущев попросил меня съездить в Лефортово, куда из Владимирской тюрьмы перевели Василия. Заключенный что-то мастерил на станке ("трудовое воспитание"). Привели его ко мне, — продолжал Шелепин, — бросился на колени, заплакал: "Простите, простите, не подведу больше..." Рассказал о встрече Хрущеву. Тот помолчал и говорит:

— Привезите его ко мне.

Назавтра Василия Сталина доставили к Хрущеву. Тот опять бросился в ноги: молил, плакал, клялся. Хрущев, обняв Василия, тоже плакал, долго говорили об отце. После встречи решили Василия досрочно освободить. Подготовили решение, выпустили. При выписке настаивали взять официально фамилию — Васильев. (Этой же фамилией Верховный Главнокомандующий подписывал некоторые директивы времен войны. — *Прим. Д.В.*) Василий Сталин, при всей его слабости, решительно отказался. Вернулся домой. Своей дочери, Надежде, говорил, что мечтает работать "директором бассейна"... Но по-

степенно старые друзья "вернули" Василия к прежнему образу жизни. Через месяц после освобождения, будучи нетрезвым за рулем автомобиля, он совершил аварию. Хрущев долго ругался матом, спрашивал:

— Что будем делать? Посадить — погибнет. Не посадить — тоже.

Решили выслать. Подобрали место — Казань. Уехал Василий в "ссылку" со своей очередной женой. Жил в однокомнатной квартире, имея возможность взглянуть на свою недолгую жизнь с ее взлетом и падением. Здесь Василия застанет весть о выносе тела его отца 31 октября 1961 года из Мавзолея. Тюрьма, болезни, водка, бессердечие бывших "друзей" превратили его в полного инвалида".

Жизнь сына "вождя" в миниатюре демонстрирует моральную бесплодность сталинизма. 19 марта 1962 года он скончался. На памятнике будет выбито — не Сталину, кем он был при жизни, не Васильеву, в которого его хотели превратить власти, а "Единственному от Джугашвили". Покойный оставил семерых детей: четырех собственных и трех усыновленных.

Диктатор, чьего слова было достаточно, чтобы за предельно короткое время прорыть огромный канал, построить дворец, переселить сотни тысяч людей с "воли" за колючую проволоку, оказался полностью бессильным как отец. В несчастной судьбе младшего сына повинен прежде всего сам "вождь". Тот же упрек, видимо, ему бросят летописцы, коснувшись судьбы и его дочери Светланы. Он не смог воспитать дочь патриотом Родины. Эволюция ее судьбы известна.

Видимо, пока она была школьницей, Сталин любил ее больше, чем сыновей. Нередко писал ей теплые записки (трудно поверить, что Сталин мог быть таким!) наподобие этой:

"Моей хозяйке — Сетанке (так в тексте. — *Прим. Д.В.*) — привет!

Все твои письма получил. Спасибо за письма! Не отвечал на письма потому, что был очень занят. Как проводишь время, как твой английский, хорошо ли себя чувствуешь? Я здоров и весел, как всегда. Скучновато без тебя, но что поделаешь, терплю. Целую мою хозяюшку.

22 июля 1939 г.".

Война отдалила отца от дочери и, как оказалось, навсегда. Близости, семейного тепла больше не было. Повзрослевшая Светлана, как все девушки ее возраста, испытала первое увлечение. Ее знакомый, журналист и кинорежиссер А.Я. Каплер был

11 1305

арестован, получил пять лет, затем еще пять. Из лагерей Алексей Яковлевич написал письмо:

"Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я осужден Особым совещанием за антисоветские высказывания. Не признал их и не признаю. Награжден орденом Ленина и удостоен Сталинской премии I степени. Причастен к фильмам: "Она защищает Родину", "Котовский", "День войны". Я могу признать только у себя нескромность. Позвольте мне отправиться на фронт, умоляю Вас об этом.

27 января. *А. Каплер*".

Сталин потребовал у Берии справку на Каплера. Ему доложили: "Каплер имеет сестру во Франции. Встречался с американскими корреспондентами Шапиро и Паркером. Виновным себя не признал, но изобличается агентурными данными...

16 марта 1944 года"[73].

А мы помним, что таким "бумагам" Сталин всегда верил.

Два замужества Светланы оказались неудачными, как и третье, когда ее супругом стал иностранец. Он скончался в Москве и в связи с похоронами Аллилуева в 1966 году оказалась за рубежом, отвозя на родину прах покойного. Из Индии она не вернулась, оказалась на Западе, в руках людей, которые цинично использовали имя ее отца в своих целях. Но, наверное, она против этого не возражала. Действия ее были осознанны. К этому времени дочь Сталина была кандидатом филологических наук, ей было сорок лет. В одной из своих книг "Только один год" она написала: "Никогда в жизни я не была так уверена в собственной правоте, как сейчас. Неуверенность в себе, в своих возможностях, способностях преследовала меня всю жизнь. Мне всегда было легче поверить, что я все делаю плохо и неверно. Внутренняя скованность и застенчивость мешали мне в контактах с людьми, с аудиторией. Чаще всего хотелось уйти от всех и закрыть покрепче за собой дверь. Все это — психологический результат долгой жизни под прессом, результат воспитания в ненормальной семье, результат долгого существования в обществе, которое порабощено и молчит"[74].

Коротая, с небольшим перерывом, свои годы на чужбине, Светлана едва ли задумывалась, что ее жестокий, безжалостный отец с "железной" фамилией, которая была призвана подчеркнуть главную черту его характера, в самые тяжкие годы своих бесчисленных арестов тем не менее никогда не помышлял и не соглашался на эмиграцию. Но дочь "железного" отца еще раз подтвердила истину: характер не наследуется, как и убеждения. Они вырабатываются.

Когда 1 ноября 1984 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении в гражданстве СССР С.И. Аллилуевой и о приеме в гражданство СССР ее дочери О.В. Питерс, казалось, что "блудная дочь" вернулась в лоно Отечества. Тем более что на пресс-конференции дочь Сталина заявила: "Попав в этот самый, так называемый "свободный мир", я сама не была в нем свободна ни одного дня. Так я попала в руки бизнесменов, адвокатов, политических дельцов и издателей, которые превратили имя моего отца, мое имя и мою жизнь в сенсационный товар..."

Адаптироваться на Родине Светлана Аллилуева так и не смогла. Она хочет жить там, где ей нравится.

Сегодня легче всего сказать: на детей не было времени. Оправдание несостоятельное. Возможно, дети "вождя" и выросли бы другими, будь жива Надежда Сергеевна Аллилуева. Свидетельства, которыми я располагаю, говорят о том, что и здесь Сталин стал косвенной (а впрочем, — косвенной ли?) причиной ее смерти. В ночь с 8 на 9 ноября 1932 года Аллилуева-Сталина покончила жизнь самоубийством. Непосредственной причиной ее трагического поступка явилась ссора, едва заметная для окружающих, которая произошла на небольшом праздничном вечере, где были Молотов, Ворошилов с женами, некоторые другие лица из окружения генсека. Очередной грубой выходки Сталина хрупкая натура жены не перенесла. 15-я годовщина Октября была омрачена. Аллилуева ушла к себе в комнату и застрелилась. Каролина Васильевна Тиль, экономка семьи, придя утром будить Аллилуеву, застала ее мертвой. Вальтер лежал на полу. Позвали Сталина, Молотова, Ворошилова.

Есть основания предполагать, что покойная оставила предсмертное письмо. Об этом можно только строить догадки. На свете всегда есть и останутся большие и маленькие тайны, которые никогда не будут разгаданы. Смерть Надежды Сергеевны, думаю, не была случайной. Наверное, последнее, что умирает в человеке, — это надежда. Когда нет надежды — уже нет и человека. Вера и надежда всегда удваивают силы. У жены Сталина их уже не было.

Сталин был потрясен, когда утром узнал о случившемся. Но и здесь он остался верен своему безнравственному кредо: поступок Аллилуевой расценил не как свою вину, а как предательство по отношению к себе. У него не возникла, видимо, даже мысль, что его черствость, отсутствие тепла и внимания так жестоко ранили жену, что та решилась в минуту глубокого ду-

шевного волнения и депрессии на крайний шаг. Попрощавшись на гражданской панихиде с женой, на кладбище Сталин не поехал. Люди из его окружения вскоре попытались устроить еще один брак Сталина с одной из родственниц близкого к "вождю" человека. Казалось, все решено. Но по причинам, известным только вдовцу, брак не состоялся. До конца дней Сталин прожил один, передоверив домашнюю заботу о себе экономке из многочисленной "обслуги". Валентина Васильевна Истомина взяла на себя постоянную заботу о вдовце, сопровождая Сталина и во время его выездов на Черноморское побережье. Когда Сталин умер, Истомина в присутствии членов Политбюро упала покойному "вождю" на грудь и закричала в голос. Для нее он, видимо, был ближе, чем для соратников.

В самом конце жизни Сталин проявил признаки уважения к памяти своей жены. В столовой и его кабинете на даче, как и на квартире в Кремле, появились фотографии Аллилуевой. Может быть, на закате своих дней в нем проснулась совесть? Когда люди приближаются к черте, за которой — небытие, многие пытаются подвести какие-то итоги. Обычно полноправная хозяйка здесь — совесть. Гегель определял совесть как "процесс внутреннего определения добра". Но мы-то теперь знаем, что у Сталина ни добра, ни совести не было. Напомню еще одно место из письма Сенеки Луцилию: "Человек — предмет для другого человека священный". Может быть, хоть кто-то для Сталина, хоть на какое-то время оказывался священным? Вторая жена? В это трудно поверить...

Нет никаких сомнений, что Н.С. Аллилуева любила Сталина и старалась всячески помогать ему на многотрудном посту. Заботясь о муже, она старалась, как тогда было принято, не прекращать работать, училась в Промакадемии, занималась детьми. Ее родственники свидетельствовали, что в последние годы жизни Аллилуева переживала глубокий внутренний надлом. Возможно, Сталин по-своему ее тоже любил. Но одержимость делом, планами, работой, упоение властью совершенно не оставили в его сердце места ни жене, ни детям, ни родственникам. На месте чувств — железные струны. Он считал, что это естественно. Сталин мог неделями не замечать никого из родных. Не поинтересоваться самочувствием, здоровьем близких. Я уже говорил, что многих из своих внуков он никогда не видел и не стремился к этому. Например, дети Василия от его первой жены — Надежда и Александр, испытавшие немало горьких минут от высокого родства, никогда не были удостоены внимания человека, о котором писатели сочиняли легенды: "Сталин

думает о нас". О всех "думать" всегда проще, чем о конкретных людях.

Когда был арестован Александр Семенович Сванидзе, брат его первой жены, с которым он был очень близок, у Сталина не возникла даже мысль: как человек, которого он знал всю жизнь, с детства, мог оказаться "врагом"? В самой структуре морали у "вождя" были целые бреши, провалы. Его поступки, поведение, отношение к окружающим и близким дают основание полагать, что Сталину были неведомы благодеяния, сострадание, великодушие, сочувствие, терпимость, человечность, раскаяние, искупление... Такова моральная сторона биографии этого человека, которая может быть понята и объяснена лишь на основе всего социального и психологического опыта Сталина.

В душе Сталина невозможно было найти, затронуть какие-то струны человеческих чувств. Трагедия старшего сына его волнует лишь постольку, поскольку он боится компрометации своего имени. Второй сын для него просто обуза. Кроме ругани, у него не нашлось средств, чтобы остановить сына от падения. Дочь после своих неудачных замужеств сразу стала для него совершенно далекой и чужой. К внукам он безразличен. Даже мать он не избаловал своим вниманием...

Повторюсь, эти страницы политической биографии генсека, характеризующие нравственные черты личности, возможно, не главные. Но весьма символично, что и сам Сталин пренебрежительно относился к морали и "морализаторству". Для него политика всегда была фаворитом в соотношении с нравственностью. А для исследователя личности столь сложного человека, каким был Сталин, именно здесь приоткрывается одна из "тайн" его характера. Пренебрежение общечеловеческими нравственными ценностями стало проявляться у него давно. Он презирал жалость, сострадание, милосердие. Для него были важны лишь волевые черты. Его душевная скупость, переросшая в исключительную черствость, а затем в безжалостность, стоила жизни жене и исковеркала судьбы его детей. Самое страшное, что и в политике Сталин не находил достойного места для моральных ценностей. Для него было верхом благородства, когда сослуживец доносил на своего коллегу, "врага народа". Когда Берия с согласия "вождя" арестовал жену его ближайшего помощника Поскребышева, Брониславу Соломоновну, то на все просьбы мужа спасти ее у Сталина, как рассказывает дочь Поскребышева, Галина Александровна, был один ответ: "Это от меня не зависит. Я ничего сделать не могу. В НКВД разбе-

рутся". Смехотворное обвинение в шпионаже было стандартным. Бедную женщину, мать двоих детей, продержав в тюрьме три года, расстреляли. А ведь отец этих детей по четырнадцать — шестнадцать часов в сутки продолжал быть около Сталина, подавать документы, готовить справки, вызывать людей, отдавать распоряжения "вождя"... Даже Берия, по приказу которого осуществлен был арест, продолжал бывать в нашей семье, — рассказывала Галина Александровна. — Как, впрочем, у нас бывали и многие другие известные люди: Шапошников, Рокоссовский, Кузнецов, Хрулев, Мерецков. Сталин был лично знаком с моей матерью и, конечно, понимал, что обвинение в шпионаже (брат матери ездил за медицинским оборудованием за границу — главный аргумент обвинения — и тоже, конечно, был расстрелян) не имеет под собой никаких оснований".

Когда я знакомился с подобными фактами, мне однажды пришла, на первый взгляд, дикая мысль: арестовывая близких, родственников, жен тех, кто его окружал, Сталин испытывал их лояльность, верноподданические чувства. Калинин, Молотов, Каганович, Поскребышев, многие другие не подавали и виду, что в их семьях произошла катастрофа. Сталин наблюдал за их поведением и, видимо, испытывал удовлетворение от их безропотности. Чудовищные по своей безнравственности и жестокости деяния — это и есть строки в предельно аморальной биографии Сталина, черты его портрета. Ничего святого, благородного, порядочного не скрывалось за личиной Большого Лицемера, мастерски игравшего множество ролей в жизни, которая походила на фильмы ужасов. Ведь Поскребышев верил, когда Сталин говорил ему смиренно: "Это от меня не зависит. Я ничего сделать не могу. В НКВД разберутся". А что говорил Берия, ведь он продолжал бывать дома у Поскребышева? Говорил то же самое... Эти люди жили во Лжи, Цинизме, Жестокости. Самое печальное (а это опять же из области морали!), что ему, Сталину, фактически никто не возражал. А ведь шансы совести всегда существуют! Даже в условиях невероятно сложных...

Мы как-то привыкли считать, что гуманизм, мораль, общечеловеческие нормы нравственности — это, мол, все из области "мелкобуржуазного гуманизма", нравоучительства! А ведь мораль появилась раньше политического, правового, даже религиозного сознания. Когда у людей возникла первая потребность в осознанном общении, возникла нравственность. Без нее человек никогда не стал бы человеком. Как метко заметил однажды Бертольт Брехт: "Чтобы человек почувствовал

себя человеком, его кто-то должен окликнуть..." И в этом смысле конкретная "личная жизнь" позволяет увидеть в человеке многие подлинные грани. У Сталина они выписаны жирным черным фломастером. Кто знает, может быть, именно здесь кроется один из глубинных истоков тех деформаций и преступлений, которые будут в 30-е годы освящены его именем? Может быть, я ошибаюсь. Время поправит. Оно — лучший редактор любых биографий. Тем более, повторюсь, я пытаюсь набросать лишь эскиз портрета.

Сталин был "сильной личностью" того типа, который с неизбежностью стремится только к величию, неограниченной власти. Но "режим террора, — справедливо писал Н. Бердяев, — есть не только материальные действия — аресты, пытки, казни, но прежде всего действие психическое..."[75]. Сталинская практика постепенно, исподволь обоготворила насилие, не заботясь о его нравственном обосновании. Культ силы вне моральных ценностей — драгоценность фальшивая. Ленин видел смысл революции в максимальном достижении человеком вершин свободы в рамках социальной необходимости, которая гуманистична. Для Сталина нравственные параметры революции, строительство нового мира были не более чем "буржуазным морализаторством".

Страшно то, что Сталин не сомневался и в своей нравственной правоте. В одном из томиков М.А. Бакунина генсек однажды подчеркнул фразу: "Не теряйте времени на сомнения в себе, потому что это пустейшее занятие из всех выдуманных человеком". Что можно сказать по этому поводу? Бакунин-то мог не сомневаться: ведь он не был Генеральным секретарем великой партии!

БИБЛИОГРАФИЯ

Вместо введения. ФЕНОМЕН СТАЛИНА

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 8 — 9.
2. Правда. 1949. 21 декабря.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 487.
4. Барбюс А. Сталин. М., 1936. С. 343 — 344.
5. Ярославский Ем. О товарище Сталине. М., 1939. С. 153.
6. Trotsky L. Stalin. N. Y. Benson Vermont, 1947. vol. 1, p. 7.
7. ЦГАСА, ф. 918, оп. 3, д. 80, л. 591.
8. См.: Гегель. Соч. М., 1932. Т. 10. С. 87.
9. Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. М., 1983. Т. 6. С. 446.
10. Плутарх. Сочинения. М., 1983. С. 429.

Глава I. ОКТЯБРЬСКОЕ ЗАРЕВО

1. Сталин И.В. Собрание сочинений в 13 томах. Т. 13. С. 113.
2. ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 558, оп. 1, д. 5078, 5080.
3. Нарымский мемориальный музей политических ссыльных большевиков, ф. 998.
4. Свердлова К.Т. Я.М. Свердлов. М., 1960. С. 199.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 169.
6. Орджоникидзе З. Г. Путь большевика. М., 1956. С. 128—129.
7. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 577, л. 18 — 25.
8. ЦГАОР СССР, ф. 9401, оп. 2, д. 200, л. 304.
9. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 4358, л. 1.
10. Швейцер В. Сталин в Туруханской ссылке. Воспоминания подпольщика. М., 1940. С. 23, 25, 27, 34.
11. L. Trotsky. Stalin, vol. 1, p. 148.
12. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 112.
13. Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 52 — 54.
14. Ленин В.И. Биографическая хроника. Т. 3. С. 147.
15. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 23851, л. 1.
16. Ленин В.И. Биографическая хроника. Т. 3. С. 456 — 457.
17. Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 121.
18. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 3233, л. 1.
19. Цит. по: Февральская революция. М. — Л., 1926. С. 59.
20. Архив ИККИ, ф. 555, оп. 1, д. 2802, л. 1 — 2.

21. Цит. по: Февральская революция. С. 131.
22. Цит. по: Февральская революция. С. 153.
23. Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 321.
24. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 156.
25. Цит. по: Февральская революция. С. 336 — 337.
26. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 63.
27. Сталин И.В. Краткая биография. М., 1951. С. 57.
28. Троцкий Л.Д. Февральская революция. Берлин, издательство "Гранит", 1931. С. 321 — 322, 325.
29. Правда. 1917. 15 марта.
30. Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 8
31. Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 333.
32. Ленин В.И. Биографическая хроника. Т. 4. С. 55; Год революции. Петроград, 1919. С.16.
33. Суханов Н.Н. Записки о революции. Сочинения в 7 томах. Берлин — Петербург — Москва, 1922. Т. 7. С. 44.
34. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 112.
35. Протоколы VII конференции РСДРП(б). М., 1980. С. 80.
36. Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 55.
37. Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 413.
38. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. С. 109.
39. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 25.
40. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 445.
41. Ленин В.И. Биографическая хроника. Т. 4. С. 282.
42. ЦПА ИМЛ, ф. 4, оп. 3, д. 813.
43. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 392.
44. Рябинский К. Революция 1917 года. Хроника событий. М. — Л., 1926. Т. V. Октябрь. С. 138.
45. Там же. С. 172.
46. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 435, 436.
47. Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 89.
48. Сталин И.В. Краткая биография. С. 65.
49. Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 389.
50. Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Берлин, издательство "Гранит", 1932. С. 26.
51. Троцкий Л. Моя жизнь. Берлин, издательство "Гранит", 1932. Т. 11. С. 60.
52. Сталин И.В. Статьи и речи 1921 — 1927 гг. М. — Л., 1928. С. 104 — 105.
53. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 250.
54. Троцкий Л. Сочинения. Т. XVII. Советская республика и капиталистический мир. Ч. 1. М. — Л., 1926. С. 103, 106.
55. M. Paléologue. La Russie des Tsars pendant la grande guerre. vol. 3. Paris, p. 245.
56. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 369 — 370, 490.
57. VII съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М. — П. 1923. С. 78, 79, 86.

58. Кропоткин П.А. Великая французская революция 1789 — 1793. М., 1979. С. 355.
59. Известия. 1923. 8 июля.
60. Жорес Ж. Указ. соч. Т. 6. С. 208 — 209.
61. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 343.
62. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 6157.
63. ЦГАСА, ф. 1, оп. 2, д. 111, л. 84.
64. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 6235.
65. Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 118.
66. Ленинский сборник. М., 1970. Т. XXXVII. С. 139.
67. ЦГАСА, ф. 10, оп. 1, д. 123, л. 29 — 30.
68. Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 136.
69. ЦГАСА, ф. 100, оп. 9, д. 34, л. 26 — 27.
70. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 6324, л. 1 — 2.
71. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 463.
72. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 47.
73. ЦПА ИМЛ, ф. 588, оп. 1, д. 486.
74. Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 139.
75. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп.1, д. 10 022.
76. Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 210.
77. ЦГАСА, ф. 33 988, оп. 2, д. 289, л. 19 — 20; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 428.
78 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 206 — 207.
79. Там же. С. 208.
80. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 — 1922 гг.). М., 1972. Т. 2. С. 790.
81. Там же. С. 410.
82. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 — 1922 гг.). М., 1972. Т. 3. С. 244.
83. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 46, л. 145 — 147.
84. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 99 — 101.
85. Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 261.
86. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 141.
87. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 46, л. 200.
88. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 357.
89. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 46, л. 413.
90. ЦГАСА, ф. 104, оп. 4, д. 484, л. 11.
91. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 321.

Глава II. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ВОЖДЯ

1. Цит. по: Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 208.
2. Известия. 1924. 23 января. (Цит. по: У великой могилы. Издание газеты "Красная звезда". М., 1924. С. 63).
3. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп.1, д. 23 315.
4. XII съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1923. С. 60 — 61.
5. Там же. С. 61.

6. Цит. по: У великой могилы. Издание газеты "Красная звезда". С. 151.

7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 709 — 710.

8. Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 106.

9. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 213 — 214.

10. Луначарский А. Революционные силуэты. М., 1923. С. 31.

11. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М. — Л., 1926. С. 453 — 454.

12. Там же. С. 274 — 275.

13. Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 380, 382.

14. Сб. Феликс Дзержинский. М., 1931. С. 141, 186.

15. Красная звезда. 1930. 31 октября.

16. Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 251.

17. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп.2, д. 1.

18. Манфред А.З. Указ. соч. С. 328.

19. Гегель. Работы разных лет в 2 томах. М., 1971.

20. XI съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1922. С. 47, 49, 51, 52.

21. Там же. С. 69 — 70.

22. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 29.

23. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 78, л. 1 — 2.

24. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 78, л. 1 — 9.

25. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 78, л. 2 — 9.

26. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 243, 563 — 564.

27. Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 359 — 360.

28. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 188.

29. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 211.

30. ЦПА ИМЛ, ф. 4, оп. 1, д. 142, л. 126; Ленин В.И. Биографическая хроника. Т. 12. С. 388.

31. Adam B. Ulam. Stalin. The Man and his Era. N.Y. 1973, p. 213, 214.

32. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 357.

33. Там же. С. 358.

34. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329.

35. Там же. С. 674 — 675.

36. Там же. С. 329 — 330.

37. Там же. С. 330.

38. Луначарский А. Указ. соч. С. 42.

39. Герцен А.И. Избранные философские сочинения. М., 1940. С. 154.

40. Луначарский А. Указ. соч. С. 42.

41. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 31.

42. Троцкий Л.Д. Соч. Т. VIII. Политические силуэты. М. — Л., 1926. С. 66 — 67.

43. Грамши А. Избранные произведения в 3 томах. М., 1959. Т. 3. С. 185.

44. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 20.

45. Там же. С. 308.

46. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 120 — 121.

47. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 174.
48. Там же. С. 343 — 344.
49. Там же. С. 345.
50. Там же. С. 345.
51. XI съезд РКП(б). Протоколы ИМЛ при ЦК КПСС. Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС. М., 1969. С. 262.
52. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.
53. Там же. С. 474.
54. Там же. С. 344 — 346.
55. Там же. С. 347.
56. Там же. С. 346.
57. Луначарский А. Силуэты. М., 1965. С. 26.
58. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387.
59. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 88.
60. XII съезд РКП(б). Протоколы ИМЛ при ЦК КПСС. Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС. С. 80 — 81.
61. Там же. С. 50 — 53.
62. IX съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1920. С. 81.
63. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 354.
64. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 34, л. 1.
65. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 141.
66. Горький М. Собрание сочинений в 30 томах. М., 1959. Т. 17. С. 43.
67. Cohen S. Bukharin and the Bolshevik Revolution. N. Y. Alfred A. Knopf, 1974, p. 139 — 140.
68. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 218, 226.
69. Цит. по: У великой могилы. Издание газеты "Красная звезда". М., 1924. С. 27, 63.
70. Там же. С. 246, 253.
71. Там же. С. 248 — 249.
72. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 593 — 594.
73. Там же. С. 594.
74. XIII съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1924. С. 37 — 38.
75. Там же. С. 110.
76. Радек К. Итоги XII съезда РКП. М., 1923. С. 25.
77. Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии. Париж. Умка-пресс, 1949. С. 251.

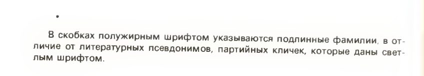
Глава III. ВЫБОР И БОРЬБА

1. Наполеон. Избранные произведения. М., 1941. С. 62.
2. КПСС в резолюциях и решениях. Изд. 7-е. М., 1953. Ч. 1. С. 511.
3. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 4870.

4. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 112.
5. Троцкий Л.Д. Уроки Октября. М., 1925. С. 49.
6. Троцкий Л. Перманентная революция. Берлин, 1930. С. 16.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 309.
8. Там же. С. 206.
9. Большевик. 1925. № 8. С. 7.
10. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 2, д. 103.
11. Каменев и Зиновьев в 1917 году. Факты и документы. М. — Л., 1927. С. 7 — 10.
12. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 109, л. 12.
13. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 1.
14. Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 327.
15. Там же. С. 357.
16. XIV конференция Российской коммунистической партии (большевиков). М. — Л., 1925. С. 248, 253.
17. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2816, л. 3 — 5.
18. Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 365, 383.
19. Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 390.
20. Там же. С. 390 — 391.
21. Сталин И.В. Соч. Т. 1. С. 299.
22. Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 187 — 188.
23. Там же. С. 188.
24. Там же. С. 187 — 188.
25. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1952. С. 537.
26. Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 375.
27. Сталин И.В. Соч. Т. 9. С. 315, 321.
28. Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 95, 96, 98.
29. ЦГАСА, ф. 918, 33 987, оп. 3, д. 80, л. 20 — 24.
30. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1952. С. 2.
31. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 109, л. 32, 33.
32. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 154, л. 54.
33. Там же. Л. 67.
34. Политработник. 1922. № 3. С. 38 — 39.
35. Троцкий Л.Д. Литература и революция. М. — Л., 1924. С. 26.
36. Большевик. 1926. № 7 — 8. С. 107 — 108.
37. Большевик. 1928. № 9. С. 6.
38. О партийной и советской печати. М., 1954. С. 347.
39. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 391.
40. Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 153 — 154.
41. Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 327 — 328.
42. Там же. С. 328.
43. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 23, 27.
44. О партийной и советской печати. С. 346 — 347.
45. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 200.
46. Короленко В.Г. Письма к Луначарскому. Париж, 1922. С. 61 — 62.
47. Дом искусств. Петроград, 1920. № 1. С. 65.
48. Богданов А.А. О пролетарской культуре. М. — Л., 1925. С. 12.

49. Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1924. С. 13.
50. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 173, 177.
51. Правда. 1926. 26 октября.
52. Бердяев Н. Царство духа и царство кесаря. Париж, Умка-пресс, 1951. С. 67.
53. Байрон Дж. Избранное. М., 1984. С. 88 — 89.
54. XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М. — Л., 1927. С. 535, 536.
55. ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 2827.
56. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 285.
57. Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 193.
58. Там же. С. 204, 205.
59. Там же. С. 191.
60. Там же. С. 173.
61. Большевик. 1925. № 16. С. 68.
62. Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 175 — 177.
63. Бей Э. Сталин. Рига, издательство "Филин", 1932. С. 234.
64. Социалистический вестник. 1931. № 8(245). С. 8.
65. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 286.
66. Там же. С. 305.
67. Троцкий Л. Что и как произошло. Шесть статей для мировой буржуазной печати. Париж, 1929. С. 9.
68. Там же. С. 60.
69. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 518.
70. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2908.
71. Сенека. Письма Луцилию. М., 1986. С. 40.
72. Memorias de Dolores Ibárruri. Barcelona, 1985, p. 530 — 531.
73. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 1, д. 2181.
74. Аллилуева С. Только один год. Принстон, 1968. С. 158.
75. Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж, 1952. С. 132.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В скобках полужирным шрифтом указываются подлинные фамилии, в отличие от литературных псевдонимов, партийных кличек, которые даны светлым шрифтом.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

Волкогонов Д.А.

В67 Триумф и трагедия/ Политический портрет И.В. Сталина. — В 2-х книгах. — Кн. 1. — Ч. 1. — М.: Изд-во АПН, 1989. — 304 с., ил.

Личиость Сталииа одиа из самых сложиых и противоречивых в истории В кииге, в которой использованы миогие иеизвестиые раиее докумеиты, аиализируется эволюция этого политического деятеля от малозаметиого участиика Октябрьской революции до лидера партии и государства Автор прослеживает процесс усилеиия едииовластия, подмеиы диктатуры пролетариата диктатурой "вождя", показывает геиезис культа личиости Сталииа, человека, который был главиым вииовииком беззакоиий, творившихся в страие в 30-е гг. Читатель узиает, как обожествление Сталииа привело к тому, что триумф одиого человека обериулся трагедией целого иарода.

Киига предназиачена для широкого круга читателей.

ISBN 4 — 7020 — 0025 — 0

В $\frac{4502010000}{067(02)—89}$ Без объявл.

ББК 66.61(2)8

Волкогонов Дмитрий Антонович
ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ
Политический портрет И.В. Сталина
В 2-х книгах

Книга I
Часть 1

Выпускающий *М.Н. Антипов*
Издательский редактор *З.Е. Машкова*
Контрольная проверка *Е.И. Кацман*
Младшие редакторы *Г.В. Арданьянц, Н.В. Потатуева*
Художественный редактор *В.В. Анохин*
Фоторедактор *Т.П. Макарова*
Корректор *Н.В. Сапронова*
Технические редакторы *Л.А. Крюкова, А.С. Денисова*
Технолог *В.Ф. Егорова*

ИБ 10205

Сдаио в набор 15.12.88 г. Подписаио в печать 20.06.89 г. ВТ08015
Формат издания 84x108/32. Бумага офсетиая 70 г/м^2
Гариитура таймс. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 20,47.
Тираж 300 000 экз. (3-й завод 200 001 – 300 000 экз.)
Заказ № 1305. Изд. № 8276 Цеиа 2 р. 90 к. (в мягкой обложке)

Издательство Агеитства печати Новости
107082, Москва, Б. Почтовая ул., 7.

Типография Издательства Агентства печати Новости
107005, Москва, ул. Ф. Эигельса, 46.

2 р. 90 к

Сегодня на Сталина и сталинизм мы смотрим пока с высоты птичьего полета истории. Думаю, спустя десятилетия, с большей временно́й дистанции, эти мрачные страницы летописи советского народа, полные подвижничества, трагизма, обманутой надежды, будут видеться глубже, основательнее, вернее. Но уже сегодня ясно: Сталин лишь вершина айсберга. Описав эту вершину, я не считаю, что высветил весь айсберг.

''Незаконченное'' прошлое может быть как у отдельного человека, так и у целого народа, не знающего до конца подлинной истории своего триумфа и трагедий. Так назвал я книгу, пытаясь показать, как триумф одного человека обернулся трагедией для великого народа...

Дм. Волкогонов

Издательство
Агентства печати Новости